

**ТУЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ ХЮЭ**

Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы

Международная
научно-практическая
конференция

9-10 июня 2022 года

УДК 343
ББК 67.408
С56

Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы: Международная научно-практическая конференция: 9 – 10 июня 2022 года. Тула – Хюэ. Тула: Издательство ТулГУ, 2022. 490 с.

ISBN 978-5-7679-5064-5

Рассмотрены вопросы совершенствования законодательной и правоприменительной практики в сфере наук уголовно-правового цикла. Изложены аспекты международного сотрудничества, состояния проблем уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности, а также перспективы их развития.

Представленные материалы носят инновационный характер, опираются на широкую научную и эмпирическую базы, и в своей совокупности обеспечивают научно-методический уровень сборника, его проблематика в полном объеме отражает современное состояние уголовно-правовых наук.

Материалы сборника могут быть использованы в научной и практической деятельности (законодательной, следственной, педагогической).

Редакционная коллегия:

*Доан Дык Лыонг, кандидат юридических наук,
ректор Юридического университета при университете Хюэ,
Нгуен Нгок Киен, кандидат юридических наук, декан Факультета
уголовного права Юридического университета при университете Хюэ,
Т.В. Толстухина, доктор юридических наук,
А.А. Светличный, кандидат юридических наук,
Тью Ван Хунг, кандидат юридических наук,
М.В. Хорев, преподаватель кафедры*

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-7679-5064-5

© Авторы докладов, 2022
© Издательство ТулГУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Бессонов А.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....9

Бишманов Б.М.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....18

Бычков В.В., Харченко С.В.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....23

Волчецкая Т.С.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....33

Гаврилов Б.Я.

О ТЕНДЕНЦИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЗГЛЯД УЧЕНОГО И ПРАКТИКА.....40

Головин А.Ю., Головина Е.В.

СРЫВ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И ДРУГИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТРУКТУРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ.....49

Давыдов В.О.

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ К ВОПРОСУ О КОЛЛЕКТИВНОЙ ФОРМЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА.....55

Дубонос Е.С.

О ПРЕДЕЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....62

Дьяконова О.Г.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВ ЛИЦ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ.....67

Жбанков В.А.

К ВОПРОСУ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ,
СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ
ФОРМИРОВАНИЯМИ.....77

Кокин А.В.

О КРИТИКЕ МЕТОДА ИДЕНТИФИКАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ.....83

Куликов А.В., Макаревская Д.С.

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ.....91

Кустов А.М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....98

Кучин О.С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТО-ВИДЕОТЕХНИКИ
ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА ОТКРЫТЫХ МЕСТНОСТЯХ....107

Майлис Н.П.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ПРИ
ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В РОССИИ И В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ.....115

Милюков С.Ф.

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ КРИМИНОЛОГИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.....122

Моисеева Т.Ф.

НАУКА О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....129

Нгуен Нгок Киен, Тью Ван Хунг, Нгуен Тхи Хуен Чанг

РОЛЬ НАРОДНОЙ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (СРВ).....136

Нгуен Нгок Киен, Тью Ван Хунг

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНА СЛЕДСТВИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (СРВ).....152

Нгуен Нгок Хоа

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ВО ВЬЕТНАМЕ.....171

Нечевин Д.К.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ.....186

Ручкин В.А., Бобовкин М.В., Соловьева Н.А.,

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....192

Скрипченко Н.Ю.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕЛЕГАЛЬНОГО КРЕДИТОРА: ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИЛИ ЕЩЕ ОДНА МЕРТВАЯ НОРМА?.....200

Смирнова С.А.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....204

Соколова О.А.

ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ.....211

Толстухина Т.В., Устинова И.В.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНО – ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ.....218

Алипбаев Д., Амуртаева Д.Т.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОГО ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....232

Антонович Е.К.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....244

Бобовкин С.М., Ле Суан Хоан. ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РУКОПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ ВЬЕТНАМСКОЙ ЛАТИНИЗИРОВАННОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ.....254

Бондаренко Р.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ.....264

Бочаров Г.Г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ КАК ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ.....269

День Тхе Хынг

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЗИЦИИ
«ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ» В СРВ.....277

Звезда И.И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА,
СОВЕРШИВШЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ.....285

Кузовлева О.В.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....291

Машинская Н.В.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ
НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЯ С НИХ ИНФОРМАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ.....299

Мовсумова Ф. Р.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ПРЕСТУПНОСТИ.....305

Мусаева У.А.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, СУБЪЕКТОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, УЧЕНЫХ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ
КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.....311

Осипова Е.В., Семенова Е.В.

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ОПЫТ США И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВНЕДРЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РФ.....316

Петровский А.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АНАЛИТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ.....324

Петрухина О.А., Мартынова И.Г.

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОЦЕНКИ.....330

Ростовцев А.В.

ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....338

Светличный А.А.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....342

Светличный А.А., Панарина Д.В.

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ КРИМИНАЛИСТИКИ И
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЕГО СВЯЗЬ С ЕСТЕСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ.....351

Шелег О.А.

О ЗНАЧИМОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТКРЫТОГО
ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА.....360

Барченкова Я.В.

ОСОБЕННОСТИ ВЫДВИЖЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ В ХОДЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ПОМОЩЬЮ
СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ.....364

Буйнов Д.О.

ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЭКОНОМИСТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ
ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ.....372

Ворсин Д.В.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НЕЗАКОННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И
ПРЕДМЕТОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ».....379

Козочкин В.М., Рыбалкин Н.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ,
ВЫПОЛНЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
(ПЛОТТЕР, 3D-ПРИНТЕР, РОБОТИЗИРОВАННАЯ РУКА, СТАНОК С ЧПУ).....384

Ле Тхи Нгок Ча, Нгуен Као Кыонг

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ?.....392

Маханов Т.Г.

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ.....401

Мясоедова Р.В.

ОЦЕНКА СУДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....409

Нго Дык Тай

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАССТРОЙСТВА «МНОЖЕСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ»415

Нгуен Тхи Хуен Чанг

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ В ЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С КОРРУПЦИЕЙ: СОВРЕМЕННАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ ПРАКТИКА.....422

Нечевин И.Д.

ИНСТИТУТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....431

Фан Тхань Донг

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СЛЕДАМ ОБУВИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ.....442

Степанов С.А.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ТАМОЖЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....449

Хоанг Конг Минь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЬЕТНАМСКИХ БУКВ.....456

Хоанг Тхи Хоа, Чан Тхи Нгок Хиеу, Дьеп Хуен Тхао

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАВЫКИ КОНТРОЛЯ ОСМОТРА ВОДНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ.....461

Хорев М.В.

ТЕХНОГЕННЫЕ АВАРИИ – ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....473

Чан Куэт

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКИХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКА НАЦИИ ТАЙ.....481

Бессонов Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, и.о. ректора ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», город Москва, Россия, bestally@mail.ru.

Bessonov Aleksey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация.** Современные информационные технологии, представленные в первую очередь искусственным интеллектом, начинают прочно входить в правоприменительную деятельность. Уголовное судопроизводство является той сферой, в которой вопросы защиты прав и свобод человека определяют необходимость крайне взвешенного подхода к внедрению в него этих технологий. В этой связи в статье рассматриваются преимущества и ограничения технологий искусственного интеллекта, а также возможные направления их применения в уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, искусственный интеллект, уголовное судопроизводство*

За последние несколько лет одна за другой стали появляться научные публикации, посвящённые использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Причём по этому поводу высказываются различные, зачастую диаметрально противоположные точки зрения, которые обобщённо можно разделить на две основные группы. Согласно первой точке зрения, учитывая достижения научно-технического прогресса, правоприменителя-человека (например, следователя или судью) вполне можно заменить интеллектуальными агентами [1]. Вторая заключается в рассмотрении искусственного интеллекта исключительно в качестве основы систем поддержки

принятия решений в правоприменительной деятельности без исключения из неё человека [2; 3; 4; 5].

Здесь, по нашему мнению, принципиально значим выраженный в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники [6] принцип, согласно которому законодательно следует допускать лишь точечное «делегирование» определённых решений системам искусственного интеллекта, где это объективно целесообразно и не несёт угрозы основополагающим правам и свободам человека, обороне страны и безопасности государства.

Более того, разрешая вопрос о конкретных сферах правоприменения, где будут реализованы технологии искусственного интеллекта при принятии юридически значимых решений, важно учитывать не только очевидные положительные свойства и возможности этих технологий, но и то, что они имеют ряд ограничений, которые могут прямо либо косвенно нивелировать их и даже привести к отрицательным последствиям в рассматриваемой сфере.

В первую очередь обозначим преимущества алгоритмов искусственного интеллекта и систем, в которые они интегрированы:

а) возможность обработки больших объёмов информации (BigData); б) высокая вычислительная скорость в совокупности с быстродействием современных компьютеров; в) способность выявления как явных, так и неочевидных закономерностей в данных, представляющих различные явления окружающего мира [7, стр. 27–37; 8, стр. 1–31]. Всё перечисленное позволяет таким системам предлагать человеку наиболее приемлемые варианты действий в той или иной ситуации в самых различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

Теперь остановимся на ограничениях. Так, по мере усложнения систем, основанных на технологии искусственного интеллекта, в результате сбоя либо преднамеренного внешнего воздействия возникает риск проявления феномена «эмерджентного интеллекта», заключающегося в появлении новых непредвиденных свойств любой такой системы, которыми не обладает ни один входящий в неё элемент [9, стр. 12].

Этот вопрос актуализируют инциденты последних лет, связанные с необеспечением сохранности персональных данных большого количества

людей, являющиеся тем самым свидетельством ненадлежащего уровня безопасности информационно-аналитических систем, основу которых в том числе составляет и искусственный интеллект.

Другое ограничение использования искусственного интеллекта в уголовном правоприменении – это большое количество неординарных ситуаций, которые невозможно заранее предусмотреть и описать алгоритмами. В таких ситуациях на первый план выходит творческая составляющая, каковой, как известно, искусственный интеллект пока не обладает.

В определённой мере является заблуждением мнение относительно абсолютной объективности базирующихся на таких технологиях систем при оценке доказательств и применении норм материального права. Прежде всего, такие системы представляют собой совокупность алгоритмов, обученных на соответствующих прецедентах, а последние, являясь продуктами человеческой жизнедеятельности, нередко не лишены определённой доли субъективности и неполноты. К тому же модель, использованная для обучения этих систем, может содержать не больше информации, чем нашедшие отражение в материалах следственной и судебной практики реальный объект и деятельность. Более того, эксперты, создающие системы на основе методов искусственного интеллекта, также вносят в них элемент субъективности, осуществляя изначальный выбор входных переменных и данных для обучения, что, в свою очередь, детерминирует архитектуру системы и соответственно выходной результат.

В качестве яркого примера можно привести практику использования в судебной системе некоторых штатов США экспертной системы COMPAS (2014–2016 годы), предназначенной для принятия решений о выборе в процессе рассмотрения уголовного дела меры пресечения в виде содержания под стражей или залога, а также об условно-досрочном освобождении. Несмотря на безупречные архитектуру и математический аппарат системы, её основным недостатком явилась тенденциозность по отношению к этническим меньшинствам, что вызвало приостановку её дальнейшей эксплуатации. Причина крылась в эмпирических данных, на которых эта система обучалась, поскольку судьи традиционно принимали решения не только на основе статистики, но и руководствуясь ценностными критериями, как они их понимали [10, стр. 70–72].

В этой части стоит согласиться с мнением председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотовым, который по отношению к судье как правоприменителю, не отрицая необходимости использования в его работе технологий искусственного интеллекта, отмечает, что «говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно, а скорее всего, невозможно». Также он указывает на то, что процесс принятия судебных решений включает в себя: внутреннее убеждение, сформировавшееся под воздействием индивидуальных особенностей рассматриваемого дела; учёт ряда оценочных и ценностных критериев и принципов, закреплённых в законе; применение аналогии закона и права при наличии законодательных пробелов. Всё перечисленное пока не под силу искусственному интеллекту [11]. Обратим внимание, что аналогичным правоприменителем, но на досудебной стадии производства и со своими специфическими полномочиями, является следователь (дознатель).

Сказанное также хорошо дополняет аргумент о невозможности обнаружения и изъятия системами на основе искусственного интеллекта материальных следов на месте преступления (следы рук, ног, биологических выделений и пр.).

Высокую значимость проблемы, касающейся специфики применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве, подтверждает Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [12].

Примечательно то, что в этом международно-правовом акте определены не только принципы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, но и описаны результаты научных исследований, обозначающие его преимущества и ограничения применительно именно к этой сфере.

В контексте рассматриваемого вопроса представляется целесообразным акцентировать внимание на ключевых условиях, детерминирующих допустимость систем искусственного интеллекта в обозначенной сфере и закреплённых в этой Хартии:

- 1) принцип соблюдения основополагающих прав, означающий обеспечение разработки и внедрения инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, с соблюдением приоритета основных прав и свобод человека;
- 2) принцип недискриминации, заключающийся в

недопустимости любого негативного или предвзятого отношения как к отдельным лицам, так и их определённым группам; 3) принцип качества и безопасности, состоящий в использовании только проверенных источников данных и сертифицированных технологических систем, отвечающих предъявляемым к таковым требованиям безопасности; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности, предполагающий применение таких методов обработки данных, которые являются доступными для восприятия и понимания пользователя, а также обеспечение возможности проведения внешнего контроля (аудита) технологии получения результата; 5) принцип контроля пользователем, согласно которому последний должен быть информирован о способе получения результата и нести ответственность за его дальнейшее применение [12].

Толкование перечисленных принципов и содержания Хартии позволяет прийти к выводу о том, что в европейских странах также придерживаются позиции о невозможности полной замены судьи в любом виде судопроизводства искусственным интеллектом, во всяком случае на современном уровне развития общества.

Однако третий принцип позволяет снова вернуться к проблеме объективности и «чистоты» данных, на которых не только обучается искусственный интеллект, но и осуществляется выработка конкретных решений. Для примера обратимся к большим данным, которыми наполнены просторы Интернета. Сегодня даже специалисты не могут определить, каков в этих данных объём фейковой и просто недостоверной информации, причём экспоненциально увеличивающийся. Возникает вопрос: каковая будет ценность решений, предложенных системой искусственного интеллекта, обученной на ложных сведениях либо предлагающей конкретные выводы по итогам анализа недостоверных данных? И это отнюдь не праздный вопрос!

Знаковым событием стало принятие 26 октября 2021 года в Москве на I международном форуме «Этика искусственного интеллекта (ИИ): начало доверия» крупнейшими технологическими компаниями России Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, направленного на создание предпосылок доверия между человеком и этой передовой технологией [13]. Кодекс разработан Альянсом в сфере искусственного интеллекта и в числе прочего утвердил основные принципы внедрения

искусственного интеллекта в нашу жизнь. Суть этих принципов заключается в следующем:

- главный приоритет развития технологий искусственного интеллекта состоит в защите интересов и прав людей и отдельного человека;
- необходимость осознания ответственности при создании и использовании искусственного интеллекта;
- ответственность за последствия применения систем искусственного интеллекта всегда несёт человек;
- технологии искусственного интеллекта должны применяться по назначению и только там, где это принесёт пользу людям;
- интересы развития технологий искусственного интеллекта должны быть выше интересов конкуренции;
- максимальная прозрачность и правдивость информирования об уровне развития технологий искусственного интеллекта, их возможностях и рисках [13].

Думается, что и эти принципы следует учитывать, работая над проблемой применения искусственного интеллекта в отправлении правосудия. Разными исследователями предлагаются следующие формы его использования в этой сфере: в качестве системы информационно-аналитической поддержки деятельности судьи (например, вычисление вида и размера уголовного наказания, подготовка проектов судебных актов, подбор и анализ судебных решений по схожим делам); при рассмотрении бесспорных требований, к примеру, в приказном производстве; как системы транскрибирования речи в судебных процессах; для выявления заведомо неправосудных решений [14, стр. 151–203; 15, стр. 91–107].

В качестве совсем свежего примера напрашивается новость о том, что китайские специалисты создали первого в мире «прокурора с искусственным интеллектом», получившего название «System 206», который способен на основе оценки доказательств по делу сформулировать обвинение с точностью выше 97% по 8 видам преступлений. Этот программный продукт обучен оценивать значимость доказательств и наличие оснований для ареста [16].

Как одно из важных направлений использования систем искусственного интеллекта, связанного с судопроизводством, учёные и практики обозначают юридическое консультирование и помощь в

подготовке документов, необходимых для обращения в суд в рамках того или иного вида судопроизводства и в ходе участия в судебном процессе.

Не менее востребованными эти технологии могут быть на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Обобщив высказанные предложения относительно реализации их потенциала, обозначим следующее: системы поддержки принятия решения лицом, производящим расследование, - это, прежде всего, выдвижение следственных версий; оценка достаточности доказательств для принятия процессуальных решений; поиск и сбор доказательств в массивах цифровой информации, содержащейся в социальных сетях, детализациях телефонных соединений, массивах видеоизображений различных систем, базах данных криминалистически значимой информации и т.п.; анализ информации по отдельным видам преступлений, к примеру, имеющим серийный характер; оценка достоверности сообщаемой участниками следственных действий вербальной информации; автоматизированное рабочее место следователя (дознателя) [14, стр. 65–150; 17, стр. 137–141].

Поскольку алгоритмы, составляющие содержание искусственного интеллекта, в бóльшей своей части, относятся к практическим дисциплинам, в которых идеи чаще доказываются эмпирически, а не теоретически [7, стр. 29], думается, что исследования их применимости в сфере уголовного судопроизводства необходимо проводить, прежде всего, в прикладном аспекте, обуславливающим последующее нормативно-правовое разрешение.

В этой связи в качестве первого шага, к примеру, нами предпринято исследование, касающееся перспектив применения алгоритмов искусственного интеллекта и математической статистики в расследовании серийных преступлений. Так, используя цифровую криминалистическую модель серийных преступлений, совершённых по сексуальному мотиву, нами созданы два программных продукта, базирующихся на методах искусственного интеллекта: 1) программное обеспечение для выявления серийных преступлений и преступников «crimeserieslinkage» (Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ №2021619836 от 17.06.2021); 2) программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника “PorSerO”» (Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ №2022610749 от 14.01.2022).

Подводя итог, отметим, что вполне возможно и необходимо использовать современные информационные технологии, в первую очередь, методы искусственного интеллекта, в уголовном судопроизводстве:

– в качестве способа освобождения правоприменителей от рутинной работы и ускорения процесса получения результата путём его применения в специализированном программном обеспечении – автоматизация процесса анализа судебной практики и законодательства применительно к конкретному случаю, процедуры экспертного исследования, транскрибирование вербальных следственных и судебных действий и пр.;

– поиска доказательств преступной деятельности в целях выявления, расследования и профилактики (например, анализ социальных сетей в сети Интернет);

– как системы поддержки в принятии решений при реализации конкретных уголовно-процессуальных функций при производстве по уголовному делу.

Важно понимать возможности и ограничения современных информационных технологий во избежание некорректного использования и разочарования в этих современных и перспективных технологиях.

Список литературы

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. –2018. –№ 1. –С. 9–18.

2. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. –2018. –№ 3(38). –С. 28–34.

3. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. –2018. –№ 2 (104). –С. 43–49.

4. Себякин А.Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений // Baikal Research Journal. –2019. –Т. 10. –№ 4. –С. 21.

5. Сибилькова А.В. Искусственный интеллект на службе следователя // Российский следователь. –2019. –№ 3. –С. 68–70.

6. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 31.08.2020. № 35. Ст. 5593.

7. Шолле Ф. Глубокое обучение на R. –СПб.: Издательство «Питер», 2018. – 400 с.

8. Russell, S.J., Norvig, P. (2020). Artificial Intelligence: A Modern Approach. 3th Edition. Pearson, 1151 p.

9. Каляев И.А. Искусственный интеллект: камо грядеши? // Экономические стратегии. – 2019. – № 5. – С. 6–15.

10. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. («Коллекция Изборского клуба»). –М.: Книжный мир, 2018.–416 с.

11. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» (МГЮА(У), 4 апреля 2019 г.). URL: <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548> (дата обращения 01.05.2022).

12. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, принятая на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия, состоявшемся 3–4 декабря 2018 года в Страсбурге // <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения 01.05.2022).

13. В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта» // Российская газета. 27.10.2021. №. 245 (8596). С. 2.

14. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. –М.: Юрлитинформ, 2022.–216 с.

15. Цветков Ю.А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. –2021. –№ 4. –С. 91–107.

16. Chinese scientists develop AI ‘prosecutor’ that can press its own charges // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3160997/chinese-scientists-develop-ai-prosecutor-can-press-its->

own?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3160997 (дата обращения 01.05.2022).

17. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва: Проспект, 2021. – С. 176 с.

USE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Modern information technologies, represented primarily by artificial intelligence, are beginning to become firmly established in law enforcement. Criminal justice is the area in which the issues of protecting human rights and freedoms determine the need for an extremely balanced approach to the introduction of these technologies into it. In this regard, the article discusses the advantages and limitations of artificial intelligence technologies, as well as possible areas of their application in criminal proceedings.

Keywords: artificial intelligence, criminal justice, information technology.

Бишманов Буkenбай Муратжанович – доктор юридических наук, профессор, Институт судебной экспертизы РК. bishman@mail.ru
Bishmanov Bukenbay Muratzhonovich - Doctor of Law, Professor, Institute of Forensic Expertise of the Republic of Kazakhstan.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Предлагается рассмотреть вопрос по реорганизации экспертно-криминалистических подразделений системе правоохранительных органов.

Ключевые слова: оперативно-криминалистическая деятельность, экспертно-криминалистические подразделения.

Вопрос процессуальной независимости эксперта в системе правоохранительных органов возник при подготовке проекта и принятии Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Следует отметить, что разногласия по данному вопросу вполне уместны и разрешимы [1].

Действительно, сопоставление фактических данных по проведению общего количества экспертиз и возникающих проблем, показывают об отсутствии острых вопросов по качеству заключений экспертов выполненных в ЭКП органов внутренних дел.

Как приводит примеры А.Ф. Волынский, за период времени с 2015 по 2016 годы, «... более пяти тысяч заключений судебных экспертов были признаны недопустимыми доказательствами; 450 заключений содержали взаимоисключающие выводы; 59 человек, в отношении которых на этом основании было инициировано уголовное преследование, добились возмещения вреда», в тоже время: «... в ЭКП системы МВД России проведено около 3 млн. экспертиз. «Брак» даже от их количества составляет 0,003%»[2].

Мы вполне солидарны с А.Ф. Волынским: фактически, схожая ситуация была и в ЭКП МВД РК. Но тем не менее, приняли решение о выведении органов судебной экспертизы из органов уголовного преследования. Основным аргументом послужил вопрос процессуальной независимости эксперта в системе правоохранительных органов (далее - факт о необходимости сертификации органов судебной экспертизы, стандартизации методик экспертных исследований, лицензирования экспертной деятельности, и главное - аккредитация судебно-экспертных лабораторий, связанные с прохождением в дальнейшем по международным стандартам (ISO/IEC 17025, ISO 17020), что позволяло бы заключениям экспертов иметь статус доказательств в зарубежных судах).

Продолжая тему об создании единого центра судебной экспертизы в Казахстане, этот процесс на сегодняшний день перешел на завершающую стадию. После проведения реформ по выведению судебной экспертизы из органов уголовного преследования [3], в Казахстане функционировали центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан и его территориальные подразделения, центр судебной медицины уполномоченного органа в области здравоохранения Республики Казахстан и его территориальные подразделения, а также

специализированные подразделения государственных органов и организаций, к функциям которых отнесено производство судебной экспертизы.

В настоящее время, принят новый закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» (от 10 февраля 2017 года № 44-VI ЗРК). Также, согласно Постановлению Правительства Республики Казахстан от 3 февраля 2017 года № 34 «О некоторых вопросах судебной экспертизы» произведена реорганизация судебно-экспертных органов: путем слияния центра судебной экспертизы МЮ РК и его территориальных подразделений, центра судебной медицины уполномоченного органа в области здравоохранения РК и его территориальных подразделений, а также специализированных подразделений государственных органов и организаций, к функциям которых отнесено производство судебной экспертизы в соответствии с законодательством РК образован единый орган - центр судебной экспертизы при МЮ РК.

Таким образом, в целом осуществлено логическое завершение процесса реформирования судебно-экспертной системы. Несомненно, процесс выведения судебной экспертизы из органов уголовного преследования создал сложные проблемы в системе правоохранительных органов. Из-за отсутствия опыта и аналогов таких реорганизаций, фактически не представлялась какой должна быть служба в системе органов внутренних дел по форме, содержанию и назначению, которая могла бы обеспечивала специальными знаниями потребности правоохранительных органов, и вообще, возможно ли ее существование?

В свое время, нами предложено понятие судебно-экспертной деятельности и раскрыто его содержание [4].

Позже, предложили понятие оперативно-криминалистической деятельности [5]. Основанием для предложения о формировании оперативно-криминалистической деятельности послужили результаты кардинальной реорганизации экспертно-криминалистической службы МВД РК. Как ранее отмечалось, вследствие выведения судебной экспертизы из органов уголовного преследования в 1997 году экспертно-криминалистическая служба МВД РК была расформирована. После долгих дискуссий, мы обосновали необходимость создания службы с основными функциями: участие сотрудников в качестве специалистов в следственных действиях и ОРМ, формирование и ведения

криминалистических учетов, производство криминалистических исследований по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, а также по оперативно-розыскным материалам, оказания консультаций. Не менее важным представлялось формулировка названия вновь созданной службы. Исходя из понятия технико-криминалистического обеспечения, предложили именовать службу – оперативно-криминалистической. Формулировку названия службы определили исходя из ее задач: "оперативно" - действующий быстро и своевременно, умело направляющий ход дела при изменяющихся обстоятельствах"[6], "криминалистическая" – исходя из понятия деятельности технико-криминалистического обеспечения правоохранительных органов. Техничко-криминалистическое обеспечение предполагает деятельность, осуществляемую правоохранительными органами, "...направленную на создание условий их постоянной готовности к применению методов и средств криминалистической техники и реализацию этих условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений [7]. В этом аспекте деятельность оперативно-криминалистических подразделений стала доминирующей. При организации работы вновь созданных оперативно-криминалистических подразделений, нами выделено понятие оперативно-криминалистической деятельности.

Под оперативно-криминалистической деятельностью понимается использование специальных знаний оперативно-криминалистической службой, на основе правового, организационного, научно-методического и научно-технического обеспечения в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из актуальных проблем в области процессуальной независимости судебного эксперта в системе правоохранительных органов и опыта, решение видится в двух вариантах (судебно-экспертные системы России и Казахстана невозможно сравнить между собой, кроме общих свойств, поэтому предложения рассматриваются как варианты):

Первый вариант - в правоохранительных органах вместо экспертно-криминалистического центра создать оперативно-криминалистический центр (или два центра: судебных экспертиз и оперативно-криминалистический, с разными статусами подчинения в системе МВД). Для целесообразности теоретической обоснованности предлагаемых реформ, экспертно-криминалистическую деятельность заменить на

оперативно-криминалистическую деятельность (или разделить на судебно-экспертную и оперативно-криминалистическую деятельности).

Наиболее приемлемым по всем параметрам является создание единого центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Естественно, будут объективные и субъективные сложные препятствия по достижению цели, но они относятся к стандартным и разрешимы.

Надеемся, что наши предложения, высказанные в информационном аспекте, вызовет соответствующий интерес.

Список литературы

1. Утверждать такие выводы позволяет опыт автора этих строк, участвовавший в решении аналогичной задачи ЭКП в системе МВД Республике Казахстан (далее - РК).
2. Волынский А.Ф. Принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а не специалиста. Вестник Московского университета МВД России. 2019;(1):21-4. С.22.
3. В соответствии с пунктом 2.3 Указа Президента Республики Казахстан «О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан» от 22 апреля 1997 г. также впервые на постсоветской территории принято решение образовать при Министерстве юстиции (далее – МЮ РК) единую экспертную службу с передачей ей экспертно-криминалистических подразделений Государственного следственного комитета, Комитета национальной безопасности, Министерства обороны, Государственного таможенного комитета.
4. Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном - Москва: Московский психолого-социальный институт, 2003. - 223 с.
5. Бишманов Б.М., Есназаров А.Л. О концепции развития оперативно-криминалистической деятельности в правоохранительных органах //Актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан в области судебно-экспертной деятельности. Доклады и сообщения на международной конференции “Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе” – Алматы, ЦСЭ МЮ РК, 2007.
6. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 2000. — 1536 с. С.715.
7. Волынский А.Ф. Криминалистическая техника: наука-техника-общество-человек. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 311 с., С. 67.

ON PROCEDURAL INDEPENDENCE OF A JUDICIAL EXPERT IN THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES

Abstract. It is proposed to consider the issue of reorganization of forensic units in the system of law enforcement agencies.

Keywords: operational-criminalistic activity, expert-criminalistic units.

Бычков Василий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, bychkov_vasilij@bk.ru.

Bychkov Vasiliy Vasilevich – candidate of legal sciences, associate professor, colonel of justice, dean of the faculty of advanced training of the Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Харченко Сергей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции, заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, x.s.v.l@yandex.ru.

Kharchenko Sergey Vladimirovich – doctor of law, associate professor, head of the department of criminalistics of the Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируются нормы оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства, также межведомственной

Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд направленные на регламентацию использования результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности. Раскрывается ряд несогласованностей законодательных и межведомственного нормативных актов в рассматриваемой сфере. Рассмотрена проблемность реализации оперативно-розыскных мероприятий: «прослушивание телефонных и иных переговоров» и «оперативный эксперимент». Сформулирована необходимость корректировки статьи 186 УПК РФ и статьи 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, раскрытие, расследование, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, использование результатов оперативно-розыскной деятельности, прослушивание телефонных и иных переговоров, оперативный эксперимент.

На фоне улучшения в Российской Федерации за последние два десятилетия общей криминогенной обстановки фиксируется стабильный рост преступлений экстремистской направленности. К сожалению, следует признать, что до настоящего времени противодействие данному виду преступлений не достаточно эффективно, как форме расследования, так и в виде оперативно-розыскного обеспечения.

Уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство Российской Федерации определяет порядок использования правоохрнительными органами процессуальных возможностей, а также оперативно-розыскных сил и средств для решения поставленных задач по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в том числе, экстремистского характера [1, с. 49-57].

Анализ деятельности экстремистских преступных формирований показывает, что в их состав входят лица, обладающие специальными техническими познаниями и навыками. Их деяния отличаются глубоким знанием электронно-вычислительной техники и навыками обращения с ней, высокой организованностью, применением отработанных систем подготовки к совершению преступления и сокрытия следов преступления, моделированием ситуаций, затрудняющих установление объективной

истины, выработкой единой тактики поведения в случае задержания, противодействием оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и следственным действиям (далее – СД). При этом способы и средства совершения преступлений рассматриваемого вида постоянно совершенствуются.

В этих условиях проблема использования результатов ОРД в раскрытии и расследовании преступлений продолжает оставаться актуальной. На протяжении ряда лет, особенно после принятия оперативно-разыскного законодательства [2], это направление исследуется учеными и привлекает пристальное внимание практических работников правоохранительных органов. Оперативная и следственная практика наглядно свидетельствует о том, что успешная борьба с преступностью, в частности, с общественно-опасными деяниями экстремистского характера, без эффективного использования результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам, однозначно, затруднительна, а нередко и невозможна [3, с. 87-92].

Следует отметить, что принятые изменения в уголовно-процессуальном и оперативно-разыскном, а также других законодательных актах должны способствовать дальнейшему совершенствованию деятельности правоохранительных органов в сфере раскрытия и расследования преступлений.

За органами следствия законодательно закреплено право требования от оперативных подразделений более четкого выполнения функций по оперативно-разыскному сопровождению расследования по уголовным делам, исполнения письменных поручений следователя, и умелого взаимодействия в решении конкретных вопросов исполнения законов в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений, в том числе экстремистского характера [4].

Нельзя не отметить и положительные моменты изменений в УПК РФ, касающиеся результатов совместной деятельности оперативных и следственных подразделений в сфере раскрытия и расследования преступлений.

Во-первых, вопреки мнению некоторых ученых и практиков, можно с удовлетворением отметить, что многие положения Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и УПК РФ более четко отражают задачи, права, обязанности, компетенцию, способы и методы деятельности оперативных

и следственных подразделений при совместных действиях по расследованию преступлений. Более того, УПК РФ взял на себя решение ряда задач, фактически не нашедших отражения в Законе об ОРД и нередко ставящих в сложное положение сотрудников оперативных подразделений, пытающихся найти рациональные способы использования результатов их деятельности при расследовании уголовных дел (ст. 5, 11, 21, 74, 81, 84, 86, 140, 143, 144, 157, 163, 164 и др. УПК РФ).

Во-вторых, во многих статьях кодекса отражены возможности использования результатов ОРД при расследовании уголовных дел. Причем, немало статей являются обязательными для сотрудников оперативных подразделений при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ): ст. 37 (п.11), 38 (п. 4), 41 (п.2), 89, 95 (п.2), 108 (п. 3, 5), 143, 157 (п. 4), 163 (п. 2), 164 (п. 7), 208 (п. 5), 210 – всего 12 статей. В общей сложности около 30-ти статей УПК РФ в известной степени регламентируют проведение не только СД, но и ОРМ на конкретных этапах процесса расследования преступлений.

Тем самым уголовно-процессуальное законодательство устраняет заметные пробелы оперативно-разыскного законодательства, которое, давая перечень ОРМ (ст. 6), уходит от обрисовки способов использования результатов их проведения в конкретных условиях раскрытия и расследования преступлений.

Особый интерес для практических работников оперативных подразделений представляют положения ряда статей УПК РФ, напрямую способствующие результативному использованию в процессе расследования преступлений информации, сведений и данных, получаемых в результате осуществления ОРД.

Так, согласно п. 4 ст. 38 следователь уполномочен давать органу дознания (следовательно, и оперативному подразделению этого органа) обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных и розыскных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Во всех указанных случаях исполнение требований ст. 37, 38 УПК РФ предоставляет возможность сотруднику оперативного подразделения проводить ОРМ с учетом требований конспирации и конкретной ситуации и, самое основное, представлять дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд результаты проведения ОРМ, в которых получатели информации

заинтересованы. В свою очередь сотрудники оперативных подразделений вправе предоставлять и ту информацию, которую они получили по своей инициативе [5].

Заметное значение для практики ОРД имеют положения п. 2 ст. 95 УПК РФ, представляющие возможность сотруднику оперативного подразделения при проведении ОРМ осуществить встречу с подозреваемым по уголовному делу с разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда, в производстве которых находится дело. В ходе такой встречи указанный сотрудник может провести опрос подозреваемых, уточнить и перепроверить ранее полученную информацию, выявить возможные каналы утечки информации, уточнить связи подозреваемого, правдоподобность выдвигаемого им алиби и т.д. О результатах встречи с подозреваемым следователь должен быть проинформирован оперативным работником. А при необходимости это делается в письменной форме.

Положения ст. 11 Закона об ОРД указывают на то, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, в связи с требованиями ст. 140, 143, 146 УПК РФ требуют, по мнению авторов, некоторого уточнения. Действительно, в оперативно-разыскной практике нередко возникает ситуация, когда полученная оперативным путем информации содержит сведения, свидетельствующие о наличии признаков преступления. Закон об ОРД не дает ответа на вопрос о том, каков должен быть характер и порядок действий сотрудника оперативного подразделения в подобной ситуации. Межведомственная Инструкция о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция) обязывает провести необходимые проверочные действия. Чаще всего после проверки появляются дополнительные сведения или данные о наличии признаков преступления. В этих случаях действия сотрудника оперативного подразделения должны соответствовать п. 2 и 3 ст. 11 Закона об ОРД, а также ст. 89, 140, 143, 144, 146 УПК РФ. Но при этом он должен учитывать, что формулировка ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД, в части того, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, фактически не соответствует положениям ст. 140 УПК РФ, так как последняя не называет такого повода, как результаты ОРД [6].

Не в полной мере положения ст. 11 Закона об ОРД состыкуются и с положениями межведомственной Инструкции. УПК РФ несколько

сгладил неточность Закона об ОРД, указав, что поводом для возбуждения уголовного дела (наряду с другими поводами) может быть «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников». Статья 143 УПК разъясняет, что полученное из иных источников информации сообщение о преступлении принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления. Следовательно, поводом для возбуждения уголовного дела является не сам результат оперативно-розыскной или проверочной деятельности, а предоставленный следователю документ, сообщение (в данном случае рапорт), содержащий сведения о наличии признаков преступления. Речь идет о документальном оформлении сведений, указывающих на наличие признаков преступления, с последующей передачей служебного документа следователю на основании и в порядке, предусмотренном межведомственной Инструкции. Указанный порядок осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, при соблюдении порядка и условий соответствующего межведомственного или ведомственного нормативного правового акта. Этот порядок, по мнению авторов, должен осуществляться при проведении любых ОРМ в интересах раскрытия и расследования преступлений.

Немаловажное значение для практической деятельности оперативных подразделений и реализации ее результатов имеет и положение о том, что под результатами ОРД, в соответствии с п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, понимаются сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления и скрывавшихся от следствия. Фактически это определение понятия результатов ОРД вытекает из положений ст. 1 и 2 Закона об ОРД.

Тем самым, пробел, связанный с определением понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» удалось устранить совместными усилиями законодательства и межведомственной Инструкции.

К сожалению, действующая формулировка ст. 11 Закона об ОРД оставляет открытым вопрос о том, могут ли представлять результаты ОРД следователю органы дознания или только оперативные подразделения, то есть, по сути, они компетентны и правомочны представлять результаты ОРД в уголовный процесс и без постановления начальника органа,

осуществляющего ОРД (как это сказано в ст. 11). В то же время Инструкция указывает, что такое представление осуществляется на основании постановления начальника органа, осуществляющего ОРД. И вновь не все так логично, как может показаться, например, начальник ОВД, в состав которого входит подразделение дознания, утверждает упомянутое постановление о предоставлении как бы «самому себе» результатов ОРД. Ведь начальник ОВД является руководителем, как органа дознания, так и оперативного подразделения, входящих в состав ОВД.

Вызывают вопросы по условиям проведения ОРМ, в частности, «прослушивание телефонных и иных переговоров» и «оперативный эксперимент».

По способу, методам и ряду приемов эти мероприятия аналогичны СД: «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) и следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ). Однако подход к использованию данных мероприятий при раскрытии и расследовании преступлений в практике применения оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства заметно отличается друг от друга и, по мнению авторов, не в пользу укрепления позиции правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом.

Дело в том, что соответствии со ст. 8 Закона об ОРД проведение этих мероприятий допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

То есть, невозможно проведение данных ОРМ при выявлении, раскрытии и расследовании ряда преступлений экстремистской направленности, относящихся к преступлениям небольшой тяжести, например:

- умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ);

- побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершенные по мотивам политической, идеологической,

расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 116 УК РФ);

- вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, совершенный по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 2 ст. 214 УК РФ);

- уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ч. 1 ст. 243 УК РФ);

- уничтожение либо повреждение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов (ч. 1 ст. 243.4 УК РФ).

Авторы считают необходимым внести соответствующие изменения в содержание ст. 186 УПК и ст. 8 Закона об ОРД, сняв вышеназванные ограничения в применении на практике указанных ОРМ. В пользу этого говорят и положения ст. 181 УПК РФ, которые не устанавливают ограничений в проведении следственного эксперимента (кстати, преследующего те же цели и задачи, что и оперативный эксперимент) при условии, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц. Равенство правовых условий при проведении указанных действий будет заметно способствовать успешной реализации результатов ОРД в расследовании преступлений рассматриваемого вида.

Несколько слов о разрешении некоторых проблем взаимодействия оперативных и следственных подразделений при расследовании конкретных уголовных дел [7, с. 80-85].

В их разрешении уголовно-процессуальным законом создан прецедент: ст. 163 УПК РФ указывает, что к работе следственной группы могут быть привлечены сотрудники органов, осуществляющих ОРД. А это фактически предусматривает осуществление последними совместных со следователями действий по раскрытию и расследованию преступления, т.е. речь идет о взаимодействии, как в организации, так и в осуществлении ОРМ и СД. Это же вытекает из положений п. 4 ч 2 ст. 38 и ч. 2 ст. 39 УПК РФ, в соответствии с которыми следователь вправе давать органу дознания поручения о производстве отдельных СД или указания о проведении ОРМ. О необходимости и правомерности взаимодействия следственных и оперативных подразделений указывается в п. 4 ст. 38 УПК РФ, где сказано о том, что следователь уполномочен получать содействие от оперативных подразделений при осуществлении процессуальных действий.

Кроме того, многие вопросы, касающиеся взаимодействия оперативных и следственных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, должны быть пересмотрены и уточнены в ведомственных и межведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих названную сферу деятельности. Очевидно, что некоторые положения ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих общие вопросы организации и осуществления ОРД, должны быть также уточнены [8, с. 175-182]. Желательно, чтобы в соответствующих нормативных правовых актах инструктивного характера более четко были прописаны действия сотрудников оперативных подразделений по выполнению поручений следователя, порядок создания следственно-оперативных групп и их функционирования, порядок действий оперативных подразделений при оперативном сопровождении расследования уголовных дел и т.п. [9, с. 17-20]

Таким образом, реализация в уголовном процессе результатов ОРД, имеющих межведомственные интересы, отличается определенной сложностью, и должна осуществляться под контролем руководителей не только оперативных подразделений, но и руководителей органов, а нередко и ведомств. В подобных случаях должны активно действовать

специальные рабочие группы ведомств, в том числе и совместные, при этом повышается роль планирования ОРМ и СД. По мнению авторов, эти ситуации должны быть подробно регламентированы в ведомственных нормативных актах.

Литература:

1. Бычков В.В., Харченко С.В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Журнал. В 2-х т. Т. 1(2). Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 49-57.

2. Шумилов А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон России: учебно-практическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фирма АВС, 1997.

Алексеев В.В., Бычков В.В. Повышение эффективности оперативно-розыскного противодействия преступности в современных условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 4. С. 87-92.

3. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.

4. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 1999.

Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Д.А. Бражников, В.В. Бычков, С.В. Харченко [и др.] / под ред. Д.А. Бражникова М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

6. Бражников Д.А., Бычков В.В. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии и расследовании преступлений // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3(21). С. 80-85.

7. Бычков В.В., Харченко С.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет // Военное право. – 2020. № 6(64). С. 175-182.

8. Бычков В.В., Харченко С.В. Некоторые особенности выдвижения и проверки следственных версий по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2021. № 4.С. 17-20.

**TO THE QUESTION OF USING THE RESULTS
OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE PROGRESS
CRIMES DISCOVERY AND INVESTIGATION
EXTREMISM**

Abstract.The article analyzes the norms of operational-search and criminal procedure legislation, as well as the interdepartmental Instruction on the procedure for submitting the results of operational-search activities to the body of inquiry, the investigator or the court aimed at regulating the use of the results of operational search activities in the course of the disclosure and investigation of extremist crimes. A number of inconsistencies of legislative and interdepartmental normative acts in this area are revealed. The problematic nature of the implementation of operational-search measures is considered: «listening to telephone and other conversations» and «operational experiment». The necessity of adjusting article 186 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and article 8 of the Federal law of 12.08.1995 No. 144 «On Operational-Search Activities» is formulated.

Key words: extremism, extremist crimes, disclosure, investigation, operational-search activities, operational-search measures, use of the results of operational-search activities, wiretapping and other conversations, operational experiment.

Волчецкая Татьяна Станиславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта, город Калининград, Россия.
TVolchetskaya@kantiana.ru

Vochetskaya Tatyana Stanislavovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Legal Informatics of the Baltic Federal University named after I.I. I. Kant, city of Kaliningrad, Russia.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные направления развития современной криминалистической науки с учетом последних событий в мире. Выделены новые тенденции развития криминалистики, а также основные направления актуальных международных научных исследований. Показана роль международного сотрудничества в теории и практике криминалистики.*

***Ключевые слова:** международная криминалистика; криминалистическая наука, ситуационный подход; цифровизация криминалистики; криминалистическое мышление.*

Среди всех юридических наук криминалистика имеет особое место, что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, современная криминалистика тесно опирается на гуманитарные и социальные науки, такие как этика, философия, логика, социология и психология.

Во-вторых, криминалистика имеет синтетическую природу, и помимо юридических наук, тесно связана со многими естественно-научными, техническими и другими науками.

В-третьих, криминалистика не является отраслью права, а является универсальной прикладной юридической наукой, поэтому не имеет сильного влияния на нее в той или иной правовой системе. Все криминалистические научные положения, связанные с выявлением и исследованием следов, построением версий, тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений, активно применяются для противодействия преступности в самых различных странах. Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминалистическая наука не имеет национальных границ.

Вместе с тем, долгое время в России содержание зарубежной криминалистики практически не изучалось. Хотя в истории нашей страны были и положительные примеры международного научного сотрудничества криминалистов - это совместная монография ученых европейских социалистических стран [1].

Начиная с конца прошлого века, российские ученые стали проявлять научный интерес к исследованиям своих зарубежных коллег [2; 3; 4]. Вместе с тем, на сегодняшний день в подавляющем большинстве случаев научные исследования в сфере криминалистической науки в разных странах ведутся обособленно, а тесное научное взаимодействие между учеными-криминалистами только еще начинает налаживаться.

Полагаем, что развитие международного сотрудничества в области криминалистики развивается по обозначенным нами этапам.

На первом этапе при принятии решения проведения совместных научных исследований в области криминалистики двух или нескольких стран, особое значение имеет вопрос выработки и унификации основных общих терминов и их определений. В этом плане большое значение имеет издание межнациональных словарей криминалистических терминов, понятий и категорий, различных тезаурусов. И такие прецеденты уже имеются, например: Русско-вьетнамский словарь юридических терминов, который был издан в 2021 году [5].

На втором этапе, с учетом того, что в каждой стране есть свои достижения в криминалистической науке, необходимо знакомство с ними и взаимообогащение научными трудами других стран. Для этого следует шире переводить национальное научное достояние на иностранные языки других стран, или использовать наиболее распространенные языки мира (английский, китайский и др.). Такая литература в России периодически появляется, хотя и достаточно редко, но практически всегда вызывала и вызывает большой научный интерес. [6; 7].

На третьем этапе весьма полезным будет проведение совместных международных научно-практических конференций для рассмотрения на них важных актуальных проблем, чтобы обозначить пути их совместного решения.

И наконец, **четвертый этап** откроет широкие перспективы проведения совместных международных криминалистических научных

исследований, актуальных для разных стран. В этом плане, полагаем, большую роль будут играть российские криминалистические научные школы. В условиях научного взрыва, дифференциации и интеграции научных знаний, в процессе разработки какой-то проблемы, практически любой ученый сталкивается с огромным объёмом информации, исследование которой требует больших потенциальных ресурсов. Именно поэтому на современном этапе развития научного знания в качестве субъекта познавательной деятельности и выступают творческие коллективы - научные школы по тому или иному направлению науки, что позволяет объединить результаты их труда в одно масштабное целое. Представляется, что современные научные школы призваны сохранить существующий научный потенциал и привлечь молодежь для дальнейших исследований.

Основную роль для формирования научной школы имеет научная идея, выдвинутая её лидером и получающая развитие в реализации исследовательской программы всеми ее членами.

Проанализируем основные тенденции развития криминалистического знания, а также проблемы, интерес к исследованию которых сегодня действительно велик.

Среди теоретических, фундаментальных для криминалистики, проблем следует назвать такие как, например, исследование феномена криминалистического мышления. Стали появляться работы по осмыслению его понятия, структуры, содержания, прикладных аспектов. Разработка проблем профессионального мышления довольно важна как в практике при построении следственных версий, разработке стратегии и тактики расследования конкретного преступления, так и в процессе обучения будущих юристов.

Кроме того, криминалистические рекомендации активно применяются в практике гражданского и арбитражного судопроизводства, а также в административном процессе, существенно повышая эффективность этой деятельности, что также не было не замечено учеными – криминалистами. Именно поэтому уже имеется целый ряд научных исследований, в том диссертационных, посвященных проблемам использования положений криминалистики в производстве по административным, арбитражным и гражданским делам.

Полагаем, что в развитие этого направления целесообразно разработать методики исследования доказательств в судопроизводстве по

гражданским делам различных категорий, например: наследственным, трудовым, семейным и др. Кроме того, в ряде ситуаций, возникающих в ходе гражданского и арбитражного судопроизводства появляется необходимость в исследовании доказательств с целью выявить признаки преступных на них воздействий. Это может возникнуть, к примеру, для выявления признаков обмана и злоупотребления доверием в процессе приобретения права собственности; для выявления признаков подделки документов по тем или иным гражданским делам. В таких судебных ситуациях криминалистические приемы и методы как раз и окажутся наиболее действенными и эффективными.

Другой актуальной проблемой является - связь между теорией и практикой, эффективность внедрения криминалистических научных рекомендаций в следственную практику. И в этом большая роль принадлежит ситуационному подходу. Теория криминалистической ситуалогии и сегодня и продолжает активно развиваться [8, с. 59-64], ее отдельные положения довольно широко применяются практически всеми исследователями при разработке тех или иных проблем криминалистической техники, тактики и методики. Целый пласт исследований в этом направлении провели ученые научной школы криминалистической ситуалогии Балтийского университета имени И.Канта [9, с.24-30] .

Если говорить о совместных международных исследованиях, то весьма эффективны будут совместные международные научные разработки по противодействию организованной преступности. А основа для таких исследований уже есть, например, подготовленная Тью Ван Хунгом и защищённая в России кандидатская диссертация по проблемам расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в социалистической Республике Вьетнам[10].

Универсальность криминалистической науки позволят говорить о большом потенциале и перспективе международных научных исследований не только в области транснациональной преступности, но в сфере разработки частных криминалистических проблем. Например, в числе вопросов, представляющих межнациональный интерес, можно назвать криминалистическое научное исследование новых криминальных, и соответственно криминалистических технологий, особенности расследования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве. В связи с вынужденными ограничениями, связанными с

пандемией Covid-19, введением локдаунов, дистанционной работой и обучением, практически во всех сферах человеческой деятельности стремительно стали развиваться цифровые технологии. Такие технологии моментально стали активно использовать и преступники, разрабатывая новые способы совершения преступлений в виртуальном пространстве, соответственно, это послужило толчком к развитию такого раздела науки, как криминалистическая техника. Его отрасль «криминалистическое следствие» пополнилась научными исследованиями, связанными с исследованием природы, видов, образования, выявления и закрепления виртуальных и цифровых следов при проведении отдельных следственных действий.

Большую востребованность на практике имеет также выявление различного рода фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве, к примеру, видео и аудио записей, которые делаются преступниками с использованием современных цифровых технологий. Интересные научные исследования проведены в области повышения доказательственного значения результатов полиграфного обследования человека: создаются новые научно-обоснованные методики проведения комплексного психофизиологического изучения человека.

Также, сегодня появилась востребованность в международных научных исследованиях по вопросам так называемой «полевой криминалистики, разрабатывающей вопросы расследования преступлений в чрезвычайных ситуациях, например, в условиях эпидемий, в условиях военного времени.

В современных условиях на первый план выступают вопросы криминалистического обеспечения информационной безопасности, проблемы преодоления информационного воздействия на участников уголовного судопроизводства, вопросы криминалистической профилактики преступлений. Имеются довольно любопытное предложение о выделении особого направления - криминалистического просвещения населения, однако, оно еще требует своей проработки и научного осмысления.

Еще одним новым направлением является исследования по созданию так называемого криминалистического профиля преступника: обобщенных криминалистических портретов лиц, совершающих конкретные виды преступлений. Их практическое их значение состоит в том, что профайлинг позволяет с большой степенью вероятности

моделировать поведение преступника в предкриминальной, собственно криминальной и посткриминальных ситуациях [11; с 5].

Таким образом, развитие этих и многих других направлений могут способствовать дальнейшему развитию, а также международной интеграции научного знания.

Библиографический список

1. Криминалистика социалистических стран/Под ред. проф. В.Я. Колдина М, 1986
2. Гусаков А.Н Криминалистика США: теория и практика ее применения. Монография. – Екатеринбург,1993.
3. Сокол В.Ю. Криминалистика в Германии: понятие, система, перспективы: монография. Краснодар, 2010Белкин Р.С. Курс криминалистики. - 3-е издание, дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. - 837 с.
4. Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической теории в России и Соединенных Штатах Америки: сравнительный анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 5-12.
5. Динь В.Л., Динь Н.Т., Као Т.О., Куликов А.В., Лыу Х.Б., Нгуен В.Д., Нгуен Х.Ч., Панарина Д.В., Светличный А.А., Толстухина Т.В., Тью В.Х. Русско-вьетнамский словарь юридических терминов. Тула, 2021.
- Клаус, Дитер Поль Естественно-научная криминалистика/Клаус Дитер Поль. – Москва: Гостехиздат, 1985.
6. Ю.Торвальд. Криминалистика сегодня. М., 1996
7. Волчецкая Т.С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития || Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59-64.
8. Куркова Н.А. Научная школа криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета им. И. Канта: некоторые итоги // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 24-30.
9. Тью Ван Хунг Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в социалистической Республике Вьетнам (СРВ) Автореферат диссертации канд. юрид. наук. Калининград, 2020.
10. Волчецкая Т.С. Абрамовский А.А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.2018. № 4-2. С.3-9

INTERNATIONAL COOPERATION AS A FACTOR OF MODERN DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS

Abstract. The article considers the main directions of development of modern, taking into account recent events in the world. New trends in the development of criminalistics, as well as the main directions of current international scientific research, are highlighted. The role of international cooperation in the theory and practice of criminalistics is shown.

Key words: international criminalistics; forensic science, situational approach; digitalization of forensics; criminalistic thinking.

Гаврилов Борис Яковлевич - профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор; Академия управления МВД России город Москва, Россия.
profgavrilov@yandex.ru

Gavrilov Boris Yakovlevich - Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies, Doctor of Law, Professor; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

О ТЕНДЕНЦИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЗГЛЯД УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современного состояния уголовно-процессуального законодательства России, анализируются внесенные в него изменения, исследуется стадия возбуждения уголовного дела, процессуальные сроки расследования, избрание меры пресечения, предъявление обвинения, сокращенное дознание. С позиции ученого и практика дается оценка внесенных в УПК изменений, а также формулируется авторское видение направлений реформирования предварительного расследования и предлагаются меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: *следователь, дознаватель, орган дознания, прокурор, возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки, предъявление обвинения, мера пресечения, сокращенное дознание.*

В качестве первоочередной задачи при построении современной модели УПК РФ следует обозначить преодоление сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и воспроизведенных УПК РФ таких категорий как заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального закона, следствием которых является низкая эффективность досудебного производства, поскольку количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных значительно сократилось (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) [5, стр. 98-102].

Свидетельством этого служит приговор в отношении Зелепухина В.В., который 23 августа 2015 г. в 15 час. 30 мин., будучи в состоянии опьянения, путем разбития оконного стекла в присутствии проходившего мимо гр. К. похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., за что был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. Расследование и судебное разбирательство по уголовному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых К. содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Текст приговора изложен на 14 страницах [17]. По самой минимальной оценке на расследование данного уголовного дела и судебный процесс затрачено порядка 1 млн. руб., включая содержание К. под стражей, затраты на экспертизу, оплату труда адвоката, следователя, прокурора и судьи.

Одна из основных причин низкой эффективности судопроизводства по уголовным делам обусловлена несовершенством уголовно-процессуального законодательства, несмотря на многочисленность судебных реформ, еще более частые преобразования самих следственных органов, их отношений с прокуратурой, на что указывает профессор А.С. Александров [1, стр. 7-10].

Одновременно говоря о несовершенстве законодательства, автор обращается к мнению профессора В.Т. Томина, который отмечал, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только

декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности» [19, стр. 112].

Вместе с тем, автор исходит из того, что совершенствование уголовно – процессуального законодательства обусловлено в числе других факторов и приведенными ниже статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования в досудебном производстве уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. Определяющим здесь является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Среди иных причин снижения эффективности уголовного судопроизводства следует отнести и внесение за 20 лет действия УПК РФ многочисленных (порядка 300-мифедеральными законами) изменений. Хотя большинство из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики, однако часть этих изменений носила несистемный характер, а отдельные из них противоречили идеологическим основам принятого в 2001 г. УПК.

Вместе с тем, внесенные в УПК РФ многочисленные изменения, как отмечено выше, были обусловлены потребностями правоприменительной практики. Так:

•Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ [10, стр. 28-30] следователи были из состава органов прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ. Одновременно была осуществлена дифференциация полномочий по процессуальному руководству следователями путем передачи их от прокурора руководителю следственного органа с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [9, стр. 85], был существенно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; в досудебное производство введены сокращенная форма дознания, а Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК включена норма-принцип – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которую в последующие годы были внесены изменения еще пятью Федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков и ряд других нововведений [13];

- вместе с тем, отдельные нормы УПК РФ содержали положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., не отвечающие современным потребностям;
- одновременно, ряд норм принятого УПК РФ явились результатом компромисса между представителями правоохранительных органов, с одной стороны, научного сообщества совместно с законодателем, с другой стороны, включая переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 года [8] права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [12]. Это повлекло за собой принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 14.03.2002 №6-П [16] о признании не соответствующим Конституции РФ положений уголовно – процессуального закона о санкционировании прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, что обусловило внесение в УПК до вступления его в действие первых изменений, предусматривающих ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению и др. [11].

С учетом изложенного выше позиция автора заключается в необходимости продолжения научной дискуссии с привлечением практиков с последующим доведением до законодателя предложений по пересмотру отдельных процессуальных институтов. Эти изменения, по нашему мнению, должны предусматривать:

- пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия в силу их противоречия норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ;

- распространение института уведомлений о подозрении на расследование в форме предварительного следствия, поскольку институт

предъявления обвинения сегодня утратил свое значение, заключающиеся в том, что его нормы на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения, а в последующем – и с момента задержания лица в качестве подозреваемого. Сегодня с принятием Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ [9] участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть когда уголовное дело еще не возбуждено. К числу аргументов за отмену института обвинения следует отнести и то, что фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела; в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения; не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [6, стр. 65-73]. В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует, поскольку с позиции Европейского Суда по правам человека обвинение это есть обоснованное подозрение [18];

• суть еще одной проблемы заключается в необходимости введения взамен сокращенного дознания, которое сегодня превратилось в дознание общей формы, протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий при производстве расследования допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. ст. 91-92 УПК РФ, на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ суд продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство. Например, в Германии срок расследования и судебного разбирательства такого уголовного дела

составляет сутки, а в Италии – 2 суток с возможным назначением наказания до 5 лет лишения свободы.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видятся следующие:

- с одной стороны, не вызывает сомнений обоснованность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ досудебного производства [4, стр. 18-25], о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа:

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 – 1,3	142	629 (+5,6)	303
2020	376 – 1,3	151	513 – 5,3	220
2021	376 – 1,3	101	630 – 6,5	241

б) и, одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст.237 УПК РФ:

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След.пр окур. и СК РФ	Удельны й вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след- м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 - 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%

2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%
2020	17663	6,3	1902	2,1	6021	4166 – 1,1 %
2021	17507	6,0	1847	2,1	6315	4518 – 1,2 %

• с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн.) на протяжении последних 15-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. (в 2015 г.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [3, стр. 74-78].

	2006	2015	2017	2019	2020	2021
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	10,3	9,9	9,3	9,3
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,89	1,78	1,7	1,7	1,68
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,5	16,8	17,1	18,4	18,1
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,3	6,0	5,5	5,7

Исключение ст. ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации [14] и позиции Верховного Суда Российской Федерации [7, стр. 20-22] судебной-следственной практикой возбуждения уголовных дел, которая противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

Относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела автор считает возможным изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие

случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача сегодня состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Список литературы.

1. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. № 5(5). – С. 7-10.
2. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика/ Б.Я. 3. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74-82.
4. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74-78.
5. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. №1. 2018. С. 37-41.
6. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98-102.
7. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65-73.

8. Кожокаръ В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20-22.
9. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.
10. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. №. 9.С. 875.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007г. № 87 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 28-30.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
13. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.
14. О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.
16. Парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства [электронный ресурс] // URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/79098/.
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96,

122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов».

18. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016 [электронный ресурс] // режим доступа: URL: <https://sudact.ru/>.

19. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, - 2000.

20. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / Томин В.Т. - Горький, 1989. - 112 с.

On trends in the improvement of criminal procedure legislation: the view of a scientist and practice.

Annotation. The article deals with the current problems of the current state of the criminal procedural legislation of Russia, analyzes the changes made to it, examines the stage of initiating a criminal case, the procedural terms of the investigation, the choice of a preventive measure, the presentation of charges, an abbreviated inquiry. From the standpoint of a scientist and practitioner, an assessment is made of the changes made to the Code of Criminal Procedure, and the author's vision of the directions for reforming the preliminary investigation is formulated, and measures are proposed to improve the criminal procedure legislation.

Keywords: investigator, interrogating officer, body of inquiry, prosecutor, initiation of a criminal case, procedural terms, bringing charges, measure of restraint, abbreviated inquiry.

Головин Александр Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, город Тула, Россия.

Golovin Alexander Yurievich - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Justice and Law Enforcement, Tula State University, Tula, Russia.

Головина Елена Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, город Тула, Россия.
Golovina Elena Valentinovna - PhD in Law, Associate Professor, Department of Justice and Law Enforcement, Tula State University, Tula, Russia.

СРЫВ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И ДРУГИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТРУКТУРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

***Аннотация.** В статье анализируется такая форма противодействия предварительному расследованию как срыв производства следственных и других процессуальных действий. Приводится авторское определение такого противодействия, рассмотрены его субъекты, способы и приемы.*

***Ключевые слова:** противодействие предварительному расследованию, следственные действия, процессуальные действия.*

Противодействие предварительному расследованию может осуществляться различными субъектами, разнообразными способами и приемами.

Несмотря на многообразие научных подходов к пониманию рассматриваемого явления, основываясь на ранее сделанных выводах [1, с.67; 2,с.21], полагаем возможным в контексте настоящего исследования определять противодействие предварительному расследованию как умышленное поведение субъектов преступлений и (или) других заинтересованных лиц, направленное на воспрепятствование выявлению факта и обстоятельств преступной деятельности, достижению общих и частных задач досудебного производства по уголовным делам.

Формы, способы и приемы противодействия предварительному расследованию постоянно трансформируются во взаимосвязи с совершенствованием правоохранительной практики, развитием

криминалистических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений различных групп и видов. При их реализации все более активно применяются новейшие научно-технические средства и технологии, финансовые, имущественные и другие инструменты. Субъекты противодействия расследованию в своих целях нередко пытаются использовать служебное положение, личные и коррупционные связи во властных и общественных структурах.

Как известно, противодействие предварительному расследованию осуществляется в различных формах. В числе таких форм, как системы специфических способов и приемов рассматриваемого противодействия, выступает срыв производства следственных и других процессуальных действий.

В криминалистической литературе анализируются отдельные способы и приемы срыва следственных и некоторых других процессуальных действий. Так, Ю.П. Гармаевым приводится ряд способов и приёмов срыва производства различных следственных действий со стороны защитника, в частности возможность умышленных опозданий или неявок со стороны защитника к началу производства следственного действия, умышленного создания условий признания его результатов недопустимыми. Также автором обращено внимание на возможность срыва производства допроса в связи с вмешательством защитника в ход ведения этого следственного действия, создание помех в постановке следователем вопросов и ответов на них своего подзащитного, большое количество несущественных замечаний и требований их внесения в протокол, в связи с чем проведение такого допроса теряет свое значение [3, с.421].

О.И. Андреева и О.В. Желева, рассуждая о признаках злоупотреблений процессуальными правами со стороны защитника, указывают возможность подачи разнообразных необоснованных ходатайств, неявок на следственные действия по неуважительным причинам, затягивание предварительного расследования, неуведомление следователя о невозможности участвовать в следственном действии [4, с.137].

И.П. Кибардина полагает, что защитники могут провоцировать конфликт в ходе допроса, вмешиваться в действия следователя, давать ответы на поставленные следователем вопросы вместо допрашиваемого и совершать другие действия [5, с.226].

По мнению П.В. Малышкина, защитники могут склонять допрашиваемых к даче «нужных» показаний, воздействовать на лиц, дающих показания в ходе отдельных следственных действий и реализовывать некоторые другие приемы воздействия на участников расследования [6,с.14].

Впрочем, в юридической литературе представлены и другие, по сути, противоположные взгляды на возможность отнесения защитника к субъектам противодействия предварительному расследованию. Более того, предпринимаются попытки разработки тактики профессиональной защиты в уголовном процессе (О.Я. Баев, М.О. Баев, Г.А. Зорин, Л.А. Зашляпин, О.В. Левченко, В.В. Конин, Е.В. Бочкарева, Е.А. Марина и др.). Вносятся предложения относить рекомендации такого рода к сфере криминалистической тактики. Дискуссионность этого подхода уже отмечалась нами в более ранних работах [7,с.9].

Как представляется, характеристика поведения защитника как потенциального субъекта противодействия расследованию, должна исходить из того, направлены ли такие действия (бездействие) на создание препятствий достижению задач уголовного судопроизводства и являются ли они при этом умышленными. Иными словами, это умышленно осуществляемая деятельность, направленная на создание препятствий предварительному расследованию, идущая вразрез с основными целями профессиональной защиты по уголовным делам и явно выходящая за рамки правомерного поведения. Таким образом, защитник может рассматриваться как субъект противодействия при наличии двух условий:

- когда его деятельность не соответствует тем задачам, которые на него возложены законом [8, с.52];

- когда его поведение, затрудняющее нормальный ход предварительного расследования, совершается им умышленно и преследует цель создать для виновного лица условия уклонения от справедливого наказания за совершенное преступление.

Например, очевидно имеют целью противодействовать предварительному расследованию предпринимаемые защитником умышленные действия, направленные на затягивание времени предварительного расследования, подачу многочисленных ходатайств или иное злоупотребление процессуальными правами, разглашение следственной тайны или передачи отдельных сведений лицам, способным

воспрепятствовать нормальному ходу предварительного расследования. Умышленный срыв защитником хода следственных или других процессуальных действий, путем перечисленных ранее действий (бездействия), также может быть определен как противодействие предварительному расследованию.

Впрочем, очевидно, что защитник – это не единственный потенциальный субъект противодействия предварительному расследованию путем срыва производства следственных и процессуальных действий. Такое противодействие может быть также осуществлено подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими, понятыми и даже специалистами. В числе приемов такого противодействия: неявка или умышленное опоздание без уважительных причин по вызову следователя (дознавателя); отказ от участия в проведении следственных или иных процессуальных действий; попытки покинуть место проведения следственных действий; отказ от предоставления образцов для сравнительного исследования; подписания протоколов и других процессуальных документов. В криминалистической литературе также приводятся примеры рассматриваемого противодействия путем физического сопротивления, препятствования деятельности специалиста, осуществлено самовольное оставление места производства следственного действия, умышленное искажение почерка[9, с.18].

Добавим, что в ходе следственных действий могут быть предприняты попытки воздействовать различным образом на других участников расследования, например других подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, потерпевших (их представителей), следователя или понятых, направленные как на срыв следственных действий, так и иные цели осуществляемого противодействия. Подобное воздействие, в частности, возможно при проведении очных ставок, предъявления для опознания, обысков. Угроза подобных действий выступает значимым фактором, влияющим на формирование ситуации тактического риска, требует от следователя прогнозирования формирования и развития подобной ситуации противодействия, заблаговременного принятия процессуальных и тактических мер по его предупреждению и нейтрализации последствий.

Также действия, направленные на срыв следственных и других процессуальных действий, могут быть предприняты лицами, не являющимися участниками предварительного расследования. Такие лица

могут находиться в родственных, криминальных, дружеских или иных связях с преступниками либо по иным причинам не быть заинтересованными в проведении конкретного следственного или иного процессуального действия либо достижении целей расследования по уголовному делу в целом. Примером подобного противодействия могут выступать заведомо ложные сообщения о «минировании» здания правоохранительного органа перед началом или в момент проведения в нем следственного действия.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что срыв производства следственных и других процессуальных действий:

- может рассматриваться как самостоятельная форма противодействия предварительному расследованию;

- представляет собой умышленное поведение подозреваемого (обвиняемого), его защитника или иных лиц, направленное на создание существенных препятствий для начала, проведения и (или) завершения таких действий в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, сводящих к минимуму их доказательственный эффект либо создающих условия признания недопустимыми в последующем доказательств, полученных в ходе таких следственных действий.

Список литературы:

1. Головин А.Ю., Головина Е.В. К вопросу о механизме противодействия расследованию преступлений // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2021.-С.67-71.

2. Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018, №1. – С.21-35.

3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. – Иркутск.: ИПКПР ГП РФ, 2005. – 395 с.

4. Андреева О.И. , Желева О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования.- Томск: ИД Томск. гос. ун-та, 2019. –240с.

5. Кибардин И.П. О некоторых аспектах противодействия защитника в ходе проведения допроса// Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2014, №2. – С.226-228.

6. Малышкин П.В. Понятие и сущность противодействия расследованию преступлений со стороны адвоката-защитника // Мир науки и образования. 2015, №4. – С.14.

7. Головин А.Ю. Тактика профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве и ее место в системе юридических наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019 , №4.-С.3-10.

8. Тишутина И.В. Защитник в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016, №2. – С.52-61.

9. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Дополнительное регулирование участия потерпевшего и свидетеля в производстве следственных и судебных действий // Российский следователь. 2015, №3. – С.16-20.

Давыдов Владимир Олегович - профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, Лауреат премии МВД России в области науки, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия, VladDv71@yandex.ru.

Davydov Vladimir Olegovich - Professor of the Department of Justice and Law Enforcement, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of science, Tula State University, Tula, Russia

**НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ К ВОПРОСУ
О КОЛЛЕКТИВНОЙ ФОРМЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА**

***Аннотация.** В статье представлен авторский взгляд на организационные формы расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера. В качестве коллективной формы следственной деятельности при расследовании фактов транснационального экстремизма исследуется институт совместной следственно-оперативной группы.*

***Ключевые слова:** коллективная форма расследования, транснациональный экстремизм, совместная следственно-оперативная группа, совместное расследование, организационная структура.*

На современном этапе развития мирового сообщества среди многочисленных форм криминальной агрессии особое место в силу разрушительности и масштабности своих проявлений занимает экстремизм. С начала 90-х годов прошлого столетия его облик интенсивно трансформируется в территориальном, мотивационном, политико-идеологическом и иных аспектах.

В условиях протекания процессов глобализации преступная деятельность экстремистского характера приобрела международную форму своего развития и превратилась в многоаспектный, в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества, оказывающий серьезное дестабилизирующее воздействие, ставящий под угрозу самые необходимые условия прогрессивного развития человечества.

Одним из значимых аспектов процесса расследования фактов транснационального экстремизма выступает формирование его организационных основ, в том числе в части избрания формы осуществления следственной деятельности.

Традиционно в уголовно-процессуальной и криминалистической науке, а также в современной следственной практике правоохранительных органов Российской Федерации, в числе последних принято выделять:

организацию работы по территориальному принципу (т.н. «участковая система»);

организацию работы посредством специализации следователей (т.н. «линейная система»);

коллективную форму организации расследования (следственная или следственно-оперативная группа);

комбинированную форму организации расследования (например, организация работы по территориальному принципу и одновременно специализация следователей).

Думается, что применительно к транснациональной преступной деятельности экстремистского характера именно коллективная форма организации расследования представляет значительный научный интерес ввиду наличия потенциальных возможностей для комплексного использования сил и средств, что, в свою очередь, позволит обеспечить достаточно эффективное применение криминалистических методов и рекомендаций, тактически верно решать организационно-правовые вопросы взаимодействия следователя с органами дознания, экспертами и иными специалистами.

Отграничение коллективной формы от других форм организации расследования преступлений вытекает из следующих основополагающих принципов, лежащих в основе ее функционирования: законность; целесообразность использования коллективной формы организации следственной деятельности; своевременность и оперативность создания; учет личностных и профессиональных качеств ее членов, а также персонификации их ответственности; непрерывный контакт членов групп между собой, а также и с другими службами правоохранительных органов; мобильность, маневренность и динамичность.

Акцентируем внимание на следующих видах коллективной формы организации расследования:

монопрофессиональный вид (следственная группа) - представляет совместную деятельность нескольких следователей под единым началом;

полипрофессиональный вид (следственно-оперативная группа) - представляет совместную деятельность следователей и оперативных сотрудников под единым началом.

Применительно к расследованию фактов транснационального экстремизма наиболее эффективной видится коллективная форма организации расследования полипрофессионального вида - следственно-оперативная группа, под которой предлагаем понимать форму организации, предполагающую совместную и согласованную деятельность следователей, оперативных сотрудников и иных лиц (экспертов, специалистов и т.д.), объединенных под единым руководством, и направленную на выявление и расследование транснациональных преступлений экстремистского характера.

Изучение научных работ, посвященных проблемам транснациональной преступности [1, 2, 3, 4], приводят к выводу о том, что современное состояние системы противодействия преступлениям рассматриваемого вида требует совершенствования существующих организационных форм ведения следствия и, прежде всего, в части, касающейся взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств, а также межгосударственными организациями подобной направленности.

В условиях происходящих процессов мировой глобализации, затрагивающих, в том числе, и сферу криминальных интересов лидеров экстремистских формирований, использование в ходе расследования только традиционных форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства бывает явно недостаточно для эффективного расследования и последующего судебного разбирательства уголовных дел рассматриваемой категории.

Подобное обстоятельство обусловлено наличием ряда факторов-детерминантов, в числе которых полагаем возможным выделить:

сложившиеся в настоящее время внешне политические и экономические взаимоотношения Российской Федерации с рядом иностранных государств: чем они сложнее, тем, как следствие, в большей степени затруднено эффективное межгосударственное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства;

влияние признанного в подавляющем большинстве стран правового положения, согласно которому обязанностью государства является защита своих граждан и, что граждане, нарушившие нормы права, должны подвергаться уголовному преследованию своего государства и, напротив, не должны попадать под иностранную юрисдикцию;

временная длительность традиционной процедуры международной правовой помощи;

отчужденность исполнителя запроса об оказании правовой помощи от использования его результатов в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также его неуверенность в сохранности конфиденциальной следственной и оперативной информации;

отсутствие в большинстве территориальных следственных подразделений квалифицированных кадров, специализирующихся на расследовании транснациональных преступлений (в т.ч. и

экстремистского характера), а также имеющих необходимый опыт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;

обширная «география» экстремистской деятельности региональных звеньев транснациональных экстремистских формирований, как на территории Российской Федерации (республики Северного Кавказа, Крым, Татарстан, Башкортостан, регионы Центрального федерального округа, города федерального значения - Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону и др.), так и за рубежом (Ирак, Афганистан, Пакистан, Нигерия, Сирия, Египет, страны Европейского Союза и т.д.) [5, С. 45] и другие.

Применительно к расследованию фактов транснационального экстремизма, отмеченные препятствия позволят достаточно эффективно преодолеть избрание в качестве организационной формы следственной деятельности института совместных следственно-оперативных групп. Подчеркнем, что данный термин используется нами как эквивалент общепринятому в международной практике совместных расследований англоязычному термину «Joint investigation team» («Совместные (международные) следственные группы») [6, 7].

Узловыми принципами организации деятельности совместных следственно-оперативных групп по расследованию фактов транснационального экстремизма будут являться:

взаимное признание доказательств и процессуальных решений;
принцип двойной криминальности, согласно которому деяние, вменяемое лицу (лицам) в вину запрашивающей страной, является также преступлением в запрашиваемой стране;

принцип коллегиальности, согласно которому все важные процессуальные решения принимаются коллегиально уполномоченными представителями высшей обвинительной власти;

принцип национального надзора и процессуального контроля;
принцип полинормативности нормативно-правового регулирования;

принцип политерриториальной уголовно-процессуальной юрисдикции.

К числу общих организационных требований, имеющих, в том числе, значение в аспекте надлежащего криминалистического обеспечения следственной деятельности, полагаем необходимым отнести следующие:

группа должна создаваться для достижения целей расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера,

требующего координации совместных действий с другими иностранными государствами;

группа должна возглавляться должностным лицом государства-инициатора, при этом последний обязан принимать решения в пределах своей компетенции либо компетенции группы согласно национальному закону территории, на которой группа действует;

группа должна состоять из сотрудников следственных, оперативно-розыскных и экспертных подразделений, а в отдельных случаях - включать и иных специалистов, в т.ч. представителей межгосударственных правоохранительных организаций (например, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными преступлениями на территории СНГ);

члены группы, действующие на территории иного государства, связаны законом этого государства, но при этом должны принимать во внимание условия, установленные их собственными властями в соглашении по созданию группы;

члены группы могут (и должны) просить собственные власти принять необходимые процессуальные меры в своем государстве, в порядке, предусмотренном для проведения внутренних расследований;

криминалистически значимая информация, законно полученная членами группы на территории другого государства, может и должна использоваться в их собственном государстве в установленном уголовно-процессуальным законом порядке;

государство, на территории которого действует группа, должно принимать необходимые организационные меры для надлежащего всестороннего обеспечения ее деятельности.

С позиций концептуальных основ самого процесса функционирования совместной следственно-оперативной группы, как организационной формы расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера, возможны следующие модели.

Координированное совместное расследование, при котором группа фактически расследует параллельно два уголовных дел – одно по факту совершения транснационального преступления экстремистского характера на территории Российской Федерации, а второе – по факту преступной деятельности транснационального экстремистского формирования на территории иностранного государства – например, в месте базирования его иерархического организационного модуля. При такой

организационной модели расследования представители каждого из государств – члены группы действуют на территории своей страны, оперативно обмениваясь собранными доказательствами.

Интегрированное совместное расследование. В случае использования данной организационной модели расследования в состав группы должны включаться, как представители государства – места текущей дислокации группы, так и прикомандированные члены - представители иностранного государства, обеспечивающие беспрепятственное собирание криминалистически значимой информации в государстве, направившем их, и присутствующие (участвующие) в проведении следственных действий на территории государства дислокации группы. При этом члены совместной следственно-оперативной группы должны обладать возможностью перемещаться между государствами в зависимости от того, где находится основной объем криминалистически значимой информации.

На практике выбор конкретной модели совместного расследования должен осуществляться исходя из рамок имеющегося соглашения между компетентными органами заинтересованных государств о создании совместной следственно-оперативной группы, определяющих узловые условия ее деятельности.

Список литературы

1. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002.
2. Еркенов С.Е. Взаимодействие правоохранительных органов СНГ при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
3. Хижняк Д.С. Борьба с транснациональными преступлениями и их расследование: Монография // Под ред. А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Репецкая А.Л. Понятие и признаки транснациональной организованной преступности // Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток, 2001.
5. Давыдов В.О. Транснациональная преступная деятельность экстремистского характера: криминалистический анализ: Монография // Под науч. ред. А.Ю. Головина. М.: Юрлитинформ, 2016.

6. Нурбеков И.М. Организация и тактика взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера: Монография // Под ред. А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2012.

7. Устинов А.В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу: Монография. // Под ред. А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2014.

SEVERAL THESES TO THE QUESTION ON THE COLLECTIVE FORM OF INVESTIGATION TRANSNATIONAL CRIMINAL ACTIVITIES EXTREMIST

Abstract. In article the author's view of organizational forms of investigation of transnational criminal activities of extremist nature is provided. As a collective form of investigative activities in case of investigation of the facts of transnational extremism the institute of joint operational-investigations group is researched.

Keywords: collective form of investigation, transnational extremism, joint operational-investigations group, jointly investigation, organizational structure.

Дубоносев Евгений Серафимович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Тульский государственный университет, город Тула, Россия. dubonosov1@yandex.ru.

Dubonosov Evgeniy Serafimovi - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Tula State University, Tula, Russia

О ПРЕДЕЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется процедура сбора и использования компрометирующих материалов в современном обществе, рассматриваются негативные стороны данного процесса. Акцентируется внимание на пределах использования их для решения частных оперативно-розыскных задач с учетом международного опыта и оперативно-розыскной практики. Предлагается авторское видение алгоритма действий оперативных сотрудников при использовании компрометирующих материалов в качестве мотивационной активности лиц, содействующих оперативно-розыскным органам.

Ключевые слова: компрометирующие материалы, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, мотивация, содействие.

Термин «компромат», состоящий из сочетания слов «компрометирующий» и «материал», был заимствован из французского языка (фр. *compromettante* – огласить сведения, порочащие кого-либо). Компромат исторически использовался преимущественно в политической борьбе, что отражено в работах итальянского философа XV–XVI вв. – сторонника сильной государственной власти Н. Макиавелли[1]. Однако обсуждение проблем противоправного использования компромата и его распространения в социальных слоях становится регулярным явлением в период построения гражданского общества и развития правового государства, что порождается эволюцией современного общества, связанного с развитием политических, экономических и социальных отношений. Компромат в условиях общества, которое его породило, относится к исторически сложившимся противоречивым феноменам и проблемы его использования в большей части лежат не только в сфере философии и психологии, но и в области правового и нравственного регулирования.

С учетом существующих реалий в российском обществе следует различать два основных направления сбора и использования компромата для решения: 1) политических и экономических задач; 2) частных оперативно-розыскных задач. В политике данные материалы регулярно применяются для шантажа отдельных публичных личностей и при проведении предвыборных кампаний. Это обусловлено необходимостью нанести вред чести, достоинству, иным охраняемым законом правам и интересам лица. В основном эффект достигается посредством сбора

сведений об объекте, создание специально подготовленных ситуаций и распространением ложной информации с целью принизить социальный статус лица. Местом выброса компромата, прежде всего, становится электорат. Современные специалисты в области политических технологий на высоком уровне владеют искусством дискредитации, унижения и уничтожения политических противников [2, с.157]. Регулярностью отличается использование данных материалов в экономике: в конкурентной борьбе на рынке сбыта продукции, ложной рекламы, подрыва репутации финансовых структур [3].

Следует отметить, что подобное использование компромативных материалов недопустимо в связи с тем, что оперативно-розыскным законодательством ч.8 ст.5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности (далее ФЗ об ОРД) запрещается органам (должностным лицам) проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в интересах какой-либо политической партии и не допускается осуществление ОРД (далее – ОРД) для достижения целей и задач, не предусмотренных ч.1, 3 ФЗ об ОРД. В сущности, мы сталкиваемся с определёнными запретами в сфере ОРД. Под которыми понимается ограничение компетенции оперативно-розыскных органов и других субъектов ОРД, а также установленное законодателем ограничение на её осуществление, не уполномоченными на то лицами [4, с.157].

В связи с гносеологической сущностью компромата и нравственными аспектами его использование в правоприменительной деятельности крайне ограничено. Как отмечал исследователь этических основ ОРД А.Ф. Возный, что некоторые особенности нравственного содержания данной деятельности вызваны её тайным (конспиративным) характером, что требует скрывать истинное содержание тех или иных действий, включая их истинный нравственный характер [5, с.243]. Вполне очевидно, что использование подобных материалов включает в себя элементы принуждения, которые ограничивают конституционные права граждан, однако позволяют достижению общественно полезной цели. Полагаем, что в данном аспекте, внешний аморальный характер отдельных оперативно-розыскных действий (прослушивание телефонных переговоров, привлечение к анонимному и негласному содействию лиц и т. п.) является неизбежным и вполне допустимым в связи с тем, что наблюдается коллизия между правовыми явлениями и моральными устоями общества и государства. При этом в публичном характере ОРД

явно прослеживается ситуация при которой отдельные внешне аморальные действия имеют законодательное закрепление в целях эффективного решения государственных задач по противодействию преступности. Особое значение здесь приобретает необходимость соблюдения морально-этических принципов ОРД. Нарушение нравственных основ непосредственно оперативными сотрудниками неизбежно приведет к их профессиональной деформации.

Следует отметить, что продолжительный период материалы компрометирующего характера применяются в ОРД для решения частных задач. Применение подобных сведений носит избирательный характер, поскольку балансирует на грани нарушения прав человека и гражданина в российском обществе. Это во многом обуславливает определение пределов их использования в ОРД и обсуждение допустимости подобных средств.

Международный опыт весьма наглядно свидетельствует об использовании компрометирующих материалов в качестве мотивации конфиденциального содействия граждан с органами, осуществляющими ОРД, о чем свидетельствует американская формула успеха спецслужб, состоящая из аббревиатуры «MICE» (Money - деньги, Ideology – идеология, *Compromising* - компромат, Ego – Эго). Использование данной мотивации конфиденциального содействия во многом обусловлено правовыми и моральными устоями конкретного индивида, коллектива и государства и продолжительное время успешно применялось [6, с.33-34], а так же находила закрепление на уровне закрытых ведомственных инструкций МВД СССР до начала 90-х гг. XX века. Между тем, данная мотивация может встречаться в современных условиях, даже при отсутствии её регулирования в подзаконных правовых актах и активном осуждения со стороны общества и правозащитных организаций.

Нам представляется, что на организационно-тактическом уровне применение компроматериалов может быть выстроено по следующему алгоритму: 1) подбор объекта, представляющего оперативный интерес; 2) поиск сфер реальной уязвимости объекта; 3) сбор, обработка и оформление сведений, составляющих основу компроматериалов; 4) создание благоприятной оперативно-розыскной ситуации для реализации компроматериалов; 5) определение методики использования компромата для решения частной оперативно-розыскной задачи.

Однако следует учитывать, что использование компрометирующих сведений является принудительной формой мотивации и может стать краткосрочным и бесперспективным в связи с присутствием в ней фактора не добровольности, что противоречит положениям оперативно-розыскного законодательства (ч.1 ст.17 ФЗ об ОРД) и способствует амотивации лица к любому взаимодействию с представителями оперативно-розыскных подразделений. Это обусловлено тем, что в рассматриваемой ситуации, желание лица инициируется использованием не всегда правовых средств, способствуя его выполнению по требованию оперативного сотрудника о реализации материалов, которые при их публичной огласке в СМИ, коллективе, семье могут способствовать ухудшению отношений со значимыми людьми, потере репутации или утрате социального статуса и т.п. Длительность такого содействия, напрямую зависит от актуальности материалов и снижается по мере утраты их значимости для субъекта. Вместе с тем рассматриваемая мотивация может приводить к дезинформации, двурушничеству, фальсификации предоставляемых материалов, которые запрещены законодательством (абз.4,5 ч.8 ст.5 ФЗ об ОРД).

Поскольку содержание компрометирующих материалов составляют как сведения о реальных фактах, так специально изготовленные материалы, они не могут полностью исключаться из арсенала средств при осуществлении оперативно-розыскной профилактики в процессе решения задач по разобщению преступных сообществ, «развенчанию» статуса криминальных лидеров и влиянию на спецконтингент, содержащийся в пенитенциарных учреждениях. Например, внесение дополнений в Уголовный кодекс Грузии (ст. 223.1) и УК РФ (ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии») на практике позволило использовать видеофиксацию лидеров высшей преступной иерархии относительно их положения в преступной среде для пресечения популяризации криминальной субкультуры в обществе.

Изложение позиции автора о возможности использования компрометирующих материалов в оперативно-розыскном процессе не претендует на бесспорность в связи тем, что затрагивает проблему соотношения целей и средств, используемых в регулировании социальных процессов. Однако подобный узкопрогнатичный подход, на наш взгляд, ставит в основу исключительно повышение эффективности противодействия преступности, несомненно, затрагивая нравственную легитимность всего

процесса. Соответственно, можно сделать вывод о допустимости использования данных материалов для решения частных задач ОРД в связи с тем, что предлагаемые средства вполне адекватны целям ОРД.

Список литературы

1. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 1997. 70с.
2. Митрохина Т.Н., Федорова С.А. Компрометирующие материалы в прессе как средство борьбы за политическую власть //Политическая экспертиза: политекс. Т.5. №3. 2009. С.156-165.
3. Доронин А.И. Бизнес-разведка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 384 с.
4. (Оперативно-розыскная энциклопедия /Авт.–сост. А.Ю.Шумилов, М., 2004. 363 с.
5. Возный А.Ф. Общественность и оперативно-розыскная деятельность //Законность. М. 1999. №3. С.243.
6. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. 675 с.

ON THE LIMITS OF THE USE OF COMPROMISING MATERIALS IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Annotation. The article analyzes the procedure for collecting and using compromising materials in modern society, examines the negative aspects of this process. Attention is focused on the limits of their use for solving private operational-investigative tasks, taking into account international experience and operational-investigative practice. The author's vision of the algorithm of actions of operational staff when using compromising materials as motivational activity of persons assisting operational investigative bodies is proposed.

Keywords: *compromising materials, operational investigative activities, operational investigative measures, motivation, assistance.*

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

(МГЮА), город Москва, Россия.

e-mail: [oxana diakonova@mail.ru](mailto:oxana_diakonova@mail.ru)

D'yakonova Oksana Gennadievna, Doctor of Sciences (Law), Docent, Professor of the Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВ ЛИЦ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ИСХОДЕ ДЕЛА, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

***Аннотация.** Специальные знания востребованы во всех видах судопроизводства, но их использование невозможно без надлежащего нормативного регулирования. Особенно это касается надления процессуальными правами участников процесса при назначении и производстве судебной экспертизы и участии специалиста. Установленные в действующих процессуальных кодексах права требуют пересмотра с целью исключения не присущих участникам процесса прав, наличие которых нецелесообразно, а иногда и просто вредно, а также дополнения перечня необходимыми, по мнению автора статьи, правами.*

***Ключевые слова:** специальные знания, судебная экспертиза, права, участник процесса.*

Процессуальные права лиц, заинтересованных в исходе дела, в целом определены действующими в России процессуальными кодексами, но их реализация до сих пор несовершенна. Это позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра объема прав лиц, заинтересованных в юридическом исходе дела, с целью достижения гармоничного подхода и баланса между указанными лицами, сведущими лицами (экспертом и специалистом) и субъектами, ведущими процесс и обладающими властно-распорядительными функциями (судья, суд, следователь, дознаватель, должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении).

Нередко возникают ситуации, что лица, участвующие в деле, не могут воспользоваться своими правами, поскольку отсутствуют гарантии их осуществления. Практика свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению прав и обязанностей лиц, имеющих в деле юридический интерес, при использовании специальных знаний. При этом исследователи стараются выработать такой подход, при котором будет

соблюден баланс интересов обеих сторон процесса. Речь идет только о комплексе прав, реализуемых при использовании специальных знаний. Следует отметить, что многие ученые уделяли пристальное внимание вопросам наделения правами участников процесса при использовании специальных знаний [1, 2, 3, 4].

Проведенное ранее исследование [5] с применением экспертологического подхода, выработанного на основе положений судебной экспертологии, привело к выводу о возможности структурировать права указанных субъектов по функциональному критерию, определяющему направления деятельности участника процесса в зависимости от этапа использования специальных знаний, в три группы:

– права и обязанности, направленные на подготовку к производству судебной экспертизы, процессуальному действию с участием специалиста;

– права и обязанности, связанные с непосредственным производством экспертного исследования или проведением процессуального действия с участием специалиста;

– права и обязанности, связанные с представлением и оценкой экспертного заключения, консультации (заключения) специалиста, подготовленного в письменной форме.

Предлагается установить в процессуальных кодексах следующий перечень прав лиц, заинтересованных в исходе дела, реализуемых при использовании специальных знаний, при этом некоторые из них требуют дополнительных пояснений.

I. Права, направленные на подготовку к производству судебной экспертизы, а также к процессуальному действию с участием специалиста.

1. Назрела необходимость в установлении права обращаться на основе гражданско-правового договора о проведении экспертного исследования к эксперту или в экспертную организацию, или к специалисту для получения консультации в письменной форме. Речь идет о проведении экспертного исследования (альтернативной экспертизы) по имеющимся у указанных лиц объектам. Следует акцентировать, что полученное заключение и консультация должны быть приобщены к материалам дела как доказательства в качестве соответственно консультации специалиста и заключения эксперта. Поскольку такой подход позволит зафиксировать требования к соответствующей оценке

указанных доказательств. Не секрет, что помимо общих правил оценки доказательств, существуют особенности, присущие процедуре оценки отдельных видов доказательств. Данное право следует установить, поскольку качественно проведенное компетентным субъектом исследование, правильно оформленное заключение или консультация вполне могут сэкономить как время судопроизводства, так и судебные расходы, а также положительно повлияют на осуществление деятельности по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для дела.

2. Право знакомиться с определением/постановлением о назначении судебной экспертизы до его направления в экспертную организацию (эксперту) для исполнения, либо о привлечении специалиста к участию в процессуальном действии до начала его проведения. Данное право установлено в общем виде в процессуальных кодексах. Применительно к уголовному процессу учеными отмечается, что в ч. 3 ст.195 УПК РФ [6] не указан конкретный момент ознакомления с постановлением, что приводит к нарушению прав участников процесса, которые знакомятся с ним зачастую после проведения исследования совместно с заключением эксперта либо при ознакомлении с материалами дела в конце расследования. К сожалению лица, осуществляющие уголовное преследование, не всегда прислушиваются к замечаниям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, отмечающих проблемы реализации данного права и признающих нарушение конституционных прав [7, 8, 9, 10, 11]. Представляется, что момент ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы в УПК РФ вполне очевидно установлен, если толковать совместно положения ст. 195 и 198 УПК РФ, поскольку своевременность использования данного права гарантирует реализацию других прав, перечисленных в ст. 198 УПК РФ, применительно к той экспертизе, которая назначается следователем.

Однако некоторые авторы несколько иначе подходят к проблеме ознакомления. Т.Ф. Моисеева, учитывая важность обеспечения объективного расследования, полагает недостаточно обоснованным требование закона об ознакомлении подозреваемого и обвиняемого со сведениями о конкретном эксперте, содержащимися в постановлении, поскольку на эксперта может быть оказано внешнее давление. Т.Ф. Моисеева предлагает представлять анонимную информацию об эксперте в целях обеспечения его безопасности [12, с.374]. С учетом проблемы

обеспечения безопасности эксперта это вполне рационально. Однако полагаем, что в большей степени отвечать состязательному духу судопроизводства будет установление возможности обращения стороны защиты к эксперту с целью проведения экспертного исследования (альтернативной экспертизы) или консультации специалиста, и приобщения полученного ею документа в качестве доказательства соответственно заключения эксперта или консультации специалиста. Только при такой гарантированной законом возможности можно допустить анонимность сведений относительно кандидатуры эксперта, поскольку это будет соответствовать состязательному духу судопроизводства.

3. Право отказаться от проведения судебной экспертизы в отношении себя самого как подэкспертного. Судебная экспертиза в отношении живых лиц по общему правилу проводится на добровольной основе, за исключением положений УПК РФ, предусматривающих возможность принудительного помещения подозреваемого или обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях для проведения обследования, на что обращал внимание и Конституционный Суд РФ [8, 10]. У подозреваемого или обвиняемого, находящихся под стражей, практически нет возможности избежать назначения судебной экспертизы. Но в отношении иных лиц принудительное направление на экспертизу возможно только по решению суда и это лицо должно иметь право отказаться выступать в качестве объекта экспертного исследования при условии разъяснения ему последствий непроведения экспертизы.

4. Право заявлять ходатайства лицам (органам), ведущим процесс:

- о назначении экспертизы или о привлечении специалиста;
- о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретной экспертной организации;
- об отводе эксперта или специалиста, либо об отстранении конкретной экспертной организации от производства судебной экспертизы;
- о внесении в постановление/определение о назначении экспертизы вопросов либо о постановке вопросов перед специалистом;
- о представлении объектов для экспертного исследования: в стадии предварительного расследования в уголовном процессе лица,

заинтересованные в исходе дела, должны обладать правом «представить объекты (в том числе дополнительные объекты) для экспертного исследования». В стадии судебного разбирательства во всех видах судопроизводств «лица, заинтересованные в исходе дела, вправе представить объекты (в том числе дополнительные объекты) для экспертного исследования, а также ходатайствовать об истребовании объектов для экспертного исследования от других лиц. В случае непредставления объектов для экспертного исследования участниками процесса, у которых они находятся, суд вправе признать обстоятельство, для выяснения которого экспертиза должна быть назначена, установленным или опровергнутым». Проблематика в реализации данного права видится не в ограничении возможностей участников процесса, установленных законом, как раз в этой части законодательство определяет возможность заявлять ходатайства. Проблема заключается, с одной стороны, в пассивности при подготовке и назначении экспертизы и возрастающей активности после получения заключения эксперта, зачастую не обоснованной. Предположительно, с учетом отсутствия признаков ограничения в реализации данного права со стороны лиц, ведущих процесс, это является признаком злоупотребления процессуальными правами, либо непрофессионализмом участника процесса. Полагаем существенным определить, что заявленное ходатайство о назначении судебной экспертизы или привлечении специалиста для дачи консультации или пояснений должно быть обосновано участником процесса, его подающим. Как минимум должны быть указаны обстоятельства, для доказывания которых участник процесса ходатайствует о привлечении сведущего лица.

5. Право мотивированно обжаловать постановления/определения лица (органа), ведущего процесс, вынесенные в связи с использованием специальных знаний.

II. Права, связанные с непосредственным производством экспертного исследования или проведением процессуального действия с участием специалиста.

1. Право присутствовать при проведении процессуального действия с участием специалиста, задавать ему вопросы и получать пояснения. В ряде процессуальных кодексов (например, АПК РФ [13], ГПК РФ [14], КАС РФ [15]) указанное право ограничивается. Например, идентичные формулировки ч. 3 ст.84 ГПК РФ и ч.3 ст.79 КАС РФ – несколько

двусмысленные, поскольку смешивают противозаконное действие и две различных стадии экспертизы: «если такое присутствие может помешать исследованию, совещанию экспертов и составлению заключения». При совещании экспертов и составлении заключения не допускается присутствие кого бы то ни было. Однако ни в одном нормативном правовом акте не разъясняется в чем заключается эта неоднозначная формулировка – «нормальная работа эксперта» и по каким признакам можно определить, что то или иное поведение, действие или бездействие присутствующих лиц способно мешать такой работе. Таким образом, существующее в кодексах условие о «нормальности работы» эксперта недопустимо, поскольку является оценочным понятием. Кроме того, при производстве экспертизы в отношении живого лица при любых обстоятельствах присутствие заинтересованных в исходе дела лиц должно быть запрещено.

При этом практика зачастую подтверждает «мертвый» характер нормы, устанавливающей данное право. Следует отметить, что АПК РФ не устанавливает ни обязанность суда уведомлять о начале экспертного исследования, ни обязанность эксперта приглашать лиц, участвующих в деле, присутствовать при производстве экспертизы. Так, по одному из дел, кассационная коллегия указала, что суд правильно отклонил довод заявителя жалобы о нарушении его прав со ссылкой на часть 2 ст. 83 АПК РФ, поскольку данная норма предусматривает право лица, участвующего в деле, присутствовать при проведении экспертизы, но не устанавливает обязанность эксперта уведомлять его об этом [Постановление ФАС Центрального округа от 08.04.2011 по делу № А14-550/210/17/25]. Возникает вопрос, кто должен устанавливать, мешает ли эксперту присутствие указанных лиц. Представляется, что делать это должно лицо, ведущее процесс, при рассмотрении ходатайства от лиц, участвующих в деле. При этом следует руководствоваться правилом, что проведение исследования экспертом зависит, помимо прочего, от обстановки, в которой проводится исследование, в связи с чем суд, разрешая ходатайство о возможности присутствия при исследовании, должен руководствоваться, прежде всего, целесообразностью такого присутствия и мнением эксперта.

Таким образом, отсутствует целесообразность в сохранении такого права у указанных лиц, заинтересованных в деле, поскольку проверить качество проводимого исследования, получить дополнительно сведения,

способные повлиять на их позицию в будущем, ввиду отсутствия у них специальных знаний, они не смогут. Фактически данное право для них – формальное, но при этом его наличие создает широкие возможности для злоупотребления процессуальными правами.

До исключения рассматриваемого права для заинтересованных участников процесса следует применять нескольких совместно действующих условий, которые позволят избежать злоупотреблений правом: 1) такое присутствие допускается только с согласия эксперта; 2) эксперт вправе задавать вопросы и получать от присутствующих лиц пояснения, имеющие значение для проведения исследования; 3) присутствие разрешается, если технология и методика производства экспертизы допускают присутствие лиц, заинтересованных в исходе дела.

В отличие от рассмотренного выше права присутствовать при производстве экспертизы, полагаем необходимым наличие у заинтересованных в деле субъектов процесса права присутствовать при проведении процессуального действия с участием специалиста. Например, участие указанных лиц в исследовании письменного или вещественного доказательства с привлечением специалиста является весьма полезным, поскольку консультация специалиста в условиях данного процессуального действия позволяет лицам разъяснить вопросы, на которые невозможно ответить без применения специальных знаний. При этом, специалист, не проводя экспертного исследования, дает консультацию.

2. Право давать объяснения при проведении процессуального действия эксперту и специалисту, участвующим в нем, является сопутствующим предыдущему праву.

3. Отдельную группу составляют права, связанные с производством судебных экспертиз в отношении живых лиц (в соответствии с законодательством о судебно-экспертной деятельности и законодательством об охране здоровья граждан).

III. Права и обязанности, связанные с представлением и оценкой экспертного заключения, консультации (заключения) специалиста, подготовленного в письменной форме.

1. Право своевременно, после представления заключения лицу (органу), ведущему процесс, знакомиться с заключением эксперта, консультацией специалиста, представленной в письменной форме, а также с протоколом допроса эксперта, специалиста или консультацией

специалиста в устной форме, занесенной в протокол судебного заседания или следственного действия;

2. Право ходатайствовать о вызове для допроса специалиста или эксперта, который проводил экспертное исследование и представил заключение, а также участвовать в допросе указанных лиц и задавать им вопросы;

3. Право после ознакомления с заключением эксперта заявлять мотивированное ходатайство с указанием на обстоятельства – основания для назначения дополнительной или повторной экспертизы;

4. Право ходатайствовать о вызове в судебное заседание или о привлечении специалиста (как на досудебных, так и в судебных стадиях) для оказания помощи в оценке заключения эксперта;

5. Право заявить ходатайство о возвращении представленных на экспертное исследование объектов (после окончания экспертного исследования, либо после завершения рассмотрения дела, либо после вступления в законную силу решения/приговора суда).

Представленная классификация прав лиц, заинтересованных в исходе дела, может вызвать дискуссию и должна обсуждаться совместно учеными в области судебной экспертологии и процессуальных наук. Думается, что нормативное закрепление прав участников в предложенной формулировке позволит им с максимальной эффективностью использовать специальные знания и при этом ограничит злоупотребления процессуальными правами.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ //СЗ РФ. 2001.№ 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 437 с.
3. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.
4. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 213 с.

5. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Том 1. Общая часть. 2-е изд., испр.и доп. М.: Юрайт. 2017. 287 с.
6. Дьяконова О.Г. Процессуально-правовой статус субъектов применения и использования специальных знаний. Сер. Уголовный процесс. Монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2003 № 429-О //Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>
8. Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О //Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>
9. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 762-О-О //Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>
10. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1490-О //Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>
11. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г.№ 28 (ред. от 29.06.2021)//Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>
12. Моисеева, Т. Ф. Дискуссионные аспекты процессуальной регламентации судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 374-375.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. Гражданский процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

**CLASSIFICATION OF THE RIGHTS OF PERSONS INTERESTED IN
THE OUTCOME OF THE CASE RELATED TO THE USE OF
SPECIAL KNOWLEDGE**

Abstract. Special knowledge is applied in all types of legal proceedings, but their use is impossible without proper regulatory regulation. This is especially true for granting procedural rights to participants in the process when appointing and conducting a forensic examination and involving a specialist. The rights established in the current procedural codes require revision to exclude rights that are not inherent in the participants of the process, the presence of which is impractical, and sometimes simply harmful, as well as well as the addition of the list of necessary rights.

Keywords: special knowledge, forensic expertise, rights, participant in the process.

Жбанков Виктор Андреевич – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, Российская Федерация, Московская область, город Люберцы, e-mail: viktor.zhbankov@mail.ru

Zhbankov Victor Andreevich - Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian Customs Academy, Moscow Region, 140051,

Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4, Russian Federation

К ВОПРОСУ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, направленные на повышение эффективности раскрытия и расследования контрабанды наркотиков, совершаемых организованными преступными формированиями.

Ключевые слова: Контрабанда наркотиков, организованные преступные формирования, структура преступного формирования, следы наркоконтрабандной деятельности, виртуальные следы.

Количество контрабандно перемещаемых через государственную и таможенную границы Российской Федерации наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, их аналогов и прекурсоров весьма внушительно. Так, в 2020 году таможенными органами в процессе проведения таможенного контроля и оперативно-розыскных мероприятий изъято 9,2 тонны, а за 10 месяцев 2021 - 16,7 тонн наркотиков. В структуре изымаемых из незаконного оборота наркотиков контрабандно перемещаемые составляют более 50%, а в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск – 90% [1]. Они доставляются на территорию РФ из стран Азии, Латинской Америки, Европы. При этом наибольшую опасность и соответственно сложность в раскрытии и расследовании представляет контрабанда наркотиков, совершаемая организованными преступными формированиями.

Проведенный нами анализ обвинительных заключений о контрабанде наркотиков организованными преступными формированиями позволил установить, что в процессе раскрытия и расследования преступлений отдельные вопросы не находят должного решения.

При контрабандном перемещении наркотических средств из одного государства в другое руководители преступного формирования создают структурные подразделения, выполняющие соответствующие функции. Они могут быть весьма многочисленными. Так, при расследовании контрабанды героина из Республики Таджикистан на территорию Российской Федерации были выявлены следующие подразделения: а) по приобретению героина в Республике Таджикистан и его транзитному перемещению железнодорожным транспортом через Республику Узбекистан, Республику Казахстан в Россию среди ящиков с виноградом; б) разгрузки ящиков винограда на таможенном посту ЖДПП «Илецк – 1», расположенном в г. Соль-Илецк Оренбургской области Российской Федерации и организации его доставки в Московскую область с помощью грузовых автотранспортных средств; в) складированию поступившего винограда на территории Московской области; г) сопровождению перемещаемого винограда и находившегося в нем героина и информирование об этом руководителя преступного формирования; д) изъятию героина и его реализации.

В этой связи, важнейшей задачей предварительного расследования является установление всех структурных подразделений организованного формирования и лиц, входящих в них. Анализ изученных материалов показал, что только по 79% расследованных уголовных дел были установлены все участники преступной деятельности. Сложность решения задачи состоит в том, что ввиду многоуровневости формирования связи между его участниками не всегда прослеживаются, особенно между верхним и нижним уровнями. Более того, условия деятельности формирований диктуют необходимость строгой конспирации, как по вертикали, так и по горизонтали. Поэтому члены сообщества знают ограниченное число участников.

Существенное значение приобретает определение способа связи между членами формирования. Для этого используется Всемирная глобальная компьютерная сеть Интернет, телефонная связь, включая и мобильную и т.д., разрабатывается язык общения между участниками преступления. В целях конспирации участники формирований используют «специальные выражения» и «кодовые слова», скрывающие истинный смысл разговоров о перемещении наркотических средств. Так, при расследовании уголовного дела о контрабандном перемещении героина из Афганистана на территорию Российской Федерации установлено, что в лексиконе преступников слова: «вещь», «вещи» обозначали наркотическое средство героин; «дело» – операции связанные с незаконным оборотом наркотических средств (подготовка пробных доз наркотических средств, передача наркотических средств, сбыт наркотических средств, приобретение наркотических средств, получение оплаты за их сбыт): «ауди», «тойота», «мерседес», либо иное название автомобиля иностранного производства – наркотическое средство героин высокого качества; «тысяча долларов», «тысяча зеленых» – один килограмм наркотического средства героина высокого качества; «доллар», «зеленый» – один грамм наркотического средства героин; «деньги» – наркотическое средство героин; «бумага» – денежные средства; «жигули», «ноль–пятая», «ноль–десятая», либо иное название автомобиля российского производства – наркотическое средство героин невысокого качества; «стройматериалы», «оборудование», «инструменты» – груз наркотического средства героин; «реквизит», «документ» – пробная партия героина; «разгрузка», «установка оборудования», «соединение проводов» – разгрузка и складирование

наркотических средств; «гости», «мастер», «электрик» – член (члены) ОПФ; производящий перевозку и доставку наркотического средства героин; «собачья еда», «педигри», «пластилин» – наркотическое средство гашиш; «травя» – наркотическое средство марихуана.

По изученным уголовным делам данное обстоятельство установлено в 74% случаев несмотря на то, что оно находит отражение в материальных и виртуальных документах и должно быть доказано в процессе расследования.

В процессе реализации контрабандной деятельности возникают идеальные, материальные и виртуальные следы. Из материальных – важнейшее значение имеют наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества, их аналоги и прекурсоры. Спектр указанных объектов достаточно широк и постоянно пополняется за счет дизайнерских наркотиков[2].

В процессе анализа уголовных дел установлено, что при расследовании наркоконтрабандной деятельности организованных преступных формирований недостаточное внимание уделяется виртуальным следам. Они использовались только по 70% изученных дел. Между тем участники формирований для связи активно используют телекоммуникационные системы. В процессе опроса сотрудников правоохранительных органов установлено, что 18% из них имеет слабое представление о виртуальных следах и их местонахождении.

Виртуальные следы возникают в результате совершения действий в информационном пространстве технических устройств, их сетей и систем. При преступном воздействии происходит изменение состояния автоматизированной информационной системы, которое фиксируется в виде компьютерной информации в различных источниках. По этому основанию мы предлагаем следующую классификацию виртуальных следов[3].

1.1. Виртуальные следы в технических каналах сотовых сетей:

- соединения между абонентскими терминалами – это голосовая передача (включая данные о не принятых вызовах), SMS-сообщения, средства информационного обмена, модемы (Интернет-соединения, Wi-Fi соединения и др.);
- сведения об используемом оконечном оборудовании, о серийных номерах терминалов (IMEI), справочная информация об абонентах (номер

SIM-карты, номер телефона абонента), сведения о приемопередающем сетевом оборудовании;

- сведения о пространственно-временных данных - расположение базовых станций и периодах соединений (время и продолжительность соединений), также о перемещении абонента в прошлом (подобная информация хранится от 60 дней до 7 лет в зависимости от оператора).

1.2. Виртуальные следы на мобильном телефоне с SIM-картой:

- IMEI-код, содержащий 15 цифр, идентификационный номер SIM-карты;
- сведения о телефонных соединениях, отправленных сообщениях;
- данные из прикладных приложений Viber, Skype, WhatsApp, Facebook, V Kontakte и др.;
- сведения об используемых контактах, фотографиях, аудиозаписях, видеозаписях,
- наличие программ по записи и изменению голоса, по изменению (перепрошивки) IMEI-кода телефона, специальное программное обеспечение для проведения банковских операций.

2. Виртуальные следы, связанные с использованием банковской карты (банковского счета):

- файл, содержащий сведения о произведенных банковских операциях (транзакции через банкоматы, CNP-транзакции и др.), и хранящийся в банковских учреждениях, в том числе о времени и месте;
- сведения о движении средств на счете в платежной системе;
- сведения о счете держателя банковской карты;
- сведения из электронного журнала терминала или банкомата;
- задокументированные записи изображения с камер терминала или банкомата, хранящиеся на сервере банковских учреждений.

3. Аудиофонограммы – задокументированные записи разговоров между преступником и потерпевшим.

4. Виртуальные следы, связанные с использованием преступниками компьютеров, ноутбуков, планшетов:

- сведения об используемых контактах, фотографиях, аудиозаписях, видеозаписях;
- наличие программ, позволяющих совершать преступные действия при помощи интернет-технологий, в том числе вредоносные программы.

В заключении отметим.

1. Количество контрабандно перемещаемых через государственную и таможенную границы Российской Федерации наркотиков весьма

значительно. Их доля в структуре изымаемых из незаконного оборота наркотиков составляет более 50%.

2. Наибольшую опасность представляет контрабанда наркотиков, совершаемая организованными преступными формированиями на территорию РФ из зарубежных государств.

3. Данные преступления представляют наибольшую сложность для правоохранительных органов в процессе их раскрытия и расследования в виду пространственного размаха преступной деятельности, многоуровневности формирований и значительного числа структурных подразделений, принятия мер конспирации преступной деятельности и т.д.

4. Проведенный нами анализ обвинительных заключений по контрабанде наркотиков, совершаемых организованными преступными формированиями, показал, что в процессе расследования в ряде случаев не устанавливаются все структурные подразделения формирования и, соответственно, лица, входящие в них; не выявляются особенности связи между членами формирования; не уделяются должного внимания собиранию и исследованию следов преступной деятельности и т.д..

5. В процессе перемещения наркотиков возникают идеальные, материальные и виртуальные следы. При расследовании преступлений не уделяется должное внимание виртуальным следам. Указанные следы - это любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с преступлением, и зафиксированное в виде компьютерной информации. Она может находиться в различных источниках в зависимости от используемых компьютерных средств.

Список литературы:

1. Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467>
2. В.А. Жбанков, А.В. Табаков, монография Криминалистические классификации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, как предмет контрабанды теоретические и практические аспекты разработки и использования в расследовании, Люберцы, 2013
3. См.: Барченкова Я.В. Цифровые следы при расследовании мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи // Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и

практики», Серия «Экономика и право», №4, 2020; Жбанков В.А., Барченкова Я.В. Цифровые следы при совершении мошенничества с использованием мобильного телефона// Материалы VIII Международной научно-практической конференции г. Москва, 28-29 января 2021г. С. 87

ON THE ISSUE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF DRUG SMUGGLING COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Abstract. The article discusses issues aimed at improving the efficiency of disclosure and investigation of drug smuggling committed by organized criminal groups.

Keywords: Drug smuggling, organized criminal formations, the structure of the criminal formation, traces of drug smuggling activities, virtual traces.

Кокин Андрей Васильевич - доктор юридических наук, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; главный государственный судебный эксперт лаборатории судебной трасологической и баллистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, город Москва, Россия,

avksudbal@mail.ru.

Kokin Andrey Vasilievich - Doctor of Law, Professor of the Department of Weapon Science and Trasology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya; Chief State Forensic Expert of the Laboratory of Forensic Trasological and Ballistic Expertise of the FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia

О КРИТИКЕ МЕТОДА ИДЕНТИФИКАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. В статье обсуждается критика метода идентификации некоторыми зарубежными учеными, высказывающих сомнения в плане его надёжности, научной обоснованности и правильности выводов экспертиз, формулируемых экспертами. Для опровержения этих утверждений проводится анализ тестов, цель которых заключалась в подтверждении способности квалифицированными экспертами формулировать достоверные выводы по идентификации на основе установленных методов и алгоритмов действий. Результаты всех тестов демонстрируют надёжность метода идентификации и необоснованность позиции критиков.

Ключевые слова: *выводы экспертизы, идентификация, криминалистика, метод, специфичность, судебная экспертиза, тест, чувствительность.*

Многие годы метод идентификации, применяемый в криминалистике и судебной экспертизе является одним из средств установления истины в уголовном судопроизводстве. Этот метод по праву занимает ведущие позиции в методологии многих видов криминалистических экспертиз, востребован у криминалистов, судебных экспертов, представителей различных правоохранительных органов и судов, поскольку заслуживает доверия и является предпочтительным для исследования доказательств по делам, связанным с необходимостью отождествления человека и различных объектов.

Следует отметить, что по мере развития и распространения метода идентификации доверие к нему только возрастало. Критических высказываний в его адрес было не много, соответствующие научные исследования никогда не прекращались, а их результаты способствовали развитию теоретических и практических положений идентификации.

Однако под влиянием нигилизма и редуционизма, свойственных современной западной цивилизации, отношение некоторых зарубежных правоприменителей и стражей закона к методу идентификации изменилось и стало не столь однозначно положительным. Зарубежные критики идентификации в судебной экспертизе начали противопоставлять её анализу ДНК и утверждать, что она не соответствует строгим научным принципам этой дисциплины. Суть претензий заключается в том, что если

бы наука судебной идентификации развивалась из нормальной науки, то её подходы, измерение атрибутов, выборки различий в популяциях и статистической обработки напоминали бы типирование ДНК [1].

На основе этого развернулась дискуссия о том, может ли эксперт, используя общепринятые методики сформулировать достоверный вывод о наличии или отсутствии тождества. В связи с субъективным характером метода идентификации в некоторых видах судебных экспертиз, и тем обстоятельством, что эксперты имеют неодинаковый уровень квалификации, понятна озабоченность в отношении общей надежности этого метода при решении задач по отождествлению различных объектов. В частности, подобные опасения были выражены в отчете «Судебная экспертиза в уголовном суде: обеспечение научной обоснованности методов сравнения признаков», подготовленном Президентским советом по науке и технологии США (President's Council of Advisors on Science and Technology). В этом документе рассматривалось несколько видов судебных экспертиз, использующих метод идентификации: анализ ДНК и волос, трасология (исследование следов укусов и обуви), дактилоскопия и баллистика [2].

Необходимо заметить, что в данном отчете критика идентификации была основана на принципах метрологии. В итоге было указано, что идентификационные экспертизы отличаются низкой достоверностью выводов, высокой степенью потенциальных ошибок и характеризуются недостаточной научной обоснованностью. При этом составители отчета проигнорировали большое количество проведенных своими же соотечественниками тестов, направленных на исследование достоверности выводов в различных видах экспертиз и определение уровня возможных ошибок. Подобные исследования проводились как до появления отчета PCAST, так и после, в рамках изучения проблемы надёжности метода идентификации. Целью тестов было подтверждение того, что на основе установленных методов и алгоритмов действий квалифицированным экспертом могут быть сделаны достоверные выводы по идентификации. В частности, достаточно много подобных тестов было проведено в судебной баллистике и несколько меньше в трасологии.

При обсуждении результатов этих исследований важно понимать, что способны выявить подобные тесты, какие проблемы они помогают диагностировать. Очевидный факт, что эксперты имеют неодинаковый практический опыт проведения идентификационных исследований,

соответственно они обладают разными пороговыми значениями для принятия решения и диапазон этих пороговых значений может быть определен по ошибкам, допущенным в тестах. Если диапазон пороговых значений высок, то в тестах должно быть большое количество ошибок, а если невелик, то наоборот. При этом важно не ограничиваться обсуждением ошибок в отдельных тестах, а попытаться оценить частоту ошибок в масштабах всего метода идентификации. В общем случае, любые ошибки в тестах отражают индивидуальные просчеты тестируемого эксперта и несоблюдение им критериев идентификации.

Анализ тестов показывает, что у проведенных исследований можно выделить как сильные стороны, так и некоторые недостатки. С одной стороны, они продемонстрировали, что тестируемые эксперты способны прийти к правильному выводу, имеется возможность снижения субъективизма отдельного эксперта и проведения оценки потенциальной ошибки. С другой стороны, проявились и слабые стороны, более очевидные в одних исследованиях, чем в других. Одним из существенных недостатков было то, что во многих исследованиях в тестовых наборах не было нетождественных объектов, то есть так называемых истинных исключений: каждому проверяемому объекту соответствовал тождественный контрольный объект, и как следствие такой подбор приводил к тому, что потенциально тождество возможно было определено в результате исключения не подходящих образцов. Другой проблемой было недостаточное количество респондентов, которое было низким по причине требования наличия опыта практической работы в области идентификации.

Важно выделить несколько критериев, которые имеют отношение ко всем исследованиям. Первый – это частота ошибок, частота ложных положительных выводов и частота ложных отрицательных выводов. В некоторых исследованиях выводы в форме НПВ рассматривались как ошибки [3,4], поскольку задания подразумевали только положительные или отрицательные ответы, но известно, что подобные выводы часто являются результатом ненадлежащей оценки совпадающих либо различающихся признаков в сравниваемых следах.

Анализ тестов показывает, что частота ошибок рассчитывалась по-разному в зависимости от его конструкции. В некоторых случаях расчет был основан на общем количестве выборок, а в других – на общем количестве проведенных сравнений. Первый подход менее сложен и

определяется тем, как были рассчитаны коэффициенты ошибок, поскольку эти исследования включали закрытые наборы объектов, в которых каждый образец можно было идентифицировать по другому образцу в тестовом наборе. Второй подход позволяет оценить, сколько раз эксперт ошибался, что можно рассматривать как более реалистичную оценку его работы. В иных тестах расчет был основан на количестве положительных и отрицательных выводов о наличии тождества объектов в наборе образцов. Например, частота ошибок в ложных положительных выводах была основана на количестве истинных исключений в выборке, поскольку только истинное исключение могло быть ошибочно определено. В то же время положительный вывод мог быть ошибочным просто из-за того, что идентификацию проводили по несоответствующему объекту.

Два других критерия связаны с качеством исследования. Первый – это чувствительность, которая отражает, как часто делается вывод о наличии тождества объектов, когда реально можно их идентифицировать. Второе – это специфичность, которая отражает, как часто делается вывод об отсутствии тождества, когда есть все основания для этого. Чувствительность и специфичность рассчитываются путем деления количества полученных положительных и отрицательных выводов, на количество соответствующих истинных вариантов и выражаются в процентах. Таким образом, значение может варьироваться от 0% до 100%, причем большее число отражает, насколько легко можно было бы сделать вывод о наличии либо отсутствии тождества. Следует отметить, что специфичность и чувствительность не были рассчитаны для многих обсуждаемых тестов, но если приведенных данных достаточно для их расчета, то они были нами определены.

Результаты этих исследований, включая количество участников, размеры выборки, частоту ложных положительных выводов и ложных отрицательных выводов, чувствительность и специфичность тестов обобщены в таблице 1.

Можно с уверенностью заключить, что результаты различных тестов по исследованию следов огнестрельного оружия на выстреленных пулях и стреляных гильзах, а также следов других инструментов, продемонстрировали надёжность метода идентификации, а главное то, что квалифицированные эксперты могут успешно решать различные задачи идентификационного характера.

Из большого числа тестовых исследований по этой проблеме нами было рассмотрено только 16 исследований, в которых валидация критериев идентификации проводилась на следах статического и динамического характера. Очевидно, что частота ошибок в ложных положительных выводах относительно невелика, многие показатели составляют 1% и ниже. Самый высокий показатель в 4,88% был получен в тестировании, в котором наблюдалась явная предвзятость при прохождении респондентами теста, когда участники делали выводы о тождестве, на основании наилучшего соответствия, а не на данных объективного исследования объектов. Необходимо отметить, что этот показатель ошибок не характеризуют общепринятую частоту ошибок в идентификации огнестрельного оружия и трасологических следов, поскольку метод идентификации в 99% случаев является точным. При этом результаты подобных тестов предоставляют возможность следователям и судам, а также другим заинтересованным сторонам понять, как часто судебные эксперты, проводящие идентификационные исследования делают ложные выводы.

Однако самое главное, то, что результаты тестов опровергают утверждения о том, что метод идентификации в судебной экспертизе является слишком субъективным. Безусловно, что субъективные основания, которыми эксперт обосновывает свой вывод о тождестве, базируются на его личной подготовке и опыте, и они могут отличаться от критериев другого эксперта. Но если бы они были сильно различны, то это должно было бы выразиться в гораздо большем количестве ошибок в рассмотренных тестовых исследованиях. Поэтому низкие показатели ошибок в тестах показывают, что диапазон критериев идентификации среди экспертов относительно узок и, хотя он действительно субъективен, но все же надежен и представляется достаточно обоснованным. Результаты тестов демонстрируют показатель надежности идентификационных экспертиз, если они проводятся в соответствии с утверждёнными методиками.

Таблица 1.

№ п/п	Тест	Тестируемые образцы	Число участников	Количество образцов	Ложных положительных выводов, %	Ложных отрицательных выводов, %	Чувствительность, %	Специфичность, %
1	Brundage D. (1998)[5]	пули	30	450	0,00	–	99	–
2	Bunch S., Murphy D. (2003) [6]	гильзы	8	360	0,00	0,00	100	40,7
3	Smith E. (2005) [7]	гильзы/пули	8/8	360/360	0,00/0,00	0,00/0,00	87/75	5/0
4	Hamby J., Brundage D., Thorpe J. (2009) [8]	пули	507	7605	0,00	–	99	–
5	Lyons D. (2009) [9]	выбрасыватели	15	178	1,70	–	98,3	–
6	Lightstone L. (2010) [10]	гильзы	2	24	0,00	–	100	–
7	Fadul T. (2011) [11]	пули	183	2745	0,40	–	99	–
8	Mayland B., Tucker C. (2012) [12]	патронник	64	192	1,60	–	93	–
9	Knapp J., Garvin A. (2012) [13]	пули	43	430	4,88	0,23	93,9	1,2
10	Fadul T., Hernandez G., Wilson E. et al. (2013) [13]	пули	165	1650	0,70	0,00	99	–
11	Stroman A. (2014) [14]	гильзы	25	75	0,00	–	98	–
12	Smith T. et al. (2016) [15]	пули/гильзы	34/34	408/408	0,00/0,14	0,10/0,43	98/75	91/84
13	Keisler M., Hartman S., Kilton A. et al. (2018) [16]	гильзы	126	40	0,00	0,00	99,7	79,9
14	Thompson E., Wyant R. (2003) [17]	ножи	103	1030	0,77	–	99	–
15	Giroux B. (2009) [18]	отвертки	8	80	0,00	3,40	75,9	15,7
16	King E. (2015) [19]	отвертки	7	70	0,00	0,00	88	–

Список литературы

1. Saks M., Faigman D. Failed Forensics: How Forensic Science Lost its Way and How it Might yet Find it // Annual Review of Law and Social Science. 2008. 4(1). P.149-171.
2. President's Council of Advisors on Science and Technology. Forensic Science in Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison
3. Method https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/ostp/PCAST/pcast_forensic_science_report_final.pdf (дата обращения 21.02.2022).
4. Peterson J., Markham P., Crime laboratory proficiency testing results, 1978-1991. I. Identification and classification of physical evidence. J. Forensics Sci. 1995 Nov; 40(6): 994-1008.
5. Peterson J., Markham P., Crime laboratory proficiency testing results, 1978-1991. II. Resolving questions of common origins. J. Forensics Sci. 1995 Nov; 40(6): 1009-1029.
6. Brundage D. The identification of consecutively rifled gun barrels // AFTE Journal 30(3), 1998, P. 438-444.
7. Bunch S., Murphy D. A comparative validity study for forensic examination of cartridge cases // AFTE Journal 35(2), 2003, P. 201-203.
8. Smith E. Cartridge case and bullet comparative validation study with firearms submitted in casework // AFTE Journal 37(2), 2005, P. 130-135.
9. Hamby J., Brundage D., Thorpe J. The identification of bullets fired from 10 consecutively rifled 9 mm Ruger pistol barrels: a research project involving 507 participants from 20 countries // AFTE Journal 41(2), 2009, P. 99-110.
- Lyons D. The identification of consecutively manufactured extractors // AFTE Journal 41(3), 2009, P. 246-256.
10. Lightstone L. The potential for and persistence of subclass characteristics on the breech faces of SW40VE Smith & Wesson Sigma pistols // AFTE Journal 42(4), 2010, P. 308-322.
11. Fadul T. An empirical study to evaluate the repeatability and uniqueness of striations/impressions imparted on consecutively manufactured Glock EBIS gun barrels // AFTE Journal 43(1), 2011, P. 37-44.
12. Mayland B., Tucker C. Validation of obturation marks in consecutively reamed chambers // AFTE Journal 44(2), 2012, P. 167-169.
13. Ronald Nichols. Firearm and Toolmark Identification: The Scientific Reliability of the Forensic Science Discipline, 2018. P.129.

14. Stroman A. Empirical determined frequency of error in cartridge case examinations using a declared double-blind format // AFTE Journal 46(2), 2014, P. 157-175.
15. Smith T., Smith G., Snipes J., A validation study of bullet and cartridge case comparisons using samples representative of actual casework // Journal of Forensic Sciences. 2016, 40(6), P. 939-946.
16. Keisler M., Hartman S., Kilton A. et al. Isolated pairs research study // AFTE Journal 50(1), 2018, P. 56-58.
17. Thompson E., Wyant R. Knife identification project (KIP) // AFTE Journal 35(4), 2003, P.366-370.
18. Giroux B. Empirical and validation study: consecutively manufactured screwdrivers // AFTE Journal 41(2), 2009, P.153-158.
19. King E. Validation study of computer numerical control (CNC), consecutively manufactured screwdrivers // AFTE Journal 47(3), 2015, P.171-176.

ABOUT OF CRITICISM OF THE IDENTIFICATION METHOD IN CRIMINALISTICS AND FORENSIC EXAMINATION

Abstract. *The article discusses the criticism of the identification method by some foreign scientists. They express doubts about its reliability, scientific validity and correctness of the conclusions formulated by experts. An analysis of tests was made for purpose to refute these claims. The intent of tests was to confirm the ability of qualified experts to formulate reliable identification conclusions based on established methods and algorithms of actions. The results of all tests demonstrate the reliability of the identification method and the unfounded position of critics.*

Keywords: *expert conclusions, identification, criminalistics, method, specificity, forensic examination, test, sensitivity.*

Куликов Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», город Калининград, Россия.

bmw0052@rambler.ru

Kulikov Alexander Viktorovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Immanuel Kant Baltic Federal University

Макаревская Диана Сергеевна - соискатель Высшей школы права ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», город Калининград, Россия.

willtell@mail.ru

Makarevskaya Diana Sergeevna - Competitor of the Higher School of Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются спорные моменты уголовно-правовой оценки и квалификации укрывательства преступлений, приведены практические примеры*

***Ключевые слова:** укрывательство, недоносительство, общественная опасность, состав преступления, мотив, цель*

Подвергаемое нами критическому анализу общественно опасное деяние, предусмотренное статьей 316 УК РФ в форме укрывательства преступлений, представляет повышенную сложность в уголовно-правовой оценке и квалификации. Редакция указанной статьи уголовного закона в марте 2022 года была кардинально изменена и действующие сегодня нормы предусматривают санкции за «заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1), а также за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч.2)» [1].

Бесспорно, что степень и значимость общественной опасности этого деяния заключается в воспрепятствовании раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений и привлечения к уголовной ответственности

совершивших их лиц, причиняя тем самым в конечном итоге вред интересам правосудия и побуждая к дальнейшему совершению преступлений.

В порядке анализа следует подчеркнуть, что нормы статьи носят бланкетный характер, для определения круга преступных деяний, подпадающих под признаки тяжких и особо тяжких преступлений, следует обращаться к частям 4 и 5 ст. 15 УК РФ. При этом это только умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы (тяжкие) либо предусмотрено наказание свыше 10 лет лишения свободы, или иное более тяжкое наказание (особо тяжкие).

Необходимо также указать, что усматривается состав статьи 316 УК РФ и в случае укрывательства тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных лицами, не являющимися субъектами привлечения к уголовной ответственности.

Основным конструктивным недостатком анализируемой статьи является диспозиция уголовно-правовой нормы, которая не раскрывает ни само существо понятия, ни конкретных признаков этого преступления, что порождает определенные проблемы на практике, в частности, судебной, поскольку для вынесения законного и мотивированного приговора судам необходимо обосновать, в чем именно заключалось преступное деяние, а отсутствие развернутой объективной стороны создает существенное затруднение, в результате дело может быть прекращено, и лицо может избежать уголовной ответственности.

Из-за отсутствия развернутой диспозиции возникает закономерный вопрос, что непосредственно составляет объективную сторону преступления? Для того чтобы получить представление о том, что следует считать укрывательством, необходимо пойти от обратного и обратиться к ч. 5 ст. 33 УК РФ. В норме говорится о пособнике - лице, заранее обещавшем «...скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем...»[2]. Таким образом, все вышеперечисленное, может и должно быть отнесено и к укрывательству. В связи с этим следует сделать вывод, что объективная сторона заранее не обещанного укрывательства преимущественно состоит из активных действий. Это подтверждается и судебной практикой. Гражданин М., став свидетелем убийства, совершенного группой лиц, согласился скрыть тело убитой и следы

преступления. С этой целью М. «уничтожил, путем сжигания в очаге бани орудие преступления - топор, а также одежду потерпевшей П.В.А., кроме того, с целью перевозки трупа подыскал во дворе указанного дома металлическую тележку, в которую погрузил труп, предварительно завернув<...>, а затем, действуя умышленно, осознавая, что укрывает следы особо тяжкого преступления, перевез на указанной выше металлической тележке труп П.В.А. к болотистой местности; где спрятал труп в имеющихся на данном участке болотистой местности камышах» [3].

В реальности, на наш взгляд, также нельзя исключать возможность совершения укрывательства путем бездействия в так называемой форме попустительства, когда лицо, фактически бездействуя, укрывает совершенное и известное ему тяжкое или особо тяжкое преступление.

Отличием пособника от укрывателя является признак заведомости. Интересной представляется позиция, в соответствии с которой укрывательство способно перерасти в пособничество. Так еще в XIX веке Н.А. Полетаевым было справедливо отмечено, что пособничеством будет признано укрывательство «если будет укрывательством по ремеслу, состоящим в постоянном, в обычное занятие обратившемся, служащем некоторым образом средством к жизни» [4]. Это правило вполне может быть применимо и в настоящее время, если правоохранными органами будут установлены факты тождественных регулярных действий лица, направленных на сокрытие преступления. Заранее не обещанное укрывательство – это преступление с формальным составом, однако в науке существуют отдельные позиции, обосновывающие важность общественно опасных последствий для данного деяния. Так, В.Г. Трифонов считает, что необходимо оценивать, была ли у преступника реальная возможность избежать уголовной ответственности благодаря укрывательству лица [5]. На наш взгляд, данный аспект носит лишь вспомогательное значение при назначении наказания, однако для заранее не обещанного укрывательства первоочередное значение имеет тот факт, что лицо, узнав о совершении особо тяжкого преступления и в особенности тяжкого преступления в отношении лица, не достигшего четырнадцати лет, приняло для себя решение скрыть это.

По справедливому мнению Дворжицкой М.А., укрывательство представляет собой разновидность так называемой «прикосновенности к преступлению» [6]. В теории уголовного права прикосновенность к

преступлению определена как общественно опасная и умышленная деятельность лица, непосредственно не участвующего в совершении того или иного преступления, направленная на затруднение его раскрытия. Несмотря на то, что укрыватель не совершал тяжкое или особо тяжкое преступление, своим поведением он создал препятствия для изобличения преступника и привлечения его к уголовной ответственности.

Считаем важным напомнить, что до принятия действующего Уголовного кодекса РФ помимо укрывательства существовал самостоятельный институт недоносительства. Тогда разница между двумя формами прикосновенности к преступлению была явно прослеживаемой: укрывательство, предполагавшее совершение конкретных активных общественно опасных действий, затрудняющих раскрытие преступления, и недоносительство, в чистом виде представлявшее собой форму уголовно наказуемого бездействия. Данное деяние обычно проявлялось в том, что лицо, явившееся очевидцем преступления, не доносило об этом в соответствующие органы. Сегодня признаки недоносительства в определенной мере усматриваются, на наш взгляд, в том понятии укрывательства, которое прописано в уголовном законе.

Приоритетное значение имеет субъективная сторона данного состава преступления, которая характеризуется только прямым умыслом. Косвенный умысел исключается, так как исходя из объективной сущности укрывательства лицо, во-первых, не может не осознавать общественную опасность деяния, во-вторых, не может не желать наступления последствий либо относиться к ним безразлично, так как своими действиями осуществляет все возможное, чтобы преступление не было раскрыто. Важнейшим критерием, наличие которого и должно обусловить возможность привлечения лица к уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство, является реальная, а не предполагаемая осведомленность лица о том, что было совершено тяжкое или особо тяжкое преступление. Таким образом, должно быть установлено, что укрыватель точно знал о случившемся или, например, о том, что принесенные ему на хранение предметы являются орудием преступления.

Так, Ленинским районным судом г. Иркутска С. привлечен в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ. С. совершил заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления, при следующих обстоятельствах. Убедившись, что потерпевший мертв, достоверно зная о совершенном Ф. особо тяжком

преступлении, не являясь близким родственником последнего и не обещая ему заранее сокрыть совершенное преступление, действуя добровольно, из дружеских побуждений желая помочь Ф. избежать уголовной ответственности, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий своих действий в виде сокрытия особо тяжкого преступления и желая их наступления поместил труп в водоем и оттолкнул его от берега с целью сокрытия трупа» [7]. По материалам данного уголовного дела мы видим реализацию прямого умысла в виде активных действий по сокрытию трупа и уничтожению следов ставшего известным обвиняемому преступлению.

Следует также считать недостатком конструкции данного состава преступления то, что мотив и цель не учитываются как квалифицирующие признаки деяния. В основе поведения такого лица имеет место, как правило, личная заинтересованность, когда лицо, руководствуясь ложным пониманием дружбы, соглашается на укрывательство, или даже страх по отношению к правоохранительным органам или преступнику. Например, обвиняемый в заранее не обещанном укрывательстве К. не стал сообщать в полицию, поскольку он побоялся, что сотрудники полиции подумают, что это он убил Х. [8]. Однако в случае, если преступник осуществляет реальную угрозу убийством или причинения вреда, лицо фактически лишено выбора и не должно привлекаться к уголовной ответственности. Корысть как мотив заранее не обещанного укрывательства на практике встречается нечасто и даже в преступном мире такое укрывательство является «уважаемым» поступком, не требующим материального поощрения.

Нельзя не отметить примечание к указанной статье, имеющее принципиальное значение для возможной квалификации действий по данному составу. Не подлежит уголовной ответственности лицо за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Существует такое понятие как «близкие лица», под которыми понимаются не входящие в вышеперечисленные категории лица, которые дороги потерпевшему или свидетелю. К ним можно отнести, например, сожителей. Это положение не распространяется на виновного, поэтому если такое лицо совершит заведомо не обещанное укрывательство, оно будет подлежать уголовной ответственности.

Таким образом, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ст. 316 УК РФ является непреложным установление факта заведомой осведомленности лица о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наличия у него прямого умысла на его сокрытие. От уголовной ответственности освобождаются не только лица, указанные в примечании к статье, но и вынужденные укрыватели, действующие в состоянии крайней необходимости. Не лишним будет указание в статье на мотивы совершения преступления, в частности корыстного.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// [Электронный ресурс]. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата доступа 05.05.2022 года)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // [Электронный ресурс]. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Приговор Каслинского городского суда Челябинской области от 16 сентября 2021 года по делу № 1-142/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>
4. Полетаев, Н. А. Прикосновенность к преступлению / Ник. Полетаев // Журнал Министерства Юстиции. — СПб., 1862. — Том XIV, Октябрь. — С. 45–100.
5. Трифонов, В.Г. Укрывательство преступлений. Проблемы отграничения от смежных деяний и соучастия в преступлении в виде пособничества / В. Г. Трифонов. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. — 2016. — № 4 (36). — С. 30–38.
6. Дворжицкая, М.А. Разграничение несообщения о преступлении и укрывательства преступлений / М. А. Дворжицкая. — Текст: непосредственный // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. — С. 272–274.
7. Приговор Ленинского районного суда г. Иркутска от 9 сентября 2021 года по делу № 1-133/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>

8. Приговор Комсомольского районного суда Ивановской области от 07 декабря 2021 года по делу № 1-43/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>.

COVERING CRIMES: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation: the article discusses the controversial points of the criminal law assessment and qualification of concealment of crimes, practical examples are given

Keywords: concealment, non-information, public danger, corpus delicti, motive, purpose

Кустов Анатолий Михайлович - доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник НИИ (Академии управления МВД России), Москва, Россия

amkustov@bk.ru

Kustov Anatoly Michailovich, Doctor of law, Professor, academician of the Russian Academy of natural Sciences, honored lawyer of the Russian Federation, chief research scientist of research Institute (Academy of management of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation), Moscow, Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена использованию искусственного интеллекта при производстве осмотра места происшествия, а также цифровых информационно-поисковых программ и баз данных при производстве данного действия. Дается авторское видение содержания цифровой информации, предложены отдельные направления в использовании высоких технологий при производстве следственного осмотра.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровые информационные технологии, компьютерное цифровое моделирование, процессуальные действия, следователь, преступник.*

Тактика осмотра места происшествия подразумевает комплекс тактических приемов, проведение которых обеспечивает наиболее быстрое и успешное достижение поставленной цели. Тактические приемы осмотра – это приемы правильной ориентировки на месте происшествия, правильного определения границ осмотра, методы его проведения, правильной оценки и фиксации обстановки, а также выявления, фиксации и изъятия следов и иных вещественных доказательств [1].

Тактика осмотра места происшествия включает три самостоятельных этапа – подготовительный, основной и заключительный [2]. Подготовительный этап осмотра следователем (дознавателем) формируется из следующих действий: получается и анализируется информация от заявителя (дежурного по ОВД) о характере происшествия, условиях и обстановке, в которой придется производить осмотр; обеспечивается или принимаются меры к охране места происшествия (участковым инспектором, сотрудниками патрульно-постовой службы и др.), а также к оказанию медицинской помощи потерпевшим от преступления; принимаются меры к предотвращению и ослаблению последствий преступления, а также к преследованию преступника по «горячим следам»; определяются (подбираются) участники следственно-оперативной группы: понятые (если место происшествия находится далеко от населенного пункта), специалисты (врач), оперативные сотрудники, техники или эксперты-криминалисты (судебно-медицинский эксперт), кинолог со служебной собакой и др.; определяются технические средства, необходимые для осмотра (следственный чемодан (портфель или дипломат), поисковые и измерительные приборы, средства обнаружения невидимых и маловидимых следов, средства фиксации и изъятия следов, средства фиксации хода осмотра), проверяется их готовность; подготавливаются бланки процессуальных документов и письменных приборов; определяется место и время производства следственного осмотра. Осуществляется выезд на определенное (первоочередное) место происшествия. При следователе (дознавателе) имеется мобильный телефон, планшетник или ноутбук с

соответствующим программным цифровым обеспечением и связью с Интернетом.

Действия по прибытию на место осмотра (если ранее не произведено) производятся в следующем порядке: устанавливается, что произошло; оказывается медицинская помощь пострадавшим; организуется охрана места происшествия; нейтрализуются последствия преступления; организуется задержание подозреваемого (заподозренного) по «горячим следам»; устанавливаются и опрашиваются свидетели-очевидцы происшедшего криминального события.

Опрос должен занять минимальное время. Главная цель опроса – на основе полученных сведений решить, имеются ли в данном событии признаки преступления и, следовательно, нужно ли проводить осмотр; если да, то на что необходимо обратить особое внимание. Составив для себя полное и четкое представление о происшедшем событии, следователь (дознатель) окончательно решает вопрос о круге участников осмотра и приступает к непосредственному осмотру. Он определяет границу места осмотра и выясняет - были ли изменения в обстановке с момента происшествия до прибытия следователя; фиксирует на планшетник (ноутбук, видеокамеру) всех присутствующих на месте происшествия и вблизи, а затем удаляет посторонних лиц; уточняет, с учетом анализа обстановки, права и обязанности участников осмотра.

Затем следователь осуществляет общий осмотр территории с фиксацией объектов местности с помощью цифровых технологий, получает на мониторе место происшествия в 3D, а затем приступает к детальному осмотру места происшествия. Объектами, подлежащими исследованию при осмотре места происшествия являются: место, с которым связано представление о происшествии, т.е. участок местности или помещения; обстановка места происшествия; труп или его части; следы преступления и преступника; иные предметы или документы, обнаруженные вне места происшествия, но связанные с криминальным событием. В связи с детальным осмотром места происшествия: объекты обстановки тщательно и детально осматриваются. Для этого они могут сдвигаться с места или переворачиваться; принимаются все доступные меры к обнаружению на самом месте происшествия и на его отдельных объектах следов преступления и иных вещественных доказательств; фиксируются изменения в обстановке и негативные признаки состояния объектов; производится узловая и детальная фото-, кино-, видео- съемка

места происшествия и ее объектов и т.д.

Анализ современной судебно-следственной и экспертной практики показал, что технико-криминалистические средства, применяющие цифровые технологии, позволяют оперативно использовать огромные криминалистические и иные базы данных (криминалистические учеты), что создает условия для тесной интеграции следователей (дознавателей), судей с иными сотрудниками правоохранительных органов, прокурорами и экспертами при производстве следственных и судебных действий [7], в том числе и при производстве осмотра места происшествия.

Очевидно, что автоматизированные цифровые криминалистические инструменты лежат в машинной компьютерной обработке и в ее производном - искусственном интеллекте. Под искусственным интеллектом в криминалистике можно понимать производные комплексы (системы), состоящие из компьютерной системы (сетевые, персональные и иные цифровые компьютеры), компьютерных программ (программное обеспечение), баз данных (криминалистические учеты и запрограммированная криминалистически значимая информация о совершенном преступлении и его участниках) и искусственных нейронных сетей, выполняющие математические функции. Данные комплексы обеспечивают формирование и функционирование данного интеллекта [7].

Проведенный научный анализ судебно-следственной практики показал, что искусственный интеллект позволяет значительно упростить работу следователей (дознавателей) на месте происшествия, в части: изучения юридических документов и материалов уголовного дела; анализа имеющихся прямых и косвенных улик и определения вероятного уровня складывающейся следственной ситуации и сути будущего уголовного дела; быстрой подготовки необходимой информационной цифровой базы для проверки и анализа полученных (имеющихся в деле) доказательств; формирования предложений по программе (алгоритму) действий после следственного осмотра и т.д.

Данный искусственный интеллект способен не просто действовать (работать) по заранее заданному алгоритму (программе), но и реализовывать такие творческие функции человека как принятие решений, прогнозирование, оценка рисков, работа с неполными данными в деле и данными криминалистических учетов, предсказание последствий, учет и реагирование на дополнительную значимую информацию и т.д.

Искусственный интеллект сегодня оперативными работниками, следователями, дознавателями и экспертами на месте происшествия используется при сборе, фиксации и обработке большого количества данных о совершенном преступлении и его участниках, в получении и обработке оперативной информации и на этих результатах для принятия решений по оперативному управлению самим процессом расследования и т.д.

Анализ современной судебно-следственной и экспертной практики показал, что использования искусственного интеллекта в следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельности, а также при производстве осмотра места происшествия и определяется по следующим направлениям: оценка и анализ первичной информации о криминальном событии и его участниках; моделирование механизма совершенного преступления, его последствий и следов; вычленения из массива расследуемых дел признаков серийности, объединения преступлений по схожим признакам; выявление признаков серийности в совершенных преступных деяниях; оценка достаточности доказательств в материалах уголовного дела; планирование дальнейших следственных действий и оперативных мероприятий, описание оперативной обстановки и т.д. [5].

На основе этих параметров цифровая система формирует поисковый портрет преступника и просчитывает все возможные варианты его действий и выдает наиболее верный из них. А.А. Бессонов пояснил, что данная схема-таблица через искусственный интеллект способна определить возраст вероятного преступника (с точностью 80%), наличие у него психических патологий, а также судимостей (с достоверностью 81,5%); а с точностью до 96% компьютерная программа способна установить, был ли преступник знаком со своей жертвой и описать способы передвижения виновного [3, 4].

Доверяясь суперкомпьютеру, следует иметь в виду, что, действительно, искусственный интеллект способен обрабатывать огромный объем заложенных данных, в которых человек легко может запутаться, однако, машина способна анализировать только те данные, которые в нее загрузили. В нее нельзя вложить человеческую интуицию.

При производстве криминалистических и иных судебных экспертиз эксперты используют компьютерные цифровые программы для исследования объектов, изъятых с мест происшествия. Искусственный интеллект позволяет специалисту автоматически по полученному

биоматериалу определить его принадлежность, т.е. определить внешние анатомические признаки вероятных преступников (например, цвет глаз, волос, форму лица, голову и т.д.).

При участии ученых медиков, биологов, химиков и других специалистов сегодня разработаны и разрабатываются программы по выявлению и фиксации биоследов и иных биоматериалов на месте происшествия для определения признаков и свойств личности преступника или жертвы, ранее находившейся на месте совершения тяжкого или особо тяжкого преступления.

В криминалистической практике действуют разработки с использованием цифровых технологий, основанные на эмпирической базе криминалистических характеристик преступлений, которые позволяют формировать наиболее перспективные криминалистические версии о личности преступника (К.А. Нелюбин) и компьютерные программы по расследованию преступлений: «Crimeserieslinkage» - программа для выявления серийных преступлений и преступников (А.А. Бессонов); «PorserO» - программа для формирования портрета серийного преступника (А.А. Бессонов) [3,4] и т.д.; автоматизированные информационно-поисковые системы «Блок», которые способствуют определению соответствующего направления в расследовании экономических преступлений; автоматизированные системы «Маньяк», обеспечивающие получение информации о личности преступника при расследовании серийных убийств на сексуальной почве; информационные системы «Спрут», осуществляющие поиск и помогают определить контакты и иные связи между преступниками и в отдельных случаях и будущими жертвами; поисковые системы «Сейф», способствуют определению направления поиска и расследования хищений денежных средств из специализированных хранилищ, а также географические информационные системы «Зеркало», оперирующие пространственными (фактографическими и статистическими) данными в процессе обеспечения расследования преступлений и др.

Следственная практика показала, что наиболее продуктивно может использоваться искусственный интеллект при производстве осмотра места происшествия. Так, находясь на месте происшествия, следователь и эксперт не только изучают материальную обстановку, но и на основе собственного опыта стараются предположить, как бы поступили на месте преступник или жертва. При помощи высоких цифровых технологий и с

использованием криминалистических учетов, запрограммированных баз данных с мест происшествия и информации из Интернет-ресурсов (социальных сетей) следователи (дознатели) могут: по подробно описанному расследуемому криминальному событию определить аналогичные ранее раскрытые или нераскрытые преступления; по полученным с места происшествия биоматериалу (ДНК) определить с большей вероятностью внешние анатомические признаки лиц, совершивших преступления, например, цвет глаз, относительную форму лица, цвет волос, относительную форму головы и тела, цвет кожи; по полученным данным составить психофизический портрет разыскиваемого преступника, распознать практически всех лиц, совершивших преступление, установить личность неопознанных жертв и трупов; с учетом извлеченных данных из сотового телефона, определить лиц, учувствовавших в переговорах, произвести поиск людей, связанных с событием совершенного преступления, осуществить оперативный поиск и идентификацию лица человека по фото- или видео- изображению, создать фотороботов (портрет) вероятного преступника и через систему распознавания лиц в метро, на улице и иных общественных места организовать его поиск и т.д.

Более того, цифровые технологии, программное обеспечение и результаты аэро- или видео- съемки позволяют на месте исследуемого места преступления или дорожного происшествия сформировать на экране планшета или ноутбука само место в 3D. Связь с основным головным компьютером, где собрана информация с массива аналогичных уголовных дел, указать или спрогнозировать вероятное нахождение следов и иных вещественных доказательств.

Самое продуктивное использование искусственного интеллекта возможно при производстве следственного осмотра, т.е. это использование: цифровых средств фото или видео- фиксации и осмотра следов преступников, предметов обстановки места совершенного преступления и передачи данной информации на компьютер следователя (дознателя) и в материалы электронного уголовного дела; цифровых технологий при подготовке электронных процессуальных документов по результатам осмотра вещественных доказательств и при протоколировании хода процессуальных действий; искусственного интеллекта, чтобы осуществить обработку информации (в т.ч. осмотр следов) с места происшествия о вероятном преступнике, отождествление

ее с криминалистическими учетами (в т.ч. с дактилоскопическим учетом), моделирование портрета подозреваемого и его распознавание через видеокамеры улиц, метро, домов и т.д.

Следует отметить, что основная проблема в раскрытии и расследовании произошедшего криминального события состоит в том, что преступников, совершивших серийное преступление, распознают не сразу, особенно, когда они действуют на соседней территории. И в этой ситуации искусственный интеллект вполне способен помочь в решении этой проблемы, сопоставив все детали криминального происшествия. Однако сложно предсказать, сопоставив разрозненные данные, в какой день, в какое время, в какое место отправится маньяк для совершения очередного преступления

Таким образом, современные цифровые технологии, используемые следователями и экспертами-криминалистами при производстве осмотра места происшествия, позволяют автоматически выявлять признаки тяжких и серийных, взаимосвязанных преступлений по полученному с мест преступлений биоматериалу, определять внешние анатомические признаки преступников (например, цвет глаз, волос, форму лица, голову и т.д.).

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы: искусственный интеллект выступает только важным помощником оперативного работника, следователя, дознавателя, эксперта или судьи; определены возможности использования искусственного интеллекта в процессе производства осмотра места происшествия в следующих направлениях: имеются возможности с использованием цифровых технологий моделировать механизмы совершенных преступлений по следам-отображениям; повышена эффективность дактилоскопических, почерковедческих, габитоскопических, судебно-биологических и иных исследований за счет использования искусственного интеллекта; совершенствуется поисково-познавательная деятельность недоступной криминалистически значимой информации о совершенном преступлении и его участниках через следственные осмотры; усовершенствована деятельность по распознаванию признаков и свойств разыскиваемых лиц через камеры наблюдения в общественных местах и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторский коллектив. Криминалистика для бакалавров. - М.: Проспект, 2021. С. 119, 387, 480.
2. Авторский коллектив. Криминалистическая теория и практика расследования умышленных убийств. – М.: Юрлитинформ, 2020. С. 78.
3. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений. М.: Академия У МВД РФ, Дисс. на соиск. докт. юр. наук, 2017.
4. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами. М.: Вестник университета им. О.Е. Кутафина, 2019. С. 46-52.
5. Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления. - М.: Юрлитинформ, 2016. С. 667.
6. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X в. – середина XX в.). - М.: Юрлитинформ, 2019. С.201 - 236.
7. Кустов А.М. Лапин В.О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.). Том 1.– М.: Юрлитинформ, 2021. С. 85-111.
8. Кустов А.М. Лапин В.О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.). Том 2.– М.: Юрлитинформ, 2021.

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION OF INSPECTION OF THE SCENE

***Abstract.** The article is devoted to the use of artificial intelligence in the production of inspection of the scene, as well as digital information retrieval programs and databases in the production of this action. The author's vision of the content of digital information is given, separate directions in the use of high technologies in the production of investigative inspection are proposed.*

***Keywords:** artificial intelligence, digital information technologies, computer digital modeling, procedural actions, investigator, criminal.*

Кучин Олег Стасьевич - профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАН, Заслуженный деятель науки и техники РАН, Doctor of Science Honoris Causa
kuchin-os@rambler.ru

Kuchin Oleg Stas'evich - Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of law, associate Professor, academician of the Russian Academy of Sciences, Honored worker of science and technology RAE, Doctor of Science Honoris Causa

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТО-ВИДЕОТЕХНИКИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА ОТКРЫТЫХ МЕСТНОСТЯХ

***Аннотация.** Определённые трудности у следователей вызывает проведение осмотра места происшествия, которое находится на открытых местностях. Обычно это связано с проведением осмотра вне помещений, вне строений. Часто осмотр места происшествия проводится вообще вне населённых пунктов. Это могут быть участки различной местности или территории сельских поселений, в том числе и малонаселённых. Специфика осмотра места происшествия на открытой местности проявляется в том, что следователю для полной и объективной фиксации обстановки следует максимально использовать возможности современной криминалистической цифровой фотографии и видеозаписи.*

***Ключевые слова:** цифровая фотография, цифровая видеозапись, следователь, осмотр места происшествия, открытая местность, протокол, криминалистика.*

Осмотр места происшествия на открытой местности, является неотложным и довольно сложным, современным следственным действием, которое направлено на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, оставленных следов

преступления и преступника и иных криминалистически значимых фактических данных, позволяющих в своей совокупности, со всеми собранными по делу доказательствами, сделать вывод о механизме и иных обстоятельствах расследуемого преступления.

В криминалистической практике цифровая видео-фотосъемка часто применяется именно в процессе осмотра места происшествия. Поэтому чаще всего снимки, полученные с помощью цифровых аппаратов, являются приложениями к протоколу данного следственного действия.

Главная задача осмотра места происшествия, как следственного действия, максимально точно и объективно зафиксировать обстановку исследуемого события. Как показывает анализ следственной практики, в качестве объектов осмотра выступают: место, с которым связано представление о происшествии, т.е. участок местности или помещение; обстановка места происшествия; труп и части трупа; следы преступления и преступника; иные предметы или документы, находящиеся на месте происшествия, транспортное средство, жилище и т.д. и т.п.

Определённые трудности у следователей вызывает проведение осмотра места происшествия (места преступления), которое находится на открытых местностях. Обычно это связано с проведением осмотра вне помещений, вне строений. Часто осмотр места происшествия проводится вообще вне населённых пунктов. Это могут быть участки различной местности или территории сельских поселений, в том числе и малонаселённых. Также осмотр может проводиться на различных открытых территориях в городах и даже в мегаполисах, а также в парках, микрорайонах, вдоль дорог и т.п. территорий.

Открытая местность не привязана к конкретному адресу, а только к определённым ориентирам и её место нахождения может быть определено с помощью системы спутниковой навигации GPS или ГЛОНАС (цифровой навигации), а также с помощью размещённых в сети Интернет различных карт и планов.

Вместе с тем, следователь при проведении осмотра места происшествия на открытой местности обязан указать в протоколе точное место данного события и осматриваемых объектов. Для этого он должен провести соответствующее ориентирование на местности. В современных условиях это можно легко сделать, используя следующий алгоритм:

1. Сначала следователь должен привязать место происшествия к территориальным ориентирам: указать субъект федерации,

административный район или город, внутренний район, рядом с которым находится место происшествия, определить его нахождение по сторонам горизонта и указать расстояние до самого ближайшего населённого пункта;

2. Затем следует привязать место происшествия к ближайшим наземным ориентирам и возможным, установленным, адресам: это могут быть дороги, улицы, дома, строения, реки, озёра, парки, лесные массивы и т.п. ориентиры на открытой местности;

3. Далее, с помощью прибора системы спутниковой навигации GPS или ГЛОНАС (цифровой навигации), следователь устанавливает нахождение места осмотра в системе географических координат, точно определив точку на карте;

4. Следующее действие будет заключаться в том, чтобы через сеть Интернет сканировать спутниковую карту места происшествия (план-карту) и по результатам предыдущих действий отметить на них его место нахождения.

В последующем, следователь с помощью беспилотного летающего аппарата (квадрокоптера) фотографирует место происшествия с воздуха, с различных высот. Это даст возможность в дальнейшем изготовить фотографии места происшествия с высоты, и именно с различных высот, что позволит создать в точную карту места происшествия, с указанием на ней места расположения криминалистически значимых объектов.

Также рекомендуется с помощью указанного летательного аппарата снять видео фильм об обстановке места происшествия.

Дальнейшие действия по проведению осмотра места происшествия будут осуществляться в соответствии с тактическими рекомендациями, которые в достаточном объёме указаны в специальной криминалистической литературе.

Специфика осмотра места происшествия на открытой местности проявляется в том, что следователю для полной и объективной фиксации обстановки следует максимально использовать возможности современной цифровой криминалистической фотографии и видеозаписи.

Цифровое изображение - это последовательность цифровых данных, записанных на диск. Файл содержит не только само изображение, но и техническую информацию, записанную цифровой камерой, о режимах съёмки, настройках самой камеры, сведения о производителе и модели, серийный номер камеры, порядковый номер снимка по внутреннему

счетчику, дату и время съемки. Некоторые модели камер позволяют записать даже и географические координаты места съемки.

Современная криминалистическая фотография и видеозапись представляют собой отрасль одного из разделов криминалистики, а именно криминалистическую технику, которая изучает и разрабатывает технические средства, методы и способы фотосъемки, видеозаписи, с целью использования этих технических средств, научных знаний и практических рекомендаций в методических рекомендациях по расследованию преступлений. В науке криминалистики эта отрасль знания получила исторически своё название - «Судебная фотография».

В современной судебной фотографии в настоящее время широко используются различные цифровые технические средства: цифровые фотоаппараты и цифровые видеокамеры, различные модификации, а также приспособления или комплексы, которые используют их для применения в некоторых особых случаях.

Назначение цифровой фотографии - это получение цифровыми методами отдельных изображений на экране монитора компьютера или отпечатков (жестких копий) на обычной бумаге, либо на фотобумаге, когда цифровое изображение преобразовывается в оптическое, а уже далее идет традиционный фотографический процесс (фотопечать и лабораторная обработка). Цифровую судебную фотографию в криминалистике условно подразделяют на цифровую видеозапись и непосредственно на саму цифровую фотографию.

Цифровой фотоаппарат, это фотоаппарат, в котором для записи изображения используется фотоэлектрический принцип, при этом полупроводниковая фотоматрица преобразует свет в электрические сигналы, которые трансформируются в цифровые данные, сохраняемые энергонезависимым запоминающим устройством.

Цифровые видеокамеры, это сенсоры для восприятия динамически изменяющихся изображений, для преобразования их в последовательности видеосигналов с целью последующего их цифрового хранения, передачи, обработки и воспроизведения на экране.

Цифровая фотография, являясь современным оптическим способом запечатления криминалистически значимых объектов, характеризуется полнотой, точностью, объективностью, наглядностью, чувствительностью и быстротой воспроизведения фотоснимков. Эти цифровые фотоснимки достаточно качественны, информативны, убедительны и документальны.

Цифровые технологии в видео-фотоделе отличает простота, доступность, экономичность, расширение границ использования, многофункциональность, возможность быстрой передачи цифрового изображения на любое расстояние и размещение в сетях Интернета. Эти качества позволяют использовать современную цифровую фотографию в криминалистике, для обнаружения, фиксации, исследования и наглядной демонстрации доказательственной информации в ходе расследования уголовных дел.

Современная система цифровой криминалистической фото-видеозаписи, как область научных знаний обязательно должна включать в себя следующие научно-практические положения:

1. Сведения о фото – и видеотехнике, аппаратуре, электронных носителях цифровой информации, процессах компьютерной обработки изображений;
2. Тактику и способы применения фото-видеоаппаратуры в ходе проведения отдельных следственных действий;
3. Требования к процессуальному оформлению факта применения криминалистической цифровой фото-видеотехники.

Условия применения цифровой криминалистической видео-фотографии разделяются на обязательные и рекомендательные.

К обязательным условиям относятся: соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства требований и научно-техническая состоятельность, используемой следователем, цифровой видео-фототехники.

К рекомендательным условиям относятся криминалистические тактико-технические советы по применению цифровой видео-фототехники для решения частных прикладных задач.

Для фиксации обстановки и отдельных объектов применяются специальные виды съемки, обеспечивающие расположение запечатленного на снимке материала в логической последовательности от общего к частному. Для этих целей, на месте происшествия выполняют следующие виды фотосъемок: ориентирующую, обзорную, узловую и детальную.

Так, ориентирующая фотосъемка производится с целью запечатления общего вида места происшествия с охватом окружающей обстановки и наглядно иллюстрирует то, что представляет собой место происшествия, каковы его размеры, границы и место расположение. На

фотографии место происшествия необходимо размещать в центре, а справа и слева захватывать обстановку, непосредственно прилегающую к нему. Ориентирующих снимков делают несколько, а точки съемки отмечают на плане места происшествия. Если условия не позволяют в одном кадре запечатлеть картину события, то ориентирующую съемку производят панорамным методом, изготавливая линейную либо круговую панораму из нескольких фотоснимков. На открытой местности чаще всего применяют круговое панорамирование. Для этого в цифровых фотоаппаратах имеется специальная программа. Кроме того, ориентирующее изображение места происшествия, целесообразно сделать с помощью видеозаписи. Желательно выбирать более высокую точку съемки. Чем выше точка фото-видеосъемки, тем большую информационную нагрузку несет ориентирующий снимок или видеозапись.

Обзорная фотосъемка - это фотографирование места происшествия без охвата окружающей обстановки. Обзорные фотоснимки несут информацию непосредственно о месте происшествия, поэтому его фиксируют с нескольких точек. Обзорная фотосъемка может производиться измерительным методом, с использованием глубинного масштаба. По такому снимку в дальнейшем можно восстановить обстановку и истинное взаиморасположение объектов.

Узловая фотосъемка имеет целью дальнейшую детализацию картины места происшествия путем фиксации крупным планом отдельных участков и предметов со следами. На узловом фотоснимке объекты изображаются так, чтобы можно было определить форму, характер поверхности предмета и видеть на нём взаиморасположение следов. На узловых фотоснимках фиксируют объекты, которые имеют криминалистическое значение, иллюстративно раскрывая обстоятельства события преступления. Узловая съемка выполняется обязательно с использованием измерительного метода.

Детальная фотосъемка предназначена для фиксации отдельных предметов крупным планом, что позволяет наглядно зафиксировать конкретные следы преступления. Такой фотоснимок фиксирует объект изолированно, в крупном плане и позволяет определить не только его размер, но и форму, выявить и зафиксировать характерные идентификационные частные признаки. Объектами детальной

фотосъемки являются отдельные предметы и следы, которые подлежат в дальнейшем обязательному изъятию с места происшествия.

С технической стороны детальные снимки несут в себе максимум информации, которую порой даже сложно описать в протоколе осмотра. Детальная фотосъёмка обязательно производится с использованием масштабной линейки. В этих целях применяются особые методы освещения: отражающие экраны для подсветки объектов, лампы-вспышки, осветительные приборы для съёмки в косопadaющих лучах света.

Отдельные детали места происшествия, следы и предметы, имеющие значение вещественных доказательств, вначале фотографируются в том виде, в каком они были обнаружены, а уже затем и с использованием приемов судебной криминалистической фотографии.

Обнаруженные на месте происшествия предметы обязательно должны отмечаться на фотографии местности, которая была произведена с помощью квадрокоптера. На этом фотоснимке следует указывать расстояния до установленных ориентиров, а также расстояния между всеми обнаруженными и осмотренными объектами.

Важное достоинство цифровой фотографии заключается в том, что имеется возможность коррекции изображения при выводе его на дисплей или при изготовлении отпечатка, что создает в то же время определенные трудности в решении такого принципиального вопроса: можно ли использовать цифровую фотографию при расследовании преступлений?

Очевидно, что на снимках, используемых в качестве приложений к протоколу осмотра места происшествия, должно совершенно точно, без каких-либо искажений передаваться внешний вид объекта, картина того или иного события. Если в результате применения цифровой фотографии изображение объекта на экране монитора или на отпечатке будет не соответствовать его подлинному внешнему виду, то, использовать такую фотографию при расследовании уголовного дела в качестве доказательства запрещено. Поэтому подлинное изображение, зафиксированное цифровой камерой на флэш-карте (карте памяти), будет выполнять ту же роль, что и негатив в обычной фотографии.

При любом изменении файла эта информация пропадает и заменяется технической информацией программы, которая замещала этот файл. Поэтому при исследовании измененных цифровых изображений есть полная возможность установить, каким образом был создан тот или

иной файл. Иными словами можно легко установить, является ли изображение, полученное цифровой камерой, оригиналом или результатом работы компьютерной программы.

В настоящее время в деятельности следователей используется цифровая фотографическая аппаратура, в основном предназначенная для общей фотографии. Поэтому, в случае возникновения сомнений в подлинности фотографии, следователь всегда сможет провести по делу соответствующую компьютерную экспертизу, которая устранил все сомнения.

На заключительном этапе осмотра места происшествия, которое находится на открытой местности, составляется протокол, и в тех случаях, когда применялась цифровая видео-фототехника фототаблицы, как приложения к протоколу следственного действия, должны быть изготовлены в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ, т.е. учетом особенностей получения и использования цифрового изображения.

Фототаблицы изготавливаются в ходе составления протокола следственного действия, с использованием комплекса технических средств, имеющихся в распоряжении следователя, а затем, как и протокол, подписываются всеми участниками осмотра места происшествия, с указанием даты и времени их изготовления. К протоколу прилагается электронный носитель цифрового изображения. Это соответствующим образом упакованная флэш-карта, при этом сама упаковка должна исключать несанкционированный доступ к изображению.

SOME ASPECTS OF THE TACTICS OF USING PHOTO AND VIDEO EQUIPMENT WHEN EXAMINING THE SCENE OF AN ACCIDENT IN OPEN AREAS

Abstract. Certain difficulties for investigators are caused by conducting an inspection of the scene of the incident, which is located in open areas. This is usually associated with conducting an inspection outside the premises, outside the buildings. Often, the inspection of the scene of the incident is carried out outside the settlements at all. These may be sections of various localities or territories of rural settlements, including sparsely populated ones. The specifics of examining the scene of an accident in an open area is manifested in the fact that the investigator should make the most of the possibilities of modern

forensic digital photography and video recording for a complete and objective fixation of the situation.

Key words: digital photography, digital video recording, investigator, inspection of the scene, open area, protocol, criminology.

Майлис Надежда Павловна - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры оружиеведения и трасологии УНК судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия.

jlmaylis@yandex.ru

Maylis Nadezhda Pavlovna - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the UNC Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В РОССИИ И В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Аннотация. Проведен сравнительный анализ использования специальных терминов в российской и вьетнамской практике при производстве судебных экспертиз, определена значимость языка в научных и практических исследованиях, выявлены проблемы неправильного толкования некоторых видов экспертиз в Социалистической республике Вьетнам (СРВ), сформулированы предложения по совершенствованию понятийного аппарата в судебно-экспертной деятельности в России и СРВ.

Ключевые слова: судебная экспертиза, унификация, язык, судебно-экспертная деятельность, понятийный аппарат, термины.

Унификация понятийного аппарата имеет значение в любой области знаний, но особое место она занимает в судебно-экспертной деятельности. Особенность выражается в использовании специальных терминов и понятий, как в теории судебной экспертизы, так и непосредственно при производстве судебных экспертиз. Целью настоящего исследования является анализ использования понятий в судебно-экспертной деятельности в целом, их современное трактование как в России, так в Социалистической республике Вьетнам (СРВ). Проведение такого анализа вызвано необходимостью совершенствования терминологического аппарата, прежде всего, в судебно-экспертной деятельности в СРВ, правильного толкования понятий в теории судебной экспертизы, языка, используемого при производстве судебных экспертиз, единообразного наименования в России и СРВ видов экспертиз и других составляющих. Приведем только один пример, в СРВ принят и используется термин «народная криминалистика», что в корне неправильно. Термин «Криминалистика» имеет единое название практически во всех странах мира, поэтому слово «народная» необходимо изъять из употребления.

Относительно терминов, используемых в судебной экспертизе, и в России, и в СРВ, следует придерживаться определенного единообразия. Это обусловлено рядом факторов. В России проходят обучение многие вьетнамские слушатели, которым даются в дидактическом процессе устоявшие термины и понятия, проверенные многими годами и используемые учеными и практиками разных ведомств. Как показал анализ практики в СРВ, такого единения нет не только в разных ведомствах, но и среди экспертных служб (отделов) исходя из их территориального расположения. Безусловно, это не способствует качественному проведению судебных экспертиз, особенно, повторных.

Особое внимание следует обратить и на научные основы судебной экспертизы. Термины, определяющие теоретическую составляющую института судебной экспертизы постоянно пополняются новыми понятиями, связанными с появлением новых объектов исследования, формированием новых видов экспертиз, сопряженных с компьютерными преступлениями, в следствии которых остается криминалистическая компьютерная информация, изучаемая и исследуемая в рамках различных видов экспертиз. Такая информация требует разработки новых методик и

методов исследования, переподготовки экспертов в области инновационных технологий, без использования которых решить экспертные задачи на качественном уровне будет невозможно. В России уже начаты такие разработки и в области теории судебной экспертизы, и в аспекте информационного и методического обеспечения. На это необходимо обращать внимание и специалистам в СРВ.

Особого внимания заслуживают такие устоявшиеся понятия и обозначающие их термины, которых следует придерживаться, как, например, идентификация, диагностика и их разновидности. В России они давно являются общепринятыми, что же касается СРВ, то научный терминологический аппарат нуждается не только в совершенствовании, но и в пересмотрении ряда понятий. На это обращают внимание в своих научных статьях и исследованиях молодые вьетнамские ученые, работающие над диссертациями в России, но пока до реализации таких предложений достаточно далеко, поэтому требуется пересмотр терминологии на более высоком законодательном уровне в СРВ.

В последние годы происходящие процессы компьютеризации и, соответственно исследование новых объектов, например, цифровых следов, вызывают не только сложности у экспертов при их обнаружении и фиксации, но и термины их при описании. При этом используются многие технические термины, связанные с компьютерами, телекоммуникационными средствами связи и многими другими.

В России многие из них закреплены соответствующими ГОСТами. Использование технических терминов, например, в инженерно-технических экспертизах, на наш взгляд, вполне оправдано и логично, поскольку данные термины интегрировали в судебную экспертизу из предметных областей соответствующих наук. В тоже время использование их в судебной экспертизе имеет свою специфику. Что же касается использования технических терминов в традиционных видах экспертиз, то нередко возникает вопрос о правильности и правомерности их применения при описании и самих объектов и признаков, которые отображаются в процессе их изготовления.

Так, например, наиболее часто в трасологической экспертизе используются технические термины при исследовании механоскопических объектов. Так, в частности, при описании изделий массового производства, необходимо обратить внимание на имеющиеся дефекты на них, допускаются ли они ГОСТом, в случае же если не

допускаются, то следует их интерпретировать как частные признаки оборудования, механизма, на котором они изготавливаются, т.е. признаки производственно-технологического характера. Определение их позволяет эксперту решать многие вопросы, например, с одной ли матрицы изготовлены предметы (изделия), на одном и том же предприятии, в одной и той же партии, соответствуют ли определенным стандартам и образцам. Выявление отклонений от ГОСТа, наличия каких-либо дефектов, должно указываться в заключении эксперта. Выявление дефектов и их правильная экспертная оценка, несомненно, будут способствовать качественному экспертному исследованию и достоверности выводов. Более того, отметим, что в настоящее время процессы изготовления изделий массового производства осуществляются по новым инновационным технологиям. Промышленное оборудование постоянно подвергается модернизации, все большее место занимают инновационные высокие технологии. При их применении появляются новые признаки, обусловленные 3Д-оборудованием, которые отображаются в ходе изготовления на изделиях из различных материалов. В аспекте обозначенной темы, появление новых терминов, связанных в целом с компьютеризацией, также вызывают сложности при производстве экспертиз.

В транспортной трасологии также следует придерживаться использования технических терминов, особенно при решении диагностических задач. Так, например, как мы отмечали ранее [1], в технической диагностике используется «диагностический тест», под которым понимается совокупность проверок для определения состояния системы. В трасологической экспертизе, можно разработать соответствующий экспертный диагностический тест для таких объектов как замки, механизмы и т.п.

В случаях использования технических терминов, на наш взгляд, необходимо в исследовательской части заключения эксперта, кратко давать пояснения, что в конкретном случае подразумевается под тем или иным термином. Такой подход не будет вызывать сомнений в обоснованности полученных результатов, не приведет к назначению дополнительной экспертизы в связи с неясностью уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом.

В России унификации терминов в судебной экспертизе уделяется внимание и на законодательном уровне. Так, например, на важность

применения ясной терминологии указывал и Пленум Верховного Суда № 28 от 21 декабря 2010г. В п. 13 Постановления отмечается, что «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу».

В ряде случаев, с появлением новых объектов в судебной экспертизе, обусловленных новыми способами совершения преступлений, особенно связанных с компьютерными преступлениями, при производстве судебных экспертиз требуются новые подходы, при этом используются специальные термины, не всегда правильно понимаемые правоохранительными органами. Имеющиеся типовые методики не всегда способны разрешить поставленные перед экспертом задачи, а современные с использованием инновационных технологий, еще не разработаны. В таких случаях необходимо использовать эвристический подход, то есть эксперт вынужден по ходу исследования объектов разрабатывать частную методику проведения экспертизы. В этой связи уместно упомянуть о роли интуиции, на основе которой осуществляется поиск эвристического подхода при решении поставленной задачи. Благодаря интуиции, особенно в случаях дефицита информации, эксперт вырабатывает гипотезы для ее восполнения, чтобы максимально правильно решить поставленную перед ним задачу. Эта недостаточность, т.е. дефицит информации, вызывает особую сложность при производстве той или иной экспертизы. Она может быть восполнена путем проведения моделирования, в том числе компьютерного, или экспертного эксперимента. Эксперт, убедившись в правильности избранной гипотезы, находит эвристический подход для решения поставленной задачи.

Важное место в судебно-экспертной деятельности и в России и СРВ занимает подготовка экспертов. Она определяется своей специфичностью, сопровождается большой ответственностью преподавателя при получении навыков профессионального мастерства у обучаемого. От того, как организован процесс обучения, зависит не только качество овладения профессиональными навыками, но и сроки освоения специальностью. Будущий эксперт, постигая свою профессию, должен не только овладеть профессиональными навыками, но и соблюдать

законность и нравственные правила при взаимодействии с процессуальными субъектами.

Как известно судебная экспертиза представляет собой конгломерат знаний, в ней используются специфические термины, которые надо выучить, чтобы их правильно произносить, не говоря уже о том, чтобы понять их сущность. Это не сразу удастся российским курсантам и, безусловно, большие сложности уяснения многих понятий вызывает у иностранных слушателей. При этом преподаватель должен быть терпеливым, когда неправильно произносится то или иное слово, мягко поправить, чтобы не обидеть слушателя, или даже если слушатель не так понял смысл понятия – надо проявить тактичность, и еще раз разъяснить без какой-либо критики. Это еще раз подтверждает, что подготовка иностранных слушателей требует от преподавателя особых подходов.

Большие сложности вызывает подготовка дипломных работ иностранными слушателями. Им сложно не только найти научную литературу, но и правильно изложить смысл мнений ученых и высказать свою точку зрения. И здесь научный руководитель должен проявить особое внимание и оказать помощь в выборе темы, например, провести сравнительный правовой анализ норм, связанных с судебной-экспертной деятельностью, чтобы дипломник мог высказать предложения по совершенствованию законодательства своей страны.

В процессе подготовки экспертов важное значение имеют и вопросы профессиональной этики, которые касаются всех обучающихся: и российских и иностранных слушателей.

Экспертная деятельность связана с многими моральными нормами, которые обусловлены спецификой целей, форм, методов и средств деятельности. Среди них, как известно, выделяют принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность. Не рассматривая каждую из обозначенных норм (принципов), отметим лишь, что реализация их должна осуществляться на основе внутреннего убеждения, когда эксперт убежден в правильности своих умозаключений, основанных на полном, всестороннем и объективном исследовании объектов, представленных на экспертизу, и считает, что поставленная перед ним задача решена.

Соблюдение профессиональной морали в России закреплено в Федеральном законе «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ 2001г.). Так, например, в

статье 16 ФЗ отмечается, что, если эксперту стали известны в связи с производством судебной экспертизы сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, он не вправе их разглашать. Также эксперт не вправе кому-либо сообщать о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших; он не должен вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела и другие. Эти нормы закреплены в российском законодательстве, но обращается ли внимание на них в СРВ и если нет, то необходимо восполнить этот пробел.

Вопросы о профессиональной морали непосредственно связаны и со служебным этикетом судебного эксперта, который предусматривает самостоятельные принципы [2].

Так, например, взаимоотношения руководителя экспертного учреждения и эксперта, эксперта и следователя, назначающего экспертизу, закреплены в России на законодательном уровне. Не во всех странах такое закрепление на законодательном уровне есть. Преподаватели должны обращать внимание и на эти моменты, передавая, таким образом положительный опыт, который будет способствовать повышению объективности при производстве судебных экспертиз.

Вышеизложенное подтверждает актуальность поднятых проблем не только при производстве судебных экспертиз, но и при использовании языка в судебной экспертизе, совершенствовании понятий и многих других составляющих, особенно касающихся судебно-экспертной деятельности в СРВ.

Список литературы

1. Майлис Н.П. Методологические подходы в диагностике при производстве судебно-трасологических экспертиз. Журн. «Известия Тульского гос. университета. Экономические и юридические науки». Вып. 1. Часть 2. Тула. 2017.
2. Майлис Н.П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности. Н-пр. ж. «Судебная экспертиза Беларуси». №1(4). 2017г. с. 28-32.

ON THE IMPROVEMENT OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS IN THE PRODUCTION OF JUDICIAL EXAMINATIONS IN RUSSIA AND IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Abstract. *A comparative analysis of the use of special terms in Russian and Vietnamese practice in the production of forensic examinations was carried out, the significance of the language in scientific and practical research was determined, problems of misinterpretation of certain types of examinations in the Socialist Republic of Vietnam (SRV) were identified, proposals were formulated to improve the conceptual apparatus in the forensic activities in Russia and Vietnam.*

Key words: *forensic examination, unification, language, forensic activity, conceptual apparatus, terms.*

Милюков Сергей Федорович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
dikoepoleSF@gmail.com

Milyukov Sergey Fedorovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State Pedagogical University named after M.V. A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ КРИМИНОЛОГИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. *В условиях острого вооруженного противостояния с нацистским режимом Украины и его западными покровителями следует проводить криминологическое изучение причин конфликта, личности организаторов и исполнителей геноцида населения Донбасса и других регионов Новороссии, давать оперативные и стратегические рекомендации по минимизации криминальных последствий*

бое столкновений. Этим призвана заниматься формирующаяся отрасль отечественной криминологии — военно-полевая криминология.

Ключевые слова: *Донбасс, геноцид, боевые действия, криминологический анализ, военно-полевая криминология.*

*«Пока существуют люди,
будут и войны».*

А. Эйнштейн

*«Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...»
М.Ю. Лермонтов. «Бородино»*

Противник нанес удары по Брянску, Белгороду, Воронежу, населенным пунктам Курской и Ростовской областей. Число беженцев и эвакуированных из областей Украины приближается к шести миллионам человек... Что это? Пожелтевшие сводки Совинформбюро грозных 1941 — 1942 годов? Нет, - это свежая информация весны 2022 года!

Для многих (в том числе, увы, и значительного числа ученых-правоведов) специальная военная операция (сиречь — война), начавшаяся 24 февраля текущего года, явилась громом среди ясного неба. Но то, что дело движется к острому вооруженному противостоянию в Европе и других регионах планеты было ясно уже в 80-х гг. прошлого века, в период упадка мощи Советского Союза, а тем более его окончательного распада в 1991 году.

Вот что мы писали на этот счет 17 лет назад: «60-летие Победы советского народа и его доблестной Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. российское общество и государство встретило в обстановке глубочайшего системного кризиса. Особенно удручающим выглядит положение в геостратегической и военно-политической сферах: потеряны огромные и густонаселенные территории, веками принадлежавшие России, резко ослаблен ее военно-промышленный потенциал. Вооруженные силы наших исторических соперников и противников оказались непосредственно приближены к Санкт-Петербургу, Пскову, Белгороду, Воронежу, Ростову, Краснодару, Астрахани, Оренбургу, Омску, Барнаулу. Явные или скрытые территориальные претензии к России имеют Финляндия, Эстония,

Латвия, Германия, Украина, Грузия, Азербайджан, Китай и Япония» [1, стр. 327].

Но и сейчас, под грохот разрывов мин, снарядов, ракет и авиабомб, автоматных и пулеметных очередей под Донецком, Луганском, Харьковом, Херсоном и Запорожьем, многие «чистые» правоведаы и криминологи заявляют, что они «вне политики» и не только не проводят сами научный анализ происходящего, но и воспрещают себе и другим говорить об этом со студентами, отдавая их на откуп записных «пацифистов», умело отравляющих молодые умы псевдомиролюбием и абстрактной недопустимостью насилия в мире, который этим насилием переполнен, что называется, до краев.

Такая «страусиная» позиция представляется нам глубоко порочной. Российская криминология никогда не пасовала перед «щекотливыми» с политической точки зрения проблемами, за что и подвергалась гонениям в царский, советский и постсоветский периоды своего становления и развития [2, стр. 167-168].

Поэтому представляется совершенно необходимым уже сейчас, по «горячим» в прямом смысле этого слова следам, глубоко вникнуть в причины и условия возникновения конфликта на Украине, перспективы его эскалации, дать власти и обществу свои рекомендации по устранению и предупреждению негативных последствий этой войны, прежде всего криминального свойства. Этим предметом призвана заниматься формирующаяся отрасль криминологии, которую мы поименовали «военно-полевой».

Причинами обрисованных кровавых событий являются вековые геополитические и экономические притязания Запада на наши территории, природные и сотворенные человеческим трудом богатства. Не нужно сбрасывать со счетов и закоренелую ненависть католиков и протестантов к Православию, русскому языку и культуре, его социалистической приверженности, ненависть, которая в первой половине XX века породила в Италии, Германии, Испании и других западных странах идеологию фашизма и нацизма.

Украина не раз становилась ареной кровавых столкновений с националистами и покровительствующими им Германией, Польшей, Великобританией, а позже и США. Так, 6 августа 1919 года на заседании Политбюро ЦК РКП (б) была заслушана телеграмма Наркомвоенмора Л.Д. Троцкого о необходимости «радикальной чистки тыла в Киеве,

Одессе, Николаеве и Херсоне ввиду полной невозможности формирования и создания армии при том бандитизме, который идет на Украине» [3, стр. 31-32].

Следует досконально изучить личность инициаторов удушения России экономической блокадой, поджигателей войны и организаторов русофобской истерии, а также социально-психологические особенности исполнителей их человеконенавистнических планов из числа бандеровцев и их пособников, а также иных людей, порой вовлеченных в братоубийственную войну помимо их воли.

В качестве мер по стабилизации обстановки и достижения победы над явными и скрытыми врагами России следует предложить конкретные шаги по воссозданию собственной промышленности, оживлению земледелия и животноводства, производства качественных продуктов питания, лекарств, средств транспорта (включая авиационный, морской и речной), национализации добывающей промышленности, лесозаготовок, рыбного промысла.

Надо остановить и повернуть вспять разрушение отечественного здравоохранения, образования, массовой культуры, непрестанно вести пропаганду и контрпропаганду, беря пример умелого использования средств массовой коммуникации нашими противниками.

В правовой сфере необходимо срочно вернуть в лоно Уголовного кодекса выброшенные оттуда прозападными реформаторами нормы военно-уголовного права, прежде всего повседневно применяющиеся в боевой обстановке [4, стр. 150-156].

Тем самым будет полностью или частично устранена вопиющая коллизия между частью 1 статьи 1 УК РФ, которая объявляет этот кодифицированный акт *единственным* источником уголовного законодательства и частью третьей ст. 331 того же Кодекса, которая предусматривает необходимость создания законодательства, действующего не только в военное время, но и в боевой обстановке, которая и складывается ныне повседневно как на территории Украины, так и в акватории Черного моря и приграничных областей Российской Федерации.

В течение четверти века законодательное установление о создании свода упомянутого военно-уголовного права так и не было выполнено. И это не случайно, поскольку за совершение большинства таких преступлений, а именно — сдачу или оставление противнику средств

ведения войны, самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием, добровольную сдачу в плен по трусости или малодушию, мародерство, насилие над населением в районе военных действий традиционно устанавливалась смертная казнь (см. ст.ст. 261, 263, 264, 266 и 267 УК РСФСР 1960 г.). Такое же наказание предусматривалось и за неповиновение или сопротивление начальнику, дезертирство, самовольное оставление части, членовредительство, умышленное уничтожение военного имущества в военное время или в боевой обстановке (см п. «в» ст. 248, п. «б» ст. 239, п. «в» ст. 240, п. «г» ст. 246, п.п. «б» и «г» ст. 147, ст. 248, п. «б» ст.249, п. «в» ст. 251 того же УК РСФСР 1960 г.). Конституция же Российской Федерации, принятая тремя годами ранее, нежели Уголовный кодекс, хотя и сохранила в правовом поле смертную казнь (ст. 20), но ограничила ее применение только преступлениями против жизни (убийства) при отягчающих обстоятельствах.

Поскольку принятие новой Конституции в нынешних военно-политических условиях вряд ли возможно, придется временно пойти на смягчение рассматриваемой коллизии за счет введения в санкции вышеперечисленных и иных норм военно-уголовного законодательства пожизненного лишения свободы. Впрочем, при совершении военными наряду с указанными деяниями квалифицированных убийств к ним будет применяться и высшая мера наказания. Для этого следует признать ничтожным пресловутый «мораторий» на ее назначение судами [5, стр. 11-22].

При этом не следует бояться привлекать к ведению боевых действий осужденных за различные преступления, прежде всего воинские [6]. Ценная информация на этот счет содержится в мемуарно-документальной книге бывшего командира роты автоматчиков штрафного батальона 1-го Белорусского фронта [6].

Прообразом соответствующего правового института может служить статья 46 УК РСФСР 1960 г., часть 1 которой гласила: «В военное время исполнение приговора к лишению свободы, вынесенного в отношении военнослужащего или военнообязанного, подлежащего призыву или мобилизации может быть судом отсрочено до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию. Суд может в этих случаях отсрочить исполнение и дополнительных наказаний». Увы, украинский режим уже опередил нас в этом.

В поле зрения военно-полевой криминологии, по понятным причинам должны попасть молодые люди 18 — 35 летнего возраста, поскольку именно они составляют львиную долю военнослужащих РФ, непосредственно ведущих боевые действия. Те же возраста преобладают и в украинских воинских и профашистских формированиях. Против тех из них, кто творит чудовищные злодеяния в отношении мирного населения и военнопленных, следственный комитет РФ активно начал уголовное преследование, возбудив сотни уголовных дел.

Подобное поведение со стороны несовершеннолетних, казалось бы, исключено. Однако опыт Великой Отечественной войны свидетельствует об обратном.

Так, осенью 1943 года было призваны в ряды РККА более 700 тысяч юношей 1926 года рождения. А 25 октября 1944 года постановлением ГКО № 6784сс был объявлен призыв юношей 1927 г. рождения, т.е. на 1-2 года моложе обычного призывного возраста. Изрядная часть из них успела принять участие в военных действиях на территории Венгрии, Германии, Австрии, Чехословакии, а потом и в разгроме Квантунской императорской армии Японии. В условиях возможного истощения людских ресурсов нашей страны повторение этого опыта исключить никак нельзя.

Противник в годы этой войны прибегал к привлечению к боевым и диверсионным мероприятиям еще более юных подростков. Так, из ориентировки Управления особых отделов НКВД СССР от 5 июня 1942 г. № 16/22128 видно, что «особым отделом Брянского фронта на основании агентурных и следственных материалов установлено существование в г. Мценске разведывательной школы германской военной разведки, которая готовит подростков в возрасте 11-13 лет с последующей засылкой их на нашу сторону для сбора шпионских сведений». Арестованный германский разведчик «Рославец» - Кузьмичев Н.И., 1929 г.р., окончивший эту школу перешел линию фронта и сумел поступить в воспитанники 18-го армейского запасного полка и только потом был разоблачен агентурным путем [7, стр. 527].

Кроме того несовершеннолетние и молодежь в регионах, где ведутся или велись боевые действия в массовом порядке будут совершать разного рода посягательства как на мирных граждан, так и военнослужащих, используя изобилие огнестрельного оружия и воинского снаряжения, брошенного на поле боя либо похищенного с армейских

складов и эшелонов.

Эти грозные процессы должны тщательно изучаться, а главное, своевременно пресекаться в целях неуклонного обеспечения правопорядка как на фронте, так и в тылу.

Список литературы

1. Милюков С.Ф. Отечественное военно-уголовное право: история и современность // История уголовного права и ее значение для современности: Матер. V Межд. научн.-практич. конф., состоявшейся на юрид. ф-те МГУ им. Ломоносова 26-27 мая 2005 г. М.: ЛекЭст, 2006.

2. Милюков С.Ф. Солнце криминологии дланью чиновничьей не прикроешь // Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под ред. А.И. Долговой. М. 2018.

3. Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б): Повестка дня заседаний. Т.1.1919-1929. М.,2000. (цит. по: Чернявский Г.И. Лев Троцкий. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 253).

4. Милюков С.Ф. Вновь о мобилизационном векторе российской уголовной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика. СПб., 2015.

5. Милюков С.Ф. Смертная казнь как актуальное наказание // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. №1.

6. Пыльцын А.В. Штрафной удар или как офицерский штрафбат дошел до Берлина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.-340 с. с иллюстр.

7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Том.3. Кн. 1 \ Предс. ред. колл. доктор юрид. наук, генерал армии Н.П. Патрушев. М., 2003.

MILITARY FIELD CRIMINOLOGY AND ITS IMPACT ON CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. In the context of an acute armed confrontation with the Nazi regime of Ukraine and the designated killers, it is necessary to carry out a criminological study of the causes of the conflict, the identity of the organizers and perpetrators of the genocide of the population of Donbass and other regions of Novorossia, to give operational and strategic recommendations to

minimize the criminal consequences of clashes. The emerging branch of domestic criminology, military field criminology, is called upon to do this.

Key words: *Donbass, genocide, fighting, criminological analysis, military field criminology.*

Моисеева Татьяна Фёдоровна—доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия, город Москва, Россия, moiseevatf@mail.ru.

Moiseeva Tatiana, Dr.Sci. (Law), Professor; Head of the Forensic Expertise and Criminalistics Dept. at

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

НАУКА О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Рассмотрены этапы становления и развития науки о судебной экспертизе. Обосновано, что судебная экспертиза является самостоятельной отраслью научного знания. Проанализированы разные концепции структуры науки о судебной экспертизе. Предложено разделять понятия науки о судебной экспертизе и науки о судебно-экспертной деятельности – судебной экспертологии. Выделены актуальные направления дальнейших научных исследований в области теории судебной экспертизы: цифровизация, стандартизация судебной экспертизы, прогнозирование и коммуникативная деятельность при производстве судебных экспертиз.*

Ключевые слова: *наука о судебной экспертизе, общая теория судебной экспертизы, судебная экспертология, частные теории судебной экспертизы.*

Судебная экспертиза – относительно новая формирующаяся отрасль научного знания. Первые публикации о судебной экспертизе как самостоятельной отрасли научного знания стали появляться в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов прошлого века, в которых речь шла о специфических закономерностях криминалистических экспертиз, наиболее востребованных в то время в судопроизводстве. О целесообразности выделения криминалистических экспертиз из криминалистики впервые в 1959 году написал основатель и директор первого в СССР научно-исследовательского института судебных экспертиз при Министерстве юстиции А.Р. Шляхов[1, стр.12-43], [2, стр.19]. Однако против высказались многие авторитетные ученые, считавшие, что криминалистические экспертизы являются неотъемлемой частью криминалистики, а именно криминалистической техники, научные основы которой активно разрабатывались с середины 40-х годов. И только через четырнадцать лет идея разработки общего учения, объединяющего закономерности разных родов и видов судебных экспертиз снова была высказана и обоснована в статье А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской «Судебная экспертология - новая отрасль науки»[3, стр.49]. Собственно именно эту работу можно рассматривать как начало формирования научных основ судебной экспертизы, поскольку в ней впервые были выявлены все признаки самостоятельной науки, и закономерности, которые она изучает, ее структура, предмет и объект. Предлагаемая авторами система науки судебная экспертиза, видимо по аналогии с криминалистикой, состояла из общей теории и частных теорий (видах и сущности предметных судебных экспертиз как системы экспертологии).

Год спустя появилась работа А.Р. Шляхова, в которой он предложил свою концепцию науки судебная экспертиза, назвав ее теорией судебной экспертизы [4, стр. 4], которую потом стали называть общей теорией судебной экспертизы, считая название экспертология неудачным. Со временем стали отождествлять понятие общей теории судебной экспертизы с наукой о судебной экспертизе, что представляется не вполне корректным, поскольку любая наука помимо общей теории содержит и специальную часть. Отвергнутое ранее название экспертология для обозначение науки о судебной экспертизе в настоящее время одобрено научным сообществом.

А.Р. Шляхов в структуру науки о судебной экспертизе включал процессуальные и организационные аспекты судебно-экспертной деятельности, за что подвергся вполне обоснованной на наш взгляд критике Р.С. Белкина, отмечавшего, что эти аспекты являются предметом изучения других наук [5,стр.255]. В концепции А.Р. Шляхова говорилось о криминалистических экспертизах, хотя по существу она мало отличалась от предложенной А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской.

В развитии своих представлений о содержании общей теории судебной экспертологии или судебной экспертизы А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская наметили ее структуру, которую составляли учения об объектах и субъекте судебной экспертизы, о методах судебной экспертизы, об идентификации, диагностики и ситуации в судебных экспертизах, о комплексных исследованиях в судебной экспертизе и др.[6, стр.50]. Именно эти основные положения и получили свое дальнейшее развитие в рамках становления науки о судебной экспертизе.

Данные работы явились основой для выделения судебной экспертизы в самостоятельную отрасль научного знания, однако требовалась разработка и обоснование основных положений данной науки, определения ее предмета, объекта, методологии, системы.

В 1994 г. была опубликована монография С.Ф. Бычковой «Становление и тенденции развитие науки о судебной экспертизе» [7,стр.147-149], в которой была обоснована структура науки о судебной экспертизе, частично перекликающаяся с предложениями других авторов, но несомненно являющаяся авторской. Структура науки состоит, по мнению автора, из общей теории судебной экспертизы и судебно-экспертных отраслей знаний, что представляется вполне логичным и обоснованным. Однако к этому времени ряд ведущих ученых согласился с тем, что общая теория судебной экспертизы – это и есть наука о судебной экспертизе. Видимо значение имеет не сам термин, а содержание, которое в нем закладывается, и как показало дальнейшее развитие науки о судебной экспертизе, общая теория – это часть, а не все ее содержание.

В 1997 году в Российском Федеральном центре судебной экспертизы был издан коллективный труд «Основы судебной экспертизы» [8], в котором были систематизированы и проанализированы взгляды ученых на судебную экспертизу как науку. В структуре издания были выделены две части: общая теория и специальная, что было

созвучно структуре науки, предложенной А.Р. Винбергом и С.Ф. Бычковой.

Дальнейший период развития научных основ судебной экспертизы характеризовался развитием основных учений и теорий.

Обобщение и научное осмысление имеющейся к этому времени информации было представлено в монографии Т.В. Аверьяновой «Судебная экспертиза: Курс общей теории», вышедшей в 2006 г. [9]. В ней была представлена модель структуры общей теории судебной экспертизы, которую автор отождествлял с наукой о судебной экспертизе [9, стр. 36].

Любая наука имеет свой предмет исследования, который характеризуется теми специфическими закономерностями объективной действительности, которые выделяют данную отрасль научного знания. Предмет науки является ее фундаментом, определяющим и структуру, и методологию, и другие аспекты научного знания. Поэтому понятию предмета науки о судебной экспертизе т.е. закономерностям ею изучаемым, уделялось большое внимание в работах ряда ученых.

Определения предмета отличаются разной степенью обобщения. Не разделяя мнения о тождестве понятий общая теория судебной экспертизы и наука о судебной экспертизе, представляется, что и предмет общей теории и науки о судебной экспертизе может трактоваться по-разному. Так, на наш взгляд, понятие предмета судебной экспертизы как «закономерности формирования свойств объектов и их изменение в связи с совершением преступления» [10] (или расследуемого события) достаточно точно определяет сущность науки о судебной экспертизе. Изучение данных закономерностей лежит в основе экспертных методик и позволяет получать доказательственную информацию. Если же говорить о предмете общей теории судебной экспертизы, то ее предмет достаточно полно был сформулирован Т.В. Аверьяновой как «система мировоззренческих и праксеологических принципов как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений – комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности как единого целого» [9, стр. 43].

Т.В. Аверьянова, как и А.Р. Шляхов, А.И. Винберг, И.А. Алиев и Ю.Г. Корхов считала, что общая теория судебной экспертизы – это и есть

наука о судебной экспертизе и предлагаемая ей модель структуры науки о судебной экспертизе не имеет деления на общую и особенную части. Однако в указанных ею элементах структуры, наряду с имеющими метатеоретический характер, представлены и частные теории, в том числе и теории отдельных родов и видов судебных экспертиз. В целом же, действительно, предложенная Т.В. Аверьяновой концепция относится к общей теории судебной экспертизы и определяет основные структурные элементы:

- концептуальные основы общей теории судебной экспертизы;
- учение о судебной экспертизе как разновидности практической деятельности;
- учение о закономерностях формирования и развития судебной экспертизы;
- учение о предмете и задачах судебной экспертизы;
- учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;
- учение о субъекте судебной экспертизы;
- теория процессов, отношений и целей экспертной деятельности;
- учение о методах общей теории судебной экспертизы и экспертного исследования;
- учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах;
- заключение эксперта в системе процессуального доказывания;
- теория экспертного прогнозирования;
- частные теории, в том числе и теории отдельных родов и видов судебных экспертиз.

Таким образом, Т.В. Аверьяновой была разработана структура науки о судебной экспертизе, в которую входили как теории и учения, имеющие общий характер и относящиеся к общей теории судебной экспертизы, так и частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз.

Дальнейшее становление и развитие науки о судебной экспертизе связано с работами Е.Р. Россинской, которая расширила разработанную Т.В. Аверьяновой структуру науки, добавив в нее такие разделы как:

- правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности,
- организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности,
- судебно-экспертные технологии. [11, стр.96-100]

В структуру науки о судебной экспертизе Т.В. Аверьянова не включала правовые и организационные основы судебно-экспертной деятельности, поддерживая точку зрения Р.С. Белкина [12, стр.306], что эти аспекты являются предметом других наук.

Представляется, что можно разграничить понятия «наука о судебной экспертизе» и «наука о судебно-экспертной деятельности». Наука о судебной экспертизе включает теоретические положения о судебной экспертизе как общего так и частного характера, тогда как наука о судебно-экспертной деятельности охватывает все аспекты судебной экспертизы как теоретические, так и практической деятельности. Очевидно, что концепция Т.В. Аверьяновой - это концепция науки о судебной экспертизе (название общей теории, как уже указывалось выше, представляется не совсем удачным, поскольку структура любой науки включает общие теоретические положения, наряду с особенными), а Е.Р. Россинская предлагает концепцию науки о судебно-экспертной деятельности – судебную экспертологию, в которой теория судебной экспертизы является первым основополагающим разделом, и процессуальные и организационные аспекты логически обоснованы, поскольку речь идет о значимой процессуальной деятельности.

Новые тенденции в судебно-экспертной деятельности, такие как стандартизация и цифровизация, также должны быть включены в структуру судебной экспертологии. Е.Р. Россинской были обоснованы и разработаны научные основы частной теории цифровизации судебной экспертизы, которые включены в структуру науки [13,стр.88-101]. Разработка научных основ стандартизации судебно-экспертной деятельности также представляется перспективным направлением исследования. Актуальными направлениями теории судебной экспертизы являются обозначенные, но не разработанные до настоящего времени теория экспертного прогнозирования, учение о коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз.

В заключении можно сделать вывод о том, что наука о судебной экспертизе находится в стадии становления и ее дальнейшее развитие связано с установлением ее структуры и развитием теорий и учений, имеющих как общий, так и частный характер.

Список литературы

1. Шляхов А.Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы//Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – Алма-Ата, 1959 г. – С.12-43;
2. Шляхов А.Р. Теория и практика криминалистической экспертизы//Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. – М., 1962. -№9-10. – С.19
3. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Соц. Законность, 1973. - №11.- С.49
4. Шляхов А.Р. Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и ее практическое значение // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. – М., 1974. – С.4
5. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – М.,1978 -Т.2. - С.255
6. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология(общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). – Волгоград, 1979. – С.50
7. Бычкова С.Ф. «Становление и тенденции развитие науки о судебной экспертизе». -Алма-Ата, 1994 г. – С.147-149
8. Основы судебной экспертизы ч.1 Курс общей теории (Методическое пособие для экспертов, следователей и судей). – М.: РФЦСЭ, 1997. – 430с.
9. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
10. Корноухов В.Е. Судебная экспертиза: Спец. курс. : Учеб.-метод. комплекс. - Красноярск, 1998. – Ч.1. -331 с.
11. Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности //Право и государство. 2014.-№2. – С.96-100
12. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 1997.- Т.2 С.306
13. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики// Правовое государство: теория и практика. -. №4 (62).- ч.1.. – 2020.- С.88-101

THE SCIENCE OF FORENSIC EXAMINATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The stages of formation and development of the science of forensic examination are considered. It is proved that forensic examination is an

independent branch of scientific knowledge. Different concepts of the structure of the science of forensic examination are analyzed. It is proposed to separate the concepts of the science of forensic examination and the science of forensic expert activity - forensic expertology. The current directions of further scientific research in the field of forensic examination theory are highlighted: digitalization, standardization of forensic examination, forecasting and communication activities in the production of forensic examinations.

Keywords: science of forensic examination, general theory of forensic examination, forensic expertology.

Нгуен Нгок Киен - кандидат юридических наук, декан Факультета уголовного права Юридического университета при университете Хюэ, Вьетнам
Nguyen Ngoc Kien, University of Law at Hue University (Hue, Vietnam). E-mail: nguyenngochienhul78@gmail.com (kiennn@hul.edu.vn)

Тью Ван Хунг - кандидат юридических наук, Академия народной безопасности, Вьетнам
Chu Van Hung, Ph.D., People's Security Academy, Vietnam. E-mail: chuvanhung051092@gmail.com

Нгуен Тхи Хуен Чанг - директор юридической фирмы «Вьен Ан», адвокат при Федерации адвокатов Вьетнама, аспирант академии общественных наук, Вьетнам.

Nguyen Thi Huyen Trang, Director of Vien An Law Firm, Attorney at the Vietnam Bar Association, PhD student at the Academy of Social Sciences, Vietnam. E-mail: nguyenhuyentranglawyer1972@gmail.com

РОЛЬ НАРОДНОЙ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (СРВ)

***Аннотация.** Статья посвящается анализу проблемы обеспечения справедливого судебного разбирательства уголовных дел, которое является одной из важнейших и приоритетных задач органов народной прокуратуры Вьетнама. Целями исследования являются, во-первых, освещение международной и национальной правовой основы защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также деятельности народной прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Во – вторых, - обзор нормативно-правовой базы, регламентирующей справедливое судебное разбирательство уголовных дел. В – третьих, анализ роли народной прокуратуры в данной сфере. Результатами исследования явились выводы о том, что на современном этапе проблема защиты прав и законных интересов личности стоит очень остро, поэтому деятельность и роль народной прокуратуры Вьетнама в рамках указанного направления оказывается особенно актуальной и отражается в следующих аспектах: надзор за соблюдением законов органами следствия и судов, отмена или вынесение представлений (обжалований) на необоснованные и незаконные решения органов следствия или судов, обеспечение права населения на доступ к справедливому судебному разбирательству в уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** права и свободы человека и гражданина, народная прокуратура, прокурорский надзор, право на справедливое разбирательство, уголовно процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство.*

Социалистическая Республика Вьетнам (далее - СРВ), являясь социалистическим правовым государством, основывается на демократических принципах развития в интересах личности и общества, что, в свою очередь, должно обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина.

Основные права и свободы человека и гражданина в качестве основной ценности закреплены в статьях 14-49 главы II Конституции СРВ 2013 г., что в полной мере соответствует требованиям и стандартам международного сообщества. Данные требования отражены в международно-правовых актах (международном праве), таких, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., международные пакты об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.

Ст. 14 Конституция СРВ гласит [1], что *«...в Социалистической Республике Вьетнам права человека и гражданина в политической, гражданской, экономической, культурной и социальной сферах, признаются, уважаются, защищаются и обеспечиваются в соответствии с Конституцией и законом»*. В связи с этим, мы полагаем, что признание, уважение, защита и обеспечение прав и свобод человека и гражданина являются непосредственной обязанностью государственных органов и должностных лиц. Это, в свою очередь, обуславливает дальнейшее становление, развитие и совершенствование конституционной системы защиты прав и свобод человека в СРВ.

Будучи частью основного закона СРВ, конституционные нормы в области защиты прав и законных интересов человека и гражданина, являются правовой предпосылкой для последующей конкретизации тех или иных прав и свобод в системе законодательства СРВ, регулирующей различные сферы общественных отношений, в которых участвует человек и гражданин. Права и свободы человека, участвующего в этих отношениях, определяются и регулируются различными отраслями законодательства. Это уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, административное, финансовое, земельное, трудовое, жилищное и другие отрасли законодательства. Защита этих прав и свобод является одной из важнейших и приоритетных задач народной прокуратуры СРВ.

На современном этапе глобализации, социально-экономического, а также политического развития вьетнамского государства и общества значение прав и свобод человека существенно возросло. В соответствии со ст. 2 закон СРВ «Об организации народной прокуратуры» устанавливается [2], что «народная прокуратура обязана защищать Конституцию и закон, права человека и гражданина, социалистический режим, интересы государства, а также законные права и интересы

организации и личности, способствуя обеспечению неукоснительного и единообразного соблюдения закона», следовательно, деятельность органов народной прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделена как самостоятельное основное направление прокурорского надзора (глава 2).

Вопрос о том, какую роль играет в защите прав и свобод человека и гражданина народная прокуратура, давно обсуждается и теоретиками, и практиками. Так, к рассматриваемой проблематике обращались вьетнамские ученые Во Тхи Ким Оань, Ву Жа Лам, Ву Нгок Бинь, Май Тхань Хиеу, Нгуен Ван Хуен, Нгуен Нгок Чи, Нгуен Хай Нинь, Фан Тхи Тхань Май, Хоанг Тхи Минь Шон, Чан Ван До и другие авторы. Тем не менее, большая часть публикаций посвящена проблемам, возникающим в осуществлении полномочий народной прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а в защите основных прав и свобод, в том числе в обеспечении справедливого судебного разбирательства уголовных дел существующие проблемы незаслуженно обойдены вниманием ученых и практиков.

Следует отметить, что прокуратура СРВ играет особую правозащитную роль, так как ее органы обладают относительной самостоятельностью функциональных ветвей государственной власти и достаточной разветвленностью, обеспечивающей практически повсеместный доступ к ним граждан.

В СРВ статистика последних лет (с 2016 г. по 2020 г.) показывает [3], что число представлений органов народной прокуратуры увеличивается, что свидетельствует о росте активной работы по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, особенно в уголовном судопроизводстве. Согласно сводному отчету о работе народной прокуратуры Вьетнама с 2016 г. по 2020 г., народной прокуратурой получены и разрешены 561 тыс. 174 сообщения о преступлениях; осуществлен надзор за возбуждением 375 тыс. 884 уголовных дел, что по сравнению с периодом с 2010 г. по 2015 г. увеличилось на 1,2%; вынесены 220 тыс. указаний органам следствия о проверке сообщений о преступлениях; вынесены требования к органам следствия о возбуждения 3 тыс. уголовных дел, что увеличилось на 64 %; отменены 700 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, необоснованных и незаконных постановлений органов следствия, непосредственно возбуждены 150 уголовных дел и вынесены требования

к органам следствия о проведении следствия по указанным делам, что увеличилось на 7 %.

Итак, соблюдая конституционные принципы защиты прав и свобод человека и гражданина, органы народной прокуратуры обязаны не только восстанавливать нарушенные права, но и обеспечивать гражданам защиту от посягательств на его права и свободы, в том числе право на справедливое судебное разбирательство уголовных дел.

Защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина определяет содержание предмета не только рассматриваемого направления деятельности народной прокуратуры по надзору. Оно входит также в сферу надзора за исполнением законов органами следствия, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, досудебное расследование, содержание под стражей и заключение под стражу, надзора за исполнением наказания и назначаемых судом мер принудительного характера и др. Следует отметить, что данное направление находится в центре внимания прокуроров также в процессе осуществления функции уголовного преследования.

В соответствии со ст. 3 закона СРВ «Об организации народной прокуратуры» и ст. 41 - 43 УПК СРВ функция уголовного преследования определяется следующим образом:

1. Осуществление права на уголовное преследование - деятельность народной прокуратуры в уголовном судопроизводстве по предъявлению обвинения со стороны государства, которая осуществляется с момента рассмотрения заявления и сообщения о преступлении, ходатайств о возбуждении уголовного дела и на протяжении всего процесса возбуждения, следствия, уголовного преследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела.

2. Народная прокуратура осуществляет право на уголовное преследование в следующих целях:

- все преступления должны быть выявлены и расследованы, а субъекты, их совершившие - привлечены судом к уголовной ответственности;

- никто не может быть задержан, арестован или содержаться под стражей без разрешения уполномоченных законом должностных лиц.

3. При осуществлении функции и права на уголовное преследование народная прокуратура может реализовать следующие полномочия:

- требовать возбуждения уголовного дела, отмены незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела, а также санкционирования постановления органов следствия о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого; непосредственно возбуждать уголовное дело, привлекать к уголовной ответственности обвиняемых в случаях, предусмотренных УПК СРВ;

- принимать постановление и санкционировать применение, изменение или отмену мер, ограничивающих права человека и гражданина при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, ходатайств о возбуждении уголовного дела и в процессе возбуждения уголовного дела, следствия, уголовного преследования в соответствии с положениями УПК СРВ;

- отменять иные незаконные процессуальные решения при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, ходатайств о возбуждении уголовного дела и в процессе возбуждения уголовного дела и следствия;

- при необходимости, требовать от органа следствия осуществлять ряд следственных действий;

- требовать от заинтересованных органов, организаций и личности выдачу документов, несущих необходимую информацию о преступлений и лицах, совершивших преступление;

- непосредственно рассмотреть заявление или сообщение о преступлении, а также ходатайство о возбуждении уголовного дела; осуществлять ряд следственных действий по установлению оснований для предъявления лицу обвинения;

- расследовать преступления против правосудия, порядка управления в соответствии с законом;

- выносить постановление о применении производства в сокращенной форме на стадии следствия и уголовного преследования;

- выносить постановление обвинительное постановление;

- обжаловать приговоры или постановления в случае, если народная прокуратура обнаружит незаконное привлечение к уголовной ответственности, и (или) обвинение;

- выполнять другие задачи и осуществлять другие полномочия в ходе уголовного преследования в соответствии с УПК СРВ.

Мы полагаем, что предусмотренные в настоящее время органами народной прокуратуры полномочия, позволяют значительно снизить

количество нарушений конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Практика показывает, что стало меньше случаев незаконного ареста, задержания, содержания под стражей и заключения под стражу лиц и граждан, а также их необоснованного привлечения к уголовной ответственности и незаконного обвинения, что, несомненно, обеспечивает право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Таким образом, возрастает роль прокурорского надзора по его реализации в уголовном судопроизводстве.

Право на справедливое судебное разбирательство *«right to a fair trial»* - это право обвиняемого, в рамках которого государство должно гарантировать ему процессуальные и другие основные права на протяжении всего расследования до окончания судебного процесса. Данное право является одним из прав человека, признанных международным правом. Статья 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашает [5], что: *«...каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»*. Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. гласит [6], что *«...все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»*. Статья 6 Европейской конвенции о правах человека 1950 г. определяет [7], что *«...каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»* и др.

Итак, вышеупомянутые положения показывают, что обвиняемый имеет право на справедливое, своевременное и объективное судебное разбирательство независимым судом, созданным в соответствии с законом. Процесс судебного разбирательства, не отвечающий критериям независимости и объективности, не может быть справедливым судебным

разбирательством. Тот факт, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на справедливое судебное разбирательство, означает, что суд не должен подвергаться зависимости или давлению от какого-либо органа государственной власти. Эта независимость принадлежит не только суду, но и лицу, председательствующему в судебном разбирательстве. Кроме того, судебное разбирательство должно быть объективным, то есть не принадлежать какой-либо стороне, без предвзятости, но должно быть полностью основано на объективной истине по уголовному делу.

Вьетнам выступает в качестве активного члена международного сообщества, его система законодательства содержит положения, гарантирующие право на справедливое, публичное и объективное судебное разбирательство обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) согласно Конституции и действующим законам. Согласно уголовному судопроизводству Вьетнама, государство гарантирует для обвиняемых и подсудимых право на справедливое судебное разбирательство в рамках закона и при их собственном сотрудничестве при расследовании преступления. Пределы применения права на справедливое судебное разбирательство довольно широки не только на судебном, но и на досудебном этапе. Вьетнамский ученый Нгуен Нгок Чи считает, что *«...согласно положениям международно-правовых документов по правам человека, право на справедливое судебное разбирательство - это не только право на справедливое судебное разбирательство, но и смежные права для обеспечения судебного разбирательства обвиняемого на досудебных стадиях»* [8].

Предпримем попытку более четко прокомментировать круг лиц, на которых распространяется право на справедливое судебное разбирательство на стадии расследования. Мы полагаем, что справедливое судебное разбирательство должно быть гарантировано задержанным, обвиняемым и подсудимым, а не обвиняемым в целом, включая подозреваемых. Согласно УПК Вьетнама, задержанные лица не обязательно привлекаются к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, поэтому судебное разбирательство в отношении этих лиц может не проводиться. Право на справедливое судебное разбирательство должно применяться только к лицам, содержащимся под стражей, обвиняемым или подсудимым, а не к задержанным. Причина в том, что уголовно-процессуальным законодательством Вьетнама не закрепляются

положения о подозреваемом лице. УПК Вьетнама не определил понятие «подозреваемого» и не установил его процессуальную роль. Данное лицо называют лицом, совершившим преступление, что является серьезным ограничением, ослабляющим принцип презумпции невиновности.

Во Вьетнаме функция и роль народной прокуратуры имеют свои особенности, поскольку народная прокуратура не только выполняет функцию осуществления государственного обвинения в уголовном судопроизводстве, но и осуществляет надзор за правосудием. Функция надзора за правосудием обеспечивает соблюдение закона органами следствия и защищает права человека при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Народная прокуратура имеет в арсенале множество процессуальных мер, пресекающих незаконные следственные действия, направленные на незаконное обвинение и незамедлительное устранение нарушений закона.

Нам представляется необходимым рассмотреть некоторые основные вопросы, связанные с ролью и полномочиями народной прокуратуры в отношении справедливого судебного разбирательства. Так, например, пределы судебного разбирательства означают, что суд может рассматривать уголовные дела в отношении обвиняемого по предъявленному народной прокуратурой обвинению в рамках уголовного судопроизводства. УПК Вьетнама устанавливает пределы судебного разбирательства в следующих случаях: *во-первых*, суд не может выносить решение в отношении лица, не преследуемого государственным обвинением; *во-вторых*, суд имеет полномочие рассмотреть уголовное дело по преступлениям менее тяжким или по преступлениям, обвинение по которым поддерживается народной прокуратурой; *в-третьих*, суд имеет полномочие назначить более суровое наказание или смягчить наказание, по отношению к тому, что требовал государственный обвинитель; *в-четвертых*, в случае назначения более сурового наказания, суд должен направить материалы уголовного дела для повторного рассмотрения, о чем выносит соответствующее постановление.

Таким образом, установление пределов судебного разбирательства заключается в обеспечении функции прокуратуры по обвинению и требованию от суда соблюдения пределов и объема квалификации преступления, применяемых пределов наказания во избежание злоупотребления своими полномочиями. Более того, главная цель пределов судебного разбирательства – обеспечение справедливого

судебного разбирательства по уголовным делам. Суд может изменить обвинение, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Согласно ст. 221 и ст. 217 УПК Вьетнама государственный обвинитель в силу недостаточности собранных доказательств может отказаться от обвинения полностью либо частично, изложив суду мотивы отказа. Так же государственный обвинитель может изменить обвинение в сторону смягчения. Если прокурор полностью отказывается от обвинения до постановления приговора суд должен потребовать от участников процесса представить свое мнение о таком отказе. Такой порядок обеспечивает демократичность судебного разбирательства. Однако недостатком такого подхода является то, что, когда прокурор отказывается от обвинения, суд все еще продолжает рассматривать дело или предлагает вышестоящей народной прокуратуре пересмотреть его. Если государственный обвинитель частично отказывается от обвинения, суд продолжает рассмотрение материалов в отношении оставшейся части обвинения. Если прокурор полностью отказывается от обвинения, уголовное дело должно быть прекращено и в отношении подсудимого суд должен выносить оправдательный приговор.

Поскольку пределы судебного разбирательства обеспечивают права и законные интересы подсудимого, отказ от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования, что не позволяет суду злоупотреблять своей властью. На основе изложенного мы предлагаем следующую редакцию ст. 298 УПК Вьетнама: *«...судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту».*

Порядок отказа от обвинения народной прокуратурой, с одной стороны, открывает возможность создания преимущества для обвиняемых, то есть без обвинения нет судебного разбирательства. Это выражает четко суть справедливого судебного разбирательства. Однако возможность отказа от обвинения существенно ограничена, поскольку порядок судебного разбирательства позволяет суду выходить за пределы обвинения. Такое положение может существенно ухудшать положение подсудимого и нарушать его право на защиту. Суть противоречия состоит

в том, что порядок отказа от обвинения регулируется отдельно как несоответствующий обеспечению права на справедливое судебное разбирательство.

УПК СРВ предписывает народной прокуратуре ряд мер по надзору за следственными действиями, обеспечению соблюдения закона в процессе расследования и недопущению невыявленных преступных действий и незаконного обвинения. Прокурор обладает полномочием выносить постановление *«о требовании следствия»* с заранее определенным содержанием для исполнения органом следствия. Прокуратура выносит ходатайство и представление органу следствия исправить и устранить нарушения закона. Однако установлено, что на практике не всегда органы следствия согласуют ряд своих действий с органами народной прокуратуры, таких как санкция на возбуждение уголовного дела, вопрос о применении, замене и отмене мер пресечения, мер принуждения, решение об уголовном преследовании, решение о смене следователя, начальника и заместителей начальника органа следствия и т.д., что является существенным нарушением прав и интересов участников судопроизводства.

Примерами того, как народной прокуратурой всех уровней отменены незаконные постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, постановления о заключении под стражу и содержании под стражей по всей стране (с 2016 по 2020 гг.), могут служить [9]:

- в 2016 г. были отменены 105 постановлений о возбуждении уголовных дел (что составило на 33 постановления больше, чем в 2015 г.); 358 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности (что на 95 постановлений больше, чем в 2015 г.); отменены постановления об изменении постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности по 8 уголовным делам с 14 обвиняемыми;

- в 2017 г. отменены 89 постановлений о возбуждении уголовных дел, 271 необоснованное и незаконное постановление о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности;

- в 2018 г. отменены 66 постановлений о возбуждении уголовных дел, 233 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности;

- в 2019 г. отменены 86 постановлений о возбуждении уголовных дел, 153 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности;

- в 2020 г. отменены 94 постановления о возбуждении дела, 58 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности.

Еще приведем примеры нарушений законности в отношении порядка санкционирования прокуратурой постановлений о задержании, заключении под стражу и содержании под стражей (данные с 2016 по 2020 гг.) [10]:

- в 2016 г. не санкционированы 74 постановления о задержании, отменены постановления о заключении под стражу и не санкционировано продление срока содержания под стражей в отношении 472 лиц; не санкционированы постановления о содержании под стражей в отношении 468 обвиняемых; не санкционировано продление срока содержания под стражей в отношении 63 обвиняемых;

- в 2017 г. не санкционированы 91 постановление о задержании, 165 постановлений о задержании обвиняемого и 227 постановлений о содержании обвиняемых под стражей; не санкционировано продление срока заключения под стражу в отношении 159 лиц и не санкционировано продление срока содержания под стражей в отношении 30 обвиняемых;

- в 2018 г. не санкционированы 130 постановлений о задержании, 175 постановлений о задержании обвиняемого и 321 постановление о содержании обвиняемого под стражей; не санкционировано продление срока заключения под стражу в отношении 158 лиц и не санкционировано продление срока содержания под стражей в отношении 13 обвиняемых;

- в 2019 г. не санкционированы 126 постановлений о задержании, 185 постановлений о задержании обвиняемых и 262 постановления о содержании обвиняемого под стражей; отменены постановления о заключении под стражу и не санкционировано продление срока заключения под стражу в отношении 609 лиц;

- в 2020 г. не санкционированы 88 постановлений о задержании, 146 постановлений о задержании обвиняемого и 239 постановлений о содержании обвиняемого под стражей; отменены постановления о заключении под стражу и не санкционировано продление срока заключения под стражу в отношении 805 лиц.

Согласно приведенной статистике, можно утверждать, что народная прокуратура играет важную роль в обеспечении прав и законных интересов на справедливое судебное разбирательство. Деятельность народной прокуратуры в значительной степени ограничивает злоупотребления задержанием, заключением под стражу и содержанием под стражей со стороны органов следствия, что способствовало своевременной и эффективной защите прав человека.

Роль народной прокуратуры особенно проявляется в условиях правовой системы и социально-экономического развития Вьетнама. Подобная прогрессивная тенденция особенно проявляется в процессе проведения судебной реформы, при которой акцент делается на расширение прав и законных интересов на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве. Например, система египетского уголовного судопроизводства расширила право на адвоката до и во время судебного разбирательства. Мы полагаем, что во Вьетнамском судопроизводстве необходимо использовать принцип *«сокращение сроков содержания под стражей до судебного разбирательства»*, чтобы усилить гарантированность в применении практических мер в отношении задержанных лиц. В Германии в последние годы судебный контроль был расширен, и право признать себя виновным стало более распространенным явлением. В Италии был сделан выбор в пользу расширения прав подсудимых на сопротивление отрицательным показаниям свидетелей. В уголовном судопроизводстве США все более гибко используются права для обвиняемого, а именно на юридическую консультацию, право на защиту, право на молчание, связанное с правилом Миранды (также известное как «предупреждение Миранды»), право не свидетельствовать против себя, право на предварительную информацию (инкриминирующую информацию), право на выбор рассмотрения дела судом присяжных или только судьей и др.

Помимо функции осуществления государственного обвинения в судебном разбирательстве, прокуратура также выполняет функцию надзора за деятельностью по рассмотрению и разрешению судами делам в полном составе и в ограниченном составе суда, в частности, в целях обеспечения соблюдения уголовно-процессуального законодательства. Роль прокуратуры заключается в обеспечении полного и правильного применения порядка судебного разбирательства и недопущении нарушений, серьезно затрагивающих законные интересы участников

судопроизводства. Это также является содержанием обеспечения справедливого судебного разбирательства по уголовным делам. Например, суд не всегда разъясняет права и обязанности участникам судопроизводства. Прокурор в данном случае вправе потребовать смены состава суда и иных лиц, ведущих производство, ходатайствовать об отложении судебного разбирательства и т.д. Тем не менее, прокуратура в порядке надзора может указать составу суда на нарушения, чем повлиять на ход судебных прений.

На основе проведенного нами вышеизложенного исследования, можно сделать вывод о том, что во Вьетнаме прокуратура играет большую роль в уголовном судопроизводстве, ограничивая злоупотребления полномочиями и произволом со стороны органа следствия и суда. В частности, конституционная функция народной прокуратуры, которая заключается в реализации права на государственное обвинение (преследование) и надзор за осуществлением правосудия, является наиболее эффективным правовым и практическим механизмом в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Полномочие санкционирования постановлений, вынесенных органами следствия (данные постановления вступают в силу только в соответствии с санкцией народной прокуратуры), и предъявление обвинения народной прокуратурой в судебном разбирательстве – это лишь два из многих полномочий народной прокуратуры по обеспечению соблюдения органом следствия закона в ходе собирания доказательств, что определяет справедливость уголовного судопроизводства во Вьетнаме и является неизбежной тенденцией.

Список литературы

1. Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam (được Quốc hội Việt Nam thông qua ngày 28 tháng 11 năm 2013) // Bản tin chính thức. - 2013. - Số 1003 - 1004.
2. Luật Tổ chức Viện kiểm sát nhân dân ngày 29 tháng 12 năm 2014 số 63/2014 / QH13 // Công báo. - 2014. - Số 1167 – 1168.
3. Báo cáo tổng kết công tác nhiệm kỳ Quốc hội khóa XIV của Viện trưởng VKSND tối cao. URL: <https://www.vksndtc.gov.vn/tin-hoat-dong->

vksnd-toi-cao/bao-cao-tong-ket-cong-tac-nhiem-ky-quoc-hoi-khoa-x-d2-t9125.html?Page=1#new-related (ngày đăng nhập: 20.10.2021).

4. Bộ luật tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam ngày 27 tháng 11 năm 2015 số 101/2015 / QH13 // Công báo. - 2015. - Số 1271 – 1276.

5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 67, 05.04.1995.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН; Нью-Йорк, 1992 г.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005) (рус., англ.) (с изменениями на 24 июня 2013 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 2, 08.01.2001, ст. 163

8. Nguyễn Ngọc Chí (chủ biên), (2015), Quyền con người trong lĩnh vực tư pháp hình sự, Nxb Hồng Đức, Hà Nội, 262 trang.

9. Báo cáo số 152/BC-VKSTC ngày 27/12/2016 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2016; Báo cáo số 139/BC-VKSTC ngày 26/12/2017 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2017; Báo cáo số 208/BC-VKSTC ngày 28/12/2018 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2018; Báo cáo số 238/BC-VKSTC ngày 20/12/2019 Báo cáo tổng kết công tác của ngành Kiểm sát nhân dân năm 2019 Nguồn: Báo cáo số 253/BC-VKSTC ngày 31/12/2020 Báo cáo tổng kết công tác của ngành Kiểm sát nhân dân

10. Báo cáo tổng kết công tác nhiệm kỳ Quốc hội khóa XIV của Viện trưởng VKSND tối cao. URL: <https://www.vksndtc.gov.vn/tin-hoat-dong-vksnd-toi-cao/bao-cao-tong-ket-cong-tac-nhiem-ky-quoc-hoi-khoa-x-d2-t9125.html?Page=1#new-related> (ngày đăng nhập: 20.10.2021).

THE ROLE OF THE PEOPLE'S PROSECUTOR'S OFFICE IN ENSURING FAIR TRIAL OF CRIMINAL CASES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM (SRV)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of ensuring a fair trial of criminal cases, which is one of the most important and

priority tasks of the Vietnamese People's Prosecutor's Office. The objectives of the study are, firstly, to reveal the international and national legal basis for the protection of rights, freedoms and legitimate interests, as well as the activities of the people's prosecutor's office to supervise the observance of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings. Second, an overview of fair trial rights in criminal cases is presented. Third, the role of the people's prosecutor's office in this area is analyzed.

The normative basis of the study was formed by international acts in the field of human rights protection, the Constitution of Vietnam, the criminal procedure legislation of the Socialist Republic of Vietnam, by-laws and departmental acts. The theoretical basis of the research is presented by the analysis and generalization of foreign and Vietnamese scientific works in the field of research into the problems of the right to a fair trial. Significant statistical information is used in the field of the problem under study, including, materials of criminal cases are studied, and a generalization of investigative and judicial practice is carried out. The methodological basis of the research is formed by the universal method of scientific knowledge - dialectical-materialistic, as well as logical methods - deduction, induction, cognitive - analysis, generalization, comparative methods, etc.

The results of the study showed that at the present stage the problem of this individual right is very acute, therefore, the activity and role of the People's Prosecutor's Office of Vietnam in the framework of this direction is especially relevant and is reflected in the following aspects: supervision over the observance of the laws of the investigating authorities and courts, cancellation or submission of submissions (appeals) against unjustified and illegal decisions of the investigating authorities or courts, ensuring the right of the population to access a fair trial in criminal proceedings.

Key words: *human and civil rights and freedoms, people's prosecutor's office, prosecutor's supervision, the right to a fair trial, criminal procedure legislation.*

Нгуен Нгок Киен – кандидат юридических наук, декан Факультета уголовного права Юридического университета при университете Хюэ, Вьетнам
Nguyen Ngoc Kien, University of Law at Hue University (Hue, Vietnam). E-mail: nguyenngockienhul78@gmail.com (kiennn@hul.edu.vn)

Тью Ван Хунг, кандидат юридических наук, Академия народной безопасности, Вьетнам
Chu Van Hung, Ph.D., People's Security Academy, Vietnam. E-mail: chuvanhung051092@gmail.com

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНА СЛЕДСТВИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (СРВ)

Аннотация. *Статья посвящена дискуссионным вопросам о справедливом судебном разбирательстве, право на которое является одним из основных прав человека, признанных в законодательстве Социалистической республики Вьетнам, а также в большинстве стран мира. Раскрывается роль органа следствия в обеспечении право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство как неизбежной тенденции в судебной реформе во Вьетнаме.*

Ключевые слова: *право на справедливое разбирательство, презумпция невиновности, судебная защита, орган следствия, уголовно - процессуальное законодательство Вьетнама.*

Право на справедливое судебное разбирательство «*right to a fair trial*» - это право обвиняемого, в пределах которого государство должно

обеспечивать ему процессуальные и другие основные права на протяжении всего следствия до окончания судебного процесса.

Право на справедливое судебное разбирательство уголовных дел является одним из прав человека, признанных международным правом. Статья 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашает, что: *«...каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»* [1].

Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года гласит, что *«...все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»* [2].

Статья 6 Европейской конвенции о правах человека 1950 г. определяет, что *«...каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»* [3].

Итак, вышеупомянутые положения показывают, что обвиняемый имеет право на справедливое, своевременное и объективное судебное разбирательство, которое осуществляется судом, созданным в соответствии с законом. Ход судебного разбирательства, не отвечающий критериям независимости и объективности, не может носить справедливый характер. Тот факт, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на справедливое судебное разбирательство, означает, что суд не имеет зависимости или давления от какого-либо органа государственной власти, эта независимость принадлежит не только суду, но и лицу, председательствующему в судебном разбирательстве. Кроме того, судебное разбирательство должно быть объективным, не предвзятым и не выражать интересы одной из сторон, то есть полностью основанным на соблюдении объективной истины по уголовному делу.

В этой связи следует отметить, что Вьетнам выступает в качестве активного члена международного сообщества, его система законодательства (Конституция и действующие законы) содержит положения, обеспечивающие право обвиняемого (подсудимого) на справедливое, открытое и объективное судебное разбирательство.

Вопросам о праве на справедливое судебное разбирательство посвящаются исследования многих авторов таких стран как Англия, Вьетнам, Китай, Россия, США, Франции др. Среди работ, посвященных исследованию проблемы защиты прав человека в целом необходимо отметить труды российских авторов: С.В. Боботова, П.Н. Бирюкова, Г.М. Даниленко, П.А. Лаптева, Е.А. Лукашевой, И.И. Лукашук, Д.Б. Левина, С.А.Малинина, С.Ю. Марочкина, Г.Р. Шайхутдиновой, Л.М. Энтина и других ученых.

Кроме того, среди представителей зарубежной юридической науки необходимо отметить труды таких авторов как: Д. Анцилотти, Х. Д. Аречага, Я. Броунли. Внимания заслуживают работы о европейской конвенции о правах человека: Ф.Брэдли, П. Ван Дайк, Л. Вильдхабер, Д.Гомьен, Э.Гротрайн, Ф. Джекобе, М. Дженис, Д.Зваак, Р. Кэй, Н. Моул, М.А. Новицки, Т. Охлингер, Г.Петцольд, К. Харби, Д.Харрис, Г. Шермерс.

Во Вьетнаме проблема защиты права человека (в том числе права на справедливое судебное разбирательство) не является новинкой, она упоминается в научных работах отечественных авторов: Во Тхи Ким Оань, Ву Жа Лам, Ву Нгок Бинь, Май Тхань Хиеу, Нгуен Ван Хуен, Нгуен Нгок Чи, Нгуен Хай Нинь, Фан Тхи Тхань Май, Хоанг Тхи Минь Шон, Чан Ван До и других. Тем не менее, большая их часть посвящена проблемам, возникающим в стадии судебного производства (судебного разбирательства), а в стадии предварительного расследования существующие проблемы незаслуженно обойдены вниманием ученых и практиков.

Мы полагаем, что хотя право на справедливое судебное разбирательство в наибольшей степени связано с рассмотрением и разрешением дела судом, однако судебная стадия тесно связана с досудебной, служащей предпосылкой для стадии судебного разбирательства. Основные права, если они нарушены на этой ранней стадии (досудебной), повлияют на реализацию права на более поздней стадии (судебной).

Таким образом, обеспечение права на справедливое судебное разбирательство закладывается еще на досудебной стадии, обеспечивая права и свободы человек на всех стадиях уголовного судопроизводства в соответствии с принципом *«не допущения незаконного обвинения, но неотвратимости наказания»* (ст. 17-20 УПК Вьетнама).

В уголовном судопроизводстве Вьетнама государство обеспечивает обвиняемому и подсудимому право на справедливое судебное разбирательство в рамках закона и при их активном сотрудничестве в ходе расследования преступления. Пределы применения права на справедливое судебное разбирательство довольно широки не только на судебной, но и на досудебной стадии. В этой связи Нгуен Нгок Чи отмечает, что *«...согласно положениям международно-правовых документов по правам человека, право на справедливое судебное разбирательство - это не только право на справедливое судебное разбирательство, но и смежные права для обеспечения судебного разбирательства обвиняемого на досудебных стадиях»* [4. С. 132].

С этой целью необходимо более четко обозначить круг лиц, в отношении которых применяется данное право на стадии расследования. Мы полагаем, что такое право должно быть обеспечено задержанным, обвиняемым и подсудимым. Согласно УПК Вьетнама, задержанные лица не обязательно привлекаются к ответственности в качестве обвиняемого, поэтому судебное разбирательство в отношении этих лиц может не проводиться. Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство должно применяться только к лицам, содержащимся под стражей, обвиняемым или подсудимым. Причина заключается в том, что уголовно-процессуальным законодательством Вьетнама не закрепляются положения о подозреваемом лице. УПК Вьетнама еще не определил понятие «подозреваемого» и не установил его процессуальный статус. Такое лицо называют лицом, предположительно могущим совершить преступление, что является серьезным ограничением, ослабляющим принцип презумпции невиновности.

Это объясняется следующими обстоятельствами. *Во-первых*, подозреваемый отличается от обвиняемого или подсудимого с точки зрения юридических последствий. Орган следствия принимает множество мер по защите задержанных и обвиняемых, но недостаточно уделяет внимания появлению нового человека («подозреваемого») в процессе

проверки сообщения о преступлении. Например, *когда существует подозрение, что человек совершил преступление и должен дать показания, орган следствия пригласит этого человека на проверку, включая вызов и применение профессиональных мер, чтобы заставить его явиться, но без определения его правового статуса. Добровольное присутствие «подозреваемого» будет отличаться от принуждения, как в случае задержания или преследования обвиняемого. Во-вторых, если процессуальный статус и правовой статус «подозреваемого» не будут определены, это приведет к возникновению криминального предубеждения у лиц, наделенных процессуальными полномочиями, особенно должностных лиц (следователей) органа следствия. В уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, таких как России, США, Великобритании, Германии, Китая и других, устанавливается статус подозреваемого в уголовном судопроизводстве от предварительной стадии расследования до судебного разбирательства и вынесения приговора. Мы полагаем, что понятие «подозреваемый» в УПК Вьетнама должно ограничиваться только пределами судебного разбирательства, чтобы соответствовать характеристикам эффективно применяемой процессуальной модели допроса.*

Уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама содержит множество руководящих принципов для обеспечения справедливого судебного разбирательства на разных уровнях, но в полной мере отражаются общие международные стандарты обеспечения прав человека в осуществлении правосудия. В ст. 7-33 УПК Вьетнама закрепляются следующие принципы: обеспечение равенства сторон перед законом; своевременное, справедливое и открытое разбирательство в суде; презумпция невиновности; обеспечение права на защиту обвиняемого, которые поясняются следующим образом: *«...реализация принципа равенства сторон перед законом - одно из основных направлений справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве, так как справедливое судебное разбирательство означает непринятие каких-либо преимуществ при осуществлении следственных и судебных действий. Процесс доказывания в уголовном процессе с целью установления истины и обеспечения справедливости».*

Таким образом, беспристрастность судебного разбирательства эффективно поддержала обеспечение равенства прав граждан перед законом. По содержанию право граждан на равенство перед законом

шире, чем право на справедливое судебное разбирательство. Когда эти два права обобщаются в принципах уголовного судопроизводства Вьетнама, они очень эффективно дополняют друг друга. Содержание равноправия в уголовном судопроизводстве Вьетнама очень широкое, поскольку оно тщательно конкретизирует Конституцию Вьетнама. Соответственно, всем гражданам в целом и обвиняемым, в частности, независимо от класса, положения, религии или пола, государство гарантирует равенство перед законом, включая право на справедливое судебное разбирательство. УПК Вьетнама (ст. 29) предусматривает, что участники уголовного судопроизводства имеют право использовать родной язык и письменность и в случаях, если участники не владеют языком судопроизводства, они имеют право пользоваться помощью переводчика. Обвиняемые имеют те же права и обязанности, никому не отдавая предпочтение как при применении уголовно-правовых мер, так и при предъявлении обвинения и назначении наказания.

Статья 25 УПК Вьетнама 2015 года устанавливает новый принцип, согласно которому суд должен проводить своевременное, справедливое и открытое судебное разбирательство следующим образом: *«...суд должен провести своевременное судебное разбирательство в установленный законом срок, обеспечивая справедливость. Судебное разбирательство открыто для общественности, в котором каждый имеет право присутствовать»* [5]. Этот принцип исходит из основы Конституции 2013 года, которая гласит: *«...обвиняемый должен быть незамедлительно предан суду в установленный законом срок, справедливым и публичным образом. В случае закрытого судебного разбирательства приговор должен быть обнародован»* [6].

Принцип открытого судебного разбирательства также конкретизирован в Законе об организации народных судов 2014 г.: *«уголовное дело своевременно рассмотрено судом»* [7], который гарантирует, что судебное разбирательство не будет отложено; если суд закончил подготовку к судебному разбирательству, дело вскоре будет передано на разрешение. Своевременное судебное разбирательство также означает недопущение ненужного и длительного содержания под стражей, затрагивающего права и свободу человека. Для обеспечения справедливого судебного разбирательства в уголовном процессе, прежде всего, лицо, ведущее производство, должно строго соблюдать порядок судебного разбирательства, состав суда должен обеспечивать объективность.

Открытое судебное разбирательство создает благоприятные условия для обвиняемого и других участников процесса для полного изложения своих мнений и взглядов, а также для представления доказательств и ходатайств в судебном заседании. Открытое судебное разбирательство позволяет людям контролировать работу суда, что является основой справедливого обеспечения отправления правосудия. Судебные действия при проведении судебного разбирательства и применении процессуальных процедур должны носить вдумчивый, всеобъемлющий и объективный характер.

Ограничение принципа своевременного, справедливого и открытого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Вьетнама проявляется в следующем: во-первых, пределы и субъект права на справедливое судебное разбирательство являются узкими, что обеспечивается только на стадии судебного разбирательства; во-вторых, законодатель считает справедливое судебное разбирательство задачей суда в стадии разбирательства; в-третьих, не разъяснена концепция обеспечения справедливого судебного разбирательства по уголовным делам, какое содержание она включает. Тем не менее, УПК Вьетнама 2015 года полностью закрепляет обеспечение справедливого судебного разбирательства на стадиях расследования и уголовного преследования в соответствии с общепринятыми стандартами. Таким образом, расширяются пределы и субъекты, к которым может применяться право на справедливое судебное разбирательство, в том числе на досудебных стадиях. В то же время необходимо развивать понятие справедливого судебного разбирательства и разъяснять его содержание в уголовном процессе.

Обеспечение права на равенство перед законом и права на справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве Вьетнама выражается в следующих аспектах:

а) обеспечение процессуальных прав: орган следствия несет ответственность за обеспечение процессуальных прав обвиняемого, задержанного лица, а также лица, содержащегося под стражей со следующим конкретным содержанием:

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, должны получить процессуальные решения и быть проинформированы о причинах возбуждения дела, задержания и содержания под стражей;

– орган следствия должен уведомить семью и местные органы власти о месте нахождения обвиняемого, о возбуждении в отношении него уголовного дела, задержании и содержании под стражей;

– задержание и содержание обвиняемого под стражей осуществляются органом следствия на основесанкции народной прокуратуры;

– при проведении следственных действий обвиняемому, задержанному и лицу, содержащемуся под стражей, разъясняются их права и обязанности в соответствии с положениями УПК;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, имеют право давать показания и высказывать свое мнение, они могут не свидетельствовать против себя и не признавать свою вину;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, имеют право представлять доказательства, документы, предметы или ходатайства; выражать свое мнение о соответствующих доказательствах, документах и предметах и требовать у уполномоченных лиц, проводящих процессуальную процедуру, провести исследования и оценку доказательств;

– в соответствии с положениями УПК Вьетнама лицо, уполномоченное вести судебное разбирательство, переводчик, эксперт, оценщик имущества и свидетель не допускаются к участию в разбирательстве, если существуют основания полагать, что они не могут быть беспристрастными при выполнении задания. Порядок следствия, уголовного преследования и судебного разбирательства также устанавливает право требовать смены лица, ведущего производство в отношении обвиняемого по данному делу, что гарантирует беспристрастность и справедливость процесса доказывания;

– каждому обвиняемому, задержанному и лицу, содержащемуся под стражей, гарантируется право на защиту, на самозащиту, право на получение квалифицированной юридической помощи (право пользоваться помощью адвоката (защитника)) или на законное представительство в судебном разбирательстве;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, имеют право читать и делать записи на копии документа или оцифрованного документа, относящегося к обвинению или оправданию, или копии другого документа, имеющего отношение к защите, с момента окончания следствия или по запросу;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, имеют право обжаловать процессуальные решения и действия органов или лиц, ведущих производство на всех процессуальных стадиях;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, имеют право требовать от органа следствия и народной прокуратуры вызова свидетелей и обжалования приговора или решения суда;

б) обеспечение основных политических и гражданских прав, свобод и частной жизни обвиняемого. К ним относятся следующие:

– обвиняемому гарантируется и защищается жизнь, тело, престиж, честь и достоинство. Это право человека высоко ценится в Конституции Вьетнама, полностью конкретизировано в УПК и в последние годы получило особое внимание со стороны законодателей. Чтобы предотвратить пытки и незаконное обвинение, УПК Вьетнама запрещает использование бесчеловечных форм и пыток. УПК Вьетнама 2015 года впервые предусматривает, что допрос обвиняемого обязательно должен быть проведен с помощью аудио - или видеозаписи со звуком. Это явилось эффективной формой обеспечения прав человека обвиняемого в условиях осуществления судебной реформы;

– лицо, содержащееся под стражей, информируется о его правах и обязанностях, предусмотренных УПК, и имеет право знакомиться с правилами внутреннего распорядка места содержания под стражей;

– обвиняемый, задержанный и лицо, содержащееся под стражей, могут пользоваться правом голоса в соответствии с законом о выборах депутатов национального собрания и народных советов, а также правом голоса на референдуме в соответствии с положениями закона о референдуме;

– лицо, содержащееся под стражей, обеспечивается питанием, одеждой, предметами личного пользования, медицинской помощью, возможностью реализации духовных потребностей, отправкой и получением писем, получением подарков, книг, газет и документов; а также имеет право встретиться с родственниками, защитником, консульским контактным лицом; право получить инструкцию, разъяснение и гарантированную возможность реализовать свое право на защиту, право на получение квалифицированной юридической помощи (право пользоваться помощью адвоката (защитника)); встретиться с законным представителем для совершения гражданско-правовых сделок;

ходатайствовать об освобождении по окончании срока содержания под стражей; жаловаться на незаконные действия;

– лицу, содержащемуся под стражей, возмещается ущерб в соответствии с Законом об ответственности возмещения государством ущерба в случае незаконного задержания; пользуется другими правами граждан, если они не ограничены законом об исполнении задержания и содержания под стражей и другими соответствующими законами, за исключением случаев, когда такие права не могут быть реализованы из-за того, что лицо находится под стражей. Если у лица, находящегося под стражей, есть родственник, который является инвалидом, старым, слабым или умственно отсталым, но не имеет опекуна, орган, вынесший решение о задержании, должен передать этого человека другому родственнику для ухода. В случае отсутствия родственников, задержанный передается местным властям по месту жительства для ухода за ним. Уход и воспитание детей, являющихся детьми лица, содержащегося под стражей, должно соответствовать положениям закона о заключении под стражу и содержании под стражей. В случае, если у лица, содержащегося под стражей, есть дом или другое имущество без консерватора, орган, вынесший решение о содержании под стражей, должен применить меры по его сохранению.

Однако на практике доступ к вышеупомянутым правам лица, содержащегося под стражей, по-прежнему, остаются декларативными и сложно реализуемыми по разным причинам. Прежде всего, причиной этому являются существенные нарушения закона и злоупотребления, причиняемые при задержании и содержании под стражей. Кроме того, по ряду уголовных процедур возникают реальные препятствия к реализации своих прав на справедливое судебное разбирательство. Например, *лицу, содержащемуся под стражей, в силу физического состояния или неграмотности трудно читать и оценить информацию, изложенную в материалах уголовного дела. Кроме того, злоупотребление содержанием под стражей ограничивает способность обвиняемого собирать информацию и доказательства. Из-за отсутствия доступа к материалам уголовного дела лицо, содержащееся под стражей, не может использовать все доказательства для достоверной и своевременной защиты. Свобода лица, содержащегося под стражей, ограничена, следовательно, трудно реализовать право на подачу жалобы лицу, проводящему процесс, а если такая возможность*

представится, то доказательства могут показаться не достаточно убедительными. Таким образом, лицо, содержащееся под стражей, находится в сложном правовом положении, защищая свою невиновность.

Принцип презумпции невиновности был впервые закреплен в Конституции Вьетнама в 2013 году и конкретизирован в УПК 2015 года. Он оказывает глубокое влияние на реализацию права, на справедливое судебное разбирательство, поскольку имеет прогрессивное для законодательной и правоприменительной практики значение. Воздействие данного принципа может изменить мышление и действия должностных лиц, исполняющих обязанности в органах следствия, народной прокуратуре и народных судах Вьетнама. Право на презумпцию невиновности выражается на следующих уровнях:

– обвиняемый имеет право, но не обязан, доказать свою невиновность, ответственность за которую лежит на государстве. Этот контент предназначен для того, чтобы органы следствия собирали не только доказательства виновности лица, но и доказательства его невиновности в совершении преступления. Кроме того, данный принцип требует от человека, выполняющего свой долг (следователей), соблюдать и нормы морали, т.е. относиться к обвиняемым с уважением, не унижать их достоинства и не умалять их заслуг перед обществом;

– ни одно лицо не будет считаться виновными до тех пор, пока его вина в совершенном преступлении не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. То есть орган следствия не должен предвосхищать виновность человека в содеянном до тех пор, пока факты преступления не будут полностью доказаны. Если существует презумпция вины, это приведет к необъективной и предвзятой деятельности уголовного правосудия и может привести к злоупотреблению полномочиями, вызывая несправедливость и посягательство на основные права человека;

– обвиняемый, подсудимый имеют право хранить молчание во время расследования и судебного разбирательства. Если собранные по делу материалы имеют слабое доказательственное значение, никаких обвинений предъявлено не будет. Согласно УПК Вьетнама, орган следствия не использует признания вины обвиняемым или подсудимым в качестве единственного доказательства для предъявления обвинения. Это считается обвинительным доказательством только по совокупности с

другими доказательствами по уголовному делу. Кроме того, принцип презумпции невиновности также требует, чтобы лицо, осуществляющее производство по уголовному делу сомневающееся в полноте и достаточности собранных доказательств, справедливо оценив их, не ухудшал намеренно положение обвиняемого.

Таким образом, принцип презумпции невиновности ориентирует процесс доказывания преступления на объективность, без навязывания воли и на высочайшее уважение основных прав человека. Поэтому, собрание доказательств и, главное, их объективная оценка являются основанием для осуществления справедливого судебного разбирательства в уголовном процессе.

К сожалению, и это отмечают многие ученые и практики, в целом принцип презумпции невиновности в соответствии с положениями УПК СРВ 2015 года по-прежнему на практике является формальностью, не достигшей своего полного осмысления и значения, поскольку официально норма, позволяющая не свидетельствовать против себя и своих близких, в УПК не закреплена.

Право на защиту обвиняемого торжественно закреплено во многих международных документах, а также в конституциях многих стран, а также это является важнейшей целью защиты прав человека в деятельности уголовного правосудия. Право на защиту позволяет обвиняемому отказаться от обвинения и смягчает уголовную ответственность. Можно сказать, что право на защиту является наиболее эффективным средством обеспечения справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве. Право на защиту действует на всех стадиях производства по делу. Однако, в зависимости от модели уголовного процесса в странах, основная функция судопроизводства соответственно имеет свои особенности.

Необходимо подчеркнуть, что на каждой стадии судебного разбирательства право на защиту может быть преувеличено или затушевано. Например, в уголовном процессе Вьетнама право на защиту на досудебной стадии все еще ограничено и одновременно роль защитника в суде по-прежнему слаба, так как участие защитника на стадии расследования очень ограничено. Подготовка материалов дела и следственные действия проводятся органом следствия при незначительном участии защитника. С одной стороны, орган следствия не приглашает защитника, пытаясь уклониться от опасения раскрытия тайны

следствия, с другой, - защитник, не зная графика и плана проведения следственных действий, не может на них присутствовать. Защитник обычно знакомится и исследует документы в уголовных делах, подготовленных органом следствия, но редко становится непосредственным участником следствия и самостоятельно собирает достоверные доказательства.

Причина состоит в том, что УПК Вьетнама предусматривает, что защитник имеет право только ходатайствовать о приобщении предметов и документов, относящиеся к делу. Таким образом, в уголовном судопроизводстве Вьетнама деятельность защитника по собиранию доказательств носит более, чем формальный характер. Отметим, что УПК Вьетнама возлагает на орган следствия полномочия по собиранию доказательств. Упомянутый вопрос явно требует своего решения.

В уголовном судопроизводстве Вьетнама форма осуществления защиты очень разнообразна. Защита осуществляется не только адвокатом (профессиональным защитником), но и законным представителем обвиняемого, народным защитником (представителем общественных организаций) и помощником по правовым вопросам.

Форма осуществления защиты имеет существенное значение, поскольку позволяет экономить процессуальные издержки и участие населения в уголовном судопроизводстве, делая уголовное судопроизводство более демократичным и прозрачным при осуществлении судебной реформы во Вьетнаме с 2005 года. Кроме того, государство непосредственно заинтересовано в назначении адвокатов для бесплатной защиты виновных, приговоренных к лишению свободы сроком на 15 лет и более, пожизненному заключению или смертной казни. В случаях, когда обвиняемым является лицо с ограниченными физическими способностями или лицо с ограниченными умственными способностями, а также лицо, не достигший 18 лет, государство привлекает адвоката к участию в осуществлении оказания бесплатной юридической помощи для указанных лиц. Правовой институт «защита» в уголовном судопроизводстве Вьетнама демонстрирует гуманность и выдающийся характер государства, создает необходимые и важнейшие условия для смягчения наказания, преодоления и предотвращения незаконного обвинения. Это также является основой и инструментом для защиты прав и интересов обвиняемых, особенно лиц, содержащихся под стражей.

Кроме того, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 73 УПК РСВ [5], защитник также имеет право встречаться с лицами, ведущими производство, для сбора информации и обмена материалами дела в случае необходимости, встречаться и участвовать в допросе обвиняемых и лиц, содержащихся под стражей. Упомянутые выше действия защитника обеспечивают большую объективность при расследовании преступления и могут ограничить нарушения закона, такие как принуждение к даче показаний, постановка наводящих вопросов, пытки, фальсификация материалов уголовного дела и др. Защитник может обнаружить новые обстоятельства преступления или обстоятельства, которые смягчают уголовную ответственность, а также которые имеют значение для оправдания обвиняемых или лиц, заключающихся под стражу, тем самым ограничивая состояние незаконного обвинения в раскрытии и расследования преступлений. Деятельность защитника также способствует укреплению законности, повышению профессионального уровня уголовного судопроизводства, предотвращению произвола и злоупотребления полномочиями, что, в свою очередь, обеспечивает справедливое судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве Вьетнама.

В уголовном судопроизводстве Вьетнама только орган следствия имеет достаточные необходимые полномочия, средства, технологии и возможности для собирания доказательств и выяснения истины по уголовному делу, следовательно, обеспечение права на справедливое судебное разбирательство на стадии следствия крайне необходимо, поскольку:

– орган следствия от имени государства принимает к рассмотрению уголовные дела и применяет все следственные мероприятия к выдвижению и предъявлению обвинения. Обвинительное заключение органа следствия является основанием для уголовного преследования народной прокуратурой и предъявления обвинения в суде;

– орган следствия обладает широкими полномочиями по применению мер для выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступления, таких как: задержание, заключение под стражу и содержание под стражей. Из-за длительного срока содержания под стражей количество лиц, содержащихся под стражей, составляет большую долю (*около 80% в год от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступления*), следовательно,

необходимо срочно применить право на справедливое судебное разбирательство к лицам, содержащимся под стражей, чтобы преодолеть состояние злоупотребления содержанием под стражей;

– учреждения, организации и личность должны сотрудничать и предоставлять в орган следствия доказательства и документы, относящиеся к делу;

– доказательства и документы собираются, отражаются в материалах дела, что является основанием для уголовного преследования народной прокуратурой и судебного разбирательства дела судом;

– деятельность органа следствия находится под пристальным контролем народной прокуратуры с точки зрения соблюдения процессуальных процедур и квалификации преступлений.

На основе вышеуказанного, мы отметим некоторые вопросы, возникающие при обеспечении справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Вьетнама на досудебной стадии, в частности:

– *в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства*: в своей законодательной истории уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама всегда придавало большое значение установлению объективной истины по делу.

В последние годы уделяется больше внимания совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, определению задач защиты прав человека в деятельности уголовного правосудия. В частности, обвиняемому гарантируется неприкосновенность его тела, защита его жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества; честь, престиж и собственность юридического лица. В пользу этого свидетельствуют 19 из 27 основных принципов уголовного судопроизводства Вьетнама, содержание которых состоит в обеспечении и защите прав человека, обвиняемого и участников уголовного судопроизводства; все большее значение придается праву на защиту, на презумпцию невиновности, на справедливое судебное разбирательство и др.

С момента принятия новой Конституции Вьетнама 2013 года было опубликовано множество нормативно-правовых актов, в основе которых лежат критерии уважения и защиты прав человека. В 2015 году УПК Вьетнама установил различные меры в целях поддержки процессуальных органов на обновление мышления практических действий в области защиты прав человека;

– в практическом применении уголовно-процессуального законодательства: в последние годы наблюдается стремление органов следствия к соблюдению норм процессуального права и защите законных интересов граждан СРВ, обеспечивая беспристрастность и объективность в процессе расследования. В отчете верховной народной прокуратуры Вьетнама дана оценка качества расследования преступлений [8]. Отмечено, что, *во-первых*, улучшилось качество раскрытия и расследования преступлений, а также своевременно выявлены, раскрыты и расследованы особо тяжкие преступления, вызывающие повышенное внимание общественности (количество уголовных дел по окончании расследования составляет более 80%); *во-вторых*, меры задержания, заключение под стражу и содержание под стражей осуществляются, преодолевая злоупотребления ненужным задержанием и содержанием под стражей; *в-третьих*, обеспечение законных прав и интересов участников процесса сосредоточено на обеспечении права на адвоката лицам, которым он предусмотрен законодательством; *в-четвертых*, обеспечение минимальных сроков рассмотрения и разрешения уголовных дел, в том числе, соблюдение сроков заключения под стражу и содержания под стражей.

Таким образом, отчет демонстрирует прогресс и активность органа следствия в обеспечении справедливого судебного разбирательства. В то же время, органы следствия уделили больше внимания праву на защиту и создали благоприятные условия для участников судопроизводства, защищая права и законные интересы обвиняемых в уголовном судопроизводстве Вьетнама.

Однако самое основное ограничение в применении процессуальной модели допроса во Вьетнаме на практике, связано с необходимостью решения трех вопросов, а именно:

– наличием незаконного обвинения, что привело к вынесению оправданного приговора. С 2005 по 2015 гг. насчитывалось 350 подсудимых, которым вынесен оправдательный приговор [9]; в 2016 году – 10 подсудимых [10]; в 2017 г. - 09 подсудимых [11]; в 2018 г. - 8 подсудимых. Кроме того, в 2018 году по 8 обвиняемым приостановлено следствие за отсутствием состава преступления (по сравнению с 2017 годом наблюдается уменьшение на 42,9%), а по 17 обвиняемым - в связи с истечением срока расследования [12]. В 2019 году по 4 подсудимым вынесены оправданные приговоры [13]. В 2020 г. по 13 обвиняемым

приостановлено производство по делу за отсутствием состава преступления; по 3 обвиняемым приостановлено народной прокуратурой производство по делу следствие за отсутствием состава преступления, по 3 подсудимым судом первой инстанции вынесены оправданные приговоры [14]. Последствия незаконного обвинения в совершении преступления, возникающие из-за ошибок органа следствия в результате собирания и оценки доказательств, могут стать весьма трагичными для личности, организации и общества. Кроме того, существует злоупотребление содержанием под стражей и другими нарушениями закона при проведении следствия. Это доказано по результатам представлений народной прокуратуры, требующей от органа следствия устранить допущенные нарушения. Например, с 2011 по 2016 гг. народная прокуратура всех уровней направила 2 тыс. представлений в органы следствия и государственные органы в целях устранения нарушений закона и предотвращения преступлений. Среднегодовой процент отмененных приговоров (с 2007 по 2014 гг.) составляет 0,6%, исправленных приговоров - 5,17%, только в 2015 г. процент отмененных приговоров - 0,84%, процент исправленных приговоров - 5,07% [15];

– злоупотребление содержанием под стражей также является серьезным ограничением нынешней вьетнамской процессуальной модели допроса. Согласно исследованию, проведенному до принятия нового УПК Вьетнама 2015 г., средний уровень содержания под стражей составлял более 90% за год по всей стране. После 1 января 2018 г. (УПК вступил в силу) уровень содержания под стражей уменьшился на 10 % [16]. Хотя процент содержания под стражей уменьшился, он остается достаточно высоким.

На основе проведенного исследования, нами выявлены следующие недостатки правоприменительной практики, связанные с обеспечением права на справедливое судебное разбирательство:

во-первых, постановление народной прокуратуры об уголовном преследовании и судебное разбирательство во многом зависят от качества предварительного следствия (следственных действий). Органы следствия обладают полномочиями и средствами для собирания доказательств и предъявления обвинения. Это может ограничивать и ослаблять право на защиту;

во-вторых, государство заинтересуется в расширении полномочий лица, ведущего судопроизводство, и предлагает меры, позволяющее

рационально разграничить эти полномочия, и ожидает, что орган следствия выполнит свои служебные обязанности для обеспечения справедливости на досудебной стадии. Тем не менее, это не является явной тенденцией к расширению прав обвиняемых на самозащиту;

в-третьих, многие процессуальные действия органа следствия в уголовном судопроизводстве по-прежнему являются более императивными. Однако в 2015 году были предприняты попытки, направленные на либерализацию уголовно-процессуального законодательства;

в-четвертых, в УПК 2015 года хоть и появились такие принципы, как презумпция невиновности и состязательности, на практике по-прежнему формальны.

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство является универсальным правом. Международные нормы в этом отношении разнообразные, но в то же время относительно строгие и подробные. Уважение и надлежащее соблюдение органом следствия этих норм имеет большое значение для защиты права на справедливое судебное разбирательство, особенно на досудебной стадии, тем самым защищая другие основные права, а также вносит важный вклад в создание основ для демократического общества во Вьетнаме.

Литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 67, 05.04.1995.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН; Нью-Йорк, 1992 г.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005) (рус., англ.) (с изменениями на 24 июня 2013 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 2, 08.01.2001, ст. 163

4. Nguyễn Ngọc Chí (chủ biên), (2015), Quyền con người trong lĩnh vực tư pháp hình sự, Nxb Hồng Đức, Hà Nội, 262 trang (Нгуен Нгок Чи (редактор), (2015), Права человека в сфере уголовного правосудия, Издательство Hong Duc, Ханой, 262 с.).

5. Уголовно-процессуальный кодекс СРВ от 27 ноября 2015 № 101/2015/QH13 // Официальный бюллетень. - 2015. - № 1271 - 1276.

6. Конституция Социалистической Республики Вьетнам (принята Национальным Собранием Вьетнама 28 ноября 2013 года) // Официальный бюллетень. - 2013. - № 1003 - 1004.

7. Закон СРВ об организации народного суда от 24 ноября 2014 № 62/2014/QH13 // Официальный бюллетень. - 2014. - № 1167 - 1168.

8. Báo cáo số 11/BC-VKSTC ngày 19/11/2015 của VKSND tối cao về tổng kết 10 năm thi hành Bộ luật tố tụng hình sự năm 2013 (Отчет № 11 / BC-VKSTC от 19 ноября 2015 года Верховной народной прокуратуры по итогам 10 лет применения Уголовно-процессуального кодекса за 2013 год).

9. Cục thống kê tội phạm VKSNDTC; Báo cáo tổng kết công tác ngành Tòa án năm 2015 của TANDTC (Управление статистики преступности Народной прокуратуры; Сводный отчет верховного народного суда о работе судебного сектора в 2015 году).

10. Báo cáo số 152/BC-VKSTC ngày 27/12/2016 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2016 (Отчет № 152 / BC-VKSTC от 27 декабря 2016 года Верховной народной прокуратуры «О подведении итогов работы Народной прокуратуры за 2016 год»).

11. Báo cáo số 139/BC-VKSTC ngày 26/12/2017 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2017 (Отчет № 139 / BC-VKSTC от 27 декабря 2017 года Верховной народной прокуратуры «О подведении итогов работы Народной прокуратуры за 2017 год»).

12. Báo cáo số 208/BC-VKSTC ngày 28/12/2018 của VKSND tối cao về Tổng kết công tác ngành Kiểm sát nhân dân năm 2018 (Отчет № 208 / BC-VKSTC от 28 декабря 2018 года Верховной народной прокуратуры «О подведении итогов работы Народной прокуратуры за 2018 год»).

13. Báo cáo tổng kết năm 2019 và nhiệm vụ trọng tâm công tác 2020 của các Tòa án (Сводный отчет за 2019 год и основные задачи работы народных судов в 2020 году).

14. Nguồn: Báo cáo số 253/BC-VKSTC ngày 31/12/2020 Báo cáo tổng kết công tác của ngành Kiểm sát nhân dân (Отчет № 253 / BC-VKSTC от 31 декабря 2016 года Верховной народной прокуратуры «О подведении итогов работы Народной прокуратуры за 2020 год»).

15. Báo cáo số 03/BC-TA ngày 15/1/2015 của TANDTC *tổng kết công tác năm 2014 và nhiệm vụ trọng tâm công tác năm 2015 của các tòa án*, Tài liệu Hội nghị triển khai công tác Tòa án năm 2015, Hà Nội tháng 1/2015), Отчет TANDTC № 03 / BC-TA от 15 января 2015 г. «Подведение итогов работы в 2014 г. и ключевых задач судов в 2015 г.», Документ Конференции по реализации судебной работы в 2015 г., Ханой в январе 2015 г).

16. Nguyễn Ngọc Kiện. Bảo đảm quyền con người khi áp dụng biện pháp tạm giam theo quy định của Bộ luật tố tụng hình sự Việt Nam năm 2015”. Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp số 14 (414), tháng 7/2020. URL: <http://lapphap.vn/Pages/TinTuc/210625/Bao-dam-quyen-cua-nguoi-bi-tam-giam-theo-quy-dinh-cua-Bo-luat-To-tung-hinh-su-nam-2015.html> (ngày truy cập: 25.05.2021). (Нгуен Нгок Киен. Обеспечить права человека при применении меры содержания под стражей в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 года ». Журнал исследования законодательства, № 14 (414), июль 2020 г. URL: <http://lapphap.vn/Pages/TinTuc/210625/Bao-dam-quyen-cua-nguoi-bi-tam-giam-theo-quy-dinh-cua-Bo-luat-To-tung-hinh-su-nam-2015.html> (дата обращения: 25.05.2021).

Нгуен Нгок Хоа – профессор, доктор юридических наук, Ханойский юридический университет, город Ханой, Вьетнам.

Email: hoa.nguyen@hlu.edu.vn

Nguyen Ngoc Hoa – Professor, Doctor of Law, Hanoi Law University, Hanoi City, Vietnam.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. В данной статье оцениваются положения Уголовного кодекса Вьетнама 2015 года об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц на основе анализа характера, содержания и техники положений об уголовной ответственности юридических лиц, а

также рассматривается фактическое применение этих положений в последнее время. Оттуда в статье вносятся предложения по совершенствованию положений Уголовного кодекса об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц для повышения эффективности применения этих положений в целях удовлетворения требований построения и совершенствования правового государства во Вьетнаме в нынешнем период.

Ключевые слова: *уголовная ответственность юридических лиц; на имя юридического лица; в пользу юридического лица*

1. Введение

Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года (УК Вьетнама) признал уголовную ответственность коммерческих юридических лиц за преступления, указанные в 33 статьях закона. В процессе разработки проекта Уголовного кодекса, а также при первом изменении и дополнении этого Кодекса после его обнародования и еще не вступившего в силу (в 2017 году) и особенно в настоящее время, когда этот Кодекс действовал и применяется на протяжении ряда лет, до сих пор нет единого представления о сущности, содержании и техники регулирования уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Следствием этого несоответствия является противоречие и неточность многих норм, касающихся уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе. Это может оказать определенное влияние на применение закона. Практика применения Уголовного кодекса за последние 4 года (2018 - 2021 гг.), с момента вступления в силу этого Кодекса, показывает, что положения об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц практически «забыты», не способствовали продвижению роли «...защита прав и законных интересов людей; способствуя более жесткому и строгому обращению с юридическими лицами-нарушителями посредством строгого и прозрачного процессуального механизма с командой профессиональных должностных лиц, проводящих процедуры». По статистике, за четыре года 2018-2021 было рассмотрено только одно уголовное дело, по которому к коммерческому юридическому лицу была привлечена уголовная ответственность за преступление, связанное с нарушением прав на объекты промышленной собственности. Это один из восьми уголовных дел о нарушении прав на промышленную

собственность в период с 2018 по 2021 год. Также за этот период было проведено около 7 тыс. дел по 33 преступлениям, которые согласно положениям ст. 76 Уголовного кодекса являются преступления, входящие в сферу уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Эта ситуация требует общей оценки для установления причин и предложения преодоления, в которых, в первую очередь, требуется качественная оценка содержания, а также техники норм, связанных с уголовной ответственностью коммерческих юридических лиц в УК Вьетнама. Кодекс в целях создания меры по совершенствованию этих положений.

2. Сущность, содержание и техника привлечения к уголовной ответственности юридических лиц

2.1. Сущность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц

По существу положение об уголовной ответственности юридического лица представляет собой определение второго субъекта, который может нести уголовную ответственность за преступление, совершенное первым субъектом, которым является человек. *«Соответственно регламентация уголовной ответственности юридического лица не означает, что совершается второй вид преступления – преступление, субъектом которого является юридическое лицо рядом с преступлением, совершенном человеком».* По сути, при установлении или не установлении уголовной ответственности юридического лица *«событие совершения преступления – преступное событие»* остается тем же. Это действие, совершаемое людьми, и определяется как преступление по уголовному праву. Установление уголовной ответственности юридического лица не порождает *«второго преступного события»*, а лишь порождает второго субъекта, несущего уголовную ответственность вместе с первым субъектом, человеком, за те же самые *«преступное событие»*, которое люди совершили. Таким образом, преступное деяние всегда является просто преступным деянием, а субъектом деяния является человек. Тем не менее, когда юридическое лицо привлекается к уголовной ответственности за преступление, совершенное лицом, в связи с выполнением условий уголовной ответственности, юридическое лицо также может рассматриваться как субъект деяния, совершившего преступление, но является лишь виртуальным субъектом при этом, ареальный субъект все еще является человеком.

Таким образом, преступник по-прежнему только один, а субъект преступления - реальный субъект и виртуальный субъект, в котором юридическое лицо является лишь виртуальным субъектом, фактически не совершающим преступления. Поэтому новая задача состоит в том, чтобы «...*решить теоретические проблемы применения уголовной ответственности юридическим лицам*». С тех пор родилась теория уголовной ответственности юридических лиц, объясняющая, что юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, даже если они не совершают преступления. Это теория субсидиарной ответственности (*Theory of Vicarious liability*), теория идентификационной ответственности (*Theory of Identification liability*) и теория культуры (*Theory of Culture ...*).

Таким образом, основанием уголовной ответственности юридического лица является не преступление, совершенное юридическим лицом, и независимая от преступного деяния, совершенного физическим лицом, поскольку фактически нет самостоятельного преступного деяния юридического лица, а есть только деяние совершено человеком, а в некоторых случаях юридическое лицо также может считаться совершившим преступление. Это тот случай, когда юридическое лицо имеет особые отношения с преступником и преступным деянием, поэтому «разумно» возложить уголовную ответственность на юридическое лицо за преступное деяние человека.

Уголовная ответственность юридических лиц, соответственно, уголовная ответственность расширяется по отношению к уголовной ответственности человека за те же преступные деяния, совершенные человеком. Уголовная ответственность по традиционной концепции возлагается на лицо, совершившее преступление, а по новой концепции эта ответственность может быть распространена и на второго субъекта - юридическое лицо. Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц заключается в установлении случаев, когда допускается распространение уголовной ответственности (за преступления, совершенные человеком) на юридических лиц.

2.2. Содержание и техника привлечения к уголовной ответственности юридических лиц

Привлечение к уголовной ответственности юридического лица – это установление случаев, позволяющих распространить уголовную ответственность на юридическое лицо или, иными словами,

предусмотреть условия уголовной ответственности юридического лица и вместе с этим положение о пределах какие юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, о составах преступления, за которые данный субъект может быть привлечен к уголовной ответственности, а также о мерах наказания и иных уголовно-правовых мерах могут применяться к юридическим лицам, подлежащим уголовной ответственности.

Теоретически к случаям уголовной ответственности юридического лица относятся случаи, когда юридическое лицо имеет особые отношения как с преступным деянием, так и с лицом, его совершившим, поэтому уголовная ответственность за данное преступление может быть распространена на юридических лиц. Это следующие случаи:

- *во-первых*, преступное деяние, совершенное (физическим лицом) от имени юридического лица и в интересах юридического лица. Пример: акт незаконной торговли через границы (контрабанда) с целью получения прибыли предприятием некоторых членов предприятия под руководством директора.

Признак *«от имени юридического лица»* требует, чтобы лицо, совершившее преступление, занимало определенную руководящую должность в юридическом лице, чтобы иметь возможность действовать от имени юридического лица и, таким образом, его поведение можно рассматривать как действия юридического лица; признак *«в интересах юридического лица»* требует, чтобы преступление было совершено в интересах или в интересах юридического лица. Путем совершения преступного деяния юридическое лицо может получить (или сохранить) материальные блага, духовные блага или определенные преимущества в своей деятельности. Два знака *«от имени юридического лица»* и *«в интересах юридического лица»* указывают на особую связь между юридическим лицом и преступным деянием, а также с лицом, совершившим это преступление.

В преступных действиях, удовлетворяющих двум признакам *«от имени юридического лица»* и *«в интересах юридического лица»*, имплицитно присутствуют эти два признака в форме преступного деяния. Это нарушение правового обязательства, прямо предусмотренного для юридического лица, такое как, уклонение от уплаты налогов или уклонение от уплаты взносов социального страхования за работников предприятия и т. д. Эти преступления могут быть совершены только

лицом со статусом *«от имени юридического лица»* и четко *«в интересах юридического лица»*. В силу такого особого характера данный вид преступного деяния может быть выделен в отдельное дело об уголовной ответственности, так что при столкновении с этим случаем орган власти при применении УК не должен доказывать два признака *«от имени юридического лица»* и *«в интересах юридического лица»*;

- *во-вторых*, преступное деяние совершено членом юридического лица при выполнении работы, порученной юридическим лицом, и в совершении этого преступления частично виновато юридическое лицо. Например: «Акт вызывания пожара, приведшего к гибели при электросварке работника, который был направлен предприятием для ремонта заказчика, потому что он не соблюдал правила пожарной безопасности и это несоблюдение имеет часть причины со стороны юридического лица, в том числе отсутствие надлежащей подготовки работников в соответствии с нормативными документами по пожарной безопасности, а также по охране труда в целом. В данном случае преступление было совершено работником юридического лица при ведении работ, а преступление совершено в части по вине юридического лица в сфере профилактики правонарушения. Два признака *«при выполнении работы юридическим лицом»* и *«частично по вине юридического лица»* в этом втором случае ясно показывают особую связь между юридическим лицом и преступным деянием, а также исполнителем этого преступления.

В дополнение к *«условиям уголовной ответственности юридических лиц»* в том виде, как они представлены, другое содержание, которое необходимо уточнить для обеспечения достаточных правовых оснований для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, за которые юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, и меры уголовной ответственности, в том числе меры наказания, которые могут быть применены к юридическому лицу, подлежащему уголовной ответственности. Конкретно:

- юридическими лицами, подлежащими уголовной ответственности, могут быть все виды организаций, кроме государственных органов при осуществлении публичных прав. Однако каждая страна может определить круг конкретных видов организаций, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности. Соответственно, название, а также объем второго субъекта, который может нести уголовную ответственность,

варьируется от страны к стране. Например, Вьетнам называет его «коммерческим юридическим лицом», Китай называет его «единицей», включая компании, предприятия, агентства, организации и союзы; Франция его называет «юридическим лицом», включая юридические лица (кроме государства); и т.д.;

- при соблюдении условий привлечения к уголовной ответственности юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за все преступления, предусмотренные уголовным законом. Однако каждая страна не может ограничивать или ограничивать конкретный круг преступлений, за которые юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. Например: Франция в настоящее время не ограничивается этой областью; при этом Вьетнам и Китай ограничивают круг преступлений, за которые юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности; и т. д.;

- что касается мер уголовной ответственности, то государства могут применять наказания, предусмотренные для физических лиц, которые могут быть применены к юридическим лицам в виде штрафов. Это «устрашающее» наказание для предотвращения преступных действий. Кроме того, к юридическим лицам может быть предписан ряд иных уголовно-правовых мер, предупреждающих преступные деяния.

Вышеупомянутое содержание может быть выражено в Уголовном кодексе, например, в Уголовном кодексе Вьетнама, Уголовном кодексе Китая и Уголовном кодексе Франции, но они также могут быть выражены в отдельных законах, таких как австрийский Закон о корпоративной ответственности. Помимо стран, в которых есть такие общие положения об уголовной ответственности юридических лиц, могут быть страны, в которых есть только положения, прямо определяющие уголовную ответственность юридических лиц за определенные преступления. Например: в японском уголовном праве Уголовный кодекс не содержит общих положений об уголовной ответственности юридических лиц, но юридические лица все же могут быть привлечены к ответственности за определенные преступления в силу уголовной ответственности по закону непосредственно в специализированном законе (подуголовном праве). Это аналогично случаю с таможенным законом Китая, прямо предусматривающим уголовную ответственность юридических лиц, тогда как уголовная ответственность этого субъекта Уголовным кодексом этой страны еще не предусмотрена.

Итак, привлечение к уголовной ответственности юридических лиц представляет собой положение об условиях ответственности юридических лиц за преступление, совершенное физическим лицом (человеком). В дополнение к этому основному положению содержится положение о степени уголовной ответственности юридических лиц, составе преступлений, за которые юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, и мерах уголовной ответственности, которые могут быть назначены по данному субъекту. Эти положения не затрагивают содержания общих положений Уголовного кодекса о преступлениях.

Поэтому регламентация уголовной ответственности юридических лиц не означает формирования второй системы уголовно-правовых норм в дополнение к существующей системе уголовно-правовых норм. Соответственно, в условиях уголовного судопроизводства при решении вопроса об уголовной ответственности юридического лица суду необходимо доказать, что преступление совершено лицом в законном порядке, и должно доказать, что удовлетворяет условиям привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, а также необходимо доказать, что преступление было совершено юридическим лицом.

3. Положения об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе Вьетнама

Часть первая – Общие положения Уголовного кодекса Вьетнама содержит отдельную главу об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Это глава XI – Положение об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц (далее – отдельная глава об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц). В нем показанное содержимое включает:

- Условия уголовной ответственности коммерческих юридических лиц (ст. 75);
- Составы преступления, за которые коммерческое юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности (ст. 76);
- Штрафы и судебные меры, которые могут быть применены к коммерческим юридическим лицам, подлежащим уголовной ответственности (ст. 77-82);
- Назначение наказания и судебных мер (ст. 83–87);
- Освобождение от наказания и снятие судимости (ст. 88, 89).

Таким образом, все необходимое содержание для создания правовых оснований для привлечения к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц определено, за исключением содержания о том, в какой степени юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. Хотя это и не уточняется, круг юридических лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, также был ограничен только «коммерческими юридическими лицами», и на основании ст. 75 по отношению к ст. 74 ГК Вьетнама, этот круг вполне понятен.

Не останавливаясь на конкретном содержании подзаконных актов, направление уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в отдельную главу об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц Уголовного кодекса Вьетнама полностью соответствует теории, а также аналогии с законодательной практикой мирового сообщества. Однако при изучении конкретного содержания законов этой главы, а также при сравнении его с другими законами о коммерческих юридических лицах в частях первой и второй Уголовного кодекса можно увидеть, что есть два ограничения, которые необходимо быть выяснены, то есть:

- несоответствие или отсутствие связи между положениями отдельной главы об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц и другими положениями Уголовного кодекса с содержанием об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц;

- неточность в норме об условиях уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в части 1 статьи 75 Уголовного кодекса.

3.1. О первом ограничении

В отдельной главе об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц ст. 75 и 76 являются двумя наиболее важными нормами для определения уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Ст. 75 определяет условия уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, в том числе условие *«преступление совершается от имени коммерческого юридического лица»*. Это содержание очень четко показывает, что субъектом преступного деяния не является коммерческое юридическое лицо, а преступное деяние совершается другим субъектом от имени коммерческого юридического лица. Субъектом является физическое лицо, действовавшее от имени коммерческого юридического

лица. Поэтому ч. 2 ст. 75 гласит, что: *«уголовная ответственность коммерческого юридического лица не исключает уголовной ответственности физических лиц»*. По этому содержанию уголовная ответственность физических лиц и уголовная ответственность коммерческих юридических лиц связаны, поскольку обе они вытекают из одного и того же преступного деяния. Отсюда может возникнуть новый вопрос: исключает ли уголовная ответственность коммерческого юридического лица уголовную ответственность физического лица? Физическое лицо, совершающее преступные деяния, должно нести уголовную ответственность за совершенные преступления, но если преступление совершено от имени коммерческого юридического лица, и соблюдены другие условия в соответствии со ст. 75, за это преступление также несут ответственность коммерческие юридические лица. Хотя уголовные ответственности двух субъекта связаны с одним и тем же преступным деянием, они представляют собой две самостоятельные уголовные ответственности, и имеют разные основания возникновения. Основой уголовной ответственности физического лица является совершение преступления (ч. 1 ст. 2 УК), а основанием уголовной ответственности коммерческого юридического лица - выполнение условий уголовной ответственности (ч.1 ст. 75 УК).

По своему содержанию положения об условиях и пределах уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, ст. 75 и 76 полностью соответствуют пониманию сущности, а также содержания и техники применения положений об уголовной ответственности юридических лиц и, тем самым, являются полностью аналогичным законодательной практике мирового сообщества.

Между тем, другие положения, касающиеся уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, в части первой - Общие положения Уголовного кодекса следуют не в этом направлении, а в направлении двух преступных деяний, есть два вида преступления - преступление, совершенное человеком-физическим лицом, и преступление, совершенное коммерческими юридическими лицами, должны противоречить ст.75 Уголовного кодекса. Конкретно:

Часть 1 ст. 75 Уголовного кодекса определяет: *«...Коммерческое юридическое лицо подлежит уголовной ответственности только при полном соблюдении следующих условий: а) преступное деяние совершено от имени коммерческого юридического лица; б) преступление совершено*

в интересах коммерческого юридического лица;...». Между тем ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса определяет: «уголовную ответственность несет только коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 76 настоящего Кодекса». То же определение основания уголовной ответственности коммерческого юридического лица, но содержание, определенное в двух статьях закона, различно, поскольку «совершение (преступление) от имени коммерческого юридического лица» отличается от «коммерческое юридическое лицо совершило преступление».

В том же направлении, что и ч. 2 ст. 2, ст. 8 определяет, что: *«преступлением является общественно опасное деяние... совершенное физическим лицом... либо коммерческим юридическим лицом...»; ст. 9 определяет классификацию преступлений, совершенных коммерческими юридическими лицами в ч. 2, в отличие от классификации преступлений, совершенных физическими лицами в пункте 1; Однако во многих других законах содержание показывает, что физическим лицом совершаются только преступные деяния, что создает несоответствие, например: положения о вступлении в силу Уголовного кодекса в срок (п. 2 ст. 2.7), положения о вине (ст. 10 и 11), положения о соучастии (ст. 17), положения о сроках давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 27); и т. д.*

Таким образом, можно констатировать, что противоречия между законами об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в части первой - общие положения Уголовного кодекса имеются. В частности, особенности противоречия между ч. 1 ст. 75 отдельной главы об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц и нормами других глав части I - общие положения Уголовного кодекса.

При этом противоречие между положениями ст. 75 и положениями 33 статей части второй - преступления не связаны. Конкретно, что:

Поскольку ч. 2 ст. 2 и 8 ориентированы на второе преступление, совершенное юридическим лицом, то в 33 статьях закона предусмотрены преступления, за совершение которых юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности *«на юридическое лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, налагается штраф в размере:...»*. Между тем, эти статьи лишь описывают преступления, совершенные физическими лицами, поскольку согласно ст. 75 коммерческие юридические лица несут ответственность не

за совершение преступлений, а за преступные деяния (физических лиц)/(исполнитель) удовлетворяют условиям *«от имени коммерческого юридического лица», «в интересах коммерческого юридического лица»*;... Согласно положениям ст. 75, положения 33 вышеупомянутых статей должно быть выражено: *«В случае, если коммерческое юридическое лицо удовлетворяет условиям уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 75, наказание будет следующим:...»*.

Таким образом, можно утверждать, что: статьи, предусматривающие 33 преступления, за которые коммерческие юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, не связаны с ч. 1 ст. 75, устанавливающей условия ответственности коммерческих юридических лиц и тем самым аннулировал это положение.

3.2. О втором ограничении

Часть 1 ст. 75 предусматривает четыре условия (п. а, б, в, г), которые должны быть выполнены для привлечения юридического лица к уголовной ответственности. Эти условия представляют собой, прежде всего, преступное поведение определенного лица. Коммерческое юридическое лицо несет уголовную ответственность за данное преступление, если оно совершено *а) от имени коммерческого юридического лица; б) в интересах коммерческого юридического лица; в) имеет руководство, управление или одобрение коммерческого юридического лица, и г) срок давности привлечения к уголовной ответственности не истек*. В этих четырех условиях, условия а и б согласуются с теорией, которая была установлена вышеуказанной, а также имеющие сходство с мировой юридической практикой. Условие *г) «срок давности привлечения к уголовной ответственности не истек»* является условием, прилагаемым к преступному деянию, и уже предусмотрено в отдельной статье, поэтому нет необходимости оговаривать это содержание в качестве условия, подлежащего применению привлечения к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Таким образом, вопрос, который необходимо прояснить, - это условие *«в) иметь руководство, управление или одобрение коммерческого юридического лица»*.

«Руководство», «управление» и «одобрение»- это три вида действий, которые демонстрируют права ведущих субъектов в коммерческом юридическом лице, которые могут действовать от имени коммерческого

юридического лица. В котором *«руководство»* представляет собой право на руководство с руководящими принципами и политикой; *«управление»* представляет собой повседневное руководство, связанное с бизнесом, а *«одобрение»* представляет лидерство в разрешении выполнения конкретного вопроса. Эти права необходимы для деятельности коммерческого юридического лица при их использовании в соответствии с законом. Однако на практике руководитель коммерческого юридического лица может воспользоваться этим правом для совершения преступления. Тогда между действиями *«руководство»* - *«управление»* - *«одобрение»* и действием *«от имени коммерческого юридического лица»* могут возникнуть отношения, не являющиеся независимыми друг от друга. Эту связь можно объяснить двумя случаями «преступных действий, совершенных от имени коммерческого юридического лица», которые в действительности могут иметь место следующим образом:

- первый случай: преступление может быть совершено непосредственно руководителем коммерческого юридического лица (имеющим статус от имени коммерческого юридического лица), например неуплата или неполная оплата социального страхования для работников от руководителя акционерного общества (*ст. 216 - уклонение от социального страхования, медицинского страхования, страхования от безработицы для работников*). Это тот случай, когда преступление совершено от имени коммерческого юридического лица;

- второй случай: преступление совершается не непосредственно руководителем коммерческого юридического лица (имеющим статус от имени коммерческого юридического лица), а осуществляется через рядового работника, но под *«руководством»* коммерческого юридического лица», *«управлением»* или *«одобрением»* руководителя коммерческого юридического лица (имеющего статус от имени коммерческого юридического лица). Пример: незаконная трансграничная торговля товарами совершается работником предприятия, но данный акт контрабанды (статья 188 - контрабанда) осуществляется под *«руководством»*, *«управлением»* или *«одобрением»* руководителя коммерческого юридического лица (от имени коммерческого юридического лица). В этом случае, если не учитывать деяние руководителя коммерческого юридического лица, преступное поведение работника не удовлетворяет признаку *«от имени коммерческого юридического лица»*, а в целом с деянием руководителя, то совместное

деяние руководителя и работника является составом преступления (соучастником) преступления контрабанды и данное деяние удовлетворяет признаку «от имени коммерческого юридического лица», поскольку имеется соисполнитель, выступающий от имени коммерческого юридического лица.

Таким образом, «руководство», «управление», а также «одобрение» коммерческого юридического лица не являются независимыми «от имени коммерческого юридического лица», а являются формой выражения «от имени коммерческого юридического лица». Тот факт, что УК предусматривает наличие «руководства», «управления» или «одобрения» коммерческого юридического лица, является условием уголовной ответственности коммерческого юридического лица наряду с условием, что «от имени коммерческого юридического лица». Это не соответствует действительности, что затрудняет применение закона.

Таким образом, можно констатировать, что в содержании ч. 1 ст. 75 УК содержатся неуместные моменты. В котором пункт «d» является ненужным содержанием; пункт «с» - это содержание, принадлежащее пункту «а», поэтому оно не может быть условием, независимым от пункта «а».

4. Вывод

Исходя из приведенной выше оценки, автор рекомендует:

- *во-первых*, для части 1 УК СРВ удалить все содержание коммерческих юридических лиц, содержащееся в статьях, кроме статей главы XI - положения о коммерческих юридических лицах. Содержание данной главы создало достаточную правовую базу для определения уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Поэтому нет необходимости добавлять в некоторые статьи других глав части 1 УК содержание о коммерческих юридических лицах. Между тем, повторное добавление чисто механическое путем добавления словосочетания «*коммерческое юридическое лицо*», и только в те статьи, которые могут быть реализованы таким образом, приводит к нестыковкам, дублированию и противоречию;

- *во-вторых*, для ч. 1 ст. 75 УК, пункты «с» и «d» следует исключить, чтобы содержание статьи точно отражало условия уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, без излишеств и противоречий, а также подобных к мировой законодательной практике;

- в-третьих, для части 2УК изменить формулировку в пункте, предусматривающем пределы наказания для коммерческих юридических лиц в 33 статьях, чтобы показать связь с ч. 1 ст. 75. Соответственно, это может быть выражено: «...если соблюдаются условия привлечения к уголовной ответственности, предусмотренные ч. 1 ст. 75 настоящего Кодекса, на коммерческое юридическое лицо налагается штраф в размере...».

Список литературы

1. Chính phủ (2015), *Tờ trình Về dự án Bộ luật Hình sự (sửa đổi) của Chính phủ gửi Quốc hội tháng 4/2015*
2. Lê Văn Cẩm (2016), *Khái niệm tội phạm (Điều 8) và Đồng phạm (Điều 17) trong BLHS năm 2015: Nghiên cứu vấn đề đối với pháp nhân thương mại và đề xuất hoàn thiện các điều luật này*, Kỷ yếu Toạ đàm khoa học: Trách nhiệm hình sự đối với pháp nhân thương mại trong Bộ luật Hình sự năm 2015, Ủy ban Tư pháp của Quốc hội
3. Trần Văn Độ (2011), *Các học thuyết về cơ sở trách nhiệm hình sự của pháp nhân*, tạp chí Nhà nước và pháp luật, số 6
4. Nguyễn Ngọc Hòa (2016), *Khái niệm tội phạm và việc qui định trách nhiệm hình sự của pháp nhân thương mại trong Bộ luật Hình sự Việt Nam năm 2015*, tạp chí Luật học, số 2
5. Nguyễn Ngọc Hòa (2017), *Tính thống nhất giữa các qui định về trách nhiệm hình sự của pháp nhân thương mại trong Bộ luật Hình sự năm 2015*, tạp chí Luật học, số 3
6. Nguyễn Ngọc Hòa (chủ biên) (2019), *Trách nhiệm hình sự của pháp nhân thương mại – Nhận thức cần thống nhất?*, Nxb Tư pháp, Hà Nội
7. Nguyễn Văn Hương (2016), *Trách nhiệm hình sự của pháp nhân thương mại theo Bộ luật Hình sự năm 2015*, tạp chí Luật học, số 4
8. Thomas Britz, *Trách nhiệm hình sự mở rộng của pháp nhân*, (bản điện tử, tiếng Đức) được đăng tại: <http://www.roedl.de/themen/tschechien/2014-10/erweiterte-strafrechtliche-verantwortlichkeit-juristischer-personen>, truy cập ngày 23/12/2015
9. Tòa án nhân dân cấp cao tại Hà Nội, *Bản án phúc thẩm số 350/2020/HS-PT ngày 13 tháng 7 năm 2020 của TANDCC tại Hà Nội*
10. Tòa án nhân dân tỉnh Phú Thọ, *Bản án sơ thẩm số 02/2020/HS-ST ngày 14 tháng 01 năm 2020 của TAND tỉnh Phú Thọ*
11. Trịnh Quốc Toàn (2011), *Trách nhiệm hình sự của pháp nhân trong pháp luật hình sự*, Nxb. Chính trị quốc gia, Hà Nội

12. Lưu Hải Yến (2016), *Trách nhiệm hình sự của pháp nhân thương mại theo qui định của Bộ luật Hình sự năm 2015*, tạp chí Luật học, Số đặc biệt về Bộ luật Hình sự năm 2015.

CRIMINAL LIABILITIES OF LEGALENTITIES – FROM THEORY TO PRACTICE IN VIETNAM

Abstract. *The paper assesses the legal provisions of the 2015 Criminal Code of Vietnam on criminal liability of commercial legal entities by analyzing the nature, the contents and the drafting technique of the legal provisions on criminal liability of legal entities and reviewing the recent practice of applying those legal provisions. On that basis, the paper offers recommendations for improving the legal provisions of the Criminal Code on criminal liability of commercial legal entities to enhance the effectiveness of applying those legal provisions, meeting the requirements of building and improving the rule of law State in Vietnam at present.*

Keywords: *Criminal liability of legal entities; on behalf of legal entities; for benefits of legal entities.*

Нечевин Дмитрий Константинович - заслуженный юрист РФ, лауреат премии МВД России в области литературы, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека РФ, член диссертационного совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Академии управления МВД России, город Москва, Россия. nechevin@mail.ru

Nechevin Dmitry Konstantinovich - Honored Lawyer of the Russian Federation, laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of literature, member of the expert council under the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation, member of the dissertation council of the University named after O.E. Kutafin (MGYuA) and the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного состояния преступности в России. Проведен анализ статистических данных по субъекту преступной деятельности, в частности, рассмотрены вопросы совершения преступлений подростками, мужчинами, женщинами. Также рассмотрены вопросы профилактики различных видов преступлений.

Ключевые слова. Преступность, преступление, профилактика, субъект преступления, виды преступления.

Состояние преступности в России за последние годы свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии ее роста, а с другой, - о необходимости осмысления и оценки рисков, которые на сегодня имеют место и требуют принятия в этом направлении определенных мер. Ученые рассматривают преступность как вечную категорию, изначально присущую человеческому обществу, и как следствие, неискоренимую. В этой связи согласимся с мнением А.Принса, отметившего «... преступность нельзя совершенно устранить..., как невозможно избежать войн, болезней, пауперизма и других бедствий».

Анализ последних пяти лет свидетельствует об относительной стабильности общих показателей преступности в России. Число зарегистрированных преступлений за этот период распределяется следующим образом: в 2017 г. – 2 058 476 преступлений; в 2018 г. – 1 991 532 преступления; в 2019г. было зарегистрировано 2 024 337 преступлений; в 2020 г. - 2 044 221; в 2021г. - 2 044 404 преступления. Более 72% составляют преступления небольшой и средней тяжести. За январь-февраль 2022 года выявлено свыше 302 тысяч преступлений, что на 1,1 % ниже по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Надо отметить, что в 2021 году сохранилась тенденция к снижению рисков в области безопасности в общественных местах, чему способствовало сокращение отдельных видов преступлений – квартирных и карманных краж, тайного хищения автотранспорта, грабежей, разбоев, мошенничеств. В 2019 г. было раскрыто 1052,5 тысяч преступлений, в 2020 г. - 1032,0 тысячи преступлений, в 2021 г. - 1030,7 тысяч преступлений. Однако картина представляется не столь радужной.

В этой связи, В.В.Путиным, принявшем участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 17 февраля 2022 года, на фоне общего снижения преступности были отмечены проблемы, на которые он призвал правоохранительные органы обратить особое внимание. Например, «Серьёзный сигнал, требующий всестороннего анализа, – это рост преступлений, связанных с экстремизмом. В 2021 году их количество выросло более, чем на четверть. Соответствующим подразделениям МВД во взаимодействии с вашими коллегами из других правоохранительных органов и спецслужб важно своевременно оценивать риски возможных экстремистских проявлений и на этой основе выработать эффективные превентивные меры.

Особое внимание следует уделять нейтрализации попыток экстремистов и разного рода радикалов использовать сеть Интернет (мы с вами знаем об этом и постоянно говорим об этом), использовать современные средства для разжигания межнациональной, религиозной и социальной вражды. Полномочий, считаю, на сегодняшний день у системы МВД достаточно.

Кроме того, надо активнее привлекать к профилактике экстремизма средства массовой информации, структуры гражданского общества, молодёжные объединения, представителей наших традиционных религий. Когда говорю об общественных организациях, я имею в виду всю палитру этих организаций: молодёжные, спортивные – их много у нас, нужно просто посмотреть, что и как можно эффективно использовать для решения, по сути, этой общенациональной задачи».

Социально-демографическая информация о лицах, совершивших преступления, свидетельствует об устойчивом преобладании среди них мужчин при достаточно стабильном и относительно небольшом вкладе (менее 18%) «женской» преступности в общую преступность.

Мужчины составляют подавляющее большинство среди лиц, совершивших насильственные преступления: убийство и покушение на убийство (84% совершивших такие преступления в 2017 - 2021 годах), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (82%), грабеж (92%), разбой (96%), а также вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (90%).

Доля женщин среди лиц, совершивших преступления, составила в 2019 году 16,1%, в 2020 году – 16,0%, в 2021 году – 16,2%. Женщины чаще совершают преступления против собственности, в сфере экономики,

с целью завладения чужим имуществом. Доля женщин среди совершивших присвоение или растрату составила в 2019 году 39% и 33% среди лиц, совершивших мошенничество.

Среди выявленных в 2020 году лиц, совершивших преступления, каждый третий на момент совершения преступления не достиг возраста 30 лет (33,1%), причем среди мужчин эта доля составляла 34,4%, а среди женщин – 26,5%. В основном это молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет. Среди мужчин доля возрастной группы от 18 до 24 лет несколько выше, чем группы 25-29 лет (15,5% и 14,7% соответственно), а среди женщин – наоборот (11,3% и 13,0%).

Одной из серьезных проблем, на которую также обратил внимание глава государства, является преступность несовершеннолетних. Основная доля несовершеннолетних преступников в РФ — граждане России (40 466 человек, или 99%). В 2021 г. число подростков, совершивших преступления, составило 31 865 человек.

К работе по профилактике подростковой преступности привлечены широкие слои населения. С участием общественных объединений организованы круглые столы по вопросам защиты детей от преступных посягательств, кибербуллинга и по другим направлениям.

Статистика показывает, что профилактическая работа подразделений МВД России приносит результаты. Так, в январе 2021 года на 19,3% снизилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. Кроме того, на 5,5% меньше уголовно наказуемых деяний совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения и на 12,2% – в состоянии наркотического опьянения. Небольшой рост общего количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений (на 2,4%) обусловлен тем, что значительная часть криминальных деяний совершается с применением IT-технологий.

В 2021 году их зарегистрировано на 32,2% больше, чем год назад, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 51,3% и при помощи средств мобильной связи – на 39%. Если в январе 2020 года удельный вес преступлений в сфере высоких технологий составлял 17,7%, то в первом месяце 2021 года он увеличился до 25%. За 2021 год зарегистрировано 351463 преступления с использованием сети «Интернет»; 217552 – средства мобильной связи; 165658 – расчетных (пластиковых) карт; 27519

– компьютерной техники; 7216 – программных средств; 954 – фиктивных электронных платежей.

В сферу организованной преступности сегодня втягивается все больше и больше несовершеннолетних, а криминальными группировками, созданными подростками, совершаются опасные преступления, и число их неуклонно растет.

Каждый четвертый из совершивших преступления подростков совершал их ранее, состоял на профилактическом учете в полиции. Прокуратурой выявлены многочисленные нарушения законодательства о профилактике подростковой преступности в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов внутренних дел, органов образования, социальной защиты населения, опеки и попечительства. Видимо, проводимой правоохранительными органами профилактической работы не достаточно, требуются новые системные государственные подходы.

Среди совершивших преступления в 2021 г. в возрасте 14-17 лет преобладают юноши (90%). Распределение несовершеннолетних преступников по возрастным группам демонстрирует высокую долю старшей возрастной группы (16-17 лет) - 67%.

В этой связи В.В.Путин отметил: «Отдельно остановлюсь на профилактике преступности среди молодых людей, среди молодёжи. Защитить молодое поколение от криминала – важнейшая задача для развития страны и для её будущего.

На протяжении нескольких последних лет количество преступлений, совершенных подростками, снижается, но это отнюдь не повод для самоуспокоенности. Вооружённые нападения в учебных заведениях, случаи насилия над детьми, вовлечение их в незаконный оборот наркотиков и в экстремистские акции – все эти факты (а они, к сожалению, не единичны) говорят о том, что ваша работа, в том числе в сфере профилактики, должна строиться эффективнее.

Здесь нужно искать новые, современные подходы. Нельзя действовать по шаблонам, нужно видеть проблемы, сложности каждого молодого человека. В этой связи считаю важным консолидировать усилия органов власти, всех субъектов системы профилактики по созданию единой государственной системы непрерывного социального сопровождения подростков, склонных к правонарушениям».

Основными причинами совершения несовершеннолетними преступлений являлись безнадзорность, семейное неблагополучие (а иногда, наоборот, благополучие и вседозволенность, отсутствие финансового контроля со стороны состоятельных родителей), упущения в нравственном и правовом воспитании детей, низкий уровень оказания социальной, психологической помощи подросткам, имеющим отклонения в поведении и психическом развитии.

Безнаказанность детей состоятельных и влиятельных родителей, отсутствие порицания, попустительство (а то и сокрытие) со стороны школы и полиции малолетним преступникам также способствует формированию у детей преступных наклонностей и вседозволенности. Иногда преступления совершают дети с психическими отклонениями, причем не всегда возможно направить такого ребенка на лечение без обращения родителей.

Наблюдается рост преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом: 2017 г. – 13232 преступления; 2018 г. – 15628; 2019 г. – 16290; 2020 г. – 17727; 2021 г. – 22172 преступления. При снижении доли лиц, совершивших преступления в группе, отмечается рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился до 8,0%.

Доля преступлений, совершенных в 2021 г. в состоянии наркотического опьянения, также снижается (- 8,3%). В 2020 году было раскрыто 8,5 тысячи таких преступлений (на 15% меньше, чем в 2019 году).

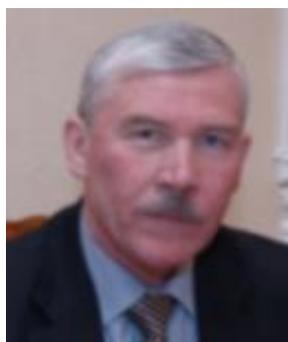
Наблюдается рост числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. В 2020 году этот показатель составил 34,4 тысячи (на 1,5% меньше, чем в 2019 году тысячи). В 2021 году – 36,4. Большая часть таких преступлений совершается гражданами стран СНГ (до 80 - 90% в 2017-2021 годах). Доля преступлений, совершенных иностранцами или лицами без гражданства, в общем числе расследованных преступлений снизилась до 3,3% в 2019-2020 годах. В 2021 году треть совершенных мигрантами преступлений, как и в предыдущие годы, пришлась на Москву и Московскую область. В отличие от области, где число таких преступлений сократилось (-6,5%), в столице оно увеличилось (+11,3%).

Следует отметить, что в 2020 году было зарегистрировано почти 16 тысяч преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, что составило 0,8% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Таким образом, решение обозначенных проблем требует комплексного и системного анализа состояния преступности в России, своевременной оценки рисков преступных проявлений, а также разработки комплексных эффективных превентивных мер противодействия преступности.

***Annotation.** The article discusses the issues of the current state of crime in Russia. The analysis of statistical data on the subject of criminal activity is carried out, in particular, the issues of committing crimes by adolescents, men, and women are considered. The issues of prevention of various types of crimes are also considered.*

***Keywords.** Crime, crime, prevention, subject of crime, types of crime.*

Ручкин Виталий Анатольевич - профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения ВолГУ, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Волгоград, Россия), v.ruchkin@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolyevich - Professor at the Department of Forensic Science and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Professor at the Department of Fundamentals of Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation (Russia, Volgograd) v.ruchkin@yandex.ru

Бобовкин Михаил Викторович – профессор кафедры цифровой криминалистики МВТУ им. Баумана, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета транспорта, профессор кафедры исследования документов Московского университета

МВД России им. В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор (г. Москва, Россия)
Bobovkin Mikhail Viktorovich - Professor at the Department of Digital Criminology of the Bauman Moscow State Technical University, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian University of Transport, Professor at the Department of Document Research at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
mbobovkin@yandex.ru

Соловьева Наталья Алексеевна – *заведующий кафедрой процессуального права и криминалистики ВолГУ, к.ю.н., доцент (г. Волгоград, Россия)*
Soloveva Natalia Alekseevna - Head of Department of Procedural Law and Criminalistics of the Volsu, Ph.D. in Jurisprudence, Docent, (Russia, Volgograd)
solovieva_na@volsu.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье подчеркивается, что формирование и развитие судебно-баллистической экспертизы происходило под влиянием ряда факторов, важнейшими из которых являются тенденции развития научно-технического прогресса. Авторы указывают, что в последние три десятилетия в развитии оружия, а также подходах к его исследованию проявилось ряд тенденций и, прежде всего, в области современных инновационных технологий, существенно повлиявших на процесс развития самой баллистической экспертизы. В частности, этот период характеризовался существенным количественным расширением и качественным изменением объектов баллистической экспертизы, а также комплексным подходом к их исследованию. В итоге, объектное пополнение и качественные изменения в нем оказались настолько масштабными, что потребовалось переосмысление многих вопросов судебно-баллистической экспертизы, а также теоретических и практических положений экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения в целом. Указанные масштабные

изменения обусловили формирование частной экспертной теории об оружии и следах его применения, а также необходимость ее дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова. *Тенденции развития научно-технического прогресса; инновационные технологии; судебно-баллистическая экспертиза.*

Формирование и развитие судебно-баллистической экспертизы происходило под влиянием ряда факторов, важнейшими из которых, несомненно, являлись существовавшие на тот или иной момент тенденции развития науки, техники, инновационных технологий, ремесла, и в целом было детерминировано потребностями следственной и судебной практики. Шел постоянный процесс аккумуляции в рамках этой экспертизы разнопрофильных научных знаний и практического опыта, в итоге составивших фундамент специальных знаний, необходимых для исследования основных объектов судебно-баллистической экспертизы – огнестрельного и конструктивно близких ему видов оружия.

В последние три десятилетия в их развитии, а также подходах к исследованию названного оружия и следов его применения проявилось ряд тенденций, существенно повлиявших, соответственно, и на процесс развития самой судебно-баллистической экспертизы.

В целом отмеченный период характеризовался существенным количественным расширением и качественным изменением объектов баллистической экспертизы, а также комплексным подходом к их исследованию. При этом подчеркнем, что существенное количественное и качественное изменение указанных объектов привело к тому, что в сферу судебно-баллистической экспертизы вошел весь спектр объектов огнестрельного происхождения, а также следы их применения. Однако этим кругом объектов она не ограничилась, и объектная «экспансия» продолжилась. В конце 20 века круг объектов судебно-баллистической экспертизы стал существенно пополняться газовым и газобаллонным оружием, а также огнестрельным оружием ограниченного поражения (в основном, пистолетами и револьверами).

Появление новых «оружейных» объектов породило в судебно-баллистической экспертизе проблему достаточности специальных знаний и, соответственно, компетенции эксперта-баллиста, исследующего эти объекты. Поэтому вполне закономерным для данной ситуации был вопрос: достаточно ли его специальных знаний для исследования этих

новых для экспертной практики объектов или же здесь нужны специалисты совершенно иного профиля? Особенно остро этот вопрос стоял с появлением в экспертной практике ствольного газового оружия.

Не трудно заметить, что образцы огнестрельного, ствольного газового оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения имеют общую целевую предназначенность – стойкое или временное поражение цели, в том числе и живой. Как известно, целевая предназначенность всегда реализуется в определенной конструкции объекта. Поэтому общая целевая предназначенность этих видов оружия предопределяет и их общую конструкцию. Исходя из этого, на наш взгляд, вполне логичен вывод о том, что на основе специальных знаний эксперта–баллиста в рамках судебно-баллистической экспертизы наряду с огнестрельным оружием могут исследоваться и объекты, имеющие подобную ему конструкцию и принцип действия. Объясняется это тем, что близость «смежных» видов оружия обуславливает и наличие элементов общности в методике их экспертного исследования. И такой точки зрения придерживается подавляющее большинство ученых и практиков.

Наряду с количественным увеличением объектов баллистической экспертизы также активно происходило их качественное изменение. Речь идет о существенной модернизации огнестрельного оружия и патронов к нему на основе инновационных технологий.

Так, в последние годы, ввиду активного развития научно-технического прогресса, появляются все новые инновационные технологии. Одним из его плодов являются аддитивные технологии (3D-печать). Они получают все более широкое применение в промышленности. Думается, этот вид современной инновационной технологии не обойдет стороной и процесс изготовления оружия, в том числе и самодельного [3, с. 36-37; 2, с. 55-61]. Естественно, эксперты-баллисты должны располагать данными о технологиях 3D-печати, а также отображающихся на деталях оружия признаках использовавшегося оборудования.

В современной судебно-баллистической экспертизе делается все больший крен от исследования морфологических особенностей объектов в сторону изучения их существенных химических и физических свойств, структуры, атомного и молекулярного составов, что, конечно же,

зачастую предполагает проведение комплексных исследований, роль которых в перспективе будет неуклонно возрастать.

Следует не забывать, что сегодняшний этап баллистической экспертизы характеризуется также инновационным подходом к компьютеризации и автоматизации исследований, что, в свою очередь, предполагает наличие у эксперта-баллиста определенных знаний в области кибернетики и цифровых технологий. Так, мы считаем перспективным направлением оптимизации справочно-информационного сопровождения деятельности экспертов-баллистов, особенно в области идентификационных исследований, внедрение цифровых технологий и их интеграцию с измерительно-вычислительными комплексами в единую систему. При наличии подобной системы станет возможным оборудование совершенных автоматизированных рабочих мест экспертов, что обеспечит проведение всех этапов экспертизы: от предварительного исследования до принятия решения и подготовки заключения эксперта [5, с. 8-14].

В целом процесс изменения и совершенствования специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения протекал под воздействием двух постоянно действующих в науке тенденций: дифференциации и интеграции научных знаний вообще и в баллистической экспертизе в частности. Влияние этих тенденции в итоге привело к тому, что специальные знания, используемые в баллистической экспертизе, стали носить синтетический характер. Наряду с зарождением новых инновационных направлений внутри отдельных отраслей науки и практической деятельности, использовавшихся в качестве специальных знаний при исследовании огнестрельного и конструктивно подобного ему оружия и следов его применения, шел также активный процесс образования новых «пограничных» областей специальных знаний, сопровождавшийся установлением между этими новыми областями знаний более тесных связей, их постепенным взаимопроникновением, развитием и применением общих для них методов исследования. Современный «информационный взрыв» привел к необходимости узкой специализации знаний. В результате внутри одной системы начался процесс формирования узких видов и разновидностей экспертиз. Причем в условиях научно-технического прогресса отмечается постоянное увеличение объема специальных знаний, которыми должен владеть судебный эксперт, включая и эксперта-криминалиста.

Такое разделение вполне закономерно, ибо процессы интеграции и дифференциации научных знаний диалектически связаны между собой. Но дифференциация научного знания, влекущая за собой узкую специализацию субъектов экспертизы, всегда сопровождается интеграцией наук, что влечет за собой взаимное проникновение знаний, появление областей междисциплинарного знания, своеобразных зон «диффузного» знания.

Экспертная практика последних десятилетий убедительно показала, что круг объектов судебно-баллистической экспертизы уже далеко вышел за пределы огнестрельного оружия и следов его применения. Причем объектное пополнение оказалось настолько масштабным, что на повестку дня встал вопрос переосмысления не только ряда вопросов судебно-баллистической экспертизы, но и теоретических и практических положений экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения в целом.

Указанные масштабные изменения обусловили необходимость формирования частной экспертной теории об оружии и следах его применения [4]. Ее формирование позволило существенно расширить горизонт научного видения и на качественно ином уровне осуществить научно-методическое обоснование экспертного исследования различных видов оружия, конструктивно близких огнестрельному, изучаемых в рамках баллистической экспертизы. К тому же названная экспертная теория явилась научным «фундаментом» выделяющегося рода криминалистической экспертизы, а именно - криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. «Формирование новых видов, родов экспертиз, - справедливо отмечала Т.В. Аверьянова, - является главным образом результатом расширения научных и технических возможностей» [1, с. 32].

Сегодня в контексте экспертного исследования различных видов оружия и следов их применения, на наш взгляд, можно вести речь о двухуровневом построении частных экспертных теорий: родовом и видовом.

Примером родовой частной теории может являться экспертная теория об оружии и следах его применения, содержащая научные основы одного из составляющих класс криминалистических экспертиз родов – рода криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

В качестве видовых частных теорий допустимо рассматривать частные экспертные теории, отражающие научные основы криминалистических экспертиз уже конкретных видов или конструктивно (функционально) близких групп оружия, в совокупности образующих названный выше род криминалистической экспертизы: судебно-баллистическая экспертиза; экспертиза холодного и метательного оружия и т.д.

Понятно, что теории этих уровней судебной экспертизы, безусловно, будут основываться на определенных общих для них положениях, и в то же время отличаться друг от друга степенью детализации, увеличивающейся соответственно от рода судебной экспертизы к её виду.

Сегодня приходится констатировать, что проблема частных теорий судебной экспертизы и, прежде всего, частных теорий ее родов и видов, к сожалению, продолжает относиться к числу мало разработанных. Её отдельных аспектов касались в своих трудах Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А. Р. Шляхов, Т. В. Аверьянова, И. А. Алиев, Ю. Г. Корухов, Е.Р. Россинская, Н.П. Майлис, С.Ф. Бычкова, М. Я. Сегай, К. Шакиров и др.

В заключение следует подчеркнуть, что ускоряющийся научно-технический прогресс и процессы интеграции и дифференциации научного знания, как постоянно действующие факторы, будут постоянно обуславливать необходимость дальнейшего совершенствования родовой и видовых частных экспертных теорий об оружии и следах его применения. На обозримое будущее это можно рассматривать, с одной стороны, как одно из перспективных направлений развития теории судебной экспертизы, с другой -наиболее оптимальный путь концентрации усилий ученых и практиков в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения и «фокусирование» их внимания на разработке и совершенствовании эффективных экспертных методик исследования вновь появляющихся, а также существующих видов оружия, в которых остро нуждается судебно-следственная и экспертная практика.

Список использованной литературы:

1. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. С. 32.
2. Бардаченко А.Н., Чулков И.А., Мрищук А.В. Криминалистическая характеристика следов 3D-принтера на деталях самодельного огнестрельного оружия // Судебная экспертиза. №1. 2021. С. 55-61.
Кокин А.В. 3D-оружие и перспективы его криминалистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. №2. Том 12. С. 36-37.
3. Ручкин В.А. Частная экспертная теория об оружии и следах его применения в системе общей теории судебной экспертизы: монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2012.
4. Ручкин В.А., Скрынников А.Е. Цифровизация справочно-информационных фондов: современное состояние и вызовы//Судебная экспертиза. №3. 2021. С. 8-14.

**About the prospects and development trends theories and practices
forensic ballistics examination**

Abstract. The article emphasizes that the formation and development of forensic ballistics expertise was influenced by a number of factors, the most important of which are trends in the development of scientific progress. The authors indicate that in the last three decades, a number of trends have emerged in the development of weapons, in the field of modern innovative technologies that have significantly influenced the development of ballistic expertise itself. This period was characterized by a significant quantitative expansion and qualitative change in the objects of ballistic examination, and comprehensive approach to their study. Quantitative and qualitative changes in it demanded a rethink of many issues of forensic ballistics examination, as well as theoretical and practical provisions of the forensic investigation of weapons. These major changes led to the formation of a private expert theory about weapons and traces of their use, as well as the need for its further improvement.

Keywords. Development of scientific technological progress; innovative technologies; forensic ballistic examination.

Скрипченко Нина Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, город Архангельск, Россия, n.scripchenko@narfu.ru.

Skipchenko Nina Yurievna - Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕЛЕГАЛЬНОГО КРЕДИТОРА: ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИЛИ ЕЩЕ ОДНА МЕРТВАЯ НОРМА?

***Аннотация.** Выявив причины практической не востребуемости ст. 14.56 КоАП РФ, заложенной в качестве признака административной преюдиции дополнвшего в 2021 г. состава, охватываемого ст. 171⁵ УК РФ, автор поднимается вопрос обоснованности криминализации незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). По мнению автора, изменение судебной практики взыскания задолженностей в пользу ростовщика, исключаяющей интересы нелегального кредитора из сферы государственной защиты и обеспечение неотвратимости административной ответственности, посредством расширения субъектов, охватываемых ст. 14.56 КоАП РФ, предупредят противоправные действия на финансовом рынке, исключив потребность уголовного запрета.*

***Ключевые слова:** потребительский кредит; предприниматель; задолженность; ответственность; административная преюдиция; эффективность; правовой механизм*

Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ[1], Уголовный кодекс РФ[2] (далее – УК РФ) был дополнен ст. 171⁵, предусматривающей ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Потребность криминализации соответствующих деяний обосновывалось в пояснительной записке к законопроекту ростом административных дел,

возбуждаемых по фактам незаконного осуществления профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов: в 2018 г. – 286 дел, а в первом полугодии 2019 г. – 289 [3]. На наш взгляд, приведенные данные скорее демонстрируют эпизодическое применение ст. 14.56 КоАП РФ на практике, а если учесть, что возбуждение преследования далеко не всегда влечет установление в действиях лица признаков состава административного правонарушения, то наказанию фактически подлежат не сотни, а десятки человек.

При этом низкая практическая востребованность ст. 14.56 КоАП РФ кроется не в отсутствии нелегальных кредиторов, а в упречности правового механизма противодействия недобросовестным практикам на рынке финансовых услуг. В частности, ростовщиками преимущественно являются лица, зарегистрированные в качестве предпринимателей, но предоставляющие гражданам потребительские кредиты от имени физического лица. Не относясь к числу субъектов, предусмотренных в ст. 4 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»[4], указанные лица не могут выступать в качестве участников регулируемого финансового рынка. При этом они неуязвимы перед законом, так как имея статус предпринимателя не могут нести ответственность за незаконное предпринимательство по ст. 14.1 КоАП РФ, а заключая кредитный договор от имени физического лица, ростовщики не входят в круг субъектов состава ст. 14.56 КоАП РФ, предусматривающей наказание за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (субъект только юридическое лицо или предприниматель) [5, стр. 75].

Не трудно спрогнозировать перспективы реализации ст. 171⁵КоАП РФ, учитывая, что в число конструктивных признаков нового состава законодатель заложил двойную административную преюдицию, так как административная наказанность лица по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ (признак состава ст. 171⁵КоАП РФ), образуется только при условии повторного совершения деяния, охватываемого ч. 1 указанной нормы. При этом, если учесть, что к моменту рассмотрения уголовного дела в суде не должны истечь сроки давности (1 год) административного преследования ни по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ (конструктивный признак состава, охватываемого ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ), ни по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ (конструктивный признак состава, охватываемого ст. 171⁵КоАП РФ), привлечь нарушителя было бы невозможно и при широкой практической реализации ст. 14.56

КоАП РФ. Дополнительно следует отметить, что нелегальная деятельность кредитов выявляется преимущественно при обращении ростовщика в суд с требованием о взыскании задолженностей с «недобросовестных» заемщиков. Выигрывая процесс, кредиторы взыскивают с должников посредством судебных приставов-исполнителей не только суммы займа, проценты за пользование денежными средствами, неустойку за нарушение сроков возврата кредита, но и индексированные судом суммы кредиторской задолженности. И даже в тех немногочисленных случаях, когда суды «усматривают в действиях истца отклоняющееся от ожидаемого правового поведения», так как его «деятельность не организована в какой-либо предусмотренной законом форме профессионального финансового института, которому законом предоставлено право осуществлять ссудную деятельность в отношении населения (кредитная организация, кредитный кооператив, микрофинансовая компания, микрокредитная организация)»[6], отказ в исковых требованиях ограничивается только в части сумм, превышающих установленный законом, процент за пользование заемными средствами.

При этом привлечь предпринимателей-истцов к ответственности по ст. 14.56 КоАП РФ невозможно по причине истечения срока давности, так как взыскатель, во избежание санкций со стороны государства, обращается в суд через год со дня заключения договора.

В результате нелегальные кредиторы регулярно извлекают доходы, а материальное положение должников, и без того, находящихся в сложной жизненной ситуации, усугубляется.

На наш взгляд, устранить нелегальных участников финансового рынка можно и не прибегая к уголовно-правовым средствам, выступающим крайней мерой государственного реагирования на социально неприемлемое поведение.

Во-первых, необходимо изменить правоприменительный подход в части взыскания задолженностей в пользу недобросовестного участника финансового рынка. На наш взгляд, действия кредитора вне правового поля, является достаточным основанием, лишаящем его права на получение доходов от деятельности (проценты за пользование денежными средствами) и компенсационно-санкционных выплат с должников (неустойка за нарушение сроков возврата кредита, индексированные суммы кредиторской задолженности), так как предусмотренные законом проценты за пользование заемными

средствами, а также меры, обеспечивающие исполнение обязательств и защищающие имущественные интересы кредиторов рассчитаны на легальных участников договорных отношений. Формирование судебной практики, исключая «интересы» ростовщика из сферы государственной защиты, не только предупредит нелегальную деятельность заемщиков, но и снизит нагрузку на суды и органы, обеспечивающие принудительное исполнение судебных решений, а также создаст условия для снижения уровня закредитованности населения.

Во-вторых, необходимо обеспечить неотвратимость административной ответственности (с применением строгих штрафных санкций) за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов, посредством исключения ограничений в части субъектов состава ст. 14.56 КоАП РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4233.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Паспорт проекта Федерального закона № 237666-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о введении ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2021 г.)

4. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

5. Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): анализ законодательных новелл // Банковское право. 2022. № 1. С. 72 – 77.

6. Заочное решение Соломбальского районного суда г. Архангельска от 9 сентября 2020 г. по делу № 2-1056/2020 // URL: <http://solombsud.arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.01.2022).

CRIMINAL LIABILITY OF AN ILLEGAL CREDITOR: OBJECTIVE NEED OR ANOTHER DEAD NORM?

Annotation. Having identified the reasons for the lack of practice under Art. 14.56 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, laid down as a sign of an administrative prejudice that supplemented in 2021 the composition provided for in Art. 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author raises the question of the validity of the criminalization of illegal activities for the provision of consumer loans (loans). According to the author, changing the judicial practice of collecting debts in favor of the usurer, excluding the interests of the illegal creditor from the sphere of state protection and ensuring the inevitability of administrative responsibility, by expanding the subjects covered by Art. 14.56 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, will prevent illegal actions in the financial market, eliminating the need to classify appropriate actions as crimes.

Key words: consumer credit; entrepreneur; debt; responsibility; administrative prejudice; efficiency; legal mechanism

Смирнова Светлана Аркадьевна – заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института РУДН, Москва, Россия, s.a.smirnova@yandex.ru

Smirnova Svetlana Arkadyevna - Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Activity of the RUDN Law Institute, Moscow, Russia

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель статьи – осветить вопросы, связанные со становлением и развитием научной школы Российского федерального

центра судебной экспертизы при Минюсте России (РФЦСЭ) как одного из значительных его достижений. Признанная в настоящее время в научных и образовательных кругах, она базируется на многолетней экспертной практике и исследовательской деятельности работников РФЦСЭ. В настоящее время научная школа РФЦСЭ представляет собой симбиоз научно-методического обеспечения и масштабных практических достижений, которыми на основании принципа преемственности и единой концепции, обладает целый ряд ученых и практиков РФЦСЭ. Обладание таким научным, практическим, образовательным и людским потенциалом образует реальную возможность дальнейшего развития и совершенствования в сфере судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *научная школа РФЦСЭ, научно-исследовательская работа, оказание научно-методической помощи, координация научно-исследовательской работы, производство судебных экспертиз, издательская деятельность в области судебной экспертизы, повышение квалификации судебных экспертов.*

Научная школа РФЦСЭ была сформирована на основе преемственности поколений ученых и практиков в области криминалистики и судебной экспертизы [1]. К основным задачам научной школы РФЦСЭ относятся: проведение научно-исследовательской работы в области судебной экспертизы, оказание научно-методической помощи учреждениям судебной экспертизы и координация их научно-исследовательской работы, оказание содействия при производстве наиболее сложных и трудоемких судебных экспертиз, а также подготовка и издание работ по теории и практике судебной экспертизы, подготовка научных работников в области судебной экспертизы, повышение квалификации судебных экспертов, осуществление связи с научно-исследовательскими институтами, лабораториями и образовательными учреждениями других ведомств в целях координации научной деятельности и обмена опытом в области судебной экспертизы.

РФЦСЭ на постоянной основе осуществляет плодотворное взаимодействие с ведущими российскими и зарубежными судебно-экспертными учреждениями.

Результаты анализа деятельности научной школы РФЦСЭ показывают преемственность концептуальных научных теоретических и методологических подходов при проведении научных исследований. В

РФЦСЭ существует научно-методологическая программа по развитию теории судебной экспертизы. Высокое качество научных исследований творческого коллектива подтверждается значительным количеством публикаций в ведущих научных журналах, научных монографиях, учебных пособий, статей в периодических изданиях, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России, выступлений на научных форумах, конференциях, семинарах. Подготовка научных кадров осуществляется в ходе дополнительного профессионального образования, в магистратуре, аспирантуре и докторантуре на базе РУДН.

Кроме того, научная школа РФЦСЭ позволяет обеспечить преемственность между новой и старой методологией судебной экспертизы, сохранив те общие теоретические конструкции, которые не зависят от объектов и применяемых методов исследования и которые составляют надежный фундамент общей теории судебной экспертизы.

Научной школой РФЦСЭ впервые в российской судебно-экспертной науке разработана инновационная парадигма повышения эффективности использования специальных знаний в судопроизводстве. Теоретически обосновано и внедрено в практику отечественной судебно-экспертной деятельности комплексное решение судебно-экспертного обеспечения безопасности и противодействия терроризму посредством проведения объективных и научно обоснованных судебных экспертиз, в частности – методология судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму.

РФЦСЭ с 2005 г. выпускает научно-практический журнал «Теория и практика судебной экспертизы». В связи с большой актуальностью и высоким научным уровнем публикуемых статей, издание получило широкую известность и включено в перечень рецензируемых изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России [2].

В последние годы издательская деятельность продолжает развиваться как в количественном отношении, так и на качественном уровне. В 2012 году к 100-летию судебно-экспертных учреждений Минюста России было выпущено фундаментальное трехтомное мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка», которое стало научным ориентиром для российских и зарубежных ученых и практиков, занимающихся проблемами судебно-экспертной деятельности

на новом этапе ее развития. Продолжается работа по обеспечению СЭУ Минюста России научно-методической литературой на безвозмездной основе. За последние несколько лет разослано более 2000 экземпляров методических изданий РФЦСЭ.

С сентября 2015 года осуществляется уникальный совместный проект РФЦСЭ и РУДН, предусматривающий подготовку магистров по программе «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении». Основную подготовку осуществляет кафедра судебно-экспертной деятельности. По окончании обучения в магистратуре выпускник кафедры защищает на английском языке магистерскую диссертацию по избранному направлению программы, соответствующей конкретной экспертной специальности. Программа обучения включает дисциплины по актуальным проблемам процессуального и материального права, криминалистики, судебно-экспертной деятельности. Оптимальное сочетание базовых дисциплин по праву и судебно-экспертной деятельности, а также широкого спектра дисциплин по выбору позволяет наилучшим образом решить проблему системной подготовки судебных экспертов.

Преимуществом образовательного проекта РУДН – РФЦСЭ является то, что в качестве преподавателей в нем выступают ведущие ученые, работающие в РФЦСЭ без отрыва от практической экспертной деятельности. Они и являются профессорско-преподавательским составом кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института РУДН. Данная программа без преувеличения вызвала интерес и в России, и за рубежом.

Практика показала, что после окончания магистратуры выпускники кафедры судебно-экспертной деятельности РУДН продолжают обучение в аспирантуре РУДН. Затем после ее успешного окончания аспирантуры защищают кандидатские диссертации в диссертационном совете, созданном на базе РФЦСЭ и РУДН. Возглавляемый мною диссертационный совет представляет собой заключительное звено в системе подготовки кадров высшего образования по направлению судебно-экспертной деятельности. В нем успешно защищено 19 кандидатских и 7 докторских диссертаций[3].

Международная деятельность РФЦСЭ включает изучение зарубежного опыта и практики судебной экспертизы, взаимодействие с экспертными учреждениями иностранных государств, гармонизацию

российской методологии судебной экспертизы с зарубежными правовыми системами [4]. Она включает: сотрудничество в области стандартизации судебно-экспертной деятельности, международной аккредитации судебно-экспертных лабораторий (РФЦСЭ – первое аккредитованное в России, судебно-экспертное учреждение), результаты организации и проведения научно-практических конференций, а также редакционно-издательской деятельности РФЦСЭ.

С учетом геополитического положения Российской Федерации и практических потребностей правосудия приоритетным для РФЦСЭ является развитие международного сотрудничества в рамках государств-участников СНГ, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В современных условиях назрела необходимость гармонизации правоотношений, возникающих при использовании специальных знаний в судопроизводстве в государствах-членах СНГ, ЕАЭС, ШОС[5]; совершенствования экспертной практики по применению специальных знаний в следственной и судебной деятельности, при привлечении эксперта или специалиста в государствах-членах вышеуказанных международных объединений.

Этому способствует деятельность межгосударственного технического комитета по стандартизации МТК 545 «Судебная экспертиза» (далее – МТК 545), созданного в 2016 году.

Полноправными членами МТК 545 являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Узбекистан. Наблюдателем является Республика Таджикистан. Ведение секретариата МТК осуществляется РФЦСЭ. Мне очень приятно, что в сегодняшней конференции участвуют руководители и ведущие эксперты практически всех стран, участвующих в деятельности МТК 545 [6].

Традиционной площадкой широкого международного общения по актуальным вопросам теории и практики судебно-экспертной деятельности является Петербургский международный юридический форум, секции и круглые столы под руководством представителей РФЦСЭ.

В качестве перспективных направлений развития научной школы РФЦСЭ следует выделить:

1. формирование и развитие новых направлений судебно-экспертной деятельности, среди которых судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности, судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения, судебная стоимостная экспертиза;

2. продолжение работ по стандартизации в судебно-экспертной деятельности, включающее разработку национальных стандартов по наиболее востребованным судебно-экспертным методикам;

3. развитие инноваций в судебно-экспертной деятельности, а именно совершенствование системы менеджмента качества, расширение области аккредитации, активное внедрение валидации и верификации методических материалов по производству экспертизы в практическую деятельность судебно-экспертных учреждений Минюста России;

4. всестороннее развитие добровольной системы сертификации компетентности частных экспертов и сертификации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность обеспечения защиты прав и свобод граждан посредством проведения объективных научно обоснованных судебных экспертиз, снижения сроков их производства и расширения спектра решаемых задач.

Список литературы

1. Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Из века в век: 1962-2012. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, - 256 с.
2. Теория и практика судебной экспертизы. Электронный ресурс: URL: <https://www.tipse.ru/jour/about> (дата обращения: 17.05.2022).
3. Официальный сайт Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Диссертационный совет. Электронный ресурс: URL: <http://www.sudexpert.ru/diss/> (дата обращения: 17.05.2022).
4. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов. Теория и практика судебной экспертизы. 2017;12(2):11-17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>

5. Смирнова С.А., Усов А.И. Судебная экспертиза как базовый механизм реализации принципа верховенства права в государствах – членах ШОС. Теория и практика судебной экспертизы. 2018;13(2):6-15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-6-15>
6. Официальный сайт Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Стандартизация. Электронный ресурс: URL:<http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 17.05.2022).

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF THE RUSSIAN FEDERAL CENTER FOR FORENSIC SCIENCE OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The purpose of the article is to highlight issues related to the formation and development of the scientific school of the Russian Federal Center for Forensic Science of the Ministry of Justice of Russia (RFCFS) as one of his significant achievements. Currently recognized in scientific and educational circles, it is based on the long-term expert practice and research activities of the RFCFS employees. Currently, the scientific school of the RFCFS is a symbiosis of scientific and methodological support and large-scale practical achievements, which, based on the principle of continuity and a single concept, a number of scientists and practitioners of the RFCFS possess. The possession of such scientific, practical, educational and human potential forms a real opportunity for further development and improvement in the field of forensic activity.

Keywords: scientific school of the RFCFS, research work, provision of scientific and methodological assistance, coordination of research work, production of forensic examinations, publishing activities in the field of forensic science, professional development of forensic experts.

Соколова Ольга Александровна - профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности УНК СЭ Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия, доктор юридических наук, доцент.

sokolova-o-a@mail.ru

Sokolova Olga Alexandrovna - Professor of the Department of Forensic Activities of the UNK SE of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia, Doctor of Law, Associate Professor

ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

***Аннотация.** Статья посвящена значению сравнительно-правового анализа судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации (РФ) и Социалистической Республике Вьетнам (СРВ). Проведенный сравнительный анализ правовых норм организационного и методического обеспечения данных государств, регулирующих отношения, складывающиеся при назначении и производстве судебных криминалистических экспертиз, позволяет выявить динамику их развития, современное состояние и внести предложения, направленные на совершенствование законодательства этих государств. Большое внимание уделено анализу теоретической составляющей данных государств, позволяющему дополнить понятийный аппарат, направленный на совершенствование теоретических основ криминалистики, общей теории судебной экспертизы и экспертной практики в СРВ. Помимо этого результаты анализа современного состояния судебной-экспертной деятельности в РФ и СРВ способствуют совершенствованию механизма контроля за повышением ее эффективности.*

***Ключевые слова:** сравнительно-правовой анализ, судебная-экспертная деятельность, правовое регулирование, организационное и методическое обеспечение, судебные экспертизы, Российская Федерация, Социалистическая Республика Вьетнам.*

Судебная экспертиза в отдельно взятой стране, как правило, проходит определенный путь своего развития и становления, что обуславливает специфические устоявшиеся традиции и особенности. Их изучение и учет позволяет пересмотреть направления развития судебной экспертизы в другом государстве, дополнив и обогатив их. Рассмотрим эти особенности применительно к РФ и СРВ.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить имеющиеся различия в правовом, научном и организационно-методическом обеспечении судебно-экспертной деятельности, регулирующие отношения, складывающиеся при назначении и производстве судебных криминалистических экспертиз, способствует выявлению динамики их развития, современному состоянию и внесению предложений, направленных на совершенствование законодательств этих государств.

Правовое регулирование судебно-экспертной деятельности в РФ и СРВ базируется на основополагающих документах, к которым относятся конституции данных государств и их уголовно-процессуальное законодательство. Применительно к проблематике данной работы в РФ следует также руководствоваться Федеральными законами РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (с изменениями от 30 декабря 2001 г., 5 февраля, 24 июня 2007 г., 28 июня 2009 г.), «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ и др. Нормативную правовую базу СРВ составляют Законы «О судебной экспертизе» от 20 июня 2012 года № 13/2012/QN13, «О народной полиции» от 20 ноября 2018 года № 37/2018/QN14, «Об организации Народной прокуратуры» от 24 ноября 2014 года № 63/2014/QN13.

Поскольку нормативно-правовые акты, регулирующие ЭКД в РФ хорошо известны российской аудитории, остановимся кратко на некоторых направлениях, уделив основное внимание этой деятельности в СРВ.

Как известно, в РФ система государственных судебно-экспертных учреждений представлена экспертными учреждениями ряда ведомств: юстиции, внутренних дел (далее по тексту - МВД), здравоохранения, обороны, МЧС, ФСБ, а также Федеральной таможенной службы (ФТС). Что касается государственных судебно-экспертных учреждений в СРВ, имеющих право на производство криминалистических экспертиз, то они

представлены системой экспертно-криминалистических подразделений Министерства общественной безопасности (далее по тексту - ЭКП МОБ) и Министерства обороны. Помимо этого с 1 января 2021 г. в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 12 Закона СРВ «О судебной экспертизе» при Верховной народной прокуратуре образован Отдел криминалистической экспертизы, в котором проводятся экспертизы: фоноскопическая, компьютерная и экспертиза фото- и видеоизображений.

В отличие от ЭКЦ МВД РФ, представленного двумя принципами: ведомственной принадлежностью экспертно-криминалистических подразделений и их региональностью, структура ЭКП МОБ СРВ представлена ведомственной трехуровневой системой подразделений, функционирующей по принципу региональности, включая центральный и районный аппараты, а также уровень провинций.

Центральный орган представлен Институтом криминалистической техники в городе Ханой и двумя его филиалами, расположенными в г. Хошимин и г. Дананг. Отметим, что криминалистические экспертизы проводятся только в подразделениях центра, а также провинций, куда включены 63 отдела криминалистической техники. В них (отделах криминалистической техники уровня провинций) проводятся только конкретные виды экспертиз, производство которых разрешено определенному эксперту на основании приказа о его назначении. При этом учитывается имеющееся техническое обеспечение данного экспертного подразделения. Отметим, что в соответствии со ст. 7 Закона СРВ «О судебной экспертизе», кандидат на должность эксперта обязан отработать в качестве помощника эксперта в течение трех лет, участвуя при этом в производстве экспертиз по конкретной специальности. По истечению данного срока может быть издан приказ о назначении его экспертом по отдельным видам экспертиз.

В соответствии со ст. 13 Приказа МОБ СРВ от 5 августа 2014 года № 33/2014/ТТ-ВСА «Положения о стандартах, порядке и процедурах назначения и увольнения криминалистических экспертов» в Институте криминалистической техники МОБ СРВ проводятся все виды криминалистических экспертиз, к которым отнесены: баллистические, химические, биологические, дактилоскопические, трасологические, экспертизы документов, взрывотехнические, фоноскопические, а также экспертизы электронных и цифровых данных (компьютерные). Отметим, что в соответствии с Приказом МВД России от 29 июня 2005 года № 511

(ред. от 27 июня 2019 г.) в ЭКП МВД РФ, производится 31 вид судебных экспертиз, закрепленных в Перечне родов (видов) судебных экспертиз.

Что касается районного уровня ЭКП СРВ, то его экспертно-криминалистические подразделения представлены специалистами, участвующими только в производстве осмотров мест происшествий. Однако они не имеют право на проведение самостоятельных криминалистических экспертиз. С учетом штатной численности экспертно-криминалистической службы МОБ, предположить, что производство криминалистических экспертиз можно организовать непосредственно в отделах криминалистической техники районного уровня [1, с. 12], по аналогии с РФ, при условии наличия необходимых для производства экспертиз материально-технических средств и др.

Проведенный анализ нормативной базы СРВ и РФ позволил Фану Т. Д. предложить по аналогии со ст.307 УК РФ, разъяснять вьетнамскому эксперту или комиссии экспертов их права и обязанности, а также предупреждать его (их) об уголовной ответственности за дачу ложного заключения в соответствии со статьей 382 УК СРВ; что позволит повысить эффективность работы правоохранительных органов при назначении и производстве криминалистических экспертиз в СРВ, включая и институт частных экспертов, который не урегулирован на законодательном уровне.

В научном плане за последние годы в СРВ опубликованы работы вьетнамских ученых Нго Ш.Х., Нгуена Ч.Ш., Дао В.В., Хонга М.Т., До Н.К., Нгуена С.И. и др., касающиеся, как общетеоретических вопросов криминалистики и теории судебной экспертизы, так и отдельных направлений по исследованию следов зубов человека, его кожного покрова и т.п. Отметим, что их особенностью является то, что они проводились в разных территориальных образованиях СРВ, в отдельных экспертных криминалистических учреждениях и в различные периоды времени. В этом плане определенный интерес представляют исследования, посвященные обнаружению, сбору и использованию информации по папиллярным следам при расследовании дел о кражах в отделах криминалистической техники конкретных провинций СРВ. Так, например, в 2011 г. было подготовлено две диссертации, в которых Нгуеном Тхань Чунгом рассматривались данные направления с учетом технического обеспечения экспертно-криминалистических отделов в провинции Лонг Ан [2] и Нгуеном Бинь Тхиен Зуем – в провинции Бенче

[3]. Отсутствие централизации и систематизации этих достижений не позволяет применять их по всей территории СРВ, что является одной из главных проблем в экспертно-криминалистической деятельности СРВ.

Среди последних исследований, проведенных молодыми учеными в 2020-2022 гг., выделим работы Нгуена В.К., Тью В.Х., Фана Т.Д. и др., посвященные правовому и информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности в СРВ, расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в СРВ, сравнительному анализу теории и практики производства криминалистических экспертиз по следам человека в СРВ и РФ. Так, в работе последнего автора отмечено, что проведенный им анализ специальной литературы, изданной в СРВ, свидетельствует, о том, что термин «диагностика», а также производные от него понятия, такие как «диагностические задачи», «диагностические признаки» отсутствуют. В целях унификации понятий и терминов, применяемых при производстве дактилоскопических экспертиз в СРВ, с учетом достижений криминалистики и теории судебной экспертизы РФ им предлагается ввести термин «криминалистическая диагностика», который дополняет как теоретический аппарат криминалистики и общей теории судебной экспертизы в СРВ, так и экспертную практику.

Что касается исследований, связанных со следами человека, и, в частности, следов-действий человека, то впервые они были предложены венгерским криминалистом И. Кертесом в 70-х гг. XX в. Их изучение было продолжено Фаном Т. Д., который сформулировал их авторское понятие и предложил их классификацию, в основание которой положены результаты (последствия) действий человека в процессе совершения преступления [4, с.109-113].

Особенностью методического обеспечения СЭД в СРВ является отсутствие понятия «методика», и, в частности, «экспертная методика». В настоящее время в системе экспертно-криминалистических учреждений МОБ СРВ применяются государственные стандарты в области общественной безопасности, включающие в себя три циркуляра МОБ СРВ: № 52/2011/ТТ-ВСА от 20 июля 2011 года, № 46/2013/ТТ-ВСА от 5 ноября 2013 года и № 51/2015/ТТ-ВСА от 13 октября 2015 года «Об обнародовании государственных стандартов в области общественной безопасности Министерства общественной безопасности». Ознакомление с содержательной частью данных стандартов показало, что в них отражены: названия процессов производства некоторых видов экспертиз

(например, дактилоскопической, трасологической, почерковедческой, фоноскопической и др.); описание стадий процесса проведения экспертизы в целом, отличающихся друг от друга характеристикой специфики их содержания, обусловленной особенностями предмета и объектов данной экспертизы; применяемые при производстве экспертиз данного рода (вида) методы и средства. Таким образом, как следует из вышеуказанных стандартов СРВ, каждая методика является общей для определенного рода экспертиз, т.е. для производства всех экспертиз одной специальности. Так, например, для решения всех задач дактилоскопической экспертизы в СРВ используется общая методика ГОСТ № TCVN-AN 002:2011 «Процесс производства дактилоскопической экспертизы». На основании проведенного анализа установлено, что в СРВ отсутствуют методики решения конкретных задач, в том числе диагностических.

В целях повышения информационного сопровождения ЭКП СРВ на вьетнамский язык переведены типовые методики производства дактилоскопической экспертизы, разработанные ЭКЦ МВД РФ в 2010 г. для решения идентификационных и диагностических задач этих экспертиз. Помимо этого вьетнамским криминалистом Фаном Т.Д. разработана и предлагается усовершенствованная трасологическая методика «Идентификация обуви по ее следам». Специфика ее заключается в подробном описании экспертных задач, новых объектов исследования, наиболее часто встречающихся в экспертной практике в СРВ, последовательности действий эксперта при их исследовании и форм выводов эксперта.

Что касается методического обеспечения СЭД в РФ, то, как известно, фактически для каждого класса, рода или вида судебных экспертиз имеются экспертные методики. Более того, в настоящее время в целях стандартизации судебно-экспертной деятельности в РФ разработаны ГОСТы, в частности, ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза», а также разработаны проекты ГОСТов по другим судебным экспертизам.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ правовых норм организационного и методического обеспечения СРВ и РФ, регулирующих отношения, складывающиеся при назначении и производстве судебных криминалистических экспертиз, позволяет

выявить динамику их развития, современное состояние и внести предложения, направленные на совершенствование законодательств этих государств. Помимо этого результаты анализа современного состояния судебно-экспертной деятельности в этих государствах способствуют совершенствованию механизма контроля за повышением ее эффективности.

Список литературы

1. Фан Тхань Донг. Теория и практика производства криминалистических экспертиз по следам человека в Социалистической Республике Вьетнам и в Российской Федерации (сравнительный анализ) : дисс... канд. юрид. наук / Фан Тхань Донг. – М.: МосУ МВД РФ им.В.Я. Кикитя, 2022.
2. Нгуен, Тхань Чунг. Работа по обнаружению, сбору и использованию информации по папиллярным следам при расследовании дел о кражах в отделе криминалистической техники провинции Лонг Ан : дисс... канд. юрид. наук / Нгуен Тхань Чунг. Хошимин : Университет народной полиции, 2011.
3. Нгуен, Бинь Тхиен Зуй. Работа по обнаружению, сбору и использованию информации по папиллярным следам при расследовании дел о кражах в отделе криминалистической техники провинции Бенче : дисс... канд. юрид. наук / Нгуен Бинь Тхиен Зуй. Хошимин : Университет народной полиции, 2011.
4. Фан Тхань Донг. Следы-действия человека: понятие, классификация и значения в расследовании и раскрытии преступления / Фан Тхань Донг // Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2021. – № 5 (15).

THE SIGNIFICANCE OF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS FOR THE DEVELOPMENT OF FORENSIC EXPERT ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Annotation. The article is devoted to the importance of comparative legal analysis of forensic activities in the Russian Federation (RF) and the Socialist Republic of Vietnam (SRV). A comparative analysis of the legal

norms of the organizational and methodological support of these states that regulate the relations that develop during the appointment and production of forensic forensic examinations allows us to identify the dynamics of their development, the current state and make proposals aimed at improving the legislation of these states. Much attention is paid to the analysis of the theoretical component of these states, which makes it possible to supplement the conceptual apparatus aimed at improving the theoretical foundations of forensic science, the general theory of forensic examination and expert practice in Vietnam. In addition, the results of the analysis of the current state of forensic activities in the Russian Federation and Vietnam contribute to the improvement of the control mechanism for increasing its efficiency.

Keywords: comparative legal analysis, forensic activities, legal regulation, organizational and methodological support, forensic examinations, Russian Federation, Socialist Republic of Vietnam.

Толстухина Татьяна Викторовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия. tat_tolstuhina@mail.ru

Tolstukhina Tatyana Viktorovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Science and Customs, Tula State University, Tula, Russia.

Устинова Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия. irinauiv@gmail.com

Ustinova Irina Vladimirovna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Customs, Tula State University, Tula, Russia

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНО – ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам классификации судебно-экспертных задач. Проанализированы различные точки зрения ученых по данному вопросу с приведением аргументов в пользу каждой из исследованных классификаций в общей теории судебной экспертизы. На основе проведенного нами анализа и оценки приведенных аргументов, можно констатировать, что все решаемые судебно-экспертные задачи не исчерпываются двумя классами – идентификационных и диагностических. Более того, научная классификация, имеющая целью повышение научного познавательного уровня исследователя и служащая отражением всего разнообразия решаемых судебной экспертизой задач, должна разрабатываться с учетом определяющих признаков и критериев каждого класса. Только такая классификация отвечает требованиям систематизации научного знания.

Ключевые слова: судебно-экспертные задачи, систематизация научного знания, идентификация, диагностика, профилактика, прогнозирование.

Классификация, являясь научной категорией, призвана систематизировать накопленное научное знание. Идеальным воплощением всеобщего познания явилась бы классификация всего множества объектов вселенной. Эта идея отчасти была воплощена через создание в 1985 году Международной федерации классификационных научных обществ, которая по ряду причин, о которых писала С.С.Розова [1,с.4], не получила теоретической реализации. Поэтому вопрос об общенаучной теории классификации остается открытым.

Тем не менее, в силу отсутствия общенаучной теории классификации, логико-философской наукой разработаны общие подходы и принципы построения классификаций, на которые исследователь должен ориентироваться и требования которых неукоснительно следует исполнять. К таким требованиям, в первую очередь, надо отнести: определение цели классификации и выбор классификационного основания, а так же соблюдение логических правил деления объема понятия. В любой классификации важная роль отведена ее основным функциям: информационной, прогностической, ретрогностической и коммуникационной [2, с.11].

Анализ научной литературы в области судебно-экспертной деятельности свидетельствует о не снижающемся интересе к проблемам классификационных построений в области судебной экспертизы, который проявился в конце 60-х годов прошлого века в трудах Р.С.Белкина, А.И.Винберга, Г.Л.Грановского, Н.Т. Малаховской, Н.А.Новоселовой, Ю.Г.Корухова, Ю.К.Орлова, В.Ф.Орловой, А.Р.Шляхова и других ученых. В последующие периоды интерес к этой проблеме прослеживается в трудах многих исследователей, в частности, Т.В.Аверьяновой, Н.П.Майлис, Т.Ф.Моисеевой, Г.Г.Омельянюка, Е.Р.Россинской, Т.В.Толстухиной, А.И.Усова и других.

Не был обойден стороной и интерес к построению классификаций судебно-экспертных задач. Все экспертные задачи принято делить на: задачи *теории* судебной экспертизы (изучение закономерностей развития теоретических положений, приводящих к возникновению новых классов, родов и видов судебных экспертиз; прогнозирование развития и совершенствования научных исследований и СЭУ в целом; совершенствование методов и методик экспертного исследования и др.) и *практические* судебно – экспертные задачи (конкретные вопросы, решаемые в отношении конкретных объектов, представленных на экспертизу). Являясь одной из ключевых в судебно-экспертной деятельности, данная классификация призвана систематизировать не только теоретическое знание в данной научной области, но и практическую судебно-экспертную деятельность, поскольку последняя имеет приоритетное направление в судебно-экспертной деятельности в целом и продиктована потребностями судебно-следственной практики.

Особый интерес к классификации экспертных задач был отмечен в 70-х – начале 80-х годов прошлого века. Этот период ознаменован появлением ряда научных работ, посвященных классификации судебно-экспертных задач на идентификационные и диагностические. Термин «диагностика» был упомянут еще в работах Г.Гросса, а гораздо позднее, в 1972 году, предложен В.А.Снетковым взамен достаточно расплывчатого, обтекаемого, ничего конкретно не означающего термина «неидентификационные» задачи. Идея многими учеными была поддержана, хотя имелись и противники. Появился ряд работ, посвященных классификации судебных экспертиз [3, с.7-12; 4, с.23-28; 5, с.18-21; 6, с.4-9; 7, с.84-87]. А конец 70-х и 80-е годы были отмечены значительным количеством монографических исследований,

посвященных разработке отдельных направлений диагностических исследований, в которых непременно рассматривались вопросы классификации судебно-экспертных задач.

Из предложенных авторами вариантов классификаций неизменно во всех из них отмечены идентификационные и диагностические задачи, которые дополнены классификационными, ситуационными, профилактическими (Е.Р.Россинская в 1996 г. предложила классифицировать решаемые экспертами задачи на: идентификационные, диагностические, профилактические [8, с.25-27; 9, с.103]. Подобный подход представлял интерес, поскольку профилактические задачи должны занять самостоятельное место в классификации, а не быть отнесенными по сомнительным основаниям тоже к диагностическим), либо иными в зависимости от видения автора.

Как раз в отношении иных задач дискуссии до сих пор продолжаются, поскольку не всем ученым аргументация выделения тех или иных задач представляется необходимой и достаточной. Мы видим необходимость обсуждения этого вопроса, поскольку регресс в науке не предполагает ничего хорошего, более того, может привести к такому состоянию, что через определенный период времени ученые вновь будут предпринимать попытки классифицировать задачи и так до бесконечности.

Классифицировать задачи в зависимости от форм устанавливаемых ими связей на идентификационные, классификационные и диагностические предложил Ю.Г.Корухов в 1978 году, а в 1997 году учеными предложена более дробная классификация самих диагностических задач. Так, Ю.Г. Корухов и В.Ф. Орлова отметили: «...учитывая...большое число видов диагностических задач, ... целесообразно ... выделить, по меньшей мере, четыре подкласса: классификационно-диагностические, собственно диагностические, обстановочные и причинно-динамические» [10, с.78].

В этой связи Ю.К.Орлов, на наш взгляд, совершенно обоснованно заметил, что «... диагностика не исчерпывает всего многообразия задач, ставящихся на разрешение экспертизы. ... Самый главный дефект данной концепции состоит в том, что совершенно неясно, по какому же основанию включаются все эти исследования в одну категорию диагностических. То, что они не являются идентификационными и классификационными либо каким-то иным, вовсе не означает, что они

относятся к одному классу, а, допустим, не к трем или пяти. Основной вопрос – каков определяющий признак, критерий диагностики, - ее сторонники старательно обходят, ограничиваясь простым перечислением исследований, являющихся, по их мнению, диагностическими».

Согласимся с Ю.К. Орловым, указывающим далее, и в том, что «К диагностическим задачам по существующей их трактовке относятся все, за исключением идентификационных и классификационных (то есть все те, которые раньше назывались неидентификационными). А это целый конгломерат самых разнообразных исследований, не имеющих между собой ничего общего. Такой подход представляется малопродуктивным в научном отношении. ...Научная ценность такой классификации весьма сомнительна. Объединение под одним названием самых разнохарактерных познавательных актов не способствует уяснению их специфики, а, следовательно, их развитию и совершенствованию» [11, с.34,35].

Более того, за последние 15 лет классификация задач претерпела еще большие изменения – исчезают из познавательной деятельности и классификационные задачи, остаются идентификационные и диагностические, подменившие собой «неидентификационные» задачи (от чего ушли 50 лет назад – к тому и пришли), что при интенсивном развитии науки и ее познавательной ценности, представляется весьма сомнительным. Учеными отмечается, что классификационные задачи, являясь принадлежностью идентификационных или диагностических, утрачивают собственное, самостоятельное значение. По этому основанию в классификации диагностических задач появились классификационно-диагностические, а в классификации идентификационных задач – задачи установления групповой принадлежности, которые по своей сути являются классификационными.

Классификационно-диагностическими называют классификационные задачи, предшествующие решению диагностических. Одно лишь не понятно, почему они вытеснены из классификации как самостоятельный вид задач, а оставлены как принадлежность решения диагностических? В этой связи В.А. Снетков считал нецелесообразным классификационные задачи выделять в отдельный вид, поскольку «...они решаются как в процессе идентификационных, так и диагностических исследований» [12, с.6]. Подобную позицию разделили Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Н.П. Майлис, Н.С. Романов, Е.Р. Россинская и другие

ученые, полагая, что можно обойтись двумя классами задач - идентификационными и диагностическими, которых, видимо, достаточно для решения всего разнообразия вопросов, встающих перед следователем.

Н.П. Майлис, в этой связи отмечает, что классификационные задачи встречаются как среди диагностических, так и среди идентификационных задач [13, с.21]. Можем заметить, что и диагностические, и идентификационные задачи также встречаются в сочетании друг с другом, однако нам не приходит в голову оставить один вид задач, например, идентификационные. Хотя и такое предложение в 1946 г. звучало из уст основоположника теории идентификации С.М.Потапова, который полагал, что все решаемые задачи являются идентификационными, поскольку установление любого факта есть тождество, например, «...установление времени совершения преступления, мотива, психического состояния человека, его физических свойств, умственных способностей и т.п.» [14, с.15].

В 2009 г. группой ученых предложена следующая классификация задач: *идентификационные* (к ним относятся задачи установления групповой принадлежности, в том числе, задачи определения единого источника происхождения объектов) и *диагностические* (частным случаем являются классификационные, ситуационные задачи). По степени сложности диагностические задачи делят на простые и сложные. Кроме того, предлагается деление на прямые и обратные диагностические [15, с.85-89]. Сразу возникает вопрос, а только диагностические задачи можно делить по степени сложности? Нам представляется, не только. В таком случае, чем обусловлено подобное деление и какова практическая значимость такой классификации? В предложенном варианте классификационные задачи отнесены к диагностическим. Вообще исчезают из научного и практического оборота профилактические, прогностические и иные судебно-экспертные задачи.

Справедливо замечено И.В.Устиновой, что следователей зачастую интересует решение только классификационных задач, когда решение идентификационных и диагностических задач в принципе невозможно. Например, необходимо определиться с поиском определенной модели оружия по стреляным гильзам или снарядам при отсутствии конкретного экземпляра оружия. Задачи, поставленные следователем перед экспертом, могут сочетаться в различных вариантах, но каждая из них может быть решена самостоятельно. Например, в одном постановлении могут быть

поставлены задачи диагностические и идентификационные: «1. Исправно ли оружие? 2. Стреляна ли представленная гильза в данном экземпляре оружия?». Но это не означает, что диагностическая задача является принадлежностью идентификационной. Аналогично может быть решена задача установления необычного физиологического состояния лица при идентификации исполнителя рукописи. При проведении товароведческих экспертиз классификационные задачи решаются в целях установления сорта, артикула товара, отнесения товара к единой товарной номенклатуре [16, с.154,155]. Автор совершенно прав, отмечая, что классификационные задачи могут носить самостоятельный характер, имея существенное значение в поисковом и доказательственном аспекте. Жаворонков В.А., например, признает самостоятельное значение классификационных задач и отмечает, что они «...являются неотъемлемой частью производства экспертиз маркировочных обозначений транспортных средств, которые составляют достаточно большую их часть» [17, с.52].

С классификационными задачами в судебной экспертизе связана еще одна проблема. Учеными справедливо в числе основных выделяются идентификационные задачи. Е.Р.Россинская, отмечая, что «... на основе совпадения совокупности частных признаков устанавливается индивидуально-конкретное тождество», в тоже время пишет: «Если для индивидуализации частных признаков оказывается недостаточно, то решение идентификационной задачи завершается установлением групповой принадлежности объекта, т.е. установлением принадлежности объекта к некоторому множеству (группе) однородных объектов... на основе изучения... общих признаков» [18, с.25].

Из текста дословно следует, что решение индивидуально-конкретного тождества при отсутствии достаточности признаков завершается групповой идентификацией. Но таковой не существует, поскольку идентификация, как отмечает сам автор, есть индивидуально-конкретное тождество. В этом случае должна решаться классификационная задача, которая и заключается в отнесении объекта к определенному множеству (роду, виду, группе), иными словами, задача установления групповой принадлежности – это не что иное, как классификационная задача.

Решение идентификационной задачи по определению не может завершиться установлением групповой принадлежности, что

противоречит самой сути идентификации – установлению индивидуального тождества. Поэтому, в случае недостаточности признаков для установления индивидуально-конкретного тождества, идентификационная задача заканчивается невозможностью решения этой задачи, и эксперт делает вывод в форме «НПВ».

Однако в этом случае может быть решена иная, уже не идентификационная, а классификационная задача (устанавливается групповая принадлежность), и эксперт при этом очерчивает определенную группу объектов, к числу которых будет относиться и идентифицируемый. Е.Р.Россинская, соглашаясь с тем, что «... классификация – это тоже отнесение объекта к какой-то группе (роду, виду)...», тем не менее, для разведения этих понятий приводит следующий аргумент: «При установлении групповой принадлежности суть идентификационной задачи состоит в сужении ... группы объектов, содержащей искомый, ...» [18, с.26,27]. Следует отметить, что, во-первых, суть идентификационной задачи, как мы аргументировали, не может сводиться к сужению группы, ее целью является только установление индивидуального тождества. Во-вторых, мы уже отметили, что такую же цель сужения группы объектов преследует и классификационная задача, например, при отсутствии на месте происшествия огнестрельного оружия появляется возможность установить его вид, систему, модель по оставшимся на месте происшествия или в теле пострадавшего компонентам использованного патрона, позволяющим следователю на первоначальном этапе расследования сузить поиск оружия и подозреваемых лиц. Аналогичный пример можно привести со следами обуви, по которым для следователя может быть сужена группа поиска обуви, например, до кроссовок. Подобным образом по следам взлома можно сузить группу орудий, использованных преступником.

Предлагая свою классификацию экспертных задач, Ю.Г. Корухов тоже не исключал их иного деления при условии четкого определения их сущности и специфики [19, с.6].

Ю.К. Орлов полагает, что гораздо более продуктивной представляется *предельно узкая* трактовка каждой категории экспертных задач [11, с.36]. Считаю необходимым привести и проанализировать отличную от других классификацию экспертных задач, предложенную Ю.К.Орловым:

«По содержанию:

- *идентификационные* (установление индивидуального тождества);
- *классификационные* (установление принадлежности к какому-либо классу, группе);
- *диагностические* (установление состояния объекта, т.е. наличие или отсутствие отклонения от нормы). Например, установление технического состояния транспортного средства, огнестрельного оружия, психического состояния лица, установление необычного физиологического состояния лица и т.п.;
- *атрибутивные* (установление свойств объекта). Например, установление охранных свойств замков, поражающих свойств оружия и др.;
- *ситуалогические* (установление события, взятого в динамике). Могут быть *событийные* (напр., установление механизма ДТП) и *обстоятельственные* (установление положения потерпевшего в момент причинения ему повреждения);
- *каузальные* (установление причинной связи). Автор выделяет *три вида*: установление причины по известному следствию, установление последствий по заранее заданной причине и определение наличия или отсутствия причинной связи между фактами;
- *нормативистские* (установление соответствия каких-либо действий специальным правилам). Например, правилам бухгалтерского учета, дорожного движения, строительных или пожарных норм и т.д.

По хронологической направленности:

- *актуалистические* (установление действительного положения вещей);
- *ретрологические* (установление фактов прошлого). Разновидностью являются *реставрационные* – восстановление первоначального состояния объекта и *фактологические* – установление действительного наличия конкретного факта (напр., контактного взаимодействия);
- *потенциалистские* (установление потенциальной возможности какого-либо факта). Например, возможности выстрела без нажатия на спусковой крючок, технической возможности предотвратить наезд на пешехода и т.п.» [11, с.36-38].

В классификацию задач автор включает *преобразовательные* задачи, связанные с разделом домовладений. Следуя логике Ю.К. Орлова, можно предложить наличие и *оценочных* (стоимостных) задач, связанных с оценкой транспортных средств, строений и сооружений и т.п. В столь дробной и узконаправленной классификации отсутствуют *прогностические* задачи. Если автор их отождествляет с потенциалистскими, то это не одно и то же. Вероятно, Ю.К. Орлов отрицает их целесообразность либо не видит областей их применения. Не вошли в классификацию, предложенную Ю.К.Орловым, и профилактические задачи.

Нам представляется, что классификация задач должна быть разработана в соответствии с определяющим признаком достигаемой при классификации цели: установить тождество; отнести к определенному роду, группе восстановить уничтоженную запись или заводской номер и т.п. Поэтому мы полагаем, что цель решения задачи должна быть положена в классификацию в качестве определяющего признака.

Встречается деление задач на: конечные, промежуточные и вспомогательные [10, с.76]. Подобное деление задач нам представляется не целесообразным, поскольку конечные задачи определены в постановлении следователя в виде вопросов. Все остальные задачи, необходимые для решения, определяет эксперт и по существу, какой характер они будут носить, не столь важно. Кроме того, есть деление задач на определяющие (основные) и сопутствующие (второстепенные) [17, с.56]. Что значит второстепенная задача? Иногда без нее не может быть решена и основная задача. Предлагается деление задач на простые и сложные – по каким критериям? Согласимся с И.В.Устиновой, что «подобные искусственно созданные классификации не существенны в познавательном и методологическом смысле и загромождают при этом классификационные системы» [16, с.158].

Ученые предпринимали попытки более дробного деления задач. М.Я. Сегай и В.К. Стринжа классифицировали задачи на идентификационные, диагностические и ситуационные [20, с.27]. Мы не исключаем отнесение, например, установления обстоятельств ДТП или убийства, механизма столкновения или опрокидывания к ситуационным задачам. В.А.Пучков выделяет идентификационные, ситуационные, реставрационные, классификационные, диагностические [21, с.12]. Выделение реставрационных задач мы допускаем в отношении, например,

уничтоженных маркировочных обозначений, текстов, поскольку термин «реставрация» - это восстановление в первоначальном (или близком к первоначальному) виде [22, с.607].

Отмеченную позицию озвучили и другие ученые. Так, Д.В. Бахтеев пишет: «Совершенное преступление, как событие реальной действительности, носит ретроспективный (обращенный в прошлое) характер, соответственно, основной задачей следователя в процессе раскрытия и расследования преступления в условиях сложных следственных ситуаций является *восстановление* механизма совершения преступления, *восстановление* информационной структуры произошедшего преступления...» [23, с.75]. Подобную точку зрения разделяет и Ж.В. Малинок, отмечая, что в практике расследования преступлений использование реконструкции «... прежде всего, детерминировано ретроспективным характером расследования как процесса познания событий, явлений, фактов, обстоятельств прошлого» [24, с. 198].

С учетом оценки имеющихся точек зрения, нам представляется, что все решаемые *экспертные задачи* можно разделить на следующие классы:

- *идентификационные (направлены на установление индивидуально-конкретного тождества);*

- *диагностические (направлены на установление свойств, состояний объекта);*

- *классификационные (направлены на отнесение объекта к определенному роду, группе, т.е. на установление групповой принадлежности по выявленным экспертом характеристикам и следам);*

- *прогностические (закljučаются в научном предвидении наступления тех или иных событий и явлений);*

- *профилактические (направлены на разработку предупредительных мер, основанных на результатах проведенного экспертного исследования);*

- *ретроспективные (направлены на восстановление событий, объектов, состояний на основе имеющихся следов, в частности, уничтоженных маркировочных обозначений, текстов документов, положения стрелявшего и потерпевшего и др. К ретроспективным следует отнести и ситуационные задачи, поскольку объектом исследования в этом случае исключительно будет являться место*

происшествия, по следам на котором необходимо восстановить картину развития события преступления).

Таким образом, мы полагаем, что ограниченное восприятие действительности только через призму идентификационных и диагностических задач обедняет гносеологическую составляющую любой деятельности, будь то экспертной, криминалистической либо иной другой. Структура мышления субъекта деятельности (эксперта, следователя, дознавателя, судьи) должна формироваться, исходя из всеобщего познания всех, без исключения, возможных задач, поскольку их совокупность формирует необходимое системное знание, выраженное в учениях, частных научных теориях, законах.

Литература

1. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986. 224 с.
2. Кожара В.Л. Функции классификации // Теория классификаций и анализ данных: Материалы Всесоюзного совещания. Ч.1. – Новосибирск, 1982. С. 3-12.
3. Винберг А.И. Идентификационные, диагностические и ситуационные криминалистические экспертизы // Советское государство и право. – М., 1978. № 9. С.7-12
4. Корухов Ю.Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1984. С. 23-28.
5. Носко Ю.Л. О классификации судебно-баллистических исследований//Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1980. Вып.21. С. 18-21.
6. Шляхов А.Р., Орлова В.Ф. Принципы классификации задач криминалистической экспертизы // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью: Тез. Респ. Науч. конф. – Киев, 1983. С. 4-9.
7. Малаховская Н.Т. Понятие экспертных задач и возможность построения их иерархической системы // Теоретические и

методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. – М., 1985. С. 84-87.

8. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе: монография. – М., 1996. 224 с.

9. Россинская Е.Р. Избранное. – М., 2019. 680 с.

10. Основы судебной экспертизы / под ред. Корухова Ю.Г. Ч. 1 Общая теория. – М., 1997. 314 с.

11. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005. 261 с.

12. Снетков В.А. Криминалистическая диагностика: спорные проблемы // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: сб. науч. тр. – М., 1997. С. 3-29.

13. Майлис Н.П. Судебная трасология. Учеб. пособие. – М., 2003. 270 с.

14. Потапов С.М. Введение в криминалистику. – М., 1946. 23 с.

15. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. Учебник. – М., 2009. 367 с.

16. Устинова И.В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2021. 269 с.

17. Жаворонков В.А. Информационно-компьютерное обеспечение судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. 268 с.

18. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005. 656 с.

19. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. – М., 1998. 283 с.

20. Сегай М.Я., Стринжа В.К. Судебная экспертиза материальных следов-отображений. – Киев, 1997. 174 с.

21. Пучков В.А. О формировании и развитии судебного материаловедения // Рефераты криминалистических чтений. – М., 1979. Вып.26. С. 9-16.

22. Словарь иностранных слов / Под ред. Лехина И.В. – М., 1955. 853 с.

23. Бахтеев Д.В. Ретроспективное ситуационное моделирование в системе криминалистического мышления // Ситуационный подход в

юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития. – Калининград, 2017. С. 73-78.

24. Малинок Ж.В. Криминалистическая реконструкция как разновидность метода моделирования // Вестник Полоцкого государственного университета. 2007. № 41. С. 197-201.

TO THE QUESTION OF THE NECESSITY AND DESIRABILITY OF THE CLASSIFICATION OF FORENSIC - EXPERT TASKS

***Abstract:** The article reveals the features of a scientific discussion on the classification of forensic tasks. Various points of view of scientists on this issue are presented, their analysis is carried out and the authors' arguments in favor of each of the above classifications are revealed. Based on our analysis and assessment of the above arguments, it can be stated that the entire list of forensic tasks encountered in expert practice is not limited to two classes - identification and diagnostic tasks. However, as the analysis of scientific and educational literature in the field of the general theory of forensic examination has shown, many authors adhere to the position according to which it is advisable to use a more fractional division of forensic expert tasks, which, in their opinion, most fully reflects the specifics and nature of the study. Moreover, a scientific classification aimed at increasing the scientific cognitive level of a researcher and serving as a reflection of the whole variety of problems solved by forensic examination should be developed taking into account the defining characteristics and criteria of each class. Only such a classification can fully meet the requirements of the systematization of scientific knowledge. The theoretical basis of the research is presented by the analysis and generalization of Russian scientific publications for the period from 1978 to the present, devoted to classification research in the field of forensic problems. For this purpose, the points of view of various scientists on the development of defining signs for dividing tasks into classes have been studied, analyzed and generalized. Issues of internal terminological inconsistency of the authors are revealed when assigning groups of tasks to be solved to a certain class, for example, establishing group belonging to the class of identification problems. The methodological basis of the research was formed by the universal method of scientific knowledge - dialectical-materialistic, as well as logical methods - deduction, induction; cognitive - analysis, generalization, comparison and others. In the course of the study, a comparative analysis of the construction of classification systems of forensic*

expert tasks was used. The defining signs of dividing forensic tasks into classes have been clarified. The results of the study were the development of a classification of forensic expert tasks, aimed at improving the theory and practice of forensic examinations, as well as contributing to the systematization of scientific forensic expert knowledge, which will undoubtedly have a positive effect on the practice of successful investigation and disclosure of crimes.

Key words: *forensic tasks, systematization of scientific knowledge, identification, diagnostics, prevention, forecasting.*

Алипбаев Д.У. - магистрант 1 курса обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, город Нур-Султан, Казахстан. Dimash_1989@mail.ru

Alipbaev. D.U.

Magistrate of the 1st year of study at the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan).

Амуртаева Д.Т. - доцент кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, юрист 2 класса, город Нур-Султан, Казахстан. amurtaeva-77@mail.ru

Amurtaeva. D. T. - Associate Professor of the Department of Special Legal Disciplines of the Academy of Law

Enforcement Agencies under the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences, 2nd Class Lawyer (Nur-Sultan, Kazakhstan).

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОГО ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. *Статья посвящена вопросам ответственности за организацию незаконного игорного бизнеса в Республике Казахстан.*

Авторами, рассматриваются общие вопросы организации игорного бизнеса в Республики Казахстан, законодательная регламентация и правовые аспекты, регулирующие вопросы в данной области. Особенности ответственности за участие в азартных играх, нарушения законодательства об игорном бизнесе по кодексу об административных правонарушениях Республики Казахстан. На основе анализа практики применения в статье исследуются вопросы квалификации уголовной ответственности, отмечаются различные нарушения, допускаемые в сфере игорного бизнеса. Анализируются проблемы уголовной ответственности за организацию незаконного игорного бизнеса по уголовному законодательству в Республике Казахстан, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *игорный бизнес, азартные игры, регулирование, уголовная ответственность, вопросы квалификации, хайроллеры, лицензия, букмекерские конторы, подпольный бизнес.*

В 2022 году Казахстанский игорный бизнес «отметил» юбилей, 15 лет после того, как стал легальным. В январе 2007 года Президент Казахстана подписал закон, направленный на легализацию и регулирование игорного бизнеса [1]. Сразу же заработали игорные зоны «Север» и «Юг». Один расположен в Щучинском районе (Акмолинская область), а другой – на побережье Капчагайского водохранилища (Алматинская область).

С тех пор, как рынок гемблинга был официально легализован, у каждого оператора в Казахстане есть два пути: либо работать, соблюдая все законы, либо управлять онлайн-казино с сервером в другой стране и работать, используя противоречия закона в свою пользу.

Опять же, участники рынка свидетельствуют, что почти все наземные казино в Казахстане принадлежат иностранным гражданам. Большую часть «черного рынка» контролируют лица из Узбекистана. Вот в чем парадокс: открыть казино можно, это легально, но рыночная ниша уже занята иностранцами.

Всех азартных игроков в Казахстане можно разделить на две группы: первая - состоятельные хайроллеры среднего возраста, предпочитающие играть в наземных казино, чтобы получить заряд адреналина, и вторая - игроки, предпочитающие меньше тратить или проигрывать в онлайн-казино.

Учитывая тот факт, что онлайн-казино не имеют ограничений, если сервер находится в другой стране, местные игроки могут выбрать практически любой веб-сайт, на котором они хотели бы играть (и они, очевидно, так и делают).

На сегодняшний день, по данным Министерства культуры Казахстана, более 200 букмекерских контор получили игорную лицензию. В стране работают тысячи букмекерских контор, и все же онлайн-казино остаются нелегальными, что заставляет казахстанских игроков регистрироваться на зарубежных платформах, где они могут успешно вносить и выводить средства.

Как было отмечено, одним из инструментов регулирования деятельности в данной сфере является принятый 12 января 2007 году Закон Республики Казахстан «Об игорном бизнесе», в котором ограничительных положений больше, чем разрешений. Положение не спас и принятый Закон Республики Казахстан от 2 июля 2020 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам игорного бизнеса», окончательная редакция которого, лишь содержала многочисленные изменения и дополнения в действующие законодательные акты, не вводила новых норм и существенно не решило проблем в данной сфере [2].

Другими факторами, побуждающими инвесторов со всего мира инвестировать в игорный рынок Казахстана, являются дешевые лицензии и стабильно большое количество игроков.

В то же время Казахстан привлекателен для операторов онлайн-казино. Учитывая тот факт, что онлайн-казино в этой стране выходят за рамки возможного, тысячи пользователей все еще ищут надежного и качественного провайдера азартных игр. Идеальное сочетание для операторов, желающих вести дополнительный бизнес.

Правовая регламентация административной ответственности за организацию игорного бизнеса предусмотрена главой 25 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан (далее - КоАП РК), которая именуется, как «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и нравственность» [3].

В качестве основного объекта посягательства определяется общественный порядок и нравственность. Нарушениям в сфере игорного бизнеса посвящены две статьи – это статья 444, именуемая как «Участие, вовлечение или допуск к азартным играм» и статья 445 под названием

«Нарушение законодательства Республики Казахстан об игорном бизнесе». Согласно диспозиции части первой ст.444 КоАП РК ответственности подлежат организаторы азартных игр, которые осуществлялись в виде принятия ставок на спортивные и иные состязания, хотя и в специально отведенных для этого местах, но без получения специального разрешения.

Таким образом, часть первая статьи 444 КоАП РК регулирует соблюдение законодательства об игорном бизнесе в части соответствия места проведения игр и лиц, получивших в соответствии с законом право на организацию азартных игр. Причем относительно нарушения по месту проведения ответственность возлагается не только на организаторов, но и на участников, что, по нашему мнению, правильно. Отсутствие лиц, желающих провести досуг в незаконно организованном игорном заведении, должно способствовать пресечению самой организации игорного бизнеса в неустановленном для этого месте.

Статья 445 КоАП РК состоит из двенадцати частей, в которых предусмотрена административная ответственность за различные нарушения, допускаемые в ходе организации и проведения игорного бизнеса.

Объективная сторона данного правонарушения заключается в одном – это нарушение требования закона о месте размещения игорного бизнеса.

Субъектами правонарушения являются владельцы игорного заведения либо игорного оборудования.

Посредством данной диспозиции законодатель пресекает желание недобросовестных граждан организовывать незаконный игорный бизнес вне отведенных для этого мест. Следуя законам бизнеса, дельцы правильно определяют, что большую прибыль можно получить в наиболее посещаемых, публичных местах. В связи с этим они нарушают закон и размещают игровые сооружения в местах массового пребывания людей. Нами установлено, что из нормативного регулирования «выпали» игровые автоматы, которые в настоящее время размещены в самых многолюдных общественных местах вне игровых зон.

По нашему мнению, тому, что в республике сложилась указанная выше ситуация способствует неточность, допущенная законодателем. Так, например, в законе об игорном бизнесе сказано, что в специально отведенных местах должны быть размещены казино и игровые автоматы.

А диспозиции части первой статьи 445 КоАП РК не указаны игровые автоматы.

Таким образом, нами предлагается диспозицию статьи 445 КоАП РК дополнить словами: «игровые автоматы» и изложить в следующей редакции: «Каждый игровой автомат в составе игрового развлекательного комплекса подлежит регистрации в установленном порядке в органах налоговой службы РК, а также является отдельным объектом налогообложения на игорный бизнес.

Это связано с тем что, объединение игровых автоматов между собой в игровой комплекс и использование центрального пульта (компьютера централизованного управления) является источником дополнительной заинтересованности в игре на автомате, входящем в игровой комплекс, посредством как повышения вероятности наступления выигрышной комбинации для игрока, так и возможности большего выигрыша, чем на автомате, не объединенном в локальную сеть, а каждый игровой автомат при этом стоит рассматривать как самостоятельный и отдельный игровой автомат.

Уголовная ответственность за организацию незаконного игорного бизнеса впервые была введена в 2011 году.

В соответствии с Законом РК от 9 ноября 2011 года, появилась новая статья 269-1 УК Республики Казахстан «Организация незаконного игорного бизнеса» [4], [5]. Она предусматривала уголовную ответственность за незаконное открытие либо содержание игорного заведения, или организацию деятельности в сфере игорного бизнеса, а равно предоставление помещений для открытия заведомо незаконного игорного заведения либо организации игорного бизнеса.

С 1 января 2015 года вступил в действие новый – второй по счету Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее-УК РК). В новом УК РК, предусмотрена статья 307 «Организация незаконного игорного бизнеса» [6].

Основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РК, являются общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и проведением юридическими лицами азартных игр на территории Республики Казахстан с соблюдением требований законодательства. Как известно, в особенной части УК РК уголовные правонарушения сгруппированы в главы в соответствии с объектом посягательств. Так, статья 307 УК РК размещена

в главе 11 «Уголовные правонарушения против здоровья и нравственности». Это означает, что основным объектом организации незаконного игорного бизнеса признается здоровье населения и нравственность. В качестве дополнительного непосредственного объекта выступают отношения в сфере отчислений в бюджет сумм, связанных с осуществлением процедуры регистрации юридического лица и выдачей разрешений на деятельность по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, а также налогов и иных платежей по законной деятельности игорных заведений.

На наш взгляд, основным непосредственным объектом рассматриваемого противоправного деяния выступают общественные отношения, регулирующие нормальное, в соответствии с установленными правилами, функционирование сферы игорного бизнеса. Анализ практики применения показал, Службой экономических расследований ДЭР по г.Астане направлено в суд уголовное дело №187100121000021 от 31.01.2018 г., по признакам уголовного правонарушения, предусмотренного ст.ст.262 ч.1, 262 ч.2, 307 ч.3 пп.1), 2) УК РК, по факту организации незаконного игорного бизнеса на территории г.Астана.

По решению суда организатор признан виновным в совершении уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 262 части 1, 307 части 3 пунктами 1), 2) Уголовного кодекса Республики Казахстан и назначено ему наказание по ст. 262 ч.1 УК РК- 7 (семь) лет лишения свободы, по ст. 307 ч.3 п.1), 2) УК РК- 4 (четыре) года лишения свободы.

Соучастник в организации незаконного игорного бизнеса признан виновным в совершении уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 262 части 2, 307 части 3 пунктами 1), 2) Уголовного кодекса Республики Казахстан и назначено ему наказание по ст. 262 ч.2 УК РК- 5 (пять) лет лишения свободы, по ст. 307 ч.3 п.1), 2) УК РК- 4 (четыре) года лишения свободы.

В связи с тем, что игорный бизнес является разновидностью предпринимательской деятельности, то объектом ст.307 УК будут общественные отношения, обеспечивающие интересы экономической деятельности в сфере предпринимательства. Здоровье населения и нравственность будут выступать в качестве дополнительного объекта этого уголовного правонарушения. Исходя из изложенного, учитывая то обстоятельство, что правонарушения, предусмотренные ст.307 УК РК, наносят вред прежде всего, экономической безопасности государства, мы

считаем целесообразным размещение этой нормы в главе 8 «Уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности».

Однако в части вычленения основного и дополнительного объекта обсуждаемого уголовного правонарушения наше мнение не совпадает с мнением отечественного законодателя.

Объективная сторона незаконной организации игорного бизнеса может выражаться в пяти самостоятельных формах:

- 1) незаконное открытие либо содержание игорного заведения;
- 2) незаконная организация деятельности в сфере игорного бизнеса;
- 3) предоставление помещений для незаконного игорного бизнеса;
- 4) организация и проведение азартных игр вне мест, установленных законодательством Республики Казахстан об игорном бизнесе;
- 5) осуществление деятельности в сфере игорного бизнеса без лицензии.

Состав данного правонарушения является формальным, то есть наступление уголовной ответственности за данное правонарушение не зависит от наступления общественно опасных последствий. Правонарушение признается оконченным с момента совершения одного из деяний, предусмотренных данной нормой, вне зависимости от наступивших последствий.

Квалифицированный состав данного уголовного правонарушения предусматривает те же деяния, совершенные:

- 1) с использованием несовершеннолетнего или с его участием в азартных играх;
- 2) группой лиц по предварительному сговору;
- 3) с извлечением дохода в крупном размере;
- 4) лицом с использованием своего служебного положения.

Особо квалифицированный состав организации незаконного игорного бизнеса предусматривает деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

- 1) преступной группой;
- 2) с извлечением дохода в особо крупном размере;
- 3) лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному

законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой деятельности льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме.

Анализ субъективной стороны организации незаконного игорного бизнеса показал, что субъект может быть общим, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения правонарушения 16 летнего возраста, а также специальным.

В случаях организации игорного бизнеса в специальных, отведенных законом зонах, но без получения специального разрешения субъектом уголовного правонарушения будет признано лицо, выполняющее распорядительные и управленческие функции, так как именно это лицо было обязано получить разрешение на организацию игорного бизнеса.

Все лица, привлекаемые к уголовной ответственности за незаконную организацию игорного бизнеса, действуют с прямым умыслом, так как они осознавали общественную опасность своих действий, предвидели неизбежность общественно опасных последствий в виде причинения ущерба государству, здоровью и нравственности населения Республики Казахстан и желали их наступления [7].

Цель рассматриваемых преступлений - извлечение максимальных доходов при минимизации издержек, связанных с осуществлением такого рода деятельности. При обнаружении признаков преступления уголовно-процессуальный закон требует установление всех обстоятельств дела с позиции полноты, всесторонности и объективности (ст.24 УПК РК).

Одним из главных обстоятельств, подлежащих доказыванию, является вопрос о том, кто совершил уголовное правонарушение (ст.113 УПК РК).

Применительно к уголовному правонарушению, предусмотренному ст.307 УК РК – незаконная организация игорного бизнеса - получение ответа на этот вопрос. И это вызывает определенные сложности.

Дело в том, что даже при выяснении лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, как по основному составу, так и по квалифицированным составам, мы сталкиваемся с вопросом: кто именно является непосредственным организатором незаконного игорного бизнеса? Исследуя данный вопрос, мы пришли к заключению, что организатором следует признать то лицо, у которого появился преступный замысел, для реализации которого он выделил материальные средства и нанял «фиктивного организатора». В пользу этого также

следует отнести тот факт, что все вырученные от незаконного игорного бизнеса средства поступают в распоряжение именно реального организатора, который их распределяет, расходует по своему усмотрению. Фиктивный и номинальный организаторы должны быть привлечены к уголовной ответственности в качестве исполнителей уголовного правонарушения.

Таким образом, нормы, устанавливающие уголовную ответственность за незаконную организацию игорного бизнеса в Республике Казахстан, в современный период, в достаточной мере согласуются с Законом Республики Казахстан об игорном бизнесе и иными нормативно-правовыми актами и являются действенной уголовно-правовой мерой по борьбе с различного рода злоупотреблениями в данной отрасли.

Изучив международный опыт, мы пришли к выводу, что, как правило, незаконные азартные игры часто пересекаются с организованной преступностью в форме предприятия или бизнеса, когда владелец объединяет своих «приспешников» в подразделения и управляет незаконными азартными играми с большой прибылью. Такие ситуации обычно являются уголовными преступлениями и могут привести к судебному преследованию всех участников.

Существует несколько форм незаконных азартных игр в зависимости от того, в каком состоянии происходит деятельность и насколько далеко она заходит. Эта деятельность может включать проводные передачи, совместную работу более 30 человек и суммы более 100 000 долларов за каждую ежемесячную транзакцию. Соедините эти обстоятельства вместе с переводом денег за участие в играх с разным возрастом, группами и мошенническими устройствами или процессами, и преступления будут происходить с большей частотой. Дополнительные факторы могут включать любительские азартные игры, незаконные устройства и незаконные ставки, например, на спортивные команды или игры, которые являются незаконными.

В Казахстане, в большинстве случаев, незаконный игорный бизнес организуется путём установки игровых автоматов в помещениях кафе, торговых центров и магазинов, при этом игровые автоматы устанавливаются также под видом лотерейных терминалов. В этой связи, Службой экономических расследований на постоянной основе проводятся мероприятия по выявлению нарушений указанных требований

законодательства об игорном бизнесе [8]. Согласно санкции ст. 307 УК РК, во всех её частях предусмотрена конфискация имущества, являющегося орудием или средством совершения уголовного правонарушения. Указанное имущество, согласно приговору суда, или постановления органа, ведущего досудебное расследование, подлежит уничтожению либо обращению в доход государства.

Так, например, сотрудниками территориального департамента Агентства по городу Алматы завершено досудебное расследование в отношении организатора электронного казино на территории города. В ходе следствия установлено, что ранее судимый за организацию незаконного игорного бизнеса гражданин В. 1993 г.р. незаконно открыл и содержал игорное заведение (электронное казино) и извлек доход в размере более 25 млн. тенге. При осмотре помещения сотрудниками департамента были изъяты 46 единиц компьютерной техники с приложениями, позволяющими организовать запрещенный вид бизнеса, а именно онлайн азартные игры с поддержанием функций приема ставок, начисления и выдачи выигрыша. В. Зайцев осужден к четырем годам лишения свободы [9].

Сотрудниками территориального департамента Агентства по финансовому мониторингу по Карагандинской области в результате оперативно-розыскных мероприятий задержан гр. А. за организацию незаконного игорного бизнеса на территории области. А. в период с февраля по июль 2021 года арендовал помещения в различных районах города Караганды и проводил незаконные азартные игры «Покер». При этом, он выполнял роль «дилера-курьера» с последующим привлечением игроков и «дилеров-крупье». А. был осужден к одному году ограничения свободы. Все изъятые вещественные доказательства переданы для уничтожения [10].

В соответствии с законодательством РК, игорный бизнес определяется как вид предпринимательской деятельности. Статья 10 Гражданского кодекса Республики Казахстан дает следующее определение предпринимательству: «Предпринимательством является самостоятельная, инициативная деятельность граждан, кандасов и юридических лиц, направленная на получение чистого дохода путем использования имущества, производства, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, основанная на праве частной собственности (частное предпринимательство) либо на праве хозяйственного ведения

или оперативного управления государственного предприятия (государственное предпринимательство). Предпринимательская деятельность осуществляется от имени, за риск и под имущественную ответственность предпринимателя» [11].

По словам Т.С. Павлюковой, игорный бизнес – это «легальный способ зарабатывать деньги путем эксплуатации феномена игры» [12, с. 101].

Таким образом, игорный бизнес представляет собой инициативную экономическую деятельность, осуществляемую от имени, за риск и под имущественную ответственность предпринимателя, имеющую целью извлечения чистого дохода. Причем элемент риска присутствует в содержании обеих составляющих словосочетания «игорный бизнес», то есть и в слове «бизнес», и в слове «игра».

Итак, игорный бизнес представляет собою предпринимательскую деятельность, которую можно охарактеризовать как специфическую.

Правовой формой осуществления игорного бизнеса в соответствии с гражданским законодательством является договор.

Основными принципами осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса являются: обеспечение защиты прав и законных интересов участников игорного бизнеса; обеспечение законности осуществления своей деятельности организаторами игорного бизнеса.

Как и в любом ином виде предпринимательской деятельности, для лиц, занимающихся этой деятельностью, всегда присутствует соблазн обогащения за счет различных нарушений законов, регулирующих эту деятельность.

Установление уголовной ответственности за организацию незаконного игорного бизнеса дополняет гражданско-правовое регулирование в данной сфере.

В целом отечественное законодательное регулирование этого вида деятельности соответствует основным стандартам, применяемым в других государствах. Одновременно следует отметить, что правотворческий процесс в этой области не завершен, он продолжается путем внесения различных дополнений и изменений в действующее законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Казахстан от 12 января 2007 года № 219-III «Об игорном бизнесе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.01.2021 г.) - <https://online.zakon.kz/>

2. Закон Республики Казахстан от 2 июля 2020 года № 356-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам игорного бизнеса» - <https://online.zakon.kz/>

3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2022 г.) - <https://online.zakon.kz/>

4. Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2011 года № 490-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной деятельности и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства» - <https://online.zakon.kz/>

5. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 N 167-I- <https://online.zakon.kz/>

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.) - <https://online.zakon.kz/>

7. Лихолетов А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу. Автореф. дис. ... канд.юрид.наук/ Лихолетов А.А. - Саратов, 2013. – 26 с.

8. Интернет – источник cdb.kz: <https://cdb.kz/sistema/novosti/nezakonnoe-osushchestvlenie-igornogo-biznesa/>(дата обращения 21.01.2022).

9. Интернет – источник https://www.inform.kz/ru/25-mln-tenge-zarabotal-organizator-podpol-nogo-igornogo-zavedeniya-v-almaty_a3867046(дата обращения 23.01.2022).

10. Интернет – источник https://www.inform.kz/ru/fakt-nezakonnoy-organizacii-pokera-presechen-v-karagandinskoy-oblasti_a3869344(дата обращения 23.01.2022).

11. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом РК 27 декабря 1994 года (12.01.2022 г.) - <https://online.zakon.kz/>

12. Павлюкова Т.С. «Бизнес казино. Крупье»/Ростов-на-Дону: Феникс 2000 г. – 256 с.

TO THE QUESTION OF LIABILITY FOR THE ORGANIZATION OF ILLEGAL GAMBLING BUSINESS TO THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation: The article is devoted to the issues of responsibility for organizing an illegal gambling business in the Republic of Kazakhstan. The authors consider general issues of gambling business organization in the Republic of Kazakhstan, legislative regulation and legal aspects regulating issues in this area. Features of liability for participation in gambling, violations of the legislation on gambling under the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of the practice of application, the article examines the issues of qualification of criminal liability, notes various violations committed in the field of gambling. The problems of criminal liability for organizing an illegal gambling business under the criminal law in the Republic of Kazakhstan are analyzed, and ways to solve them are proposed.

Key words: gambling business, gambling, regulation, criminal liability, qualification issues, high rollers, license, bookmakers, underground business.

*Антонович Елена Константиновна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», город Москва, Россия, e.ant@inbox.ru
Antonovich Elena Konstantinovna, associate professor of the Department of Criminal Procedural Law of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), MOSCOW, RUSSIA*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация.** Цифровизация уверенно входит во все сферы жизнедеятельности. Уголовное судопроизводство не является исключением. Пандемия коронавируса лишь выявила острые углы и подтолкнула к поиску дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в направлении использования информационных технологий. Анализ законодательства, правоприменительной практики и положительного опыта зарубежного законодательства позволил выявить основные векторы развития российского уголовного-процессуального законодательства, представленного в тексте статьи.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, цифровизация, информационные технологии, участники уголовного судопроизводства, дистанционный допрос*

Не так давно информационные технологии использовались преимущественно в различных сферах электротехники, прежде всего робототехнике, автоматизации, радио- и телекоммуникационных устройствах. Между тем, постепенно хранение и передача информации посредством цифровых технологий стало находить применение во многих других сферах. Это обусловило необходимость появления новых видов деятельности и изменения существующих. Уголовное судопроизводство не стало исключением. В этой связи и в юридической литературе, и в правоприменительной плоскости активно обсуждаются вопросы, не только касающиеся использования информационных технологий при производстве отдельных следственных действий [2], использования электронной информации и электронных доказательств в уголовном судопроизводстве [17], месте электронных доказательств в существующем перечне видов доказательств [13], но и о переводе производства по уголовному делу в электронный формат [10, 14]. Анализируются достоинства и выигрыши, которые может дать цифровизация уголовного судопроизводства [12, 15], проводится

сравнительный анализ российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства в условиях развития цифровых технологий [11].

Для более глубокого и всестороннего исследования этих проблем нами не только проанализировано действующее российское законодательство, правоприменительная практика, юридическая литература и законодательные инициативы по данному вопросу, но и законодательство и правоприменительная практика отдельных иностранных государств. Это позволило наметить некоторые векторы совершенствования законодательных основ уголовного судопроизводства.

Во-первых, необходимо выработать единообразные подходы к пониманию технологичности и цифровизации в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе технологичность рассматривается как свойство, присущее всему уголовному судопроизводству [19], как одна из комплексных характеристик уголовного процесса, как совокупность свойств процесса, определяющих его приспособленность к достижению оптимальных затрат процессуальных ресурсов для той или иной степени приближенности к достижению стоящей перед ним цели [20]. На наш взгляд, технологичность должна быть свойственна каждому элементу, этапу и принимаемому решению в уголовном судопроизводстве. Технологичность должна гарантировать соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, а также обеспечивать возможность устранения любых нарушений, которые могут быть допущены [3].

Соответственно, рассматривать цифровизацию уголовного судопроизводства только как перевод делопроизводства с бумажного на электронный формат, к оцифровке уголовного дела, представляется достаточно узким походом к пониманию ее сущности. Цифровизация – явление многогранное. Такое понимание цифровизации связано с необходимостью совершенствования процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, принимаемых ими решений и механизма их участия в доказывании, с целью обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства. При этом цифровизация в уголовном судопроизводстве не может быть рассмотрена в отрыве от совершенствования других, смежных отраслей права. Эффективность использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве возможна лишь при совместимости с цифровыми

платформами в других сферах. Например, вряд ли было бы эффективным рассматривать вопросы совершенствования правовых основ уголовного судопроизводства без учета особенностей совершенствования уголовного законодательства. Ведь, нельзя не учитывать то, что способы совершенствования преступлений с использованием информационных технологий меняются, возникают новые виды преступлений, включая трансграничные. Нельзя не учитывать и наличие института административной преюдиции [1], что также ставит вопрос о соотношении в понимании цифровизации в различных отраслях права. Таким образом, цифровизацию в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как обусловленный стремлением повысить эффективность уголовного судопроизводства и гарантировать защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, способ использования на единой цифровой платформе информационных технологий в парадигме принятия решений и доказывания [3] для достижения назначения уголовного судопроизводства. Способ этот должен быть основан на гибком подходе к каждой стадии уголовного судопроизводства.

Во-вторых, важно, чтобы изменения, направленные на оптимизацию доказывания и принятия решений, обеспечивали соблюдение принципов уголовного судопроизводства и укрепление процессуального статуса лиц, вовлеченных в его орбиту.

Так, одним из путей совершенствования уголовного судопроизводства могло бы стать развитие законодательства в части доступа к правосудию и общения участников уголовного судопроизводства. В этой связи небезынтересен положительный опыт иностранных государств не только относительно использования информационных технологий как инструмента для общения между судами и профессиональными юристами, но и как способа общения подозреваемого (обвиняемого) и его защитника.

Необходимо остановиться на совершенствовании способов передачи информации и установления фактических обстоятельств по уголовным делам, а также использовании информационных технологий при фиксации действий и при принятии решений участниками уголовного судопроизводства. Например, показания свидетелей - такой вид доказательств, без которых вряд ли обходится уголовное дело. В этой связи законодательная процедура подготовки и производства допроса, а также фиксации показаний участников уголовного судопроизводства

имеет особое значение. Детальная регламентация этого следственного действия и соблюдение предусмотренной законодательством процедуры производства допроса и фиксация его результатов необходимы не только для обеспечения допустимости [5] и достоверности доказательства, но и в качестве гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. В этой связи не теряет актуальности вопрос о необходимости совершенствования уголовного судопроизводства в части депонирования показаний и проведения дистанционного допроса. Допрос участников уголовного судопроизводства при помощи современных средств связи допускает и законодательство ряда иностранных государств. В их числе Германия, Италия, Молдова, Казахстан, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Эстония и многие другие. Между тем, регламентированное российским уголовно-процессуальным законом право следователя использовать современные информационные технологии для фиксации результатов следственного действия, в том числе и допроса, порождает некоторые дискуссии как среди правоприменителей, так и в юридической литературе. Высказываются идеи о том, что следует не глобализировать видеозапись производства по уголовному делу на досудебных стадиях уголовного процесса, а упрощать процедуры видеофиксации следственных действий. Между тем пандемия коронавируса (COVID-19) подтолкнула к наиболее активному внедрению информационных технологий в уголовное судопроизводство, в частности к использованию их при производстве следственных действий. Однако введение таких изменений требует выработки единообразной позиции по ряду вопросов: относительно круга лиц, в отношении которых производится дистанционный допрос, и иных участников уголовного судопроизводства, участвующих в его подготовке и проведении; закрепление в законе их прав и обязанностей в этой связи (включая возможность отводов); регламентации самой процедуры такого допроса; в части механизма фиксации результатов такого следственного действия; определения требований к информационным технологиям; установления порядка передачи результатов следственного действия по месту производства предварительного расследования и их хранению; определению критериев допустимости и достоверности таких доказательств. Отдельного внимания заслуживают вопросы о законодательном регулировании дистанционного допроса с участием несовершеннолетних, производства очной ставки, а также допроса в

рамках оказания правовой помощи по уголовным делам в рамках международного сотрудничества.

Актуальной является и проблема допустимости вызова свидетеля и других участников уголовного судопроизводства на допрос с использованием информационных технологий. Такой подход отвечает современным реалиям, обеспечивая процессуальную экономию. Использование информационных технологий в этом случае следует рассматривать не только в качестве средства коммуникации, но и как юридическое основание для участия лица в качестве свидетеля.

Нельзя забывать о других следственных действиях, производство которых могло бы происходить дистанционно. Речь идет об обыске, выемке и осмотре, во время которых установление обстоятельств по делу возможно через соответствующие носители информации, например, персональный компьютер, флеш-карту, телефон, съемный диск и др.

Практика использования неких шаблонов принятия решений существует давно. Например, всем известны процессуальные образцы, которые издавались на бумажных носителях, и активно использовались в правоприменительной практике следователей и дознавателей. Развитие информационных технологий ставит перед применителем еще одну проблему - проблему создания цифровых шаблонов принятия решений, что, безусловно, требует разрешения этой проблемы на законодательном уровне.

Информационные технологии используются и при формировании соответствующих баз данных, и при получении сведений из них в различных сферах общественной жизни. Важно использовать этот опыт и при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Однако значение современных технологий при создании баз данных не только в техническом обеспечении. Так, например, не вызывает сомнения актуальность проблем введения в уголовное судопроизводство результатов оперативно-розыскной деятельности, поскольку это обуславливает доброкачественность доказательств. Современные цифровые технологии могли бы стать не только способом получения звукозаписи (фонограммы) телефонных переговоров, но и способом повышения эффективности последующего судебного контроля, а в некоторых случаях – способом обеспечения предварительного судебного контроля прослушивания телефонных переговоров. Это потребует рассмотрения вопроса о создании *банка таких судебных*

решений, которые при соблюдении конфиденциальности и безопасности обеспечили бы проверку законности и обоснованности оперативно-розыскных мероприятий или принимаемых решений об их проведении в оптимально короткий срок [4]. Кроме того, цифровизация судопроизводства способна обеспечить законность принятия не только итоговых, но и промежуточных процессуальных решений и действий. Например, принятие решений об участии того или иного лица в уголовном судопроизводстве. Ведь, закрепление в законодательстве перечня прав и обязанностей того или иного участника уголовного судопроизводства еще не означает, что конкретное лицо может воспользоваться этими правами, либо на него могут быть возложены какие-либо обязанности. Определяющей в данной ситуации является правосубъектность этого лица - предусмотренная уголовно-процессуальным правом способность лица обладать правами, исполнять обязанности и нести ответственность, реализуемая только в границах (пределах) правового статуса конкретного участника уголовного судопроизводства при наличии соответствующего фактического и юридического оснований [6]. Такой подход обуславливает совершенствование законодательства в части регламентации создания и функционирования баз данных о переводчиках и экспертах [8].

При обсуждении вопроса об электронных доказательствах в российском уголовном судопроизводстве, их виде и месте в системе доказательств отдельного внимания заслуживают имеющиеся в иностранных государствах подходы законодателя по этому вопросу.

Исследование законодательства и правоприменительной практики иностранных государств, а также существующих подходов к пониманию электронного правосудия показало, что каждое из государств создает свою уникальную систему. Зарубежный положительный опыт может быть использован при совершенствовании российского законодательства, однако важно помнить, что суть электронного правосудия – это не просто технологии. Оно создается для граждан, для упрощения доступа к правосудию, для снижения стоимости и увеличения скорости правосудия, а также в целях гармонизации и расширения сотрудничества внутри юридической профессии [7].

Как справедливо отмечалось в юридической литературе, только выявив все возможные риски, можно будет говорить о техническом задании для выработки адекватных цифровых программ и мер для

применения их в уголовном судопроизводстве, чтобы не разрушить, а более полно обеспечить необходимые гарантии и избежать негативных последствий цифровизации. В решении такой задачи наиболее целесообразен метод экспериментального использования цифровых технологий, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте [15]. Следовательно, в вопросе совершенствования законодательных основ уголовного судопроизводства при переходе к электронному правосудию должны стать основополагающими началами: осторожность и поэтапность, но не поспешность.

Список литературы

1. Антонович Е.К., Осипов А.Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве// Адвокат. 2017. № 1. С. 26-34.

2. Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С 125-136.

3. Антонович Е. К. К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. 2019. Ч. 3. С. 105—120 с.

4. Антонович Е.К. использование в доказывании результатов прослушивания телефонных переговоров в условиях развития информационных технологий (сравнительно-правовой анализ законодательства российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Lexrussia (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 160-171.

5. Антонович Е.К. Проблемы достоверности показаний свидетелей, полученных в досудебном производстве с использованием информационных технологий// Эксперт-криминалист. 2020. № 1. С. 7-10.

6. Антонович Е.К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации// Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 115

7. Антонович Е.К. Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 136-149.

8. Антонович Е.К. Правосубъектность переводчика в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации// Lexrussia (Русский закон). 2021. № 9 (178). С. 77-87.

9. Васюков В.Ф. Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации// Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 64 – 67.

10. Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.

11. Вилкова Т.Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ// Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. Часть 3. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 235–240.

12. Вилкова Т.Ю., Ничипоренко А.А. Исправление приговоров, содержащих противоречивые выводы относительно одних и тех фактов: практика Президиума Верховного Суда Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 13–16.

13. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LexRussia. 2019. № 7 (152). С. 74-84.

14. Воскобитова Л.А. Основы уголовного судопроизводства и цифровизация // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. — Часть 3. — Москва: РГ-Пресс, 2019. — С. 75-86;

15. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lexrussia. 2019. № 5. С. 91 – 104.

16. Вехов В.Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств// Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 155 – 158; Бессмертная А.И. Проблемы и перспективы использования электронных доказательств в уголовном

процессе// Сборник: Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты Сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции. 2017. С. 32-35.

17. Пастухов П.С. Проблемы законодательного регулирования использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу// Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 3. С. 127-130.

18. Стельмах В.Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств// Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3. С. 93-100.

19. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28 - 33\\ СПС КонсультантПлюс.

20. Смолин А.Ю. Уголовный процесс: технология или искусство? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 10 - 15\\ СПС КонсультантПлюс.

PROBLEMS OF IMPROVING CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

***Abstract:** Digitalization is confidently entering all spheres of life. Criminal justice is no exception. The coronavirus pandemic only revealed sharp corners and prompted the search for further improvement of the criminal procedure legislation in the direction of the use of information technology. The analysis of legislation, law enforcement practice and positive experience of foreign legislation made it possible to identify the main vectors of development of the Russian criminal procedural legislation presented in the text of the article.*

***Keywords:** criminal proceedings, digitalization, information technology, participants in criminal proceedings, remote interrogation*

Бобовкин Станислав Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия, s.m.bobovkin@yandex.ru

Bobovkin Stanislav Mikhailovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Document Examination of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Ле Суан Хоанг – слушатель 1083 взвода факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия, xuanhoangk53a2@gmail.com

Le Xuan Hoang – Student of the 1083rd platoon of the Foreign Specialists Training Department at the V.Y. Kikotyian Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РУКОПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ ВЬЕТНАМСКОЙ ЛАТИНИЗИРОВАННОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности почерковедческого исследования рукописей, выполненных вьетнамской латинизированной письменностью, недостаточно раскрытые в специальной литературе. Авторами отмечается специфика данных объектов, обусловленная конструктивными особенностями вьетнамских письменных знаков (наличием застрочных элементов), а также нормативно закрепленными правилами выполнения и общепринятыми нормами прописи. На основании анализа практической деятельности государственных судебно-экспертных учреждений Вьетнама, а также экспериментальной работы описываются возможности определения некоторых дополнительных идентификационных признаков почерка,

позволяющих наиболее полно и всесторонне изучать особенности формирования и реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков исполнителя рукописей, выполненных на вьетнамском языке.

Ключевые слова: *судебно-почерковедческая экспертиза; рукописи, выполненных вьетнамской латинизированной письменностью; специфика объектов; тональные знаки; нормативно закрепленные нормы прописи; дополнительные идентификационные признаки; возможности установления.*

На современном этапе межгосударственные отношения Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам характеризуются всеобъемлющим стратегическим партнерством, проявляющимся в усилении торгово-экономических связей, расширении сотрудничества в инвестиционной, научно-технической, образовательной и правоохранительных сферах. В рамках последней особо укрепляется полицейское сотрудничество, направленное на противодействие экстремизму и торговлю человеческими органами, а также борьбу с трансграничной преступностью.

В целях эффективной борьбы с отмеченными антисоциальными явлениями особое место отводится вопросам использования специальных знаний для реализации целей и задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. В настоящее время одной из наиболее востребованных форм применения специальных знаний при рассмотрении противоправных деяний экстремистской направленности и трансграничных преступлений в сфере экономики является судебно-почерковедческая экспертиза.

Во Вьетнаме данный вид судебной экспертизы, проводимой для решения идентификационных задач по установлению исполнителей рукописей, выполненных вьетнамской латинизированной письменностью, на протяжении пяти последних лет демонстрирует устойчивую динамику к увеличению объема материалов и, согласно статистическим отчетам, занимает первую позицию по количеству проведенных экспертиз [4, стр. 71-72]. Методической основой таких исследований выступает традиционная качественно-описательная методика судебно-почерковедческой экспертизы и используемая в рамках нее система идентификационных признаков почерка, разработанная советскими

криминалистами [3]. Указанные материалы хорошо зарекомендовали себя на практике и, в целом, обеспечивают потребности правоохранительных органов Вьетнама. Вместе с тем, несмотря на доказанную состоятельность, система информативных признаков почерка, сформированная в период СССР, не в полной мере учитывает специфику вьетнамских письменных знаков и не позволяет всесторонне проанализировать особенности реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков исполнителя рукописей, выполненных рассматриваемом видом письменности. В связи с чем научно-практический интерес представляет модернизация системы идентификационных признаков, содержащихся в рукописях, выполненных вьетнамской письменностью, которая позволит всецело учитывать специфику объекта исследования.

В рамках данной работы будут предложены определенные дополнительные идентификационные признаки почерка, характеризующие специфику выполнения отдельных структурных элементов слов и письменных знаков.

В результате изучения специальной криминалистической и лингвистической литературы необходимо отметить, что вьетнамская латинизированная письменность и русская современная скоропись представляют собой разновидности буквенно-звукового письма, наиболее современного в настоящее время. В связи с указанным обстоятельством данные виды письменности характеризуются аналогичными структурными элементами, образующими предложения, слова, сочетания букв и письменные знаки, а также схожестью в последовательности выполнения рукописей [2].

Невзирая на видовую принадлежность и визуальную конструктивную схожесть, анализ практики производства судебно-почерковедческих экспертиз в Социалистической Республике Вьетнам, а также изучение криминалистической и лингвистической специальной литературы в этой области, свидетельствуют о необходимости расширения системы идентификационных признаков почерка в рукописях, выполненных вьетнамской латинизированной письменностью, с учетом ее специфики. Прежде всего указанная потребность обусловлена нормативно закрепленными правилами составления документов, наличием общепринятых норм прописи, а также конструктивными особенностями письменных знаков (преимущественно наличием

застрочных элементов слова). В рамках данной работы рассмотрим специфику проявления некоторых групп признаков, отсутствующих в системе идентификационных признаков почерка, разработанной для русской современной скорописи, и раскроем возможности их определения.

По мнению авторов, важной специфической особенностью рассматриваемых рукописных объектов выступает конструктивное своеобразие вьетнамских слов, заключающееся в наличии застрочных элементов [4, стр. 70]. Отметим, что вьетнамский язык является тональным, т.е. слово в нем образуется из букв и одного тона. Основное значение каждого слова зависит от «тона» (основной специфический тон и образец голосовой щели), с которым он произносится. В стандартном диалекте существуют шесть различных тонов: ровный (без тона), восходящий, нисходящий, вопросительный, островопросительный и тяжелый. При этом тоны выражаются в структуре слов знаками (за исключением ровного тона), поэтому, если в структуре слов отсутствуют тональные знаки, то они носят ровный тон. Тогда как знак восходящего тона выполняется прямолинейным левонаклонным штрихом, знак нисходящего тона – прямолинейным правонаклонным штрихом, знак вопросительного тона – штрихом в виде крючка, знак островопросительного тона – извилистым штрихом, а знак тяжелого тона – в виде точки [5].

С учетом вышеизложенного в конструкцию слова знаки восходящего, нисходящего, вопросительного, островопросительного тона входят в качестве надстрочного элемента слова, а знак тяжелого тона – в качестве подстрочного элемента. Местоположение этих знаков относительно букв, образующих слово, определяется по определенным правилам вьетнамского языка. Рассмотрев специфику рукописей, выполненных вьетнамской письменностью, выделим некоторые особенности проявления в них идентификационных признаков почерка. Традиционно начнем с анализа дополнительных общих признаков почерка в исследуемых объектах.

Размер интервалов междутональными знаками и верхней или нижней линией письма.

Значительным отличием слов, выполненных вьетнамской письменностью, от слов, выполненных русской современной скорописью,

является наличие в них пяти тональных знаков: восходящего, нисходящего, вопросительного, островопросительного и тяжелого тона.

Знак тяжелого тона является подстрочным элементом слова. В связи с этим при исследовании почерка определенного лица необходимо установить размер интервалов подстрочного тонального знака относительно линии письма. Данный признак следует устанавливать исходя из анализа расстояния от знака тяжелого тона до линии письма относительно высоты строчных букв. Он может иметь следующие характеристики: малый (меньше $\frac{1}{4}$ высоты строчных букв), средний (в пределах $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ высоты строчных букв) и большой (выше $\frac{1}{2}$ высоты букв).

Знаки восходящего, нисходящего, вопросительного и островопросительного тона являются надстрочными элементами слов. Размер интервалов между надстрочными тональными знаками и верхней линии письма определяется расстоянием от нижней части данных знаков до верхней линии письма. В частности, отмеченный размер интервалов можно поделить на три категории: малый, средний и большой. Данный признак определяется малым, если он меньше $\frac{1}{4}$ высоты строчных букв, средним – в пределах $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ высоты строчных букв, а большим – выше $\frac{1}{2}$ высоты букв. В случае, когда данный признак неоднозначно проявляется в почерке определенного лица, целесообразно определить пределы его отображения: неустойчивый – от малого до среднего (размер колеблется до $\frac{1}{2}$ высоты строчных букв) либо от малого до большого, либо от среднего до большого (от $\frac{1}{4}$ высоты строчных букв).

Преобладающая протяженности движений при выполнении тональных знаков.

В вьетнамском письме тональные знаки в соответствии с общепринятыми правилами должны выполняться интервально. Исходя из этого их размер не всегда зависит от размера почерка. Так, восходящий, нисходящий и островопросительный тональные знаки выполняются, соответственно, правонаклонным прямолинейным, левонаклонным прямолинейным и горизонтальным извилистым штрихом. Поэтому их размер должен определяться соотношением длины к высоте строчных букв без учета застрочных элементов. Помимо этого, вопросительный тональный знак должен исполняться в виде вертикального крючка. Размер данного письменного элемента возможно определить соотношением его высоты к высоте строчных букв без учета застрочных

элементов. В целом размер тональных знаков может быть: малым (высота меньше $\frac{1}{2}$ высоты строчной буквы), средним (высота равна $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ высоты строчной буквы), большим (высота выше $\frac{3}{4}$ высоты строчной буквы).

Особенности определения степени связанности почерка.

Процесс отображения признака «степень связанности почерка» имеет свои особенности. Это обусловлено тем, что вьетнамское письмо состоит из более коротких слов, включающих не более семи букв. Ввиду чего предлагается дифференцировать рукописи, выполненные вьетнамским латинизированным письмом, по степени связности следующим образом:

1. Отрывистый почерк – все буквы пишутся интервально.
2. Малосвязный – в тексте встречаются по 2 буквы, исполненные слитно.
3. Среднесвязный – слитно выполнены по 3-4 букв в словах.
4. Высокосвязанный – слитно исполнены 5-7 букв.
5. Сплошной связности – все буквы в словах выполнены слитно.

Особенности проявления отдельных частных признаков в рукописях, выполненных вьетнамской письменностью.

В процессе почерковедческого исследования рукописей, выполненных русской современной скорописью, традиционно большим идентификационным значением характеризуются частные признаки почерка, отображающиеся в буквах и их элементах [1]. Вместе с тем, ввиду наличия тональных знаков, выступающих в качестве застрочных элементов слов, при изучении рукописей, исполненных вьетнамской письменностью, следует обращать внимание не только на проявление частных признаков при выполнении букв и их элементов, но и на специфику написания тональных знаков. Представляется, что отмеченные особенности имеют важное идентификационное значение, так как в результате влияния различных объективных и субъективных факторов в процессе реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков проявляются разные вариации характеристик тональных знаков. Выражение данных особенностей тональных знаков весьма информативно и может выступать в качестве дополнительных частных признаков, устанавливаемых в процессе производства судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных вьетнамской письменностью. По мнению авторов, в

процессе изучения особенностей выполнения тональных признаков можно выделить следующие *дополнительные частные признаки*:

1. Форма движений при выполнении тональных знаков.
2. Направление движений при их выполнении.
3. Абсолютная протяженность движений по вертикали и горизонтали при выполнении данных элементов.
4. Вид соединения движений при выполнении тональных знаков.
5. Относительное размещение движений при их выполнении.

Рассмотрим специфику определения указанных частных признаков:

Форма движений при выполнении тональных знаков.

Согласно нормам вьетнамских прописей знак восходящего тона должен выполняться прямолинейным левонаклонным штрихом, знак нисходящего тона – прямолинейным правонаклонным штрихом, знак вопросительного тона – штрихом в виде крючка, знак островопросительного тона – извилистым штрихом, а знак тяжелого тона – в виде точки. Однако, отмеченные знаки, выполненные с отклонением от нормы прописей, могут характеризоваться следующей вариацией формы: прямолинейная, угловатая, петлевая, дугообразная, овальная, извилистая, полуовальная или завитковая.

Направление движений при выполнении тональных знаков.

Данная группа признаков может быть разделена на 2 подпризнака: направление движений при выполнении тональных знаков (1); соотношение наклонов тональных знаков и букв в составных словах (2).

Первый подпризнак следует определять с учетом отклонения направления от нормы прописей при выполнении тональных знаков. В частности, в соответствии с нормами прописей направление движения знака восходящего тона должно быть реализовано сверху вниз, слева направо, знака нисходящего тона – сверху вниз, справа налево, знака вопросительного – сверху вниз правоокружным движением, заканчивающимся левоокружным движением, а знака островопросительного тона – слева направо правоокружным движением, переходящим в левоокружное.

В свою очередь знак восходящего тона с отклонением от нормы прописей может выполняться снизу-вверх и (или) справа налево, знак нисходящего тона – снизу-вверх и (или) слева направо. Тогда как выражение данного признака при выполнении знака вопросительного и

островопросительного тона определяется отклонением направления движений в целом либо каких-либо составных частей знака.

Второй подпризнак необходимо устанавливать в случаях наличия несоответствия наклона тональных знаков относительно составных букв слов, которые должны выполнять строго по нормам прописей. Например, в соответствии с нормами прописей соотношение наклонов при выполнении знака восходящего тона и соответствующих букв должно иметь характеристику под тупым углом с расширением к верху, тогда как при нарушении норм прописей оно может быть: параллельным или под острым углом с расширением к верху.

Абсолютная протяженность движений по вертикали и горизонтали при выполнении тональных знаков.

Согласно нормам прописей тональные знаки должны характеризоваться строго определенным размером. Поэтому в процессе их исследования в почерке проверяемых лиц следует обращать особое внимание на характеристики данного признака. При обнаружении отклонений размеров тональных знаков от предусмотренных нормами прописей (характеристика должна отличаться от параметра общего признака), следует определить его значение. Указанный признак может обладать тремя показателями: большой, средний и малый.

Вид соединения движений при выполнении тональных знаков и соответствующих слов.

В соответствии с нормами прописей последовательность выполнения слов с тональными знаками должна иметь следующие характеристики: начинаться посредством букв, переходящих на отдельные надстрочные элементы (в структуре букв, содержащих отдельные надстрочные элементы: *ă, â, ô, ê*), а заканчиваться тональным знаком. Соответственно, тональные знаки должны выполняться последними и обязательно интервально от других элементов слова. Вместе с тем анализ экспертной практики свидетельствует о том, что лица, исполняющие рукописи при помощи вьетнамского латинизированного письма, зачастую выполняют тональные знаки с отклонением от норм прописей. В частности, тональные знаки могут быть соединены с заключительной частью последней буквы слова, отдельным надстрочным элементом буквы, а также с любой составной буквой слова (в случае нарушения последовательности выполнения слова).

Таким образом, в качестве значимого в идентификационном плане частного признака может выступать слитный вид соединения движения (по нормам он должен выполняться интервально) при выполнении тональных знаков и соответствующих букв.

Относительное размещение движений при выполнении тональных знаков.

Следует отметить, что согласно нормам прописей тональные знаки должны выполняться интервально от составных элементов слов. Несмотря на это, при исследовании рассматриваемых объектов было установлено многообразие вариантов их слитного исполнения, то есть неоднократные отклонения от предусмотренных правил. В таких случаях при изучении относительного размещения движений при выполнении тональных знаков следует дополнительно рассматривать следующие признаки: относительное размещение точек начала и окончания движений (1); относительное размещение точек соединения движений (2); относительное размещение точек пересечения движений (3); относительное размещение движений по вертикали и горизонтали (4).

Относительное размещение точек начала и окончания движений при выполнении тональных знаков.

Данный признак возможно рассматривать относительно следующих ориентиров: верхней линии письма, срединной линии письма, расположение точек начала и окончания относительно друг друга и относительно других элементов письменных знаков. Значениями данного признака могут выступать: выше, ниже, на верхней линии письма, срединной линии письма, на каком-либо элементе буквы, точка начала выше точки окончания или наоборот, а также на одном уровне.

Относительное размещение точки соединения движений при выполнении тональных знаков.

Точку соединения движения при слитном исполнении тональных знаков и элементов букв между собой рекомендуется определять по месту резкого изменения направления движения. Размещение обозначенной точки может быть рассмотрено относительно: а) верхней линии письма; б) срединной линии письма; в) относительно других элементов. Признак характеризуется такими показателями как: слева, справа, выше, ниже, внутри, над, под, на и т.д.

Относительное размещение точки пересечения движений при выполнении тональных знаков.

При выполнении тональных знаков с отклонением от норм прописей их части могут пересекаться между собой, также они могут иметь места пересечений с элементами букв составного слова. Исходя из отмеченного обстоятельства размещение точек пересечения движений следует определять относительно линии письма, верхней и серединной линии письма, а также частей и элементов букв. В качестве характеристик могут выступать следующие: слева, справа, выше, ниже, внутри, над, под, на и т.д.

Относительное размещение движений по вертикали и горизонтали при выполнении тональных знаков.

В рамках данного признака размещение тональных знаков следует изучать относительно других элементов, букв и различных линий письма. При этом возможно установление различных показателей: выше, ниже, на, внутри и т.д.

Таким образом, изложенные авторами дополнительные идентификационные признаки, наряду с традиционной системой идентификационных признаков почерка наиболее подробно отражают проявление криминалистических свойств почерка индивидов, владеющих вьетнамской письменностью. Кроме того установление данных особенностей реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков будет способствовать более полному, всестороннему и объективному исследованию рукописей, выполненных вьетнамским латинизированным письмом.

Список литературы

1. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД СССР. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977.
2. Криминалистика. Исследование документов: учебное пособие для вузов / М.В. Бобовкин [и др.]; ответственные редакторы М.В. Бобовкин, А.А. Проткин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022.
3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В.В. Серегина: учебник. – Волгоград: ВА МВД России, 2014. – 340 с.
4. Bộ Công an, Viện khoa học hình sự, Nghiệp vụ giám định kỹ thuật hình sự, Tập 5 Giám định tài liệu, 495 trang.

5. Quyết định số 31/2002/ QĐ-BCĐ & ĐT ngày 14/06/2002 của Bộ trưởng Bộ Giáo dục và Đào tạo Về việc ban hành mẫu chữ viết trong trường tiểu học.

THE POSSIBILITY OF ESTABLISHING ADDITIONAL IDENTIFICATION FEATURES IN THE PROCESS OF FORENSIC HANDWRITING EXAMINATION OF MANUSCRIPTS WRITTEN IN VIETNAMESE LATIN SCRIPT

Abstract: the article deals with the peculiarities of handwriting investigation of manuscripts written in Vietnamese Latin script, which have not been sufficiently disclosed in the special literature. The authors note the specificity of these objects due to the design features of the Vietnamese characters (the presence of outline elements), as well as the normatively enshrined rules of performance and norms of handwriting. Based on the analysis of the practical activities of state forensic institutions in Vietnam, as well as experimental work describes the possibility of determining some additional identification features of handwriting, allowing the most complete and comprehensive study of the features of the formation and implementation of the written-motor functional and dynamic complex skills of the executor of manuscripts executed in the Vietnamese language.

Keywords: forensic penmanship examination; manuscripts written in Vietnamese Latin script; specificity of objects; tonal signs; normative norms of the script; additional identification signs; possibilities of establishment.

Бондаренко Роза Ватановна-кандидат юридических наук, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, город Москва, Россия. bon_roz@mail.ru.

Bondarenko Roza Vatanovna - PhD in Law, Associate Professor of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению общей структуры экспертно-криминалистических подразделений, в том числе судебно-почерковедческих подразделений Министерства Общественной Безопасности в Социалистической республике Вьетнам, а также особенности организации проведения судебно-почерковедческой экспертизы в Социалистической республике Вьетнам*

***Ключевые слова:** судебная почерковедческая экспертиза, Социалистическая республика Вьетнам, итоговые документы, протокол экспертизы, заключение эксперта.*

Почерковедческая экспертиза является одним из самых распространенных видов судебных экспертиз. Она наиболее часто назначается в арбитражном, гражданском, уголовном процессе. Задача почерковедческой экспертизы заключается в установлении исполнителя записи или в установлении характеристик исполнителя (пол, возраст, личные и профессиональные особенности) и условий, в которых были совершены записи, а также способа искажения почерка.

В настоящее время в Социалистической Республике Вьетнам действует широкая сеть судебно-экспертных учреждений Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения и Министерства обороны. Судебно-почерковедческая экспертиза проводится экспертно-криминалистическими подразделениями Министерства общественной безопасности. Централизованное руководство экспертными подразделениями осуществляет Главный институт судебных экспертиз, находящийся в городе Ханой. Там проводятся наиболее сложные и повторные экспертизы, а также разрабатываются новые методики экспертных исследований. Главному институту подчиняются два Национальных института судебных экспертиз в городе государственного назначения – Дананг и Хошимин. Здесь проводятся практически все сложные

экспертизы на южном и центральной территории Вьетнама, которым подчиняются подразделения судебных экспертиз провинций, крупных городов и районов.

Таб. 1. Структура экспертно-криминалистических подразделений Министерства Общественной Безопасности в Социалистической республике Вьетнам

Судебно-почерковедческая экспертиза в Социалистической Республике Вьетнам назначается только следователем или судом. При этом постановление о назначении экспертизы и соответствующие материалы лично (или через своих помощников) направляются руководителю подразделения судебной экспертизы.

При получении постановления о назначении почерковедческой экспертизы и материалы, руководитель органа судебной экспертизы осматривает их состояние в соответствии с требованиями направленных материалов. Если возникают вопросы по поводу представленных материалах (их количество и качество), руководитель экспертного подразделения вправе вернуть материалы без выполнения данной экспертизы.

Схема 1. Этапы получения назначения экспертизы и подготовки к исследованию

В отличие от России, сотрудников экспертного подразделения в Социалистической Республике Вьетнам привлекают к участию в производстве следственных действий не в качестве специалистов, а именно в качестве экспертов. Это неудобство обусловлено отсутствием в нормах уголовно-процессуального законодательства Вьетнама положения, которое устанавливает статус специалиста.

В случае принятия решения о проведении почерковедческой экспертизы, руководитель экспертного подразделения осуществляет выбор ведущего эксперта в зависимости от сложности экспертизы, а также квалификации сотрудника. Ведущий эксперт по своим потребностям выбирает себе помощников (если это необходимо), о чем докладывает непосредственно руководителю. Руководитель обязан следить за процессом проведения экспертизы своих сотрудников,

контролировать сроки и качество проведения экспертизы, но не вправе давать эксперту указания о выводе заключения.

Сотрудник экспертного подразделения дает заключение от своего имени и несет за него личную ответственность. О выводах проведенной почерковедческой экспертизы докладывает лично руководителю и только после этого, заключение эксперта направляется лицу, назначившему экспертизу. Руководитель вправе проверить качество производства почерковедческой экспертизы и правильность оформления его результатов. В случае возникновения разногласий между руководителем органа судебной экспертизы и экспертом руководитель направляет заключение эксперта лицу, назначившему судебную экспертизу, со своими замечаниями. Подробнее этапы составления итоговых документов до момента отправления инициатору рассматриваются в схеме 2.

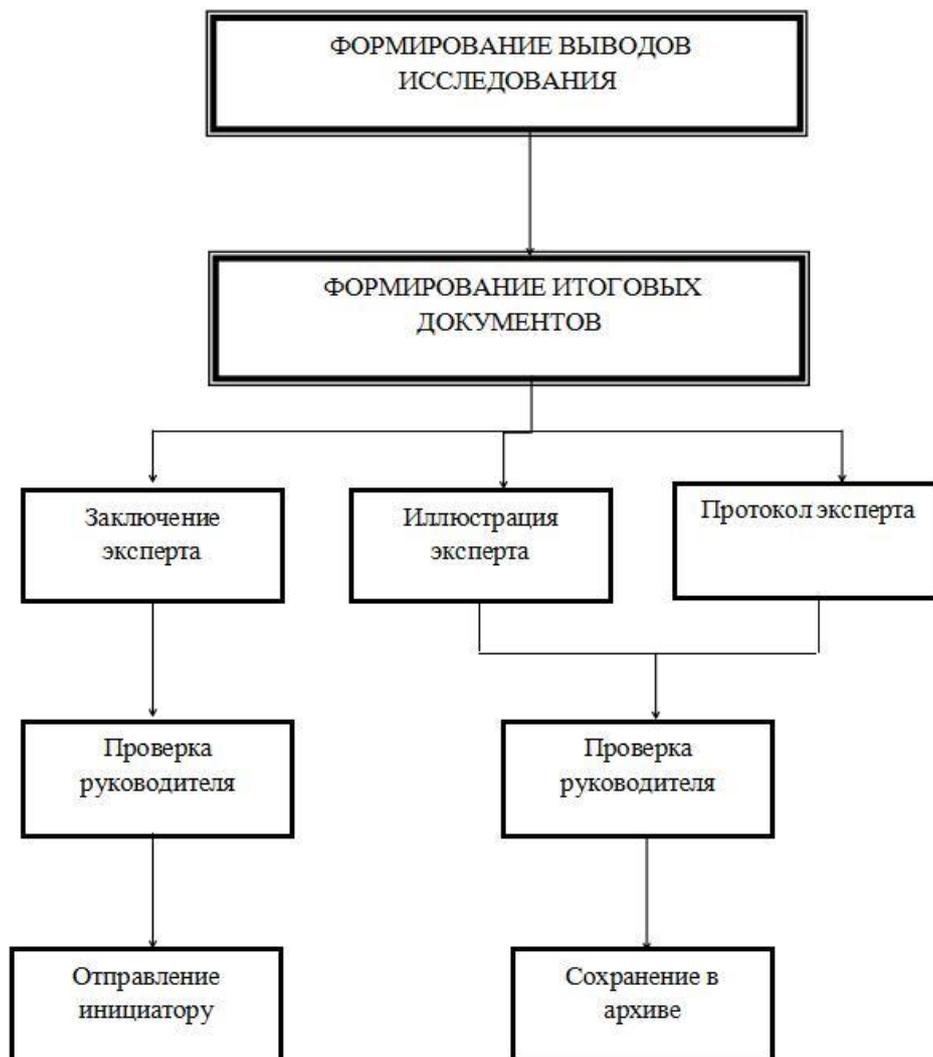

Схема 2. Этапы составления итоговых документов до момента отправления инициатору

Таким образом, организация проведения судебной экспертизы в Социалистической Республике Вьетнам имеет некоторые особенности. Так, в нормах уголовно-процессуального законодательства Вьетнама отсутствует положение, которое устанавливает статус специалиста, введение которого повысило бы эффективность производства судебной экспертизы.

Список литературы

1. Giáo trình Giám định tài liệu, Hà Nội, 2007.
2. Giáo trình kỹ thuật hình sự, Học viện CSND, 2003.
3. Закон о судебной экспертизе Вьетнама № 13/2012/QH13 от 20/06/2012.
4. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2006. - 160 с.

ORGANIZATION OF FORENSIC HANDMARK EXAMINATION IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Annotation: the article is devoted to the consideration of the general structure of forensic subdivisions, including forensic handwriting subdivisions of the Ministry of Public Security in the Socialist Republic of Vietnam, as well as the features of the organization of forensic handwriting examination in the Socialist Republic of Vietnam

Key words: forensic handwriting examination, the Socialist Republic of Vietnam, final documents, examination protocol, expert opinion.

Бочаров Геннадий Геннадьевич - заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, и.о. заведующего лабораторией криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, город Москва, Россия, g.bocharov@sudexpert.ru

Bocharov Gennady Gennadievich - Deputy Director of the FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, acting. Head of the Laboratory for Forensic Examination of Materials, Substances and Products of the FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ КАК ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исследования государственных наград в системе экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации. Определена необходимость привлечения экспертов разных специальностей для обеспечения достоверного вывода по этим объектам исследования. Рассмотрен аспект полномочий руководителя государственного экспертного учреждения в части обеспечения получения полного и качественного заключения эксперта.

Ключевые слова: ордена, медали, предметы фалеристики, судебная экспертиза, компетенция эксперта, руководитель экспертного учреждения.

Государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР, а также награды дореволюционной России и иностранных государств могут выступать в качестве объектов судебной экспертизы по различным категориям уголовных и гражданских дел.

Вместе с тем, учитывая значительное разнообразие подобных наград и различные способы и технологии их изготовления, экспертное исследование государственных наград, а также оценка полученных заключений эксперта представляют определенные сложности, как в методическом, так и в информационном аспекте. В ряде публикаций научно-методического характера в изданиях ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [5–7] частично отражены основные проблемы при исследовании таких объектов исследования.

В большинстве случаев на экспертное исследование в судебно-экспертные Минюста России (далее - СЭУ Минюста России) поступают государственные награды РСФСР, СССР и Российской Федерации по экспертизам, которые назначаются по материалам уголовных дел или материалов проверки в порядке 144,145 УПК РФ.

Уголовные дела часто расследуются в связи с тем, что некоторые ордена и медали РСФСР, СССР и Российской Федерации имеют особый правовой статус, т.к. они входят в государственную наградную систему Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ от 07.09.2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной

наградной системы Российской Федерации» или в перечень, указанный в Указе Президиума ВС СССР от 3 июля 1979 г. №360-Х «Об утверждении общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» и их оборот запрещен действующим законодательством.

Необходимо отметить, что также запрещен оборот почетных знаков лауреата Государственной премии, а также фрачного знака лауреата Государственной премии.

Несмотря на то, что эти знаки лауреатов не являются государственными наградами, прямой запрет о недопустимости их оборота предусмотрен Указом Президента Российской Федерации от 30.09.2015 № 491 «О Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности и Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности» (п.9), Положением о Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий (п. 9) и Положением о Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства (п. 7), утвержденными Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий и Положения о государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства» от 28.09.2015 № 485.

Согласно ст. 324 УК РФ «Незаконные приобретение или сбыт... государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев».

Очевидно, что для данной категории дел основной экспертной задачей в отношении орденов и медалей РСФСР, СССР и Российской Федерации, имеющих особый правовой статус и запрещенных к обороту на свободном рынке, является установление их подлинности.

Несмотря на то, что понятие «подлинность» не является техническим термином, характерным для судебной экспертизы, тем не менее, в экспертной практике СЭУ Минюста России данный термин используется с разъяснением того, что в каждом конкретном случае понимается под подлинностью исследуемого объекта (подпись, бланк документа,

фотоснимок, товар, предмет фалеристики или иное изделие).

Государственные ордена и медали являются предметами фалеристики и относятся к классу изделий массового производства, при определении свойств которых эксперт исследует нормативно-техническую литературу, проводит сравнительное исследование с изделиями-аналогами или их описаниями и достоверными изображениями. В результате сравнительного исследования эксперт решает вопрос о наличии единого способа изготовления представленного объекта исследования и аналогов, представленных в качестве материалов для сравнительного исследования.

В связи с этим при исследовании орденов и медалей РСФСР, СССР и Российской Федерации перед экспертом ставится вопрос в следующей формулировке: «Является ли представленный на экспертизу предмет (орден, медаль) оригиналом, изготовленным на предприятии АО Гознак в соответствии с действовавшими в период его изготовления требованиями и нормативно-технической документацией?». При проведении экспертизы и ответе на данный вопрос эксперт формулирует вывод следующим образом: «Представленный на экспертизу предмет (орден, медаль) является/не является подлинной государственной наградой, изготовленной на предприятии АО Гознак». В заключении эксперта при этом указывается способ изготовления предмета и совпадающие (различающиеся) с подлинными предметами фалеристики характеристики.

Решение вопроса, является ли предмет фалеристики подделкой, относится к компетенции правоприменителя, а не судебного эксперта, так как предусматривает правовую оценку умысла исполнителя, который изготовил данный объект.

Современный уровень развития техники и технологий привел к тому, что у неограниченного числа лиц имеется свободный доступ к современному копировальному, штамповочному, литьевому и иному специализированному оборудованию, а также любым материалам, позволяющим изготавливать высококачественные нелегальные копии государственных наград для их противоправной реализации на нелегальном (черном) рынке под видом подлинных.

В связи с этим, актуальность всестороннего экспертного исследования объектов исследования сложно переоценить в современном мире. В экспертной практике всестороннее экспертное исследование

достигается посредством проведения комплексного экспертного исследования, в котором принимают участие эксперты, обладающие специальными знаниями, в том числе в области трасологии, криминалистического исследования материалов, веществ и изделий, а также обладающие практическими навыками инструментального исследования.

О необходимости комплексного подхода при исследовании объектов фалеристики уже отмечалось в экспертной практике [4], вместе с тем, хотелось бы более подробно остановиться на самой последовательности проведения такого исследования с целью выработки оптимального порядка действий экспертов.

Как уже ранее сообщалось, при проведении экспертизы предметов фалеристики эксперт руководствуется технической и технологической документацией, согласно которой был изготовлен исследуемый объект исследования. Существующая экспертная практика, а также действующее законодательство позволяет СЭУ Минюста России получать по соответствующим запросам руководителей экспертных учреждений от организаций (производителей) «...образцы или каталоги...продукции, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы, необходимые для производства судебной экспертизы».

С учетом этого, при проведении экспертиз в отношении государственных наград возможно направление соответствующих запросов в такие основные организации-производители как:

- АО «Гознак» (ул. Мытная, 17, Москва, Россия, 115162);
- Санкт-Петербургский монетный двор (Петропавловская крепость, 3, литера Г, Санкт-Петербург, 197046);
- Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ул. Антонова-Овсеенко, д. 1, корп. 1, литера А, Санкт Петербург, 193168).

При изучении представленных от завода-изготовителя технических условий или карт технологического процесса эксперты самостоятельно устанавливают последовательность экспертного исследования с учетом соблюдения принципа достаточности и достоверности получаемых результатов.

Как следует из имеющихся в распоряжении РФЦСЭ официальной информации по ряду государственных наград, представленной ЦГА СПб («Центральный государственный архив Санкт-Петербурга», г. Санкт-

Петербург), технические условия на государственные награды детально описывают требования практически к каждому элементу ордена или медали. Детальность технического описания позволяет уже на этапе внешнего осмотра экспертом-трасологом или экспертом-материаловедом сделать категорический вывод о неподлинности представленного объекта исследования, в случае если использовалось кустарное оборудование для его изготовления.

Вместе с тем, очевидна недостаточность использования только трасологических внешних признаков для предоставления категорического положительного вывода о подлинности представленного ордена или медали. В случае если установлено совпадение всех внешних признаков, геометрических размеров и технологических особенностей изготовления, возникает необходимость в материаловедческом исследовании декоративных и основных элементов ордена или медали. В случае подделки государственной награды используется, как правило, не драгоценные металлы, а сходные по внешнему виду сплавы металлов. Например, вместо золота используется латунь – сплав меди и цинка, имеющий желтый цвет, а вместо серебра – мельхиор, сплав меди с никелем, имеющий серебристый цвет.

Необходимо отметить, что исследование качественного и количественного элементного состава используемых материалов возможно только при помощи неразрушающих методов исследования, так как в процессе исследования, как правило, эксперту не разрешается повреждать исследуемый предмет фалеристики. В практике СЭУ Минюста России для этого используются рентгенофлуоресцентные спектрометры и растровые электронные микроскопы с рентгеновским энергодисперсионным детектором. Учитывая небольшие размеры объектов исследования, указанное оборудование в полном объеме позволяет решить поставленную задачу по установлению вида использованного материала (металла, эмали) и сопоставления его с материалом в имеющейся технической документации.

Вместе с тем, описанный ход исследования в отношении государственных наград, имеющих особый правовой статус, является достаточно традиционным при решении подобной задачи в отношении любого объекта исследования, имеющего установленные массово-габаритные, размерные и иные характеристики. Экспертная задача значительно усложняется, в случае если исследуются предметы

фалеристики, которые являются предметами иностранного производства, а также другие награды СССР, РСФСР, РФ, которые не имеют особого правового статуса и, следовательно, могут являться предметами рыночных взаимоотношений между гражданами.

В первом случае, при исследовании предметов фалеристики иностранного производства, особенно остро встает проблема поиска достоверной информации о способах изготовления награды, а также технологиях и материале, который используется.

Во втором же случае эксперт может столкнуться с ситуацией недоступности необходимой технической документации в связи с невозможностью ее получения, в том числе по причине закрытия ведомственного предприятия-изготовителя.

И в том и в другом случае наиболее эффективным выходом из создавшейся ситуации является поиск достоверных объектов-аналогов и предоставление их эксперту по соответствующему ходатайству.

В заключение хочется отметить, что перечень судебных экспертиз, проводимых в настоящее время в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и СЭУ Минюста России, утвержден Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Согласно указанному перечню, такого объекта исследования как предмет фалеристики нет ни в одном из родов (видов) утвержденных экспертиз. Указанное обстоятельство приводит к тому, что для исследования ордена или медали привлекается комиссия экспертов, обладающих комплексом необходимых знаний.

Однако, как следует из экспертной практики, а также из имеющихся технических условий на медали и ордена, решение вопроса по определению подлинности предмета фалеристики требует от эксперта высокой квалификации и объема специальных знаний именно в области изготовления, оборота и порядка награждения государственных и иных видов наград. И если в части наград, обладающих особым правовым статусом, экспертное исследование может быть проведено в рамках комплекса существующих экспертиз, то в отношении всего остального многообразия предметов фалеристики проведение экспертизы на высоком

экспертном уровне может представлять из себя неразрешимую задачу.

В настоящее время существует объективная необходимость в развитии и становлении нового вида судебной экспертизы – судебной экспертизы предметов фалеристики, которая будет готовить экспертов, обладающих всем комплексом специальных знаний как в области трасологической и материаловедения, так и в области искусствоведения и оценки данной категории объектов исследования.

При этом, учитывая длительность процесса развития нового вида экспертизы, на сегодняшнем этапе проведения подобных видов экспертиз необходимо разработать единый экспертный подход к проведению комплексного исследования предметов фалеристики в экспертных учреждениях всех ведомств с целью соблюдения требований, которые предъявляются законодательством к подготавливаемым заключениям эксперта, в том числе возможность их проверки в рамках повторных экспертиз судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации.

Список литературы

1. Бурков В.Г. Фалеристика. Учебное пособие. М.: РГГУ, 1999. 166 с.
2. Данилов А.Ю. Российская фалеристика. Учебное пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2002. 123 с.
3. Chiba W. Phaleristik – Versuche einer Analyse des derzeitigen Wissensstandes über die Forschung der Phaleristik und die Möglichkeit zur Anerkennung als “Hilfswissenschaft” // Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde. 2007. No. 65. P. 1–13
4. Бочаров Г.Г. Основные положения комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики. Теория и практика судебной экспертизы. 2021;16(1):47-53. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-47-53>,
5. Гущина И.Э. Определение стоимости наград особого статуса // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 34–39.
6. Аснис А.Я., Бочаров Г.Г., Селиванов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения их стоимости // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 50–59. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-50-59>
7. Аснис А.Я., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование орденов и медалей // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13.

№ 4. С. 42–51. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-42-51>

STATE AWARDS AS OBJECTS OF EXPERT RESEARCH

Abstract. *The article discusses the features of the study of state awards in the system of expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation. The necessity of involving experts of different specialties to provide a reliable conclusion on these objects of study is determined. The aspect of the powers of the head of the state expert institution in terms of ensuring the receipt of a complete and high-quality expert opinion is considered.*

Keywords: *Orders, medals, phaleristics items, forensic examination, expert competence, head of an expert institution.*

Динь Тхе Хынг - кандидат юридических наук, начальник отдела уголовного права, Институт государства и права - Вьетнамская академия социальных наук.

Dinh The Hung - PhD in Law, Head of Criminal Law Department, Institute of State and Law - Vietnam Academy of Social Sciences.

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЗИЦИИ «ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ» В СРВ

Аннотация. *В статье рассматривается теоретическая основа для подхода и систематического изучения основных принципов уголовного судопроизводства посредством изучения принципа презумпции невиновности, включая: объективность, единообразие, соответствие и обеспечение соблюдения принципов. Кроме того, даются некоторые рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Вьетнама в целях соответствия требованиям уголовного судопроизводства в правовом государстве.*

Ключевые слова: *процессуальный принцип, презумпция невиновности, форма организации судопроизводства, доказывание, доказательство, справедливый процесс.*

К презумпции невиновности подходят, исходя из следующих категорий:

- 1) как метода мышления в доказывании в уголовном процессе;
- 2) как прерогатива обвиняемого;
- 3) как основного принципа вьетнамского уголовного судопроизводства.

Во всех категориях используются методы исследования, которые приводят к различным познавательным результатам в отношении презумпции невиновности и в то же время подтверждают значение презумпции невиновности в уголовном правосудии. Здесь мы обсуждаем подход к презумпции невиновности с точки зрения принципиального аспекта уголовного процесса, тем самым предлагая теоретическую основу для подхода и изучения системы принципов уголовного процесса Вьетнама, в целом, и принципа уголовного правосудия, в частности. Такой теоретической основой является: интерпретация, объективность, полнота, единообразие, устойчивость, содержание, обеспечение реализации этого принципа. На основе результатов исследования в этом аспекте мы рассмотрим вьетнамский уголовный процесс, чтобы оценить закон и практику в выражении принципа презумпции невиновности в уголовно-процессуальной деятельности Вьетнама.

1. Объективность принципа презумпции невиновности

Принципы права всегда объективны. Говоря об объективности уголовно-процессуальных принципов, идея становится принципом права, в том числе, принцип уголовно-процессуального права, гарантирует, что первым требованием является передача осмысленной общепринятой ценности. Значение презумпции невиновности рассматривается в двух аспектах: аспекте доказывания и аспекте обращения. Презумпция невиновности была признана ценностью человеческой цивилизации в защите прав человека в уголовном судопроизводстве.

В плане доказывания необходимо начать с самого основного вопроса, которым является природа уголовного судопроизводства, то есть процесс постижения истины по делу. Теория доказывания показывает его множество способов. Помимо прямого метода доказывания, можно использовать метод «*reductio ad absurdum*»- латинское «*доведение до абсурда*». Соответственно, будет доказано, что если встречается

определенное высказывание, то оно приводит к логическому противоречию, поэтому высказывание не должно встречаться.

Корни принципа презумпции невиновности восходят к Древнему Риму, когда предполагалось, что бремя доказывания лежит на обвинителе и применимо только в гражданском процессе. Эта идея становится действительно правовым принципом лишь тогда, когда победа французской буржуазной революции знаменует собой веху в непрекращающейся борьбе человечества за защиту прав человека, наряду с требованием все более жесткого общества: необходимо принять меры к ограничению и противодействию самодержавию и произвольное нарушение прав человека в уголовном производстве со стороны государства.

Поэтому презумпция невиновности не только отвечает требованию доказывания, но и защищает права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Уголовно - процессуальная деятельность включает в себя две задачи. Прежде всего, это деятельность по защите общества от посягательства преступления. С другой стороны, не менее важно защитить обвиняемого от нарушений прав человека со стороны власти. Уголовно-процессуальный закон в цивилизованном государстве должен гармонизировать общественные интересы и свободы личности. Презумпция невиновности также вносит баланс в уголовно-правовую деятельность между государством, с одной стороны, и мощным аппаратом следствия и обвинения, поддерживаемым государственной властью, и более слабой стороной, чем подозреваемый, обвиняемый и подсудимый. Поэтому, *«если доказывать только в направлении презумпции виновности, то легко рассматривать уголовное судопроизводство как простое задержание людей и вынесение обвинительных приговоров с конкретными наказаниями».*

2. Единообразие принципа презумпции невиновности

Единообразие - это согласование элементов в системе для ее управления в целях достижения общей цели. Принципы уголовного процесса вообще и принцип презумпции невиновности в частности являются важной частью уголовно-процессуальной системы, состоящей из многих элементов. Для бесперебойной работы системы важным требованием является единообразие элементов. На самом высоком уровне принцип презумпции невиновности должен быть единообразным с самыми основными элементами, составляющими систему уголовного

правосудия, включая: требования правового государства; цель уголовного процесса, форму организации судопроизводства, другие принципы уголовного процесса.

В первом уровне презумпция невиновности соответствует верховенству закона. Она может существовать содержательно и проявлять свою ценность только в том случае, если она находится в правовое государство, там государственная власть, в том числе власть в уголовно-процессуальной сфере, должна контролироваться различными механизмами; права человека признаны и защищены; в уголовном процессе государство должно соблюдать надлежащую (справедливую) правовую процедуру (due process). Мало того, что требование законности государства, презумпция невиновности является еще и конкретизацией идеологии и содержания законности в уголовном процессе. Смысл этого аргумента требует, чтобы при приближении к презумпции невиновности невозможно было уйти от правового государства, потому что презумпция невиновности является продукцией верховенства права.

На втором уровне презумпция невиновности должна соответствовать цели уголовного правосудия, так как от цели уголовного процесса к утверждению какой цели будет построена процессуальная форма и принципы уголовного процесса. Соответственно, цель является важнейшим элементом уголовного судопроизводства. Исходя из цели, он будет корректировать другие элементы уголовного процесса, такие как принципы, процессуальную форму, функции, доказательства, доказывание. Цель уголовного процесса в правовом государстве состоит в том, чтобы объективно, всесторонне и полностью определить истину делана этой основе применения материального права для обращения с правонарушителями, одновременно защищая права обвиняемых в уголовном процессе и защищая общество от посягательств преступления.

На третьем уровне принцип презумпции невиновности должен быть единообразным с процессуальной формой. Процессуальная форма представляет собой структуру национальной уголовно-процессуальной системы, включающую следующие элементы: цель уголовного процесса; основные принципы уголовного правосудия; основные функции в уголовном процессе; правовое положение субъектов уголовно-процессуальной деятельности и взаимоотношения этих субъектов в уголовном процессе; стадии уголовного процесса; способ достижения

цели уголовного процесса или проблема доказательств и доказывания в уголовном процессе.

Человечество прошло через разные формы организации уголовного судопроизводства, в которых есть формы уголовного судопроизводства, не имеющие принципа презумпции невиновности или зафиксировавшие такие, которые не гарантированы или не были эффективными (форма доноса, следственная форма организации судопроизводства и т.д.). Какая форма принимает презумпцию невиновности в качестве принципа, который обеспечит цели уголовного правосудия в рамках верховенства права, как указано выше. Наоборот, презумпция невиновности будет конкретно и содержательно показана в форме, где принцип состязательности судебного разбирательства подчеркивается. Отсюда показано, что изучение принципа презумпции невиновности должно быть связано с конкретной процессуальной формой для оценки.

На четвертом уровне одним из требований к основному принципу уголовного судопроизводства в целом и принципу презумпции невиновности является единообразие, то есть его совместимость с общеполитическим режимом, процессуальной формой и другими принципами уголовного процесса, в частности. Принцип презумпции невиновности может быть реализован только в сочетании с другими принципами системы уголовно-процессуальных принципов Вьетнама, так как принцип презумпции невиновности является одним из многих принципов, составляющих систему принципов уголовно-процессуального права. Система основных принципов уголовно-процессуального права делится на множество принципов, но принципы уголовно-процессуального права представляют собой конкретизацию общих принципов права и принципов конституции. Между этими принципами, влияющими друг на друга, существует тесная связь. Именно реализация одного принципа является предпосылкой реализации другого принципа или один принцип материализует другой. Мы согласны с точкой зрения, что: *«несоблюдение требований уголовно-процессуального принципа неизбежно ведет к нарушению любого другого принципа той же правоохранительного органа. Поэтому принцип презумпции невиновности должен строиться в соответствии с основными принципами уголовного процесса, такие как: принцип законности, принципы обеспечения права на защиту подозреваемых, обвиняемых и*

подсудимых и принципы состязательности, принципы обеспечения беспристрастности лица, ведущего или участвующего в процессе...».

3. Соответствие принципа презумпции невиновности

Принцип презумпции невиновности заключается в том, что выдвигаемые требования должны быть идеалистическими, а реальный закон – это то, что существует. То, что есть, должно быть изменено, чтобы соответствовать тому, что необходимо, то есть закону, поэтому одним из критериев оценки эффективности процессуального принципа является соответствующая корректировка. Принцип установления объективной истины может иметь юридическую силу только тогда, когда он приведен в соответствие с объективными закономерностями, со социально-экономическими условиями Вьетнама и направлениями Коммунистической партии Вьетнама. Признание принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве согласуется с идеей построения социалистического правового государства, которую преследует Вьетнам, что наиболее ярко отражено в Конституции Вьетнама 2013 г., в которой оговорены совершенно новые моменты в соответствии со стандартами верховенства права гласят, например: *«правовое государство должно полностью признавать и защищать права человека, в том числе права человека в уголовном процессе; суд, осуществляющий судебную власть, обязан защищать правосудие, защищать права человека и т. д.»*.

4. Обеспечение реализации принципа презумпции невиновности

Во-первых: применение принципа справедливого процессуального порядка и процедур (*справедливая правовая процедура - Due process*). Международные договоры установили стандарты судебного разбирательства, которые считаются справедливыми на принципиальном уровне, независимо от процессуальной формы, которая должна быть справедливо соблюдена. Об этом свидетельствует положение «Великой хартии вольностей», что: *«ни один свободный человек не может быть заключен в тюрьму или лишен своего имущества, свободы, обычаев, запрещен, сослан, подвергнут жестокому обращению, а также Никто не может быть принужден к этому без опоры на законное суждения представителей общественности или законов страны»*. 5-я поправка к Конституции США (1791 г.) гласит: *«никто не может быть... лишен жизни, свободы и собственности без надлежащей правовой процедуры»*.

Оба этих документа подчеркивают важность справедливого судебного разбирательства (иначе называемого справедливой процедурой).

Исследование вьетнамского уголовного процесса в сравнении с теорией принципа справедливого порядка позволяет сделать следующее обобщение: вьетнамский уголовный процесс долгое время ориентировался на материальное правосудие, но не уделяла внимания процессуальному правосудию. Проявляется в двух аспектах (i) уделение слишком большого внимания материальному праву и игнорирование процессуального права; (ii) забота о результатах уголовного судопроизводства, которое заключается в выявлении и рассмотрении преступлений, не обращая внимания на то, получены ли результаты в законном порядке или нет. Кроме того, в уголовном процессе уделялось внимание регулированию системы прав обвиняемого без разработки комплекса процедур реализации этих прав, особенно санкций в случае нарушения прав обвиняемого. Неуважение и не должное внимание к роли процессуального права неизбежно приведет к тому, что уголовное судопроизводство не только не достигнет своей цели, но и не обеспечит защиты прав человека в части соотношения процессуального права с целями и требованиями уголовного судопроизводства. в упомянутом выше правовом государстве.

Во-вторых, продолжать совершенствовать уголовно-процессуальную форму во Вьетнаме в направлении дальнейшего расширения судебных прений в рамках всего судопроизводства. Подход к уголовному судопроизводству в направлении прав человека вместо того, чтобы думать о пресечении преступления; четко разграничить процессуальные функции, в которых суд возвращается на свое законное место, его роль заключается в судебной функции. Соответственно, необходимо четко определить процессуальные функции, и каждой функции должен соответствовать судебный орган. Соответственно, функция обвинения принадлежит следственному органу, народной прокуратуре, функция защиты—защитнику, обвиняемому, функция вынесения решения - суду; обеспечение равенства между сторонами процесса (обвинения и защиты), что отражено в положениях, гарантирующих, что сторона защиты может выполнять функцию защиты, которая является их системой прав, а также механизм, обеспечивающий осуществление ей этих права.

В-третьих, совершенствование правового принципа в направлении не только подчеркивания правомерности процессуальной деятельности постановления приговора, но и подтверждения правовых последствий правонарушений путем добавления следующего содержания: процессуальная деятельность и доказательства не признаются, если они осуществляются не законным путем.

В-четвертых, исследовать и разработать новый закон о доказывании и доказательствах в уголовном процессе для устранения недостатков, мешающих практике уголовного судопроизводства. Закон о доказывании и доказательствах в уголовном процессе должен отрегулировать следующие моменты:

-реализовать принцип *«никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»*, независимо от того, включены они в протокол «официально» или нет. Сторона защиты может собирать доказательства и представлять их в суде.

- обвиняемый, подсудимый и защитник имеют право на получение доказательств любым законным способом; доказательства и доказывание имеют силу только после того, как они представлены и аргументированы в суде. Это означает одновременное признание доказательств, содержащихся в деле и вне материалов дела.

- допрос и судебное прение в судебном разбирательство должны обеспечивать равенство сторон и возможность сторон представить свои аргументы и доказательства.

В смысле доказательств, установленных УПК, те вещественные доказательства, собранные защитником, обвиняемым и подсудимым без нарушения закона, имеют значение для суда в установлении истины по делу в уголовном процессе, также следует рассматривать как доказательство по делу.

Список литературы

1. BùiTiến Đạt, Họcthuyếtrìnhtựcônghàngvà việcbảo vệquyềnconngườì-Kinh nghiệmquốctếvà ViệtNam, Tạpchí NCLP số 6/2015

2. PhạmHồngHải- Đảmbảoquyềnbàochữacủanguòibìbuộctội, NXBCôngannhândân

3. ĐinhThêHưng, Sựthểhiệncủanguyêntắcsuy đoánvô tộitronggiai đoạnxétxửvụ ánhìnhsự, Tạpchí Toà ánhândân, số 1 năm 2010

4. Khidoyatov Bakhtiyor Botirovich, Principle of criminal procedure in pre-trial proceeding, International Journal of Law and Legal Jurisprudence Studies : ISSN:2348-8212:Volume 4 Issue 2,

5. Nguyễn Thái Phúc- Nguyên tắc suy đoán vô tội- Tạp chí Nhà nước và Pháp luật, Số 11/2006

6. Đào Trí Úc, *Mô hình tố tụng hình sự Việt Nam được hoàn thiện theo hướng nào? Tạp chí Nghiên cứu lập pháp*

7. Viện Nghiên cứu Nhà nước và Pháp luật, tội phạm học, Luật hình sự và luật tố tụng hình sự Việt Nam, Nhà xuất bản Chính trị quốc gia 1994

ON THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS FROM THE POSITION OF "PRESUMPTION OF INNOCENCE" IN SRV

Abstract: *the article discusses the theoretical basis for the approach and systematic study of the basic principles of criminal justice through the study of the principle of the presumption of innocence, including: objectivity, uniformity, compliance and enforcement of the principles. In addition, some recommendations are given for improving the criminal procedure legislation of Vietnam in order to meet the requirements of criminal proceedings in a state of law.*

Key words: *procedural principle, presumption of innocence, form of organization of legal proceedings, proof, evidence, fair trial.*

Zvezda Irina Igorevna – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия.
zvezdair@yandex.ru

Zvezda Irina Igorevna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Customs, Tula State University, Tula, Russia.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

***Аннотация.** Мошенничество в сфере компьютерной информации требует активной разработки и выявления характерных особенностей личности преступника и методов по предупреждению мошенничества, осужденных по статье 159.6 УК РФ. На основании анализа данных судебной статистики и правоприменительной практики автором выделен типовой криминалистический портрет личности осужденного по рассматриваемому виду преступления, который характеризуется главным образом средним возрастом, высоким уровнем образования и положительной характеристикой индивидуальных качеств. В работе приводятся примеры из правоприменительной практики, статистические данные и мнения исследователей в области уголовного права.*

***Ключевые слова:** криминалистическая характеристика, личности преступника, мошенничество в сфере компьютерной информации.*

Типовая криминалистическая информация о личности преступника позволяет следователю сузить круг подозреваемых, выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе завладения чужим имуществом путем обмана.

Комплексный подход к изучению человека обозначился в 60-е годы прошлого столетия. Так, Б.Г. Ананьев утверждал, что «ныне проблема человека из предмета специальных антропологических наук (психологии, психофизиологии, физиологии человека и других) превращается в общую проблему современной науки [1].

В научной литературе и практической деятельности отмечается комплексный подход к личности кибер-преступника, что имеет важное криминалистическое значение.

Личность кибер-преступника – это звено механизма преступной деятельности, все стороны которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку криминальной личности присуща совокупность всех свойств, информация о которых отображается в процессе его деятельности в виде материальных и идеальных следов.

Масштаб распространения - мошенничества в сфере компьютерной информации ставит перед сотрудниками правоохранительных структур серьезную задачу детального исследования технических возможностей

компьютерных систем, а также их применения в области противодействия преступной деятельности.

Необходимо отметить, что исследователями неоднократно предпринимались попытки классифицировать личность преступника, выделив среди них различные группы [2]. К числу особенности личности преступника, имеющих значение для системного формирования криминалистической характеристики, можно отнести деления по полу, возрасту, национальности, образовательному уровню, материальному положению, роду занятий, преступному прошлому, образу жизни, состоянию здоровья и пр. [3].

Лица, принимающие участие в организации или реализации мошенничества в области компьютерной информации, представляют различные категории населения. Важно отметить, что несмотря на актуальность решения проблемы преступности в сфере компьютерной информации и ее предупреждения, на сегодняшний день ни отечественные, ни зарубежные юристы не сформировали четкого портрета компьютерного мошенника.

В 2021 году мошенничество в сфере компьютерной информации является одним из распространенных преступлений. Анализ показывает, что число зарегистрированных преступлений составляет 249249 что, по сравнению с 2020 годом увеличилось на 5,14%. На основе материалов эмпирического исследования за отчетный период мошенничество в сфере компьютерной информации было совершено мужчинами в 77,49 % случаев. Доля женщин составляет 15 % в общем числе субъектов мошенничества в сфере компьютерной информации. При этом в 14,18 % всех изученных нами уголовных дел мошенничество совершалось группами лиц, участниками которых были и мужчины, и женщины.

Удельный вес несовершеннолетних в числе рассматриваемых преступлений невелик и составляет 3,33 % от общего числа. Как правило, несовершеннолетними совершаются мошеннические хищения с использованием украденных пластиковых карт. Подавляющим количеством осужденных за преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ составляют преступники в возрасте от 14 до 40.

Преобладающим уровнем образования лиц, совершивших рассматриваемые преступления, являлось высшее профессиональное образование (80,6%). Характеризуя род занятий осужденных, следует отметить, что 44, 83 % лиц от общего числа осужденных, являлись трудоспособными лицами.

В большинстве случаев субъектом мошенничества в компьютерной сфере являются люди, имеющие профильное среднее и специальное образование, которым свойственны: знания технических навыков, компьютерной терминологии, которая не понятна большинству людей, владение средствами компьютерной техники и др. знание отдельных

положений уголовно и уголовно-процессуального закона и интеллектуальное развитие. Выявлена следующая зависимость: чем старше субъект мошенничества, тем масштабнее само преступление, сложнее механизм его совершения и более значительна сумма ущерба.

Наиболее распространенным (50,74 %) родом занятий лиц, совершающих мошенничество в компьютерной сфере, является работа в негосударственном секторе экономики.

Результаты проведенного исследования показывают, что в 32 % всех изученных нами уголовных дел, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации, совершали сотрудники организаций, занимающие руководящие ответственные посты, которые отличаются высоким интеллектуальным уровнем, профессиональным опытом, хорошими знаниями в сфере компьютерной техники и программного обеспечения. Данные лица являлись высококвалифицированными специалистами, имели несколько образований, хорошо знали пробелы в законодательстве, наделены правом получать доступ к большому объему информации, однако не несли прямой ответственности за функционирование компьютерной системы.

Далее с целью установления индивидуальной и социально-психологической характеристики лица, осужденного по ст. 159.6 УК РФ, обратимся к материалам судебной практики.

Как правило, в социальном отношении все осужденные по рассматриваемому составу преступления, характеризовались положительно.

Например: «...Допрошенные в судебном заседании свидетели ФИО 3, ФИО 15, ФИО 2 охарактеризовали подсудимого исключительно с положительной стороны, как заботливого сына, внука, брата, работающего, положительно характеризующегося...» [4]; «...социально адаптирован, имеет семью, положительно характеризуется по месту жительства, на учетах у нарколога и психиатра не состоит...» [5]. Лишь в одном случае судом была установлена отрицательная характеристика личности преступника: «...по месту проживания характеризуется отрицательно, не состоит в браке, не работает, имела инвалидность в детстве, состояла на учете в инспекции ПДН, состоит на учете наркологическом и психиатрическом диспансерах, лишена родительских прав в отношении малолетнего ребенка...» [6].

Индивидуально-психологическая характеристика осужденного характеризуется в абсолютном числе, проанализированном автором судебных решений деятельным раскаянием, добровольным возмещением вреда, способствованием в раскрытии преступлений, полным признанием вины подсудимого [7]. Однако, вместе с тем, практически в половине рассмотренных судебных решений, преступления осужденными были совершены в период непогашенной

судимости [8].

Анализируя вышеизложенные статистические данные Судебного департамента ВС РФ, а также данные судебной практика попытаемся вывести усреднённый портрет личности осужденного, совершившего мошенничество по ст. 159.6 УК РФ.

Так, типовой криминологический портрет личности российского мошенника в сфере компьютерной информации в настоящее время выглядит следующим образом: это мужчина в возрасте от 20 до 35 лет, имеющий среднее специальное или высшее профессиональное образование; по большей части не состоящий в семейном браке; работающий в коммерческой или иной организации (более вероятно работающий специалист в области IT-технологий). В части социальных взаимоотношений характеризуется положительно, социально адаптирован; характеризуется деятельным раскаянием по отношению к совершенному преступлению, стремлением возместить причинённый ущерб, содействует в расследовании преступления.

Однако, как показывает практика, хищения в компьютерной сфере путем мошенничества могут совершать лица, не имеющие отношения к компьютерной сфере (8 % от всех изученных нами уголовных дел). Известный американский «кракер» Кевин Мятник начал свою преступную деятельность именно с того, что совершил кражу базы данных солидной компании с именами всех клиентов и номерами их кредитных карт [9].

Количество лиц, совершивших указанный вид мошенничества и не имевших постоянного официального места работы (в том числе студенты), составляет 19,17 %. Для указанных лиц денежные средства, полученные мошенническим путем, являлись основным источником получения доходов.

подавляющая часть лиц, совершающих мошенничества в компьютерной сфере (76,7 %), ранее преступлений не совершали и к уголовной ответственности не привлекались.

Таким образом, знание особенностей субъектов совершения мошенничества в компьютерной сфере, обстановки и обстоятельств, способствующих его совершению, позволяет сузить круг лиц, среди которых может находиться преступник, а также позволяет выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе его совершения, способе сокрытия следов.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки // Вестник ЛГУ. № 23. – Ленинград, 1962. – С.

34.

2. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации / В.В. Крылов. - М.: Городец, 1998. - С.231-232; Хазиев Ш.Н. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по его следам: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983 – С. 25-27; Самойлов Г.А. Личностная информация, фиксирующаяся в материальных следах преступления // Труды высшей школы МВД СССР. – М., 1972. – С. 20-23; Самойлов Г.А. К вопросу о структуре и информативных свойствах личности преступника // Философские проблемы в криминалистике. – Рига, 1970. – С. 47-49; Снетков В.А. Использование признаков внешности в работе органов внутренних дел. – М., 1993; Скибицкий К.В. Теоретические основы получения информации о преступнике из материальных источников на предварительном следствии. Дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1974. – С. 71; Лавров В.П. Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) // Курс лекций по криминалистике. Вып. 11. – М., 1999. – С. 3; Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений. – М., 1984. – С. 70; Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 43 и др.

3. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступления. – М., 1984. – С. 76-77.

4. Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы № 1-49/2014 от 15 мая 2014года[Электронныйресурс]//SudPraktika.ru.- URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/78293.html>

5. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области № 1-41/2017 от 31 января 2017 года [Электронный ресурс] // SudPraktika.ru. - URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/342766.html>

6. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области № 1-336/2017от 27сентября2017года [Электронныйресурс] //SudPraktika.ru.-URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/548118.html>

7. Приговор Ленинского районный суд г. Ульяновска№ 1-89/2017 от 03 апреля2017года [Электронныйресурс]//SudPraktika.ru.-URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/295713.html>

8. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбург №1-144/2017 от 20 марта 2017года [Электронныйресурс] // SudPraktika.ru.- URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/356488.html>

9. Лопатина Т.М. Отдельные вопросы характеристики уголовно-правовых признаков субъектов преступлений в сфере компьютерной информации // Российский судья. – 2006. – № 1. – С. 26.

FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL WHO COMMITTED FRAUD IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Abstract: Fraud in the field of computer information requires active development and identification of the characteristic features of the personality of the offender and methods for preventing fraud convicted under article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial statistics and law enforcement practice, the author singled out a typical forensic portrait of the personality of a convict for the type of crime under consideration, which is characterized mainly by middle age, a high level of education and a positive characteristic of individual qualities. The paper provides examples from law enforcement practice, statistical data and opinions of researchers in the field of criminal law.

Key words: forensic characteristics, offender's personality, fraud in the field of computer information.

Кузовлева Ольга Владимировна – кандидат технических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, город Москва, Россия, kusovleva@yandex.ru

Kuzovleva Olga Vladimirovna – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье приведены статистические данные о количестве изъятых материаловедческих объектов и числе выполненных экспертами МВД экспертиз, объектами которых являлись различные вещества и материалы; приведена классификация объектов исследования в зависимости от применяемых методов; показан компетентный подход к осуществлению судебно-экспертной деятельности; в статье обращается внимание на целесообразность дальнейшего изучения закономерностей интеграции в теорию и практику судебно-экспертной деятельности специальных знаний из области материаловедения, их классификационное деление, определение роли и места материаловедческих экспертиз в современной классификации судебных экспертиз.

Ключевые слова: исследование, материаловедение, материалы, методы, методики, свойства, судебная экспертиза.

Выдающемуся российскому ученому-материаловеду, доктору технических наук, профессору Гвоздеву Александру Евгеньевичу посвящается эта научная статья.

Известно, что задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия органам судопроизводства и органам предварительного расследования в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [1]. Установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, может способствовать исследование всевозможных материалов, на которые воздействовал преступник в процессе осуществления противоправной деятельности.

Необходимость получения криминалистически значимой информации о свойствах, составе и структуре материалов для целей использования в качестве доказательств в судопроизводстве обусловило формирование новой отрасли научного знания – криминалистического материаловедения, предметом которой, как утверждают родоначальники

данного направления профессора В.С. Митричев и В.Н. Хрусталева, являются закономерности возникновения, условий сохранения и способов передачи криминалистически значимой информации за счет собственных свойств веществ и материалов [2, стр. 3].

Объектами криминалистического материаловедения могут являться материалы, под которыми мы понимаем какие-либо имеющие естественное или искусственное происхождение подвергшиеся воздействию различных физико-химических процессов простые и сложные вещества, которые приобрели в результате воздействия определенную структуру и свойства. Примерами могут служить металлические материалы, композиты и сплавы, текстильные материалы волокнистой природы, нефтепродукты и смазочные материалы, стекло и керамические материалы, полимерные материалы и резины, материалы документов, геммологические объекты, лакокрасочные и строительные материалы и многие другие.

Статистика деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за 2021 год наглядно показывает, что подобные материаловедческие объекты изымались практически при каждом десятом осмотре места происшествия, в которых принимали участие сотрудники экспертно-криминалистических подразделений (общее число осмотров – 817601, из них 75% – с изъятием объектов и следов, в числе которых 83604 – с изъятием объектов КЭМВИ); 27% из них изымалось по преступлениям против собственности, а 32% по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков [3].

Основным правовым, процессуальным инструментом получения криминалистически значимой информации о собственных свойствах веществ и материалов, способствующим установлению элементов предмета доказывания, является судебная экспертиза.

Из общего числа выполненных экспертами МВД России в 2021 году судебных экспертиз (1193572), объектами пятой части из них (228826) являлись различные вещества и материалы. Изделия из различных, преимущественно металлических, материалов, являлись объектами 308784 трасологических и 27305 экспертиз холодного и метательного оружия, 1918 строительно-технических, 5191 товароведческих, подвергшиеся термическому воздействию материалы анализировались в 5934 пожарно-технических экспертизах, природные материалы исследовались в 51 геммологической экспертизе и других [3]. Следует

отметить, что с развитием научно-технического прогресса изобретаются новые перспективные материалы (наноматериалы, аддитивные и композиционные материалы), которые со временем становятся объектами судебно-экспертного исследования.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что всевозможные материалы являются едва ли не самым распространенными объектами, поступающими для судебно-экспертного исследования. В зависимости от вида материала и типа физической структуры отдельных элементов вещной обстановки по делу, из которого изготовлен изучаемый объект, эксперты применяют для его исследования различные методы.

Методы экспертного исследования определяются соответствующей методикой. Так, в настоящее время методологически обоснованным можно считать применение при проведении экспертизы объектов, не имеющих постоянной формы и представляющих собой химические вещества, находящиеся в агрегатном состоянии жидкости, представленных в виде порошков или газов (нефтепродукты, краски, наркотические средства, клеящие и взрывчатые вещества, пробы воздуха, продукты пиролиза полимеров и др.), физико-химических методов, при помощи которых устанавливается состав этого вещества. Аналогичным образом, поступающие на судебную экспертизу материалы, часто представляемые в виде различных изделий, могут находиться в твердом агрегатном состоянии (драгоценные и полудрагоценные камни, строительные и полимерные материалы, документы, всевозможные металлические материалы, тканевые, волокнистые и кожевенные материалы, композиты и пр.), к подобным объектам должны быть применены судебно-экспертные методы, позволяющие изучать их структуру. На основе применения методов исследования состава может быть получена криминалистически значимая информация о свойствах исследуемых объектов, на основе которых формулируется определенный вывод, как ответ на вопрос, поставленный перед экспертом.

Сущность подобного общеметодического подхода в криминалистических материаловедческих исследованиях подробно описана в научных работах профессорами В.С. Митричевым и В.Н. Хрусталевым и состоит в том, чтобы из имеющегося информационного пространства данных о составе и свойствах исследуемых веществ и материалов берется такая его часть, которая необходима и достаточна для решения поставленной перед экспертом задачи [2, стр. 5].

Основываясь на описанном общеметодическом подходе мы считаем целесообразным деление объектов материаловедческого исследования в зависимости от сущности применяемого при этом метода на две группы:

- объекты, исследуемые с применением физико-химических методов;
- объектов, исследуемых с применением физических (материаловедческих) методов.

В первую группу могут входить объекты (материалы), для которых имеет смысловую нагрузку понятие состава, а во вторую – имеющие определенную структуру. Для экспертного исследования материалов первой группы могут применяться методы газовой хроматографии с масс-селективным детектированием, рентгеноспектрального анализа, ИК-спектрометрии, высокоэффективной жидкостной хроматографии, капиллярного электрофореза, масс-спектрометрии в индукционно связанной плазме и другие. При исследовании материалов второй группы, которые можно называть, собственно материалами, могут применяться методы металлографии, рентгеноструктурного анализа, рентгенофазового анализа, определения твердости, испытаний на усталость, электронной микроскопии, компьютерной томографии и другие.

Основываясь на введенной нами формулировке материалов, следует закономерный вывод о том, что, подвергаясь воздействию различных физико-химических процессов, простые и сложные вещества, имеющие естественное или искусственное происхождение, приобретают определенную упорядоченную структуру, определяющую их свойства. Материалы искусственного происхождения могут быть изготовлены различными отраслями промышленности в целях их применения для получения различных изделий. Таким образом, на наш взгляд процесс изготовления материалов охватывается технологическим процессом, включающим помимо этапов теоретической конструкторской разработки уникального материала с заданными свойствами, стадии инженерного воплощения конечных изделий.

В ходе судебно-экспертного исследования представленных изделий экспертом могут быть выявлены признаки, указывающие не только на особенности конкретного регламента его технологического производства, но и могут быть сделаны выводы об условиях его дальнейшей эксплуатации. Так, в результате материаловедческого исследования материалов банкнот и ценных бумаг с признаками подделки, экспертом

могут быть диагностированы условия противоправного производства, что в конечном итоге может помочь следствию установить местонахождение злоумышленников и доказать роль каждого из них в совершенном преступлении. При автотехническом исследовании деформированных рулевых наконечников и других деталей автомобиля применение материаловедческих методов может помочь установить причину их отказа, что явится одним из оснований для освобождения водителя автомобиля от ответственности за дорожно-транспортное происшествие. Материаловедческие методы применяются экспертами-трасологами при описании и исследовании поступивших объектов из металлических и композиционных материалов, аналогичные подходы применяются при исследовании особенностей структуры тканей и кожи, а эксперт в сфере криминалистического исследования холодного оружия применяет методы установления твердости, выполняя в сущности простые операции по инструкции используемого им прибора (измерения по Роквеллу и т.п.).

Не вызывает сомнений, что проведение исследования какого-либо материала с применением перечисленных физических методов эксперт, выполняющий судебную экспертизу, должен осуществлять исследование объективно, всесторонне и в полноте, с использованием современных достижений науки и техники [1], при этом в области материаловедения он обязан быть всесторонне подготовленным: знать теоретические основы и практически уметь применять методы.

Сказанное означает, что при проведении судебно-экспертного исследования может складываться ситуация, при которой уровень квалификации эксперта, проводящего исследование каких-либо изделий, может оказаться недостаточен для установления физических свойств материалов либо вследствие слишком узкого применения конкретных экспертных методов, либо их неприменения. При этом, применение экспертом конкретных методов накладывает на него ответственность за однозначность трактовки органами судопроизводства и предварительного расследования сделанных им в заключении выводов.

Между тем, известно, что решение целевых материаловедческих задач не входит в дидактическую область послевузовской дополнительной профессиональной подготовки судебных экспертов практически ни по одной экспертной специальности. Так, например, в рамках дополнительного образования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по

экспертной специальности «Трасологическая экспертиза» (по «Перечню родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [4]) компетенции (то есть знания, умения и владения) в области методологии экспертного материаловедческого исследования не формируются, тогда как достаточно частыми объектами трасологических экспертиз являются всевозможные металлические материалы. На этом основании заключение трасологической экспертизы, данное экспертом государственного судебно-экспертного учреждения федерального органа исполнительной власти, может быть подвергнуто тщательному анализу, в результате которого могут быть выявлены признаки превышения экспертом компетенций в рамках конкретной экспертной специальности.

Компетентностный подход к осуществлению судебно-экспертной деятельности нами обосновывается исходя из предъявляемых к эксперту, производящему судебную экспертизу, профессиональных и квалификационных требований, при этом норма статьи 57 УПК РФ дополнительно ограничивает судебного эксперта рамками конкретной экспертной специальности.

Таким образом, сфера профессиональной компетенции судебного эксперта определяется наличием у него диплома о высшем образовании (согласно ст. 13 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел должность эксперта могут занимать лица, имеющие среднее профессиональное образование), наличием удостоверения о получении дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности и свидетельства о его аттестации по конкретной экспертной специальности (ст.13 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности).

И все же, в процессе проведения судебных экспертиз, в которых объектами являются изделия, изготовленные из разнообразных материалов, без применения специальных знаний в области современного материаловедения и соответствующих методов не обойтись. В связи с этим представляется целесообразным дальнейшее изучение закономерностей интеграции в теорию и практику судебно-экспертной деятельности специальных знаний из области материаловедения, их классификационного деления, определения роли и места

материаловедческих экспертиз в современной классификации судебных экспертиз и многое другое.

Необходимо отметить, что профессором Н.П. Майлис был предложен новый вид – трасолого-материаловедческая экспертиза [5], а впоследствии Ю.Г. Гамаюновой в рамках диссертационного исследования [6] подвид судебной экспертизы данного вида был детально исследован.

Не вызывает сомнений ценность интегрированных в судебную экспертизу материаловедческих знаний для использования их при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Между тем, в рамках развития судебно-экспертных знаний необходимо дальнейшее изучение места, роли и пределов этих знаний в методологии каждого конкретного вида судебной экспертизы при использовании принципа компетентностного подхода при осуществлении комплексных судебно-экспертных исследований. Огромное значение также имеет определение понятийного аппарата каждой из отраслей материаловедения, создание методик экспертного исследования новых материалов. Успешная научная проработка указанных направлений будет способствовать реализации принципов государственной судебно-экспертной деятельности.

Список литературы

1. Статья 2 Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Статья 2291.
2. Митричев В.С., Хрусталева В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них: учеб. пособие. – СПб. и др.: Питер, 2003. – 590 с.
3. Приказ МВД России от 01.11.2008 №952 «Об утверждении формы статистической отчетности «1-НТП» / (форма 276).
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (в редакции от 27.10.2015 года). Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 35.
5. Майлис Н.П. Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз: Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1992.

6. Гамаюнова Ю.Г. Комплексная трасолого-волоконведческая экспертиза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гамаюнова Юлия Геннадьевна. – М., 2005. 252 с.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MATERIALS SCIENCE EXPERTISE

Annotation: the article presents statistical data on the number of seized materials science objects and the number of examinations carried out by experts of the Ministry of Internal Affairs, the objects of which were various substances and materials; the classification of research objects depending on the methods used is given; the competence approach to the implementation of forensic expert activities is shown; the article draws attention to the expediency of further study of the regularities of integration into the theory and practice of forensic expertise of special knowledge from the field of materials science, their classification division, determining the role and place of materials science examinations in the modern classification of forensic examinations.

Keywords: research, materials science, materials, methods, techniques, properties, forensic examination.

Машинская Наталья Викторовна -кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М.В.Ломоносова, город Архангельск, Россия, n.mashinskaya@narfu.ru.

Mashinskaya Natalia Victorovna, Candidate of Law, Associate Professor Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, city of Arkhangelsk, Russia.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЯ С НИХ ИНФОРМАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Использование электронных носителей информации в повседневной жизни обусловило интерес к ним как к средству

доказывания в уголовном судопроизводстве. Учитывая специфику материального носителя доказательственной информации, среди ученых развернулась дискуссия относительно правовой природы электронных носителей доказательственной информации, обсуждаются вопросы законодательного регулирования производства следственных действий, направленных на изъятие электронных носителей. Принимая во внимание актуальность затронутой проблематики, автор статьи преследует цель проанализировать нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), регламентирующие изъятие электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Ключевые слова: *доказательство, следственные действия, следовательно, электронные носители.*

Широкое использование электронных носителей информации обусловило острый интерес к ним как к средству доказывания в уголовном судопроизводстве. Так, криминологи считают, что использование электронных носителей информации – один из новых методов противодействия преступности [3, стр. 476–484; 5, стр. 423-430]. Представители отраслевых наук развернули оживленную дискуссию относительно правовой природы рассматриваемого явления, отмечая, что без ответа на данный вопрос невозможно сформулировать требования, предъявляемые к электронному носителю доказательственной информации [4, стр.31-44; 7, стр. 440]. В то же время, процессуальный статус электронных носителей информации однозначно определил законодатель Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ, указав в ч.1 ст. 81.1 УПК РФ, что изъятые в порядке ч.4.1 ст.164 и ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела. Научная работа Суходолова А.П. и Бычкова А.М. посвящена исследованию роли информационных технологий в появлении нового бесконтактного способа сбыта наркотических средств [6, стр. 6]. Смежной с затрагиваемой в настоящей статье проблематикой, выступает научная работа Лантуха Э.В., Ишигеева В.С., Грибунова О.П., посвященная привлечению специалиста к производству следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации. Однако в представленной

работе авторы раскрывают проблему использования специальных знаний в связи с латентностью и трудностью раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации, в связи с чем, общий порядок производства следственных действий, направленных на изъятие электронных носителей информации, с участием специалиста, а также правоприменительная практика по другим видам преступлений не анализируется [2, стр.882-890]. Определенной оригинальностью обладает работа Шурухнова Н.Г. и Смольковой И.В., в которой раскрываются проблемы производства невербальных следственных действий по собиранию и фиксации вещественных доказательств, в результате чего авторы приходят к выводу о том, что эффективность доказывания с применением указанных способов зависит от подготовки следователя в области применения технических средств, в том числе информационно-телекоммуникационных технологий. Тем самым, в работе авторов уделяется внимание специальной подготовке следователя к работе с такими источниками доказательственной информации [8, стр.808-815].

Признавая актуальность упомянутых выше работ, автор настоящего исследования ставит перед собой цель проанализировать законодательное регулирование производства следственных действий, направленных на изъятие электронных носителей информации, как способов получения важнейшего доказательства.

Механизм изъятия электронных носителей и копирования с них информации при производстве следственных действий закреплена в ст. 164.1 УПК РФ. Однако, несмотря на то, что специальный правовой режим изъятия электронных носителей доказательственной информации создан, анализ рассматриваемой нормы вынуждает констатировать ее несовершенство. Прежде всего, обращает на себя внимание, что для получения интересующей следствие информации должны быть специальные юридические основания, предусмотренные ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. В качестве первого основания к производству рассматриваемого процессуального действия выступает наличие вынесенного следователем постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации. Такой порядок представляется не вполне разумным. Производство судебной экспертизы возможно только тогда, когда должностное лицо точно определилось относительно вида судебной экспертизы и вопросов для экспертного разрешения. Для принятия решения о назначении судебной экспертизы в обязательном

порядке уже должен быть собран материал, направляемый на экспертное исследование (ч.1 ст. 195 УПК РФ). Кроме этого, одним из требований соблюдения процессуальной формы производства судебной экспертизы является ознакомление с постановлением о ее назначении заинтересованных участников уголовного судопроизводства, которым разъясняются права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ и возможность их реализации. Однако отсутствие материального носителя электронной информации делает невозможным как вынесение названного постановления, так и ознакомление с ним участников процесса. Исходя из процессуального регламентирования следственных действий, направленных на получение предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, следует заключить, что к таким процессуальным действиям относятся осмотр места происшествия, обыск или выемки. Учитывая сказанное, представляется наиболее целесообразным в качестве юридического основания изъятия и (или копирования) электронной информации считать наличие достаточных данных для производства перечисленных следственных действий.

Определенную критику вызывает и новелла, закрепленная в п.2 ч.1 ст. 164.1 УПК РФ, где устанавливается второе основание изъятия электронных носителей информации - наличие судебного решения. Указанное правило противоречит ч. 2 ст. 29 УПК РФ, устанавливающей полномочия суда по осуществлению судебного контроля за производством следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного процесса и иных лиц. Из анализа рассматриваемой нормы следует, что изъятие электронных носителей и копирование с них информации при производстве следственных действий, не является предметом судебного контроля и не требует судебного решения. Таким образом, наблюдается явное противоречие положения п.2 ч.1 ст. 164.1 УПК РФ и ч.2 ст. 29 УПК РФ.

Отдельное внимание хотелось бы уделить анализу ч.2 ст. 164.1 УПК РФ, закрепляющей обязательное участие специалиста в ходе следственных действий по изъятию электронных носителей информации. Привлечение специалиста к производству следственных действий, сопровождаемых изъятием электронных носителей информации, выступает гарантией достоверности изымаемой информации. В то же время, некоторые авторы полагают, что упоминание об этом в ч.2 ст.

164.1 УПК РФ излишне с точки зрения юридической техники, поскольку порядок привлечения специалиста к производству следственных действий определен в ч. 1 ст. 168, ч. 5 ст. 164 УПК РФ и в дополнении не нуждается [1, стр. 207]. Думается, что, устанавливая указанное правило, законодатель преследовал двоякую цель. С одной стороны - обеспечить техническое сопровождение следственного действия, с тем, чтобы не допустить утрату информации, ее искажение либо повреждение. В противном случае неизбежно возникнет проблема с использованием изъятой информации в доказывании по уголовному делу, т.к. требования, предъявляемые к доказательствам, невозможно будет выполнить. С другой - обеспечить законный интерес владельца электронного носителя информации по ее сохранению и дальнейшему использованию. Обсуждая необходимость привлечения специалиста к проведению следственного действия по изъятию электронного носителя информации, следует заключить, что участие специалиста необходимо лишь тогда, когда происходит копирование информации с электронного носителя и только в тех случаях, когда для этого, действительно необходимы специальные знания, чтобы избежать нежелательных повреждений и обеспечить доказательственное значение изъятой информации. Кроме того, в силу ч.3 ст. 164.1 УПК РФ следователь вправе самостоятельно осуществить копирование информации с электронного носителя. При таких обстоятельствах осмотр информации осуществляется по месту проведения предварительного расследования, что не препятствует привлечению к ее осмотру специалиста.

Анализ законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации, а также мнений различных авторов позволяет сделать вывод о необходимости внесения поправок в ст. 164.1 УПК РФ с целью обеспечения единообразия ее применения, обеспечения доказательственного значения получаемой информации. Прежде всего, представляется необходимым исключить в качестве основания для изъятия электронных носителей информации постановления о назначении судебной экспертизы, а также наличие судебного решения. Кроме того, предлагается исключить из ч.2 ст. 164.1 УПК РФ правило о том, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста.

Список литературы

1.Васюков В. Ф., Семенов С. Е. Некоторые проблемы получения и использования цифровой информации при расследовании уголовных дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 203–210.

2. Лантух Э.В., Ишигеев В.С., Грибунов О.П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации// Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14. № 6. С. 882-890.

3.Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12. № 4. С. 476–484.

4.Россинская Е.Р.Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019 № 5 (57). С. 31-44.

5.Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14. № 3. С. 423-430.

6.Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т.13. № 1. С. 5-17.

7.Ткачев А.В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 436-441.

8.Шурухнов Н.Г., Смолькова И.В. Следователь как субъект использования специальных знаний и собирания доказательств в противодействии преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14. № 5. С. 808-815

**EGISLATIVE REGULATION OF WITHDRAWAL OF
ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS AND COPYING OF
INFORMATION FROM THEM: STATUS OF THE PROBLEM AND
WAYS OF ITS SOLUTION**

Abstract. The use of electronic media in everyday life has led to interest in them as a means of proof in criminal proceedings. Taking into account the

specifics of the material carrier of evidential information, a discussion has begun among scientists regarding the legal nature of electronic carriers of evidentiary information, the issues of legislative regulation of the production of investigative actions aimed at seizing electronic carrier. Taking into account the relevance of the issues raised, the author of the article aims to analyze the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the seizure of electronic media and copying information from them in the course of investigative actions.

Key words: *evidence, investigative actions, investigator, electronic media.*

Мовсумова Фариди Рауф - преподаватель кафедры «Право» Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики; Докторант Центра судебной экспертизы при Министерстве Юстиции Азербайджанской Республики, город Баку, Азербайджан.

movsumova.farida94@gmail.com

Movsumova Farida Rauf - Lecturer of the department "Law" of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan; Doctoral student of the Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *Успех в борьбе с транснациональной организованной преступностью зависит от многостороннего сотрудничества. Однако существующие режимы сотрудничества неэффективны для противодействия быстрым изменениям ландшафта организованной преступности. Уменьшение поддержки многостороннего сотрудничества означает, что международная система уголовного правосудия стала разрозненной, недостаточной и реактивной. В этой статье изложены возможные сценарии, которые могут повлиять на будущее международного сотрудничества в области уголовного правосудия, и поднимает наводящие на размышления вопросы о*

возможных результатах и воздействии на транснациональную организованную преступность. Чтобы быть полезным, как инструменты планирования, любой сценарий или видение будущего должны быть связаны с решениями в настоящем, и, следовательно, описанные здесь сценарии представлены в рамках текущих вызовов. Есть надежда, что гражданское общество, организации будут играть ведущую роль в разработке всеобъемлющей стратегии международного сотрудничества в области уголовного правосудия. Такая стратегия также должна быть дополнена новыми идеями по устранению недостатков и содействовать эффективным реформам государственных институтов, необходимых для реализации такой стратегии.

Ключевые слова: *законодательство, процессуальные реформы, международное сотрудничество, техническая помощь, правосудие, инновационные стратегии, экстрадиция, юрисдикция.*

Глобализация и, в частности, появление и распространение транснациональной преступности противостоят все системы правосудия с некоторыми новыми трудностями. Преступники мобильны и часто стремятся уклониться от обнаружения, ареста и наказания, действуя через международные границы. Они избегают быть пойманными воспользовавшись этими границами и играя на частом нежелании правоохранительных органов участвовать в сложных и дорогостоящих транснациональных расследованиях и судебных преследованиях. Слабая способность любой страны эффективно противостоять некоторым из этих новых угроз ведет к общей слабости международного режима сотрудничества в области уголовного правосудия. В настоящее время международное сообщество признает международное сотрудничество в уголовных делах как острую необходимость. Это требует национальных усилий по соблюдению новых международных стандартов, поощрять сближение и совместимость национального законодательства, вводить сложные процессуальные реформы и в целом создать гораздо больший потенциал для проведения расследований и судебного преследования на национальном уровне, а также укреплять потенциал для сотрудничества на международном уровне.

Основными механизмами, поддерживающими международное сотрудничество, являются взаимная правовая помощь, экстрадиция,

передача заключенных, передача производства по уголовным делам, международное сотрудничество для целей конфискации преступных доходов и возвращения активов, как это предусмотрено в Конвенциях ООН против коррупции, а также ряд менее формальных мер, в том числе меры в области международного сотрудничества правоохранительных органов. Эти механизмы регулируются двусторонними или многосторонними соглашениями или договоренностями или, в некоторых случаях, национальным законодательством. Все они быстро развиваются, чтобы идти в ногу с новыми технологиями и их эволюцией за последнее время.

Примечательно, что некоторые из самых инновационных стратегий возникают в результате сотрудничества между страны, которые имеют либо проблему преступности, либо общую географическую границу. Некоторые важные уроки, извлеченные в последние годы, основаны на опыте стран, работающих в двустороннем, субрегиональном или региональном уровне для решения практических вопросов на регулярной основе. Региональное сотрудничество быстро развивается во всех частях земного шара. Складывается консенсус в отношении некоторых из наиболее многообещающих средств укрепления международного сотрудничества в расследовании и уголовном преследовании тяжких преступлений. Некоторые из них теперь включены в рамках международного сотрудничества, установленных Конвенциями Организации Объединенных Наций против Транснациональной организованной преступности; против коррупции; и против финансирования терроризма, и несколько других многосторонних инструментов на глобальном и региональном уровнях, которые обеспечивают сильную основу для внутреннего сотрудничества.

Наличие национального законодательства для полной реализации этих инструментов имеют первостепенное значение, равно как и развитие потенциала сотрудничества и принятие административных мер, необходимых для поддержки различных моделей международного сотрудничества. Этот инструмент оценки определяет некоторые практические проблемы, с которыми обычно сталкивается страна, которая пытается активно участвовать в международном сотрудничестве. Это касается и некоторых практических вопросов, которые недавно появились в ходе реализации новых международных конвенций, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной

преступности, основной целью которой является именно содействовать международному сотрудничеству.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый на двустороннем, региональном, трансрегиональном и международном уровне, международное сотрудничество в расследовании и судебном преследовании тяжких преступлений еще нуждается в значительном усилении. Практики хорошо осведомлены о многих препятствиях, которые все еще существуют для международного сотрудничества по уголовным делам. К ним относятся вопросы суверенитета, разнообразия правоохранительных структур, отсутствие разрешительного законодательства, отсутствие каналов общения для обмена информацией, а также расхождения в подходах и приоритетах. Эти проблемы часто усугубляются трудностями в решении различных процессуальных требования каждой юрисдикции, конкурентное отношение, язык, права человека и вопросы конфиденциальности.

Существуют также вопросы верховенства права, которые требуют внимания в связи с международным сотрудничеством. Меры по укреплению верховенства права не следует характеризовать как препятствия для международного сотрудничества. Приверженность страны верховенству закона и защите прав человека должна не подлежать обсуждению или обмену на некоторые уступки международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью или терроризмом. На самом деле приверженность верховенству закона может усилить международное сотрудничество по уголовным делам. Меры по обеспечению законности и соблюдения международных стандарты в области прав человека также имеют непосредственное отношение к расширению взаимопомощи и международного сотрудничества. В вопросах экстрадиции, взаимной правовой помощи или совместных расследований органы и вовлеченные учреждения сохраняют за собой обязательство обеспечивать законность всех действий.

Комплексные подходы также важны при оказании технической помощи. Страны часто испытывают трудности с выполнением многочисленных международных конвенций и двусторонних договоров, которые они должны соблюдать. Основные возможности их уголовного правосудия и права правоохранительных органов часто ограничены. Они могут воспользоваться комплексной технической помощью, направленной на укрепление их общего потенциала в области

расследования и судебного преследования, а также их умение эффективно сотрудничать. Техническая помощь в сфере международного сотрудничества в контексте более широкой стратегических рамок может включать в себя работу, которая будет поддерживать следующее:

Пересмотреть и усовершенствовать правовую базу, включив в нее меры, поддерживающие и укрепляющие взаимопомощь;

Пересмотреть и усовершенствовать правовую базу, включив в нее меры, помощь в соответствии с требованиями договоров, участником которых является страна;

Пересмотреть и усовершенствовать правовую базу, чтобы сделать возможной экстрадицию в соответствии с требованиями договоров, участником которых является страна;

Пересмотреть и усовершенствовать правовую базу, включив в нее меры, сотрудничество в области правоприменения в соответствии с требованиями любых двусторонних или многосторонних соглашений;

Пересмотреть и усовершенствовать уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, чтобы обеспечить запрещенные деяния, описанные в вышеуказанных документах, криминализируются в соответствии с законодательством;

Пересмотреть и усовершенствовать уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, чтобы обеспечить выдачу преступника;

Пересмотреть и усовершенствовать уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, так чтобы информация, полученная в рамках международного сотрудничества, являлась конфиденциальной;

Разработать национальную политику и внедрить процедуры, облегчающие обмен информацией, а также ее анализ и предотвращение раскрытия конфиденциальной информации, полученной посредством таких обмена;

Разработать национальную политику и внедрить такие механизмы, как централизация полномочий, связь, прикомандирования и обмена прокурорами и сотрудниками правоохранительных органов, а также сети для облегчения взаимного сотрудничества;

Разработать национальную политику и внедрить процедуры взаимной правовой помощи в отсутствие договоров и, насколько это возможно, отсутствие двойной уголовной ответственности;

Развитие потенциала существующих институтов и агентств для разработки, использования и реагирования на просьбы о взаимной правовой помощи и информации;

Обучение сотрудников правоохранительных органов, прокуроров и судебных органов по требованиям о взаимной правовой помощи и экстрадиции;

Развивать потенциал органов власти для международного сотрудничества в деле защиты жертв, и компенсацию за причиненный им вред и их безопасную репатриацию, когда это необходимо.

Очевидно, что существующий режим сотрудничества необходимо срочно заменить более эффективными мерами сотрудничества против транснациональной преступности. Требуется новый подход к международному сотрудничеству в области уголовного правосудия, но в настоящее время провести государства через такое преобразование не получается. Поскольку гражданское общество способно отчасти преодолевать бюрократическую инерцию и проявлять образное мышление, оно может быть в состоянии обеспечить некоторое руководство в формулировании всеобъемлющей уголовной стратегии сотрудничества в сфере правосудия.

Список литературы:

1.Васильева Л.Н. Транснациональные преступления // Юрист-международник. 2005. № 3. С. 17-21.

2.Карташкин В.А. Международное право и мировой правопорядок в XXI веке // Юрист-международник. 2005. № 1. С. 10-14.

3.Квашиш В. Преступность как глобальная угроза // Юридический мир. 2005. № 10. С. 21-27.

4.Мансуров Т.Т. Понятие и общие признаки преступлений международного характера // Юрист-международник. 2004. № 1. С. 32-35.

5.Шарифуллин Р.А. Некоторые правовые аспекты международного сотрудничества в области предупреждения преступности. Российский судья. 2006. № 5. С. 28-31.

THE ROLE OF INTERNATIONAL COOPERATION IN COUNTERING CRIME

Abstract. Success in the fight against transnational organized crime depends on multilateral cooperation. Existing cooperation regimes are not effective in

addressing the rapidly changing organized crime landscape. Decreasing support for multilateral cooperation means that the international criminal justice system has become fragmented, inadequate and reactive. This article outlines possible scenarios that could influence the future of international criminal justice cooperation and raises thought-provoking questions about the possible outcomes and impacts on transnational organized crime. To be useful as a planning tool, any scenario or vision for the future must be linked to decisions in the present, and hence the scenarios described here are presented in terms of current challenges. It is hoped that civil society organizations will take the lead in developing a comprehensive strategy for international cooperation in criminal justice. Such a strategy should also be complemented by new ideas to address shortcomings and promote effective reforms of public institutions needed to implement such a strategy.

Key words: *legislation, procedural reforms, international cooperation, technical assistance, justice, innovative strategies, extradition, jurisdiction.*

Мусаева Улдуз Алияровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Право» Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики, город Баку, Азербайджан. dia.121@mail.ru

Musayeva Ulduz Aliyarovna – Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Law of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, СУБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, УЧЕНЫХ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы взаимодействия субъектов правоохранительной деятельности, научных сотрудников вузов, а также общественности в сфере противодействия преступной*

деятельности. Проводится сравнительный анализ взаимодействия в РФ и Республике Азербайджан. Отмечены как положительные, так и негативные моменты, требующие совершенствования взаимодействия в данной области.

Ключевые слова: взаимодействие, правоохранительные органы, противодействие преступности, законодательство РФ, законодательство Азербайджана.

Основопологающим фактором противодействия преступности в целом является эффективность процесса взаимодействия законодателя, субъектов правоохранительной деятельности, ученых и общественности в целях реализации форм противодействия преступной деятельности, под которыми ученые предлагают считать: - профилактику; - выявление; - предотвращение; - пресечение; - досудебное производство; - уголовно-правовое воздействие на виновных; - нивелирование, минимизацию негативных последствий преступных деяний и преступности в целом. Вполне очевидно, что все указанные формы реализуются наиболее эффективно только с помощью взаимодействия и при условии применения междисциплинарного комплексного знания.

Необходимость такого взаимодействия обусловлена тем, что для решения одной и той же цели – борьбы с преступностью субъекты взаимодействия наделены различными полномочиями, используют в своей деятельности различные средства и методы. В частности, тесное взаимодействие между субъектами правоохранительной деятельности позволит сочетать их возможности для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, а соответственно, - для противодействия преступной деятельности.

В юридической литературе в понятие взаимодействия иногда включается указание на согласованность действий между субъектами расследования и раскрытия преступлений по цели, месту и времени.

Нам представляется, что взаимодействие не всегда предполагает синхронности по всем трем моментам, в частности, согласованность по месту и времени не является обязательным свойством взаимодействия. Так, поручая органу дознания разыскать преступника, следователь, как правило, не связывает выполнение такого задания с определенным местом. И, наоборот, при производстве осмотра, обыска или другого

следственного действия обязанности сотрудника органа дознания и следователя могут быть распределены с учетом места их деятельности. Тем не менее, согласованность действий по цели при взаимодействии обеспечивается всегда.

В настоящее время сформировался определенный комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы взаимодействия субъектов расследования и раскрытия преступлений, и именно совокупность этих актов является правовой основой взаимодействия субъектов.

Правовые основы взаимодействия субъектов расследования и раскрытия преступлений – это законы и подзаконные нормативные акты, в соответствии с которыми оно осуществляется. Нормативными правовыми актами определены порядок взаимодействия, его организация и направленность на выполнение задач уголовного судопроизводства.

Совершенно очевидно, что правовая регламентация имеет значение для организации взаимодействия субъектов расследования и раскрытия преступлений в целях достижения общих задач. Она должна служить решающим фактором согласованной деятельности, устранять различные противоречия между субъектами, определять основные принципы и условия их взаимодействия, о чем неизменно подчеркивается на страницах научной литературы. Следует отметить, что Азербайджанская Республика и столица Баку, по праву считаются одними из безопасных регионов на постсоветском пространстве.

Несомненно, что наиболее эффективной формой противодействия является **профилактика** преступности. Службой «Безопасный город» круглосуточно в г. Баку обеспечивается наблюдение за состоянием общественного порядка, для чего используются новейшие технические средства контроля.

Профилактика определяется учеными, законодателями и правоприменителями как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Отсюда следует, что, являясь наиболее объемной формой деятельности, включающей в себя большой круг специализированных и неспециализированных субъектов, она

предполагает владение этими субъектами комплексом общих и специальных знаний. В отдельную группу входят граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь субъектам профилактики правонарушений.

Важная роль отведена основным мерам общеметодического предупреждения организованной преступной деятельности, которые требуют комплексной, во многом с учетом криминологической теории предупреждения преступлений, разработки. К числу таких мер можно отнести: разработку комплексных форм и методов совместной деятельности правоохранительных органов, средств массовой информации и социальных служб, т.е. объединение их усилий на основе межведомственного координирующего органа с тщательно разработанной программой на определенный промежуток времени; специальную профессиональную подготовку лиц, включенных в противодействие организованной преступной деятельности; повышение материально-технического обеспечения специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью; совершенствование форм и методов совместной международной деятельности правоохранительных органов.

Основная роль в **выявлении** преступлений отводится органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также деятельности мотивированной общественности. На наш взгляд, без привлечения данной категории лиц ОРД перестанет существовать и переродится в иной вид социально полезной юридической деятельности.

Вопрос, требующий всестороннего анализа, – это противодействие преступлениям, связанным с большой общественной опасностью, в том числе, против личности, в экономической сфере и др. В 2020 и 2021 годах их количество возросло примерно на 7-9 %, поэтому чрезвычайно важно соответствующим подразделениям МВД во взаимодействии с другими правоохранительными органами и спецслужбами своевременно оценивать риски возможных проявлений. На этой основе необходимо выработать эффективные **превентивные** меры. Особое внимание должно быть уделено нейтрализации попыток разного рода лиц использовать сеть Интернет, использовать современные средства для разжигания межнациональной, религиозной и социальной вражды.

Выявление, предотвращение и пресечение преступления, как правило, осуществляется сотрудниками правоохранительных органов, однако, исходя из ситуации, в этих действиях, как мы уже отмечали,

могут участвовать любые лица, проявляющие активную гражданскую позицию. Данные формы противодействия преступной деятельности предполагают самый, пожалуй, узкий сектор воздействия на обозначенных лиц.

Несмотря на систематически совершенствующиеся теоретические рекомендации ученых, а также практические усилия законодателя и правоохранительных органов, на современном этапе возникают проблемы, связанные с неразработанностью модели раскрытия и расследования преступлений, основанной на междисциплинарном научном знании, которая на интеграционной основе включала бы в себя глубокое знание следователями механизма самой преступной деятельности как целостного социального организма со своими тактическими, организационными, методическими, технико-криминальными особенностями, позволяющими реализовывать свою преступную деятельность; законодательные пробелы, существенно влияющие на эффективность правоприменительной деятельности, средства и методы противодействия преступной деятельности, выработанные различными науками и т.п. Однако по изложенным нами причинам реализовать подобную интеграционную деятельность весьма сложно.

Междисциплинарность уголовно-правового цикла имеет диалектический характер, свидетельствующий о необходимости для эффективной борьбы с преступностью изучения закономерностей социального характера уголовно-правовых отношений. Нам представляется наиболее важным в междисциплинарном взаимодействии не столько комплексный (он также имеет существенное значение), сколько именно интегративный (с проникновением системы знаний одной науки уголовно-правового цикла в другую) познавательный аспект такого взаимодействия, создающий ядро междисциплинарных системных знаний и научных подходов к решению поставленных теоретических и практических задач.

ISSUES OF INTERACTION OF THE LEGISLATOR, SUBJECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES, SCIENTISTS AND THE PUBLIC AS AN EFFECTIVE MEANS OF COUNTERING CRIME

Annotation. The article deals with the issues of interaction between subjects of law enforcement, researchers from universities, as well as the

public in the field of combating criminal activity. A comparative analysis of interaction in the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan is being carried out. Both positive and negative aspects are noted, requiring improvement of interaction in this area.

Key words: *Interaction, law enforcement agencies, combating crime, legislation of the Russian Federation, legislation of Azerbaijan.*

Осипова Екатерина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, БФУ им. И. Канта, город Калининград, Россия, evosipova@kantiana.ru
Osipova Ekaterina Vasilievna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Legal Informatics,

IKBFU I. Kant, city of Kaliningrad, Russia

Семенова Елизавета Викторовна – студентка 3 курса, Высшая школа права, БФУ им. И. Канта, город Калининград, Россия, el.sem.27@gmail.com

Semenova Elizaveta Viktorovna – 3rd year student, Higher School of Law, IKBFU I. Kant, city of Kaliningrad, Russia

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ОПЫТ США И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РФ

Аннотация. *В статье исследуются отдельные вопросы адвокатского расследования и перспектив его внедрения в отечественный уголовный процесс. Проведен сравнительный анализ российского и американского уголовно-процессуального законодательства. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по обеспечению состязательности сторон на досудебных стадиях процесса посредством*

внедрения некоторых элементов института адвокатского расследования в российское уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: *адвокат, адвокатское расследование, уголовный процесс России, уголовный процесс США, состязательность сторон, предварительное расследование.*

Фундамент адвокатской деятельности в Российской Федерации образуют две нормы Конституции РФ: ст. 48 наделяет каждого правом пользоваться помощью адвоката, а ст. 123 закрепляет, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Следует отметить, что принцип состязательности сторон содержится в главе Конституции РФ, которая называется «Судебная власть и прокуратура». Ст. 123 Конституции РФ также говорит о реализации этого принципа исключительно на стадии судебного разбирательства. При этом Конституция РФ не содержит никакой информации о состязательном построении **досудебного** производства.

Как известно, Конституция РФ является основным законом Российской Федерации, на положениях которой базируются все остальные нормативно-правовые акты, в том числе и УПК РФ. Так, УПК РФ развивает и детализирует положения основного закона, касающиеся судопроизводства, при этом, также обращает на себя внимание то, что в нормах процессуального законодательства нет закрепления принципа состязательности сторон на досудебных стадиях процесса.

Между тем, тенденция такова, что состязательность сторон обвинения и защиты повсеместно воспринимается как базовый принцип, пронизывающий *все* стадии уголовного процесса. В связи с этим в научной литературе в последнее время все чаще поднимается вопрос о необходимости введения процессуальных изменений, обеспечивающих равенство сторон на досудебных стадиях процесса [1,2]. Среди них одним из наиболее обсуждаемых предложений по решению данной проблемы является возможность введения адвокатского расследования.

Позиции ученых-процессуалистов по вопросу введения института адвокатского расследования в России являются противоположно диаметрально. Так, одни считают, что данный институт реализуется в Российской Федерации в полной мере, другие говорят о присутствии лишь некоторых его элементов, третьи утверждают о невозможности существования данного явления в российском правовом поле.

Так, Е.Г. Мартыничук утверждает, что адвокатское расследование выступает как составная часть досудебного производства по уголовным делам, что оно представляет собой новый вид предварительного расследования, который гармонично дополняет существующие его формы – дознание и предварительное следствие [3, с. 121]. По мнению ученого нормы, содержащиеся в УПК РФ, свидетельствуют о фактическом наличии адвокатского расследования в современном отечественном уголовном процессе.

Противоположное мнение высказывает А.А. Давлетов, который отмечает, что в настоящее время в нашем уголовном процессе не только нет адвокатского расследования как относительно сформировавшегося института уголовно-процессуального права, но и каких-либо признаков его существования[4]. Концепция адвокатского расследования также подвергалась аргументированной критике такими известными учеными, как Н.Н. Ковтун [5], В.С. Шадрин[6], Ю.В. Деширев [7] и др.

Принимая в учет имеющиеся в современной науке позиции различных ученых, приведем нашу точку зрения относительно существования данного института в Российской Федерации.

Прежде всего, возникает вопрос, что следует понимать под адвокатским расследованием. Термин «адвокатское расследование» не имеет однозначной трактовки, хотя для адвокатов интуитивно понятен. Давая определение данному понятию с точки зрения проведения параллели между деятельностью следователя и адвоката, можно сказать, что адвокатским расследованием является деятельность адвоката на досудебном производстве по уголовному делу в целях выявления, установления и закрепления доказательств и обстоятельств, имеющих значение для защиты прав, свобод и законных интересов подзащитного. Однако, на наш взгляд, было бы необоснованным утверждать, что адвокат имеет процессуальное положение, по объему правомочий полностью соответствующее положению следователя.

Предоставление защитнику собственных возможностей по сбору доказательств не приравнивает его положение в уголовном процессе к следователю или дознавателю. Прежде всего, ч. 1 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень субъектов доказывания, среди которых адвокат не упоминается, т.е. не является субъектом доказывания. Далее, ч. 2 ст. 74 УПК РФ, определяющая виды доказательств, не содержит указания на опрос лиц защитником либо документы,

полученные по адвокатскому запросу, что, при этом, входит в полномочия защитника на стадии досудебного производства согласно ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»¹. Кроме того, следователь, дознаватель вправе отказать адвокату в удовлетворении любого ходатайства. Таким образом, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве сохраняется статус защитника как просителя, ходатайствующего перед правоприменителем. Следователь и дознаватель полностью свободны в своем усмотрении по разрешению просьбы адвоката.

Представляется, что концепция адвокатского расследования пока что малоприменима в реалиях российского уголовного процесса не только из-за отсутствия ее нормативного закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», но также из-за исторического несоответствия данного института модели отечественного уголовного судопроизводства, а именно – модели континентальной.

Так, для жителя Англии с давних времен разрешение юридического конфликта было его личным делом. Будучи потерпевшим, человек самостоятельно собирал доказательства в свою пользу и обращался в суд, который с участием сторон, т.е. состязательно, разрешал ситуацию. Такой процесс получил название частно-искового и, безусловно, являлся состязательным.

В континентальной Европе правовая система пошла по иному пути развития: реагирование на преступление стало делом государственным, публичным, что породило два этапа движения уголовного дела: досудебный и судебный. В досудебном производстве ведущую роль занимали органы предварительного расследования. Они действовали в розыском (несостязательном порядке), роль защиты была существенно ограничена. Такой уголовный процесс получил название публично-искового. Элемент состязательности в нем присутствовал только на судебной стадии. Так, если английское уголовное судопроизводство предстает как полностью состязательное, то континентальное - как смешанное[8].

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «Консультант плюс».

Рассматривая современные правовые системы, например, регулирование уголовного процесса США, можно также заметить его четкую состязательную направленность. Так, в США крайне распространенным является привлечение частного детектива для расследования уголовных дел. При этом частный детектив может производить непроцессуальные действия, которые могут послужить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, а именно: собирание предметов, которые могут быть использованы в качестве вещественных доказательств; истребование документов. В некоторых штатах США частным детективам разрешено производство арестов подозреваемых в совершении преступления, обыски, выемки, использование средств электронного наблюдения[9].

Сравнивая отечественную сыскную систему с системой США, можно заметить, что институт частного сыска в России развит значительно меньше, а полномочия частных детективов крайне ограничены. Данный институт регулируется ФЗ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»². Так, например, сведения, собираемые детективом, по своей юридической силе не равнозначны доказательствам в уголовном судопроизводстве. Детектив не собирает доказательства, а, скорее, подготавливает почву должностным лицам для собирания доказательств. Например, детектив может обнаружить свидетеля, который не был вызван на судебное разбирательство, но допросить его в качестве свидетеля, т.е. получить показания свидетеля могут только уполномоченные на то лица.

Кроме того, возможна ситуация, где главным свидетелем по делу оказывается сам детектив; однако применение данной процессуальной роли к детективу противоречит самой сущности его деятельности. Представляется вполне обоснованным тот факт, что детектив не захочет раскрывать свою личность, поскольку он осуществляет свою деятельность тайно; в противном случае работа детектива не имела бы смысла. Однако отказ свидетельствовать по делу влечет уголовную ответственность согласно УПК РФ, что создает еще одно препятствие для внедрения результатов деятельности частного детектива в доказательственную базу со стороны адвоката.

² Закон РФ "О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации" от 11.03.1992 N 2487-1 (в ред. от 11.06.2021) // СПС «Консультант плюс».

Таким образом, на основе вышесказанного можно утверждать, что в России уголовное судопроизводство на досудебных стадиях продолжает оставаться публично-правовым, имеет розыскной характер.

Поскольку институт адвокатского расследования призван реализовывать принцип состязательности на досудебных стадиях процесса, представляется возможным рассмотреть пути реформирования существующей уголовно-процессуальной системы для внедрения отдельных элементов адвокатского расследования в правоприменительную практику.

Так, В.В. Конин указывает, что к сбору доказательств, опровергающих обвинение, и поиску свидетелей следует подключить частного детектива. Так, детектив сам проводит параллельное расследование, а защитник «ходатайствует о допросе частного детектива как свидетеля со стороны защиты» [10].

А.С. Александров предлагал внести в УПК РФ норму о том, что под диспозитивностью и равенством сторон в уголовном процессе следует понимать, что стороны обвинения и защиты свободны в собирании и предоставлении доказательств [11]. Фактически это означало бы включение адвоката в перечень субъектов доказывания, перечисленных в УПК РФ.

Иной подход применяет И.Ю. Панькина, которая предлагает наделить следственными полномочиями адвоката-защитника в рамках допроса очевидцев преступления и свидетелей аналогично следователю, проводящему предварительное расследование в рамках расследования уголовного дела [12].

На наш взгляд, полноценное внедрение института адвокатского расследования в современную российскую уголовно-процессуальную систему в ближайшем будущем невозможно, однако можно говорить о внесении в уголовно-процессуальное законодательство некоторых его элементов, а в последствии - их развитии.

Так, например, представляется целесообразным предусмотреть норму, закрепляющую то, что следователь не может отклонить ходатайство адвоката о допросе свидетеля по отдельным обстоятельствам, имеющим отношение к делу. Примером для такого ходатайства может служить ситуация, в которой свидетель обладает сведениями, которые являются ключевыми для установления объективной стороны дела.

Также считаем необходимым предусмотреть процедуру обращения адвоката в суд в досудебном порядке о приобщении в качестве вещественных доказательств полученных им документов и т.д., не дожидаясь стадии судебного рассмотрения дела. Существующая процедура судебного рассмотрения споров между адвокатом и должностными лицами публичного обвинения значительно растягивает процесс и представляется мало эффективной.

Процессуальное завершение действий защитника, на наш взгляд, должно включать в себя итоговый документ, противоположный заключению следователя, где будет изложена позиция адвоката, включая все собранные адвокатом сведения и их источники, который также будет направляться в суд.

Предложенные нами меры по внедрению элементов адвокатского расследования в уголовно-процессуальное право Российской Федерации, думается, будут способствовать реализации принципа состязательности сторон на стадии предварительного расследования.

Список литературы

1. Колесник К.Р. Проведение адвокатского расследования: существующие препятствия и возможные пути их преодоления// Евразийская адвокатура. - 2017. - №3. - С. 72-74.
2. Киселев П.П. Основные положения концепции адвокатского расследования // Евразийская адвокатура. – 2016. - №4. - С. 26-34.
3. Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учеб. пособие. М., 2012. – 258 с.
4. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2020. – № 1. – С. 71-77.
5. Ковтун Н. Н. Рецензия на книгу: Пастухов М. И. Реабилитация невиновных: основы правового института. Минск, 1993 // Государство и право. - 1994. - № 8-9. - С. 224.
6. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. – 230 с.
7. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. – 340 с.

8. Антонов А. А. К вопросу о возможности введения адвокатского расследования в российском уголовном судопроизводстве // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 4(20). – С. 219-221.

9. Строгая Н.В. Сравнительный анализ получения защитником доказательственной информации от частно-детективных структур (на основе законов Великобритании, Японии, Франции, США и России) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. - №28. - С. 72-74.

10. Конин В.В. Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.– 195 с.

11. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М., 2015. – 304 с.

12. Панькина И.Ю. Пути расширения полномочий адвоката при доказывании в российском уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. - 2019. - №1. - С. 128-134.

ADVOCATE’S INVESTIGATION: THE U.S. EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF ITS IMPLEMENTATION INTO RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Annotation. The article studies some problematic issues of advocate’s investigation and its perspectives of implementation into domestic criminal procedure. A comparative analysis of Russian and American criminal procedure law is carried out. Based on the analysis, suggestions on guaranteeing adversarial proceedings at the pre-trial stage are formulated. Some elements of proposed concepts about advocate’s investigation are considered to be implemented in Russian criminal procedure.

Key words: Advocate, advocate’s investigation, Russian criminal procedure, the USA criminal procedure, adversarial proceedings, preliminary investigation

Петровский Антон Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, Anton-Petrovski@yandex.ru
Petrovskiy Anton Vladimirovich, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Kuban State University

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АНАЛИТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Криминологическая аналитика является фундаментом общей и индивидуальной превенции преступности и преступного поведения. В России формируется законодательная основа для аналитико-криминологической деятельности, которая уже определила перечень субъектов, их права и обязанности в рамках института мониторинга в сфере профилактики правонарушений. Однако, казалось бы, полезная для правоохранительной системы и науки практика остается фикцией, в которой преобладает имитация бюрократической активности не приносящей никакого эффекта. Для исправления сложившейся ситуации автор, в настоящей статье излагает законодательную новеллу, которая позволит оптимизировать аналитико-криминологическую деятельность.

Ключевые слова: аналитика, криминогенные детерминанты, предупреждение преступлений, криминологическое законодательство, мониторинг

Современное криминолого-профилактическое законодательство России не только определяет порядок осуществления профилактики, но и стратегии и тактики предупреждения преступного поведения социальными, управленческими, правоохранительными и правовыми средствами. Все это позволяет говорить, что нормативная регламентация необходима не только для организации предупредительных мер (форм), детализации объектов предупреждения и установления прав и обязанностей субъектов, но и для регламентации порядка сбора и хранения информации о качественных и количественных характеристиках преступности, о личностях совершивших преступления, о лицах ведущих

антиобщественный образ жизни и находящихся на профилактическом учете, жертвах преступлений, качественных и количественных особенностях правонарушений совершаемых в РФ и в регионах, методиках организации и проведения мониторинга криминогенных детерминантов и криминальной обстановки, основания и порядка оказания виктимологической помощи, ресоциализации криминогенных групп населения, правил и системы сбора неперсонифицированной криминологической информации.

Необходимо отметить, что на общефедеральном и специально-ведомственном уровне нормативное закрепление анализа состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития, изучение практики предупреждения и пресечения преступлений давно присутствует в рамках российского правового поля. Законодатель закрепил аналитико-криминологическую составляющую в Федеральном Законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ) установив обязанность для субъектов превентивной деятельности по наблюдению за состоянием профилактики, анализу и прогнозированию причин и условий, способствующих правонарушениям, оценке эффективности деятельности (п.7 ст. 2; ст. 32). Правительство Российской Федерации разработало и утвердило правила проведения мониторинга в сфере профилактики правонарушений субъектами, установив сроки предоставления результатов и определив иерархию передачи информации от низовых звеньев административной системы до Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [1]. Однако, невнесение изменений, либо отсутствие дополнений в специальные нормативные правовые криминологические акты, регламентирующие криминологическую аналитику, особенно Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19, Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12. 2016 года № 1564 Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 свидетельствует о нежелании власти заниматься анализом причин и условий правонарушений и оценками эффективности различных превентивных практик.

Одним из определяемых Федеральным законом № 182-ФЗ средств реализации профилактики правонарушений является мониторинг в этой сфере, предполагающий создание системы наблюдения за состоянием профилактической работы, анализ и прогнозирование криминогенных

детерминантов, оценку эффективности деятельности субъектов профилактики. О серьезных намерениях относительно развития указанного направления деятельности свидетельствует постановление Правительства РФ от 30.12.2016 г. № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Формально вопросы мониторинга нашли свое отражение в региональном криминологическом законодательстве и созданных на их основе различных программах субъектов Федерации по обеспечению общественной безопасности и правопорядка. Но ни на каких информационных сайтах федеральной и региональной власти найти информацию о криминогенных детерминантах, их иерархии, первостепенности для отдельных преступлений невозможно. Не хочет делиться федеральная и региональная власть информацией об эффективности профилактических мер и мероприятий в стране, отсылая всех интересующихся на страницы с данными о преступности, полагая, что изменения отражают результативность превентивной деятельности. Региональные профилактические комиссии, а такие структуры существуют, не анализируют виды и сроки уголовных наказаний по общеуголовным, экономическим, должностным преступлениям. И понять действенность предупредительной функции уголовного, административно-деликтного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, криминологического законодательства достаточно сложно потому что: 1) удельный вес лиц, не имеющих постоянного дохода и совершивших преступления остается неизменным: 2017 – 65,7%; 2018 – 64,6%; 2019 – 63,8%; 2020 – 63,9%; 2021 – 64,1; 2) негативными показателями, свидетельствующими о явных проблемах профилактики, являются данные об удельном весе лиц, повторно совершивших преступления: 2017 – 56,0%; 2018 – 56,4%; 2019 – 57,0%; 2020 – 57,7%; 2021 – 58,2%; 3) процент ранее судимых в структуре выявленных преступников составил: в 2017 – 28,2%; в 2018 – 29,1%; в 2019 – 29,6%; в 2020 – 29,9%; в 2021 – 30,1%.

Положения о аналитико-криминологической деятельности, закрепленные в региональных законах, выполняют большей частью декларативные функции. Это обусловлено тем, что криминологическое исследование (мониторинг) относится к сложнейшим видам деятельности, требующим знаний как юридических наук, так и

психологии, социологии, статистики и др. Кроме того, огромный объем информации, подлежащей обработке, предопределяет необходимость наличия у исследователей навыков и умения пользоваться соответствующими информационными технологиями, программами анализа данных правовой статистики, криминологического анализа. Отмеченные обстоятельства позволяют констатировать невозможность объективного мониторинга в сфере профилактики правонарушений вследствие отсутствия необходимых специалистов, знаний и возможностей. Подтверждением тому служит, например, отсутствие в государственной программе Краснодарского края 2016–2021 гг. «Обеспечение безопасности населения» в перечне мероприятий подпрограммы «Укрепление правопорядка, профилактики правонарушений, усиление борьбы с преступностью в Краснодарском крае» финансирования проведения социологических исследований с целью определения эффективности мер, принимаемых по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью (п. 1.1.1)[2].

Именно, анализ состояния преступности, структуры, динамики, прогнозирование тенденций развития, изучение практики предупреждения и пресечения преступлений должно стать основой для институционализации законодательного, управленческого и социального взаимодействия. Прогнозирование развития отдельных криминальных явлений, выявляемых уполномоченными субъектами, позволяет своевременно принимать криминологические законы, вносить изменения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Так, ряд антиобщественных действий (бездействий) длительное время оставался без должного внимания правоохранительной системы по причине пробелов в законодательстве. Это так называемый кризис «обманутого дольщика», который возник по причине мошеннических неисполнений обязательств в строительной отрасли 2004-2016 гг., финансовых пирамид деятельность которых имеет различные гражданско-правовые формы [3, стр. 88–93]. К слову, последний «трест который лопнул» была компания Finiko(г. Казань), обещавшая с 2019 года автоматически генерируя прибыль до 20–30% в месяц заработать для вкладчиков деньги, однако только причинила ущерб гражданам общей суммой в один миллиард рублей. Можно обратить внимание и существующие сложности профилактической и уголовно-правовой реакции на появление новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов [4,

стр. 25–30], затруднения, связанные с противодействием криминологическому и уголовно-правовому рецидиву [5, стр. 61–64], тупиковая ситуация с вопросами ресоциализации бывших осужденных [6, стр. 4–13] и др.

В заключение хочется отметить, что воспринимая Федеральный закон № 182-ФЗ как основу для построения последовательной, объективной и научно обоснованной системы мер профилактического воздействия предлагается изменить ч. 1 ст. 16 «Основания для осуществления профилактики правонарушений» изложив ее в следующей редакции: «Профилактика осуществляется на основе анализа состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирования тенденций развития, изучения криминологических практик должностными лицами органов прокуратуры РФ, следственных органов Следственного комитета РФ, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы исполнения наказания, иными лицами, уполномоченными на это государством в случае выявления ими причин и условий преступлений и административных правонарушений, способствующих их совершению». Такое изменение закона конкретизирует обязанность для субъектов профилактики научно обосновано и последовательно создавать, и реализовывать профилактические программы.

Кроме того, необходимо подумать о криминологической специальности, о создании штатной должности криминолога в органах и учреждениях, осуществляющих профилактику правонарушений. Такое предложение также предполагает внесение дополнений в Федеральное законодательство.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2016 года № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации (вместе с Правилами проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений) // ЭПС «Система Гарант» (дата обращения 12.11.2021)

2. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 г. № 1039 (ред. от 09.02.2017 г.) «Об утверждении государственной программы Краснодарского края

«Обеспечение безопасности населения» // ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения 20.01.2022)

3. Огородникова Н.В., Ищенко А.В. Уголовно-правовая защита обманутых дольщиков // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 2. С. 88–93.

4. Елесина И.Г. Предупреждение и профилактика наркомании // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 13–16; Позднякова М.Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков // Социология медицины. 2016. № 1 (15). С. 25–30.

5. Идрисов Н.Т. О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. Том 4. С. 61–64.

6. Москалькова Т.Н. Проблемы ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–13.

CURRENT PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINOLOGICAL ANALYTIC ACTIVITIES IN RUSSIA

***Abstract.** Criminological analytics is the foundation of common and individual prevention of crime and criminal behavior. In Russia, a legislative framework for analytical and criminological activities is being formed, which has already determined the list of subjects, their rules and obligations within the framework of the monitoring institute in the field of crime prevention. However, the seemingly useful practice for the law enforcement system and science remains a fiction, in which the imitation of bureaucratic activity that does not bring any effect prevails. To correct the current situation, the author, in this article, sets out a legislative novel that will optimize analytical and criminological activities.*

***Key words:** analytical treatment, criminogenic determinants, crime prevention, criminological legislation, monitoring*

Петрухина Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права и управления, город Тула, Россия, petrukhina7979@mail.ru

Petrukhina Olga Anatolyevna – phd in law, associate professor, associate professor of the department of criminal law and procedure, Institute of law and

administration, Tula, Russia,

Мартынова Ирина Геннадьевна – ассистент кафедры уголовного права и процесса, Институт права и управления, город Тула, Россия, anirina@mail.ru

Martynova Irina Gennadiyevna - assistant of the department of criminal law and process, Institute of law and administration, Tula, Russia,

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу нормы, предусматривающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. На основе анализа научных трудов и судебной практики автором выделен ряд проблем, затрудняющих уголовно-правовую оценку указанного деяния. Исследование является актуальным в связи со сложившейся международной обстановкой.*

***Ключевые слова:** нацизм; фашизм; реабилитация нацизма; уголовная ответственность.*

В 2020 году весь мир отмечал 75-летие разгрома нацистской Германии и окончание Второй мировой войны. Россия праздновала этот значимый юбилей победы советского народа с особенными чувствами. В СССР в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. погибли 26,6 млн. человек, разрушено свыше 1 700

городов и поселков, 70 тыс. сёл и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий. Всего в мире коричневая чума унесла жизни свыше 70 млн. людей [1].

Казалось бы, вся мировая общественность осудила преступления против человечества, совершенные последователями национал-социалистической идеологии. Однако, бывшие союзники СССР – США, Великобритания, Франция и другие страны, ежегодно празднуя эту дату, умышленно переосмысливают и принижают роль Советского Союза, который внёс наибольший вклад в очищение мира от нацизма и фашизма. Не прошло и 100-летия, как западные страны забыли уроки Нюрнбергского процесса, который продемонстрировал всему миру последствия реализации гитлеровских планов.

В результате латентно, а то и открыто росли и растут неонацистские настроения в европейских странах, как это произошло с Украиной. Последствия мы наблюдаем в настоящее время.

Данная проблема существует и в Российской Федерации. По ст.354.1 УК РФ за реабилитацию нацизма в 2020 году были осуждены 10 человек. В 2021 году 35 человек. То есть цифры выросли более чем в 3 раза. Из 30 осужденных по данной статье в 2021 году двое были лишены свободы, 20 человек оштрафованы [2].

До недавнего времени нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за отрицание или искажение того или иного исторического факта, в законодательстве встречались достаточно редко. Ситуация изменилась с произошедшими на международной арене событиями: смена политического режима на Украине, кризис в международных отношениях явились своего рода катализатором значительного количества законодательных инициатив. Так, в 2014 году в Российской Федерации была введена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ст.354.1 УК РФ). То есть на государственном уровне была осознана необходимость защитить нашу историю от преступных посягательств и таким образом сохранить историческую справедливость.

Надо отметить, что правовой механизм привлечения к ответственности за реабилитацию нацизма имеет серьезные недоработки и пробелы, создает существенные препятствия для применения этой нормы на практике. Присутствие в диспозиции ст.354.1 УК РФ оценочных признаков «обуславливает наличие нескольких возможных

вариантов решения» по уголовным делам о реабилитации нацизма, «наличие правовых предписаний с относительно определенным содержанием» [3, стр.284].

Так, с учетом характера общественной опасности реабилитация нацизма может быть отнесена к международным или к конвенционным преступлениям [4, стр.882]. Однако, в отличие от других таких преступлений, международного договора о сотрудничестве между государствами по борьбе с реабилитацией нацизма, не заключалось. Несмотря на то, что национальное законодательство многих стран предусматривает уголовную ответственность в той или иной форме за реабилитацию (оправдание, пропаганду и т.п.) нацизма. Так, к примеру, Уголовный кодекс Вьетнама от 2015 г. содержит ст.116 «Подрыв политики солидарности», согласно которой к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие против народной администрации такие действия как:

- разъединение между классами людей, между народом и народной властью, народными вооруженными силами и общественно-политическими организациями;
- разжигание ненависти, дискриминацию, разделение, этнический сепаратизм, ущемление равноправия вьетнамской этнической общности;
- внесение раздора между верующими и неверующими, последователями разных религий, верующими и народной властью, общественно-политическими организациями; подрыв реализации политики интернациональной солидарности.

Нужно отметить, что в социалистической республике Вьетнам не используется термин «нацизм». Тем не менее, состав преступления «подрыв политики солидарности» имеет много общих уголовно-правовых признаков (разжигание ненависти, дискриминация, разделение, этнический сепаратизм, ущемление равноправия вьетнамской этнической общности)с реабилитацией нацизма.

Не позволяют отнести реабилитацию нацизма к числу преступлений международного характера и неудачные формулировки, использованные законодателем при установлении объективных признаков состава данного преступления. Отсутствие международного договора делает невозможным применение универсальной юрисдикции в отношении реабилитации нацизма.

Помещение ст.354.1 УК РФ в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» представляется спорным, так как ее содержание не в полной мере охватывается родовым объектом (общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества). Распространение сведений о памятных датах России (ч.3 ст.354.1 УК РФ) под данный объект вообще не подпадает, в связи с тем, что в соответствии с Федеральным законом от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [5] не все памятные даты относятся к Великой Отечественной войне. Кроме того, в данном Федеральном законе содержание понятий «дни воинской славы России» и «памятные даты России» раскрывается таким образом, что и к реабилитации нацизма, в полном смысле этого понятия, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ имеет отношение не всегда. Видовой объект преступных деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, не соответствует родовому объекту преступлений против мира и безопасности человечества, так как действия, указанные в диспозиции ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, едва ли способны поставить под угрозу мирное сосуществование государств.

Некоторые авторы предлагают поместить данную статью в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» или главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» наряду с такими преступлениями, как хулиганство (ст. 213 УК РФ) или уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 242 УК РФ) [6]. Мы считаем, что данное предложение вполне заслуживает внимания.

Следующей проблемой является несовершенство понятийного аппарата, использующегося в рассматриваемой норме. Так, понятие «реабилитация» в отечественном законодательстве встречается в п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Под ним законодатель подразумевает порядок восстановления прав и свобод лица, которое подверглось уголовному преследованию незаконно или необоснованно. В указанной формулировке понятие «реабилитация» имеет положительный смысл. С целью недопущения неоднозначности толкования данного термина, мы предлагаем использовать те приемы юридической техники и законодательные формулировки, которые уже применены в ст. 205.2 УК РФ [4, стр.884], то есть целесообразно раскрыть понятие «реабилитация нацизма» в примечании к ст.354.1 УК РФ.

Анализ нормы, предусмотренной ст.354.1 УК РФ, позволяет сделать вывод, что реабилитация нацизма включает совершение следующих противоправных действий:

- отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Вызывает вопрос установление ответственности за отрицание приговора только «главного» Нюрнбергского трибунала, поскольку помимо него было еще несколько процессов (процесс немецких врачей, юристов);

- одобрение (признание правильности) преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала. В теории уголовного права имеется положение о том, что обнаружение умысла не является стадией преступления, если оно не выражено в форме угрозы или призывов («словесные» преступления). Между тем, объективная сторона ст.354.1 УК РФ содержит «отрицание...», «одобрение...», что фактически предусматривает уголовную ответственность за высказывание своей точки зрения, мнения, мыслей;

- публичное распространение (доведение до третьих лиц) заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны. Следует отметить, что определение того, какие сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны являются истинными, а какие - ложными, достаточно трудно, так как «до сих пор не известны подробности многих военных операций..., а соответствующие документы засекречены и поныне». Следует согласиться с тем, что «речь должна идти о деятельности СССР, официально зафиксированной в приговоре Нюрнбергского трибунала» [7];

- искусственное создание доказательств обвинения для целей ч. 2 ст. 354.1 УК РФ (например, публичное обнародование несуществующих материалов, подлог первоисточника и др.). Согласно установленной в ч.1 ст.74 УПК РФ дефиниции не может быть доказательств совершения преступления вне уголовного дела. Сведения, указывающие на совершение лицом преступления, сами по себе доказательствами не являются. Поскольку ст. 354.1 УК РФ не связывает время совершения перечисленных в ч. 1 и 2 преступлений с действительным или предполагаемым процессом по каким-либо уголовным делам,

использование формулировки «с искусственным созданием доказательств обвинения» не вполне корректно;

- распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества. Указанные сведения, по буквальному смыслу закона, не должны быть ни ложными, ни выраженными в неприличной форме. Оценочный характер «явного неуважения к обществу» не «компенсируется» (в отличие от одноименного признака в составе хулиганства) никакими дополнительными формально определенными признаками, поэтому криминализация такого рода действий сомнительна;

- осквернение символов воинской славы России (нанесение оскорбительных надписей, рисунков, символов на надмогильных сооружениях, памятниках, связанных с историей Великой Отечественной войны, пренебрежительные действия по отношению к отечественным боевым орденам и наградам, художественным и литературным произведениям, посвященным этому историческому периоду и др.). Предмет данного преступления (символы воинской славы России) законодательно нигде не определен. К тому же упомянутые действия ничем не отличаются от осквернения в составе вандализма (ст. 214 УК РФ), фактически и юридически являются посягательством на общественную нравственность и общественный порядок и могут быть квалифицированы по п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 243, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. Можно сказать, что норма ч. 3 ст. 354.1 УК РФ является специальной по отношению к перечисленным, причем привилегированной;

- публичное оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Стоит отметить, что содержание объективной стороны рассматриваемой нормы изобилует оценочными и весьма размытыми категориями, что затрудняет квалификацию и привлечение к уголовной ответственности.

Вторым понятием, которое является ключевым в анализируемой нами статье, является нацизм. В общем виде нацизм определяется как идеология, политика и практика Национал-социалистической немецкой партии Германии в период с 1919 по 1945 г. Однако, научная база не содержит единого подхода к толкованию этого понятия. Данное явление остается предметом исследования большого количества ученых, а в

действующем российском законодательстве отсутствует соответствующая легальная дефиниция, которой могли бы руководствоваться законодатель и правоприменитель в своей деятельности.

Тем не менее, в Российской Федерации проблема недопущения не только нацизма, но и фашизма давно признается на государственном уровне. Мы убеждены, что не включение ответственности за реабилитацию фашизма в рассматриваемую норму, является серьезным упущением законодателя, которое внесло ещё большую неясность в вопрос разграничения и соотношения данных понятий.

В России неоднократно предпринимались попытки разработать, определить термин «фашизм». Например, в Указе Президента РФ от 23.03.1995 № 310 постановлялось Российской академии наук представить научное разъяснение понятия «фашизм» с целью внесения изменений и дополнений в действующее законодательство [8]. Несмотря на это Уголовный кодекс РФ до сих пор не закрепляет понятие нацизма или фашизма, и тем более не проводит разграничение между ними.

Кроме того, криминализация действий по реабилитации нацизма дает повод предполагать, что законодатель не разделяет между собой нацизм и фашизм. Выход из сложившейся ситуации лежит в четком разграничении и закреплении понятий фашизма и нацизма в нормативно-правовых актах Российской Федерации, а также в осознанном подходе к вопросу внедрения методов борьбы с их современными проявлениями.

Отмеченные нами особенности объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, неизбежно повлекут сложности и в установлении субъективных признаков, прежде всего обстоятельств, охватываемых умыслом виновного.

Таким образом, анализ диспозиции ст.354.1 УК РФ позволяет нам выявить ряд явных пробелов, противоречий и полное отсутствие развернутых понятий. Правоприменитель и законодатель в своей деятельности ограничены в использовании доктринальных источников и на практике не могут самостоятельно определить разницу между фашизмом и нацизмом, а также дать им самостоятельную характеристику. Это в свою очередь может свести на нет всю перспективность применения изучаемой статьи и нарушению правоприменительной практики уголовного законодательства.

На основании вышеизложенного, понимая всю серьезность борьбы с нацизмом, фашизмом и ситуацией на Украине, считаем целесообразным,

в ближайшее время внести изменения в законодательство. Закрепив в российской правовой системе легальные определения «нацизм» и «фашизм», законодатель и правоприменитель смогут самостоятельно и единообразно давать им характеристику и чётко разграничивать данные понятия.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб./Росстат. - М., 2020. - 299 с.
1. Официальная статистика Судебного департамента Верховного суда в сфере борьбы с экстремизмом за 2021 год// www.sova-center.ru
2. Меретуков А.Г. Актуальные проблемы противодействия реабилитации нацизма // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – С.283-290.
3. Ровнейко В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки реабилитации нацизма как преступления международного характера // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т.31. – вып.5. – С.882-890.
4. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»// Российская газета. - 15 марта 1995 г. - № 52.
5. Яценко И.С. Отдельные теоретические проблемы состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354 УК РФ // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения/ Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. - Омск, 2014. - 55 с.
6. Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма // Уголовное право. - 2015. - № 4 // СПС «Консультант Плюс».
8. Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Российская газета. - 25 марта 1995 г. - № 60.

REHABILITATION OF NAZISM: PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the norm providing for criminal liability for the rehabilitation of Nazism. Based on the analysis of scientific papers and judicial practice, the author identifies a number of problems that make it difficult to assess the criminal law of this act. The study is relevant in connection with the current international situation.*

Key words: *Nazism; fascism; rehabilitation of Nazism; criminal liability.*

Ростовцев Александр Васильевич - кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия, alex.mifist@gmail.com

Rostovtsev Alexandr V., Moscow Regional Branch of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya PhD in Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Criminalistics, Moscow, Russia.

ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются понятие, признаки и виды электронных носителей информации как носителей и источников цифровых следов. Приводятся общие рекомендации, разработанные ИТ-организациями, для их надлежащего изъятия. Анализируются понятие и свойства цифровых следов.*

Ключевые слова: *электронные носители информации, цифровые следы, судебная экспертиза, электронная информация, специальные знания.*

Бурное развитие информационно-цифровых технологий привело к появлению новых объектов экспертного исследования – электронных

носителей информации.

Понятие «электронный носитель» в настоящее время содержится в нормативно-технической документации, которая определяет данное средство, как материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [1].

С криминалистической точки зрения электронный носитель – это техническое устройство, конструктивно предназначенное для записи, обработки, хранения, воспроизведения и передачи электронной информации, имеющей значение для расследования по уголовному делу.

Электронные носители информации для своего исследования требуют знаний не только основ электроники, программирования и вычислительной техники, но и ряда других направлений высоких технологий (радиотехники, связи и др.). Они уже стали самыми распространенными объектами судебной компьютерно-технической экспертизы [2,с.73]. Конкретный объект СКТЭ – определенный электронный носитель информации, исследуемый в процессе данной экспертизы, обладающий признаками индивидуальности и неповторимости, что и определяет специфику конкретного исследования.

Электронный носитель обладает рядом взаимосвязанных признаков:

1. Функциональное предназначение – хранение электронной информации;
2. Обеспечение идентичности оригинала неограниченному количеству создаваемых копий электронной информации;
3. Способность аккумулировать значительный объем информации;
4. Неразрывность связи между электронным носителем и внесенной на него информации в силу того, что воспроизведение таких данных возможно лишь при ее размещении на электронном носителе [3,с.13].

Говоря об электронных носителях, следует помнить, что объект имеет двойственную природу, которая включает в себя информационно-цифровую и материальную составляющие. Таким образом, криминалистическому исследованию подлежат как сам материальный носитель, так и его цифровая среда.

Таким образом, современные электронные носители информации - это, по сути, сложные многофункциональные физические устройства, способные хранить компьютерную информацию и быть предметом судебно-компьютерного исследования.

К ним можно отнести технические устройства, обеспечивающие функционирование современных IT-технологий, а именно: персональные компьютеры, сетевые средства, серверы, коммуникационные средства (например: мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, мобильные станции и др.), микропроцессорные устройства (например: умные холодильники, пылесосы, телевизоры, станки с программным управлением, транспондеры, круиз-контроллеры и др.), периферийное (вспомогательное) оборудование (например: принтеры, сканеры, плоттеры, мониторы, клавиатуры и др.). Все они являются носителями и производителями цифровых следов.

К электронным носителям информации с каждым годом добавляются все новые, охватывающие различные сферы человеческой жизни, и все они оставляют специфические, характерные только для данного вида устройств цифровые следы.

Как утверждает Е.Р. Россинская, цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи[4,с.62].

Цифровые следы являются следами материальными, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах, хотя в некоторых случаях период их существования весьма невелик.

По происхождению цифровые следы являются технологическими поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму также используется информационная технология.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев электронные носители содержат цифровую следовую информацию. Она обезличена, поэтому ставит перед органами следствия и дознания дополнительную задачу по соотнесению отдельного цифрового следа с лицом, имеющим отношение к событию преступления. Компьютерные документы, электронная почта, текстовые и мгновенные сообщения, транзакции, изображения и интернет-истории являются примерами информации, которую можно собирать с электронных устройств и очень эффективно использовать в качестве доказательства. Например, мобильные устройства используют онлайн-системы резервного

копирования, также известные как «облако», которые предоставляют следователям доступ к текстовым сообщениям и изображениям, сделанным с определенного телефона. Эти системы хранят в среднем 1 000–1 500 или более последних текстовых сообщений, отправленных на этот телефон и полученных с него.

К числу наиболее распространенных объектов криминалистического исследования электронных носителей информации, вне всякого сомнения, относятся средства подвижной радиотелефонной (мобильной) связи с доступом в сеть Интернет (смартфоны) и иные информационно-коммуникационные устройства, включая планшетные компьютеры.

Существуют общие рекомендации, разработанные ИТ-организациями, для надлежащего изъятия вышеназванных устройств и компьютеров. После того, как место происшествия будет осмотрено и законные полномочия на изъятие улик подтверждены, устройства могут быть изъяты. Любые пароли, коды или PIN-коды должны быть собраны у вовлеченных лиц, если это возможно, а также соответствующие зарядные устройства, кабели, периферийные устройства и руководства. Флэш-накопители, сотовые телефоны, жесткие диски и т. п. исследуются с использованием различных инструментов и методов, и чаще всего это делается в специализированной лаборатории.

Еще одним очень важным моментом является расширение и гибридизация методов, применяемых при исследовании уже имеющихся и новых появляющихся электронных носителей информации. К ним, без сомнения, можно причислить методы радиотехники, волновых технологий, квантовой механики, оптики, механики, гидравлики, математической лингвистики, кибернетики, товароведения и др.

Использование специальных знаний в судебном исследовании цифровых следов на электронных носителях является частью разрабатываемой частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел.

Список литературы

1. ГОСТ 2.051-2013 Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. – Текст: электронный // Консорциум КОДЕКС: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: сайт. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Семикаленова А. И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 72–74.

3. Душенко М.М. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием сети Интернет: учебно-практическое пособие / М.М. Душенко, О.А. Науменко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2020. С.5-20.

4. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Проспект, 2022. С. 62.

ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS AS OBJECTS OF FORENSIC RESEARCH

Abstract: the article discusses the concept, features and types of electronic media as carriers and sources of digital traces. General recommendations developed by IT organizations for their proper withdrawal are given. The concept and properties of digital traces are analyzed.

Keywords: electronic media, digital traces, forensics, electronic information, special knowledge.

Светличный Александр Алексеевич - кандидат юридических наук, доцент, зав. каф. судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тулльский государственный университет», alexandrsvetl@rambler.ru

Svetlichnyy A.A., candidate of law, associate professor, head of the department of forensic examination and

customs affairs, Tula State University.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования одного из видов специальной лексики – отечественной юридической терминологии. Анализ научных трудов философов, историков, лингвистов и правоведов позволяет сделать вывод о том, что русский юридический язык формировался системно, поскольку для каждого вновь возникавшего понятия разрабатывались свои типы и средства языкового выражения: ограниченный и устойчивый лексикон, характерная синтаксическая сочетаемость и синонимика, специфические синтаксические конструкции. Также автором выявлено, что отечественная юридическая терминология в процессе своего развития и становления активно использовала абстрактные и конкретные формы выражения юридической мысли, а также различного рода заимствования.

Ключевые слова: терминология, правосудие, юридический язык, языковые средства, правовая информация, термины, правовые понятия.

Если за точку отсчета появления «понятия» принять появление науки, то и появление терминов, соответственно, можно также связать с появлением науки. Тем не менее, некоторые ученые выделяют и донаучный период развития знания, когда существовали специальные знания, связанные с охотой, ремеслами, религией и т.п. Такую лексику О.Н.Трубачев называет терминологией[1, с. 21].

Если мы проанализируем основные этапы развития специальной лексики, то убедимся, что появление начал правовых знаний терминологи относят к периоду энеолита (5 тыс. лет назад). Учеными установлено, что в античный период такие науки как медицина, биология, юриспруденция использовали *древнегреческие и латинские термины* наряду с *общеупотребительным русским языком*. У христианских народов Европы словесное обозначение правой стороны тела полностью совпадало с правом как совокупностью юридических норм, т.е. эти слова

имели одно значение.³ Как отмечают историки, согласно традиционным воззрениям, «... за правым плечом человека пребывает светлый ангел, за левым – демон»[2, с. 145]. Данные воззрения в дальнейшем трансформировались в легально – нравственный термин «правда» (от латинского - прямой, правильный, настоящий), откуда образовалось отвлеченное понятие «право» в смысле «правосудие», «справедливость».

В этой связи русские философы всегда подчеркивали, что «... единственный язык, в котором есть общий корень у слов *право, справедливость, правосудие и правда*, - это русский»[3, с. 18; 4, с. 17]. Отсюда появилось вполне обоснованное мнение, что «Русское право, в отличие от западного, в большей степени учитывало нравственно-моральные ценности своего времени»[2, с. 152]. В советский период право определялось как «система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государства»[5, с. 272]. Современное значение термина «право» ассоциируется с «системой правовых норм, регулирующих общественные отношения»[6, с. 196], «государственной волей, выраженной в обязательном нормативном акте, обеспеченном принудительной силой государства»[7, с. 110].

Русский юридический язык формировался системно, поскольку для каждого вновь возникавшего понятия разрабатывались свои типы и средства языкового выражения: ограниченный и устойчивый лексикон, характерная синтаксическая сочетаемость и синонимика, специфические синтаксические конструкции. Постоянное клишированное употребление языковых средств для описания одной и той же ситуации, в одном и том же контексте не стимулировало широкого развития переносных значений, но ускоряло процессы специализации определенных словесных форм в качестве конструктивных элементов юридического языка[8, с. 25]. Так, возникли и долгое время использовались термины: «*вор*» - преступник вообще; «*дати правду*» - относиться справедливо; «*правду дати*» - оправдать судом; «*правду взяти*» - добиться права, пользоваться правами; «*на правду не стати – противу правды молвити – не на правде*» - лжесвидетельствовать; «*продать вдернь – одерень – одернити* –

³ В составе многих терминологических сочетаний сохранились исходные противопоставления правого и левого, правды и кривды. Так, например, правым десятком называли пошлину с оправданной по суду стороны. Термин «пакость» (в древнерусском языке – вред, ущерб) произошел от слова «пакша» - плохой, левый. Термин «неправда» - кривое, левое – трансформировался в слово «обида» (об-видети - видеть не прямо, а вокруг, искаженно. Отсюда и обидный (неправосудный) приговор. Термин «кривда» передавался выражением лжеприсяга.

дерноватая грамота» - понятия, связанные с правом земельной собственности (клятва при сделках с землей была обязательной и проводилась на куске дерна).

Был установлен религиозный запрет на пустую, вздорную речь, повлекший в системе уголовного наказания использование урезания языка[9, с. 226]. В дальнейшем понятие вздорной речи трансформировалось в светское понятие клеветы.

Система языковых средств выражения правовой информации в обобщенном виде сформировалась в нашем государстве примерно к концу XV века. К этому периоду обычное право утратило свое прежнее значение, а государственное законодательство развивалось весьма интенсивно. Таким образом, язык русской юриспруденции отличался особым терминологически устойчивым полем (фразами-клише, постоянными синтаксическими моделями, эмоциональной окрашенностью, экспрессивностью). Более того, в юриспруденции имело место устойчивое использование определенной длины предложений, которая намеренно превышала обычную передачу правовой информации.

В период формирования национального юридического языка и становления правовой стилистики (XVII – XIX вв.) все эти черты были сохранены официально-деловым юридическим стилем. Поэтому в ключевых юридических конструкциях своеобразно отражена сложная, конфликтная, эмоциональная окрашенность. Так, например, в ч.1 п. 380 гл. XXV Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи (от 07.11.1775г.) употреблялся достаточно эмоционально окрашенный термин «сумасшедший», а в Уставе уголовного судопроизводства (от 20.11.1864 г.) – «не имеющий здравого рассудка», «умственное расстройство», «безумие»[10, с. 27]. В процессе совершенствования терминологии были введены термины «лицо, имеющее психические расстройства», «лицо с расстройством психики».

Более молодые науки заимствовали базовые термины из *общенаучной* лексики, а еще более молодые – из лексики *конкретной области знания*. По такому принципу выстраивалась преемственность научного знания, то есть обеспечивался его хронологический (временной) фактор. Таким образом, более поздние отрасли знания зарождались и формировались на основе уже сложившейся системы знаний (например, уголовное следствие - уголовная тактика - уголовный процесс – криминалистика – общая теория судебной экспертизы). Таким образом,

язык юриспруденции, как впрочем, и любой науки, формируется языковыми приращениями, комбинациями и заменой устаревших терминов.

Для юристов в большей степени, чем для других профессий, важны широкие лингвистические знания и речевые умения, поскольку их деятельность во многом сопряжена с интенсивным общением и самым разнообразным, в том числе, процессуальным документооборотом. Другими словами, правоведы должны быть осведомлены о системно-языковых и функциональных свойствах естественного языка как субстрата языка юридического и грамотно использовать соответствующие навыки в пределах своей лингвоюридической компетенции [11, с. 172].

Возникнув в результате отражения, право становится так же, как и язык, объектом отражения. Познание права возможно на двух уровнях — на собственно правовом (познание норм поведения) и метаправовом (уровень научного познания). Результатом обыденного познания права, которое проходит параллельно с обыденным познанием языка и преимущественно на его основе, является такое знание, которое обеспечивает индивиду возможность быть членом данного общества. Оно начинается с рождения и в течение жизни у человека постепенно формируются модели поведения, складываясь в определенную систему правовых и языковых представлений о мире. Процесс усвоения правовых понятий, как отмечал Г.Ф.Шершеневич, происходит двояко: непосредственно, когда нормы передаются в готовом виде, в том числе, с помощью языка, а так же посредством самостоятельного выведения норм из поведения других и подражания им [12, с. 179]. Ученые отмечают, что усвоение правовых норм путем выведения их из поведения других людей может происходить еще одним способом — на отрицательном материале. Таким образом, термины являются важной принадлежностью юридического языка, позволяют сокращать и уплотнять законодательный текст и носят строго профессиональный характер [13, с. 23].

Следует отметить, что термин «норма» (от латинского «*posco*» - познаю, изучаю, испытываю, принимаю) изначально не имел никакого отношения к праву и впервые употреблялся в I в.н.э. в трудах знаменитого архитектора Витрувия при обозначении измерительного приспособления для точного измерения углов [14, с. 115, 116]. Поэтому термин «норма» олицетворял понятие эталона, образца. Значительно позднее данный термин был заимствован юристами, перешел в их лексику

и утвердился в том значении, которое сегодня хорошо известно: «правило, руководящее начало, необходимое для справедливого разрешения конкретных юридических дел». В общей теории права норма определяется как «... продукт сознательной деятельности человека, обусловленный интересами людей, их групп, классов, слоев, всего общества» [15, с. 175]. На практике под нормой права принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение.

Очевидно, что право, как и язык, навязывается индивиду обществом, заинтересованным в правильном правовом и речевом поведении своих членов. К формам научного познания права относятся: уяснение правовых норм в практике государственных органов, применяющих право, научные юридические труды, толкование законов. Текст закона (а соответственно и термины, используемые в нем) также является результатом научно-правового познания действительности, в то же время сам закон — это всегда и объект такого исследования. Это объясняется тем, что одной из целей правовых научных исследований является приведение законодательства в соответствие с потребностями социальной действительности.

Правовые исследования осуществляются на различных стадиях. Сначала происходит изучение социальной потребности в правовом регулировании и проводится поиск правовых решений, способных удовлетворить социальную потребность. Потом происходит прогнозирование эффективности найденных правовых решений, и по результатам действия принятых законов, в том числе по результатам правоприменительной деятельности оценивается их эффективность. На этих стадиях используются различные методы исследования. Одним из основных является метод логико-правового анализа, вызванный к жизни тем, что способом существования закона как формы права является язык. Составными частями этого метода являются: систематическое, историческое и сравнительно-правовое изучение законодательства и практики его применения, изучение адекватности языковой формы содержанию, изучение точности категориального аппарата закона с точки зрения его соответствия правовой теории. Иными словами, метод логико-правового анализа — это область пересечения метаязыковой (лингвистической) и метаправовой теорий. Отсюда необходимость использования знаний и юристов и лингвистов в исследовании функций и

особенностей языка закона на всех стадиях правовых исследований [16, с. 35]. Тем не менее, следует заметить, что с конца XIX века определилась тенденция принижения, зачастую «полного отрицания значения логики для правовой теории и практики» [17, с. 92].

Особое значение для юридического текста, как известно, имеет его общепонятность. Одной из самых полных и развернутых отечественных работ в области юридической терминологии, написанных с логико-лингвистических позиций, является работа И.Я.Дюрягина под редакцией А.С. Пиголкина «Язык закона» [18].

Отметим, что выбор термина или терминологического сочетания всегда должен быть продуманным, взвешенным, поскольку неудачный термин может создать искаженное представление о том объекте, который им обозначается. Так, неудачным можно признать терминологическое сочетание «суверенные республики в составе Российской Федерации», поскольку суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти. Между тем, нахождение в составе РФ предполагает самостоятельность только внутреннего управления. Да и независимость следует рассматривать как весьма относительную в рамках единого государства. Скорее всего это можно объяснить стремлением в 90-е годы избавиться от жесткой централизации власти.

Следует отметить, что в правовых актах России нашли широкое использование неюридические термины. Большинство неюридических терминов законодатель стал использовать в 90-е годы прошлого века, к таким можно отнести «доверие», «достоверность», «достоинство», «зло», «злостное», «злоумышленное», «разумность», «правда», «справедливость», «совесть», «разумность», «добро», «честь», «доброе имя», «аморальность», «добровольность», «безнадежность» и множество других. Очевидно, что формирование этих терминов продиктовано не правовыми нормами, а нормами нравственности и морали. Подобная практика законодателя не признается учеными однозначной и в последние годы наблюдается снижение интереса к использованию в законодательстве России неюридической терминологии [19, с. 50].

Таким образом, отечественная юридическая терминология в процессе своего развития и становления активно использовала абстрактные и конкретные формы выражения юридической мысли, а также различного рода заимствования.

Тем не менее, проведенное исследование показывает, что Российская юридическая наука и практика формировали свою терминологию, зачастую не корреспондируя ее с общими научными подходами к общей методологии терминоведения, результатом чего явилась множественная нормативная неоднозначность и противоречивость. Важно правильно использовать как абстрактные, так и конкретные формы выражения юридической мысли. Слова следует подбирать с таким расчетом, чтобы можно было регулярно чередовать уровни обобщенности (то более отвлеченные, то конкретизированные формулировки) высказывания, тем самым обеспечив наибольшую информационную полноту текста.

Полагаем, что язык правовой науки в современных условиях научно-технического прогресса не полностью удовлетворяет постоянно растущие запросы повышения эффективности создания, накопления, обработки и передачи научной информации. *Поэтому многие вопросы юридической терминологии требуют глубоких аналитических исследований, связанных с моделированием терминологических систем, обеспечивающих межотраслевые понятийно значимые связи.*

Список литературы

1. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках – М., 1966.
2. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. – М., 1995.
3. Соловьев Вл. Национальный вопрос. Вып.2. – СПб., 1891.
4. Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины. – М., 1914.
5. Юридический энциклопедический словарь. – М., 1984.
6. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К.Бабаева. – М., 2002.
7. Общая теория государства и права / Под ред. В.В.Лазарева. – М., 2002.
8. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд. – М., 2010.
9. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве 15-17вв. – М., 1995.
10. Салтыков К.Г. Прагматические свойства юридических терминов // Современное право. 2015. № 8.

11. Бажанов С.В., Морохова О.А. Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии // Вестн. Владимирского юридического института. 2006. № 1.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1,2. — М., 1910.
13. Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: Монография. – М., 2010.
14. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Журнал российского права. 1999. № 11.
15. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. – М., 2010.
16. Язык закона / Под ред. А.С.Пиголкина.— М., 1990.
17. Гайдамакин А.А. Полемические заметки о логике права и правосознании // Государство и право. 2007. №7.
18. Пиголкин А.С. Язык закона. - М., 1990.
19. Стоцкий А.П. Использование неюридической терминологии в правовых актах России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (86). 2020.

PATTERNS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGAL TERMINOLOGY

***Abstract .** The article discusses the features of the formation of one of the types of special vocabulary – domestic legal terminology. The analysis of scientific works of philosophers, historians, linguists and jurists allows us to conclude that the Russian legal language was formed systematically, since for each newly emerging concept its own types and means of linguistic expression were developed: a limited and stable lexicon, characteristic syntactic compatibility and synonymy, specific syntactic constructions. The author also revealed that the domestic legal terminology in the process of its development and formation actively used abstract and concrete forms of expression of legal thought, as well as various kinds of borrowings.*

***Keywords:** terminology, justice, legal language, language tools, legal information, terms, legal concepts.*

Светличный Александр Алексеевич -кандидат юридических наук, доцент, зав. каф. судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», alexandrsvetl@rambler.ru

Svetlichny A.A., candidate of law, associate professor, head of the department of forensic examination and customs affairs, Tula State University.

Панарина Дарья Владимировна -кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Panarina Daria Vladimirovna - candidate of law, associate professor of the department of forensic examination and customs affairs, Tula State University

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЕГО СВЯЗЬ С ЕСТЕСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ

***Аннотация.** В статье рассмотрены проблемы языка криминалистики и судебной экспертизы. Проанализирован понятийно-терминологический аппарат данных наук и его связь с естественным языком. Представлена авторская позиция формирования языка судебной экспертизы как интегрированного явления терминов и определений различных наук.*

***Ключевые слова:** терминологический аппарат криминалистики, язык общей теории судебной экспертизы, термины, определения, функциональный стиль, языковые средства, методологическая функция.*

Каждая наука для достижения большей точности, определенности и однозначности употребления терминов формирует свой язык или понятийно-терминологическую систему, который существенно отличается от естественного языка и рассматривается как специфическая форма человеческого общения.

Нам представляется, что сознательное отношение к языку,

используемому в той или иной науке, т.е. понимание методологических основ, связанных с формированием такого языка, и знание основных принципов построения и правил оперирования теми или иными понятиями и терминами, выступает как одна из существенных особенностей современного научного развития. Поэтому анализ языка науки является одной из важных задач современной методологии науки, о чем справедливо уже многие годы отмечается различными учеными [1, с. 218-220].

Проблеме языка криминалистики и судебной экспертизы посвятили свои труды Т.В. Аверьянова, О.Я.Баев, Р.С. Белкин, Бычкова С.Ф., А.И. Винберг, Т.С. Волчецкая, А.Ю. Головин, Ю.Г.Корухов, Н.П. Майлис, Н.Т. Малаховская, Т.Ф. Моисеева, Е.Р. Россинская, Т.В. Толстухина, А.А. Эксархопуло, Н.П.Яблоков и другие ученые.

Справедливо замечает А.Ю. Головин, что исследование проблем языка науки способствует усилению процесса теоретизации науки и потому не только обеспечивает единство различных способов отображения анализируемых объектов, создавая некие универсальные приемы исследования, но и повышает степень упорядоченности производимой информации, а значит и целостность систем знания [2, с. 78]. Мы полагаем, что развитие понятийно-терминологической системы науки выступает показателем ее прогресса.

Понятие языка многогранно, например, как отмечает В.А. Звягинцев, исследователями в XIX и XX веках было сформулировано порядка 30 его определений [3, с. 69].

Естественным языком обычно называют тот, на котором говорят и при помощи которого выражают свои мысли в повседневной жизни. Естественный язык универсален, что достигается благодаря огромному запасу слов и такому свойству языка как комбинированность; он может быть очень выразительным. Вместе с тем он обладает рядом существенных недостатков, к главным из которых относятся многозначность слов (полисемия), громоздкость некоторых фразеологических оборотов, нечеткость синтаксических и семантических правил.

Совершенно очевидно, что понятийно-терминологический аппарат науки неразрывно связан с естественным языком, от которого он берет свое происхождение. Без использования естественного языка невозможны пояснения, толкования, а иногда и просто осмысливание научных

положений, выраженных в понятиях и терминах науки. Но в то же время использование естественного языка даже в этих случаях влечет за собой многозначность и неопределенность подобных толкований и пояснений, неправильное понимание выдвинутых ученым положений, парадоксальность сделанных из них выводов, как результат – ошибочное понимание чужих мыслей. Мы полагаем, что именно этим обстоятельством объясняется множество определений «предмета» науки, различных классификаций, нарушение оснований при их построении и т.д.

Между тем, как совершенно правильно отмечает И.Г. Герасимов, «однозначное отношение вводимых терминов, знаков и понятий к выявленным фактам и предполагаемым свойствам принципиально важно для всех познавательных действий, и прежде всего, для эмпирической проверки законов, теорий, гипотез. Эта цель обеспечивается применением системы правил и определений» [4, с. 110]. Отмечая далее важнейшую роль в этой системе определений, автор подчеркивает, что последние «указывают, к каким конкретным предметам, свойствам, характеристикам или познавательным действиям относятся введенные термины, знаки, понятия, и заменяют интуитивно подразумеваемое содержание точным смыслом, задающим характер обращения с объектами и с используемыми средствами познания – материальными, языковыми, математическими. Использование таких правил – одна из самых важных особенностей познавательной деятельности в науке и одно из важных условий эмпирической проверки научных систем знаний» [4, с. 111].

Использованию естественного языка в научных целях препятствует создание языка науки, в том числе и особого формализованного, понимая при этом, что оба они создаются на базе естественного языка и генетически с ним связаны. Язык науки иногда называют искусственным, подчеркивая тем самым его более или менее значительное отличие от привычного естественного языка [5, с. 264].

Вместе с тем каждая наука вырабатывает свой специальный, искусственный язык, который создается на основе естественного языка. Языковые термины и символы, принятые в той или иной науке, в отличие от обычного языка обладают большой строгостью и однозначностью. Однако язык криминалистики, так и общей теории судебной экспертизы, вопреки научным требованиям, нельзя назвать строгим и однозначным. Язык общей теории судебной экспертизы

представляет собой симбиоз множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, обогатив его юридическими положениями и нормами.

Такой же точки зрения придерживаются А. Эйнштейн и Л. Инфельд: «Научные понятия начинаются с понятий, употребляемых в обычном языке повседневной жизни, но они развиваются совершенно иначе. Они преобразуются и теряют двусмысленность, связанную с обычным языком, они приобретают строгость, что и позволяет применять их в научном мышлении» [6, с. 48]. Учитывая все эти высказывания, правильнее, на наш взгляд, было бы говорить о «специализированном языке», поскольку, потеряв такие качества естественного языка, как универсальность и доступность для понимания, специализированный язык науки приобретает такие неоспоримые преимущества, как недвусмысленность выражений и количественную определенность (формализованный язык).

Таким образом, нам представляется, что язык науки является специфической разновидностью интеграции искусственного и естественного языков.

В своем развитии язык науки проходит две основные стадии. На первой стадии происходит формулирование и уточнение определений и терминов, обозначающих специфические для данной области научного знания понятия, раскрывающие категории данной науки; разрабатывается и получает повсеместное среди специалистов данного профиля распространение специфическая терминология, употребляемая, как правило, однозначно. Эту ступень развития языка науки В.А. Штофф образно назвал ступенью научного жаргона [7, с. 25].

Процессуалистами, криминалистами и судебными экспертами неоднократно в числе решения ключевых методологических проблем уголовно – процессуальной науки, криминалистики и общей теории судебной экспертизы отмечалась разработка учения о языке, понятийного аппарата данных наук, а также корректировка их терминологии.

Мы полагаем, что обязательным условием становления и дальнейшего развития теории судебной экспертизы является единообразное понимание, толкование и использование судебно-экспертной терминологии. Единая терминология должна использоваться в

судебно-экспертной деятельности, в процессе раскрытия и расследования преступлений, их судебном разбирательстве, а также в научно-исследовательской деятельности [8, с. 14-15].

В структуре языка науки также различают теоретические и эмпирические термины и утверждения. Хотя такое различие носит относительный характер и никто еще не смог разграничить язык наблюдаемых явлений от языка ненаблюдаемых, все же, мы полагаем, полезно установить относительное различие между ними. Эмпирическими терминами обозначают объекты и свойства, прямо или косвенно наблюдаемые; обоснованность и истинность эмпирических терминов устанавливаются независимо от теории, в которой они используются (напр., результат исследования, выявления признаков и т.п.).

Теоретические термины вводят в научный язык для описания взаимоотношений между абстрактными объектами рассматриваемой идеализированной системы. Так как эти термины и утверждения являются абстракциями от реальности, то они не могут быть непосредственно соотнесены с наблюдаемыми предметами, их свойствами. Иными словами, обоснованность и истинность теоретических терминов может быть установлена только в рамках той теории, в которую они входят и которой они служат (например, такие термины, как предмет судебной экспертизы, задачи судебной экспертизы и т.п.).

Однако язык науки, находящийся на этой ступени развития, в современных условиях научно-технического прогресса уже не удовлетворяет полностью возрастающие потребности количественного и качественного повышения эффективности процессов накопления, обработки, передачи научной информации. Возникает необходимость в разработке правил образования специальных языковых выражений, отражающих закономерные связи между объектами науки. Вводятся символы и знаки, заменяющие слова, а иногда и целые предложения жаргонного языка, который в результате становится более компактным и точным. Любая наука, в том числе и судебная экспертиза, базируется на точности и однозначности передачи информации, ее полной воспроизводимости. Поэтому наука не может обходиться без «своего» языка.

Специальный научный язык, включающий целые блоки и

суперблоки понятий, невероятно увеличивает плотность информации, оказывается принципиально, а не технически важным.

Наиболее ярко отвлеченность и обобщенность научной речи проявляются в лексике, так как при обмене научной информацией очень важно передать один, и только один смысл. Поэтому с точки зрения лексики лучше всего подойдут однозначные слова. Этим же фактором объясняется любовь ученых всего мира к созданию терминов – новых слов, имеющих только один определенный смысл, одинаковый для всех. Старые же слова языка в таких случаях зачастую подходят плохо, так как они за время своего существования обрастают дополнительными прямыми и переносными смыслами, в случае с научным текстом затрудняющими точное понимание. Эмоциональная нагруженность слова тоже воспринимается как недостаток, мешающий пониманию, поэтому в научном стиле происходит смещение выбора в сторону более нейтральных слов. Так, например, перечень вещественных доказательств; показаний свидетелей, потерпевших и других доказательств, имеющих существенное значение для расследования преступления, получил у криминалистов и экспертов новый, более емкий термин «криминалистически значимая информация».

Кроме того, отвлеченный, обобщенный характер научного текста проявляется на лексическом уровне и в том, что в нем широко употребляются слова с абстрактным значением, о чем писал еще Ш. Балли: «...научный язык совпадает с понятийно-логическим языком ... понятийный язык выступает как более абстрактный» [9, с. 144]. Слова бытового характера метафоризируются и приобретают в научном тексте обобщенное, часто терминологическое значение, например, таковы технические термины муфта, стакан, трубка и мн. др.

Характерной чертой научного стиля является его высокая терминированность – насыщенность терминами. Так как термины – официальные научные наименования специальных понятий, то в основе каждого термина обязательно лежит дефиниция обозначаемого им понятия. Согласно утверждениям большинства специалистов-терминологов и лингвистов, к терминам предъявляются определенные требования:

- однозначность в пределах данной терминологической системы;
- отсутствие синонимов;
- нейтральность с эмоционально-экспрессивной точки зрения;

- четкое определенное содержание, краткость и т.д.

При этом доля терминов в сравнении с общеупотребительной лексикой не одинакова в различных жанрах научной речи. Необходимым условием научной речи является правильное, логическое определение понятий, вводимых терминами. Неправильно употребленный или понятый термин может дезинформировать читателя.

Однако в сугубо научном (академическом) стиле термины не всегда поясняются. В научных произведениях для широкой аудитории термины обычно разъясняются. Может даваться прямое объяснение термина.

Термины могут быть объяснены через синонимы или через объяснение происхождения термина, то есть через этимологические справки. Определение термина может даваться «попутно», то есть в скобках, сносках. В учебной литературе, в частности, в учебниках, термины чаще всего получают прямое объяснение.

Состав, структурно-семантические особенности и стилистическая роль фразеологии в научной речи специфичны. Собственно фразеология, то есть фразеологические сращения, единства, выражения и сочетания, в том числе общеязыковые, занимают в научной речи крайне ограниченное место. Здесь, особенно, в отдельных подъязыках науки, проявляется специфичная фразеологизация: многие сочетания, в том числе, и внешне общеязыковые (странгуляционная борозда, штанцмарка, дактилоскопия, одорология и т.п.) оказываются фразеологизмами для неспециалиста, поскольку семантически раскрываются только в терминологической системе данного подъязыка науки.

Основную часть фразеологии научной речи составляет терминологическая фразеология, т.е. фразеологические единицы, соотносимые с научными понятиями. Они обладают такими признаками фразеологизмов, как «раздельно оформленность членов и способность к целостному обозначению», и употребляются в речи как готовые единицы языка. Основная их функция – номинативная, что связано с установкой научной речи на дефиницию и квалификацию. К терминологической фразеологии относятся составные термины, общеупотребительные и узкоспециальные (например: вещная обстановка, генная «дактилоскопия», критерий тождества, одорологическая экспертиза, идентификационный признак, странгуляционная борозда, индивидуальные признаки, выработанность почерка, фланец гильзы, криминалистическая характеристика, следственные действия и др.).

Морфологические средства призваны подчеркивать эмоциональную нейтральность текста, способствовать смещению фокуса внимания от личности исследователя в сторону предмета исследования. Отвлеченность научного стиля проявляется и на грамматическом уровне – в выборе форм слова, и в построении словосочетаний и предложений.

Наиндивидуальный характер научной речи связан и с тенденцией к стандартизации. Тенденция эта проявляется как по отношению к структуре всего текста, так и к использованию в нем языковых средств.

Стандарты – нейтрально-стилистическая категория. Являясь готовыми речевыми формами, соотнесенными с определенной ситуацией, они значительно облегчают общение, удобны для использования их в научной коммуникации (работоспособность оружия, стандартный образец, собственный признак, следовоспринимающий объект, производство экспертизы, экспертная профилактика и др.). Поэтому многие виды описательных текстов строятся по установившемуся строгому стандарту, отступать от которого не рекомендуется. Таким образом построено, например, отраслевое законодательство, в частности, уголовно-процессуальное, где стандартизована структура статей (гипотеза, диспозиция, санкция).

Стандартизация структуры научного текста поддерживается и стандартностью языкового оформления. Чем выше требования стандарта и композиции, тем чаще используются языковые стандарты. Так, например, при производстве экспертизы установлена форма составления экспертного заключения; стандартизованы этапы экспертного исследования; разработана единообразная форма составления синтезирующей части экспертного заключения и т.п. Например, в автореферате диссертации также предусмотрен стандартный стиль изложения материала: указываются цель работы, объект, предмет исследования, отражаются актуальность и новизна, структура работы и другие общепринятые сведения.

Мы полагаем, что основу понятийно-терминологического аппарата криминалистики и судебной экспертологии составляют понятия, имеющие интеграционный характер. Необходимо отметить, что науку характеризует интеллектуально-понятийный образ мышления, стремление к максимально обобщенному, объективному, обезличенному знанию, зафиксировать которое можно с помощью собственного языка – точного, емкого, лаконичного и выразительного.

Таким образом, можно предложить определение языка криминалистики и судебной экспертизы - *это сложное системное комплексное понятийно-терминологическое образование, имеющее постоянно развивающуюся структуру, выступающее средством и способом осуществления криминалистического и судебно-экспертного научного мышления, обусловленного объектом и задачами исследования в конкретной области, понятийно согласуемое с общей системой судопроизводства.*

Список литературы

1. Штоф В.А. Проблемы методологии научного познания. – М, 1978.
2. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. – М., 2002.
3. Звягинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М., 1969.
4. Герасимов И.Г. Научное исследование. – М, 1972.
5. Тюхтин В. С. Кибернетика и вопросы синтеза научного знания // Синтез современного научного знания. – М., 1973.
6. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. – М., 1956.
7. Штоф В.А. Введение в методологию научного познания. – М., 1979.
8. Толстухина Т.В. Современные проблемы судебной экспертизы // Известие ТулГУ. Серия. Актуальные проблемы юридических наук. Вып. 11. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004.
9. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.

CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS OF CRIMINOLOGY AND FORENSIC EXAMINATION AND ITS CONNECTION WITH NATURAL LANGUAGE

Abstract: *The article deals with the problems of the language of criminology and forensic examination. The conceptual and terminological apparatus of these sciences and its connection with natural language are analyzed. The author's position of the formation of the language of forensic examination as an integrated phenomenon of terms and definitions of various sciences is presented.*

Keywords: *terminological apparatus of criminology, the language of the general theory of forensic examination, terms, definitions, functional style, linguistic means, methodological function.*

Шелег Ольга Алексеевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник полиции, город Калининград, Россия, lili405@mail.ru

Sheleg Olga Alekseevna - PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel, Kaliningrad, Russia

О ЗНАЧИМОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТКРЫТОГО ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию актуального вопроса определения значимости следственной ситуации в деятельности следователя (дознавателя) при расследовании открытого хищения чужого имущества. Исследованы факторы, влияющие на формирование следственной ситуации, знание которых обеспечивает успешное раскрытие и расследование преступления.*

***Ключевые слова:** состояние преступности; общественная опасность грабежа; следственная ситуация; субъективные и объективные факторы*

Преступления против собственности остаются доминирующими в общей структуре преступности, несмотря на тенденцию к их снижению за последние годы. Одним из наиболее общественно опасных преступных посягательств в сфере собственности является открытое хищение чужого имущества. Общественная опасность грабежей состоит в том, что они часто совершаются преступными группами, которые быстро приобретают организованный характер, начинают совершать более тяжкие преступления. Преступники действуют, как правило, небольшими группами, чаще всего на открытой местности в вечернее время. Факторы, объединяющие преступные группы - это корыстные мотивы, общие интересы, совместное времяпрепровождение. Такие группы чаще всего

возглавляют лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности и имеющие судимость, а также криминальный опыт. Эти обстоятельства затрудняют расследование грабежей, но в то же время, их учет и разработка позволяет лицу, производящему расследование по делу, выдвигать перспективные следственные версии и формировать следственные ситуации.

Организация расследования открытого хищения чужого имущества зависит от следственной ситуации, которая формируется после проведения неотложных следственных действий и сбора фактических данных по делу.

Следует отметить, что исследование следственных ситуаций является одним из приоритетных направлений в деятельности лица, ведущего расследование, так как она выполняет важную роль соединяющего звена между теорией криминалистики и практической деятельностью следователя (дознателя). Поэтому изучение следственных ситуаций, как в теории, так и в отношении конкретных видов преступлений, находится в центре внимания ученых-криминалистов, [1, стр.3]. Под следственной ситуацией понимается совокупность условий, в которых в данный конкретный момент проводится расследование преступления. Анализ собранных вещественных доказательств и фактических данных необходим для принятия решения следователем (дознателем) о проведении необходимых следственных действий, а также составления плана расследования.

Любое преступление обладает уникальностью, что обуславливает необходимость выработки индивидуальных методов изучения обстоятельств произошедшего события. В то же время, между преступлениями различных категорий прослеживаются общие черты и закономерности, а отдельные элементы криминалистической характеристики могут обладать сходством. Именно схожесть отдельных преступлений позволяет выработать общие методические рекомендации для их раскрытия и расследования.

Следует отметить, что в самом начале расследования следственная ситуация «...проходит свое развитие от начальной точки, для которой характерна невыясненность многих обстоятельств (дефицит информации), прежде всего события, а также причастного к нему лица, до определенного момента накопления доказательств и информации,

позволяющей начать развернутое планирование и реализацию последующего этапа», [2, стр.3-5].

На формирование следственной ситуации в процессе расследования открытого хищения чужого имущества может влиять целый ряд факторов (обстоятельств) как субъективных, так и объективных.

К субъективным факторам можно отнести следующие:

- благоприятное (бесконфликтное) течение расследования;
- психологическое состояние лиц, участвующих в производстве по делу;
- психологическое состояние следователя, уровень его знаний и практический опыт;
- противодействие установлению истины со стороны преступника, а иногда потерпевшего и свидетелей;
- усилия следователя по изменению следственной ситуации;
- последствия ошибочных действий следователя, оперативных сотрудников, криминалистов;
- последствия разглашения данных расследования;
- непредвиденные действия потерпевшего или лиц, не причастных к расследуемому событию, [3, стр.23].

К числу же объективных факторов, оказывающих влияние на формирование следственной ситуации, относятся те обстоятельства, большинство из которых названы великим учёным криминалистом Р.С. Белкиным:

- наличие необходимых сил, средств и времени у органов предварительного расследования;
- уголовно-правовая оценка расследуемого события;
- наличие и характер доказательственной информации, которая обусловлена механизмом расследуемого преступления и условиями образования его следов;
- наличие еще не использованных источников ориентирующей информации и надежность каналов ее поступления;
- уровень научных и методических рекомендаций для расследования преступления;

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению в ходе раскрытия и расследования открытого хищения чужого имущества, связаны с особенностями каждого конкретного дела и обусловлены

складывающейся следственной ситуацией на различных этапах расследования.

Организация расследования грабежей зависит от следственной ситуации, которая складывается после проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Следственные ситуации при расследовании грабежей на первоначальном этапе направлены на установление обстоятельств преступления, выявление и изобличение лица, совершившего грабеж, обнаружение доказательств. Основная масса следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий носит неотложный характер. Основными факторами, обеспечивающими полное, объективное и всестороннее расследование грабежей, является своевременное и качественное проведение неотложных следственных действий, направленных на установление и сбор фактических данных и вещественных доказательств по делу, максимальная оперативность в расследовании и правильное определение следственной ситуации.

Список литературы:

1. Кайгородова О.С. Следственные ситуации и версии: теория и практика применения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 3. С. 23.
2. Князьков А.С. Этапность как метод структурирования предварительного следствия и повышения уровня его организации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 6. С. 3-5.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 240.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE INVESTIGATIVE SITUATION IN THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR (INQUIRER) WHEN INVESTIGATING THE OPEN THEFT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY

Annotation. The article is devoted to the study of the topical issue of determining the significance of the investigative situation in the activities of the investigator (inquirer) in the investigation of the open theft of someone else's property. The concept and factors influencing the formation of the investigative situation, the knowledge of which ensures the successful disclosure and investigation of the crime, are investigated.

Keywords: state of crime; public danger of robbery; investigative situation; subjective and objective factors. On the importance of the investigative situation in the activities of the investigator (inquirer) in the investigation of the open theft of someone else's property

Барченкова Яна Владимировна – аспирант 4 курса заочной формы обучения Российской таможенной академии, Российская Федерация, Московская область, 140051, Люберцы, Комсомольский проспект, 4, e-mail: jocular16@mail.ru

Yana Barchenkova - graduate student of the 4th year of correspondence education of the Russian Customs Academy, Moscow Region, 140051, Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4, Russian Federation.

ОСОБЕННОСТИ ВЫДВИЖЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие следственной версии, её роль в процессе расследования, а также дана авторская классификация версий мошенничества, совершенного с помощью средств сотовой связи.*

***Ключевые слова:** мошенничество, средства сотовой связи, версия, криминалистическая версия, предположение, информация, планирование.*

Типичные версии по делам о мошенничестве, совершенном с использованием средств сотовой связи, выступают познавательным вектором для базовой криминалистической характеристики и типовых следственных ситуаций, которые необходимы, а порой и обязательны для субъекта предварительного расследования в познании криминалистически значимой информации.

Криминалистическая версия является наиболее устоявшимся из всех тактико-криминалистических понятий.

Вопросы, связанные с криминалистической версией, а также планированием расследования рассматривались в научных трудах

Александрова Г.Н., Г.В. Арцишевского, О.Я. Баева, А.Р. Белкина, Р.С. Белкина, Г. Вальдера, А.Н. Васильева, С.А. Величкина, Л.Г. Видонова, А.И. Винберга, Т.С. Волчецкой, С.Э. Воронина, А.Ю. Головина, Г.А. Густова, Л.Я. Драпкина, А.В. Дулова, В.Ф. Ермоловича и М.В. Ермолович, Е.П. Ищенко, Д.В. Кима, А.С. Князькова, В.Е. Коноваловой, А.М. Ларина, И.М. Лузгина, Н.А. Подольного, Я. Пешака. А.Р. Ратинова, А.Ф. Реховского, А.В. Руденко, А.А. Старченко, М.С. Строговича, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблокова и ряда других авторов.

Под криминалистической версией большинство ученых-криминалистов понимают «обоснованное предположение относительно обстоятельств, имеющих значение для расследования по уголовному делу, служащих установлению истины по делу». При расследовании мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи, процесс выдвижения и проверки версий связан с получением фактических данных и соотносением с типовыми версиями, основанными на корреляциях и взаимосвязях базовой криминалистической характеристики как составляющей методики раскрытия, расследования таких преступлений.

Следственная версия является разновидностью рабочей гипотезы, так как она представляет собой «обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих значение для дела, объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой, содержание, значение для дела»[2, 30].

В криминалистической литературе отмечается, что специфическая структура версии состоит из фактической базы версии, которая формируется из результатов следственных действий, оперативно-розыскных и других мероприятий, проведенных в рамках конкретного уголовного дела, и теоретической базы, представляющей упорядоченную совокупность сведений, имеющих предположительное отношение к неизвестному обстоятельству по делу и выделенных из общего запаса информации, аккумулированной в памяти следователя, взаимодействующих с ним лиц, а также в криминалистических и иных учетах [4, 21].

Интересной представляется позиция А.Ю. Головина и М.В. Баранова, которые рассматривают структуру криминалистической версии, как специфической криминалистической задачи, в основе которой лежит

информационная неопределенность относительно конкретных факторов и обстоятельств, имеющих значение в процессе расследования.[3, 123-134].

В первоначальный период расследования выявленные факты, как правило, немногочисленны, разрозненны и чтобы понять их содержание, причину возникновения, связь между собой, необходимо прибегнуть к предположительному объяснению полученных данных в форме версий. Объясняя факты, версия содержит вероятное, неполное, неточное знание о фактах. Эти знания нуждаются в тщательной проверке, результаты которой позволяют сделать вывод о правильности или неправильности выдвинутой версии.

Роль версии заключается в том, что являясь ядром планирования, она упорядочивает деятельность следователя по расследованию преступлений.

С помощью версий осуществляется конкретизация задач расследования, намечаются вопросы, которые необходимо выяснить для установления искомых фактов и причинной связи между ними. Поэтому версия выполняет эвристическую, т.е. поисковую функцию, в ней объединяется уже известное с новым, искомым[4, с. 16].

Помогая выявить факты, которые еще не установлены в ходе расследования, следственные версии направляют следствие на собирание необходимых доказательств. До того момента, когда в процессе расследования появляется возможность выдвинуть версии, основанные на анализе конкретных данных, основную роль в планировании расследования выполняют так называемые типичные версии. Отсюда следует, что версии выполняют также и организационную роль для всего процесса расследования по делу и его основных этапов.

Следственные версии могут возникать в разное время, по мере поступления новой информации о произошедшем событии. При проверке дознавателем, следователем типичных версий одни исключаются раньше, другие – позже. Последовательность опровержения или подтверждения версий зависит от содержания имеющейся у следователя информации о расследуемом событии.

Версии квалифицируются по разным основаниям. Наибольшее значение для процесса расследования имеет классификация версий на общие и частные.

При проверке сообщения о мошенничестве, совершенном при помощи средств сотовой связи выдвигаются следующие *общие проверочные версии*:

1) заявленное деяние содержит все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ;

2) состав мошенничества отсутствует, имеются признаки другого преступления;

3) состав мошенничества отсутствует, заявитель добросовестно заблуждается и имеет место законная сделка.

Выдвинутые версии одновременно и параллельно проверяются в ходе проведения таких неотложных мероприятий, как осмотр места происшествия; опросы заявителей, свидетелей и очевидцев; осмотры предметов.

Важное значение при проверки указанных версий имеет объяснение, полученное от потерпевшего (заявителя), в котором должны быть отражены обстоятельства произошедшего с указанием телефонного номера, использованного при совершении мошенничества, особенностей речи звонившего, суммы похищенных денежных средств, сведения о перечислении денег, последовательность выполняемых операций, иные сведения, необходимые для квалификации преступного деяния согласно действующему уголовному закону, и т.д.

Тщательная проверка 2 и 3 версии очень важна, поскольку при подтверждении указанных обстоятельств оправдывающего характера необходимо незамедлительно отказать в возбуждении уголовного дела и прекратить уголовное преследование, а, при необходимости, рассмотреть вопрос о наличии иных признаков преступления[5].

В целях проверки версии об отсутствии события преступления, необходимо установить наличие у заявителя имущества и ценностей, которые указываются им в качестве предмета преступления. В этих целях заявитель подробно опрашивается о времени приобретения имущества, приметах, о происхождении имеющихся у него денежных средств, в том числе на счете, о планах по распоряжению, об обстоятельствах передачи имущества. Объяснения заявителя подлежат проверке при опросе родственников, знакомых, сослуживцев и лиц, присутствовавших на месте происшествия в указываемое заявителем время. Следует проверить поведение заявителя за весь период нахождения у него похищенного имущества. Объяснения очевидцев должны содержать сведения, которые

в совокупности с другими материалами дела позволяют сделать вывод об их достаточности для возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении[1, 165-169].

Что же касается частных версий, то их выдвижение осуществляется в рамках определенного информационного блока и основываются на элементах криминалистической характеристики преступлений.

Применительно к цели исследования, частные версии могут быть сформированы по следующим основаниям:

Типичными частными версиями могут быть следующие:

1. В зависимости от личности мошенника и их состава.

а) В зависимости от количества участников преступления:

- мошенничество совершено одним лицом;
- группой лиц;
- организованной группой.

б) В зависимости от профессионализма мошенника:

- мошенничество совершено профессиональным преступником;
- «новичком» (не профессионалом);
- смешанной группой (включая тех и других).

в) В зависимости от родственных отношений участников преступления:

- мошенничество совершено лицами, состоящими в родственных отношениях;
- не состоящими в родственных отношениях, знакомыми;
- смешанной группой.

г) В зависимости от наличия судимости:

- мошенничество совершено лицом, ранее судимым за аналогичные преступления;
- ранее судимым за другие преступления;
- ранее не судимым.

д) В зависимости от места жительства мошенника:

- мошенничество совершено местным жителем;
- жителем другого субъекта Российской Федерации;
- жителем другой страны.

2. Версии о способе совершения мошенничества:

- мошенничество совершено без визуального и голосового контакта с потенциальной жертвой (рассылка смс-сообщений);

- мошенничество совершено с помощью телефонного звонка (звонков), но без визуального контакта, денежные средства переведены на счет мошенника;

- мошенничество совершено с помощью телефонного звонка (звонков), денежные средства переданы через соучастника либо курьера.

3. Версии о способе передачи денежных средств:

- мошенник лично получил от потерпевшего денежные средства;

- денежные средства (по требованию мошенника) переведены через банковские учреждения в указанный им город на имя конкретного получателя или через платежные терминалы QIWI на определенный номер мобильного телефона;

- денежные средства были переданы через курьера (как соучастника, так и через лицо, которое не имеет отношение к преступлению).

4. Версии о месте нахождения следов.

1) *Применительно к следам-предметам* (мобильный телефон, сим-карты, записные книжки, банковские карты, компьютеры и др. техника):

- места нахождения потерпевшего;

- места, где осуществлена передача денег;

- места, где обнаружено средство совершения преступления или где находился мошенник в момент звонка.

2) *Применительно к следам-отображениям:*

- следы рук, следы вещества на мобильном телефоне, составных частях компьютерных устройств, предметах обстановки;

- следы обуви и босых ног, где обнаружено средство совершения преступления или где находился мошенник в момент звонка;

- следы транспортных средств, где находился мошенник в момент звонка или при передаче денежных средств.

3) *Версии о местах возможного нахождения цифровых следов:*

- в технических каналах сотовых сетей;

- в мобильном телефоне потерпевшего;

- в мобильных телефонах, которые использовали мошенники для осуществления звонков, рассылку смс-сообщений;

- в мобильном телефоне свидетеля (курьера, через которого передавались денежные средства);

- в компьютерной технике и устройствах, которые использовали мошенники;

- на серверах и сайтах в сети Интернет (сведения о доменном имени и следы регистрации домена при создании сайта, странички в социальных сетях; следы взаимодействия с провайдером хостинга, следы настройки сервера, поддерживающего домен сайта, следы рекламирования сайта, коды вредоносных программ, программные средства управления вредоносной программой, отчеты и статистика антивирусного программного обеспечения и др.).

5. Версии о способе получения мошенником информации о жертве:

- мошенник использовал случайный подбор цифр абонентского номера, информация о жертве заранее не собиралась;

- информация получена путем личного наблюдения, изучения социальных сетей и контактов потерпевшего;

- информация получена от соучастников, работающих в государственных или частных организаций (сотрудники банковских, медицинских, социальных и др. организаций);

- информация получена из приобретенных мошенниками баз данных;

- информация о потерпевшем получена из других источников, таких как данные медицинских учреждений, Интернет-магазинов, банковских учреждений и др.

Указанная классификация версий мошенничества, совершенного с помощью средств сотовой связи, в определенной степени облегчает и систематизирует процесс познавательной деятельности на каждом этапе расследования.

Приведенные типичные версии, безусловно, не являются исчерпывающими. Любое совершенное деяние содержит в себе уникальные признаки, присущие лишь конкретному событию преступления. Но при изучении материалов уголовных дел изложенные выше версии являются наиболее актуальными и часто встречающимися в практике.

Построение и проверка версий являются взаимосвязанными и неотделимыми элементами. Каждая версия подвергается проверке независимо от степени разработанности и логической обоснованности (верность или ложность должны быть определены экспериментально).

При выдвижении версии необходимо анализировать происшествия во взаимосвязанной структуре вероятностных событий. В данном аспекте

Л.Я. Драпкин подмечает, что осмысливая обстановку места происшествия, следователь формирует ряд сменяющих друг друга динамических мыслительных моделей происшествия и как бы примеряет к ним имеющиеся данные[7].

Важным моментом является проведение проверки следственных версий в определенной очередности. Версии, связанные с проведением неотложных следственных действий должны занимать приоритетное место в плане расследования, в том числе розыск, задержание подозреваемого и так далее. Результативным проявлением проверки все совокупности версий по уголовному делу будет являться подтверждение одной из них.

Список литературы:

1. Асташов М.А. Типичные следственные ситуации при расследовании мошенничества. Территория науки. 2017. № 3 с. 165-169
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997.
3. Головин А.Ю. Баранов М.В. Следственная версия как специфическая разновидность криминалистической задачи // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки, Тул., 2011, №2, с. 20-24.
4. Драпкин Л.Я. Теория раскрытия преступлений: ретроспективный анализ и вероятностный прогноз // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф., д-ра юрид. наук, заслуж. юриста РФ И. Ф. Герасимова, Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2003.
5. Дубровицкая Л.П. Планирование расследования. Высшая школа МВД СССР. М.,1972. С.16.
6. Елисеев С.А. Преступления против собственности по законодательству России. - Томск. 1999. – 337с.
7. Криминалистика. В 3 ч. Часть 1: учебник для вузов / под ред. Л.Я. Драпкина. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2017. – 246с.
8. Щербаченко А.К. Типичные версии о мошенничестве, совершенном группой лиц, и их место в системе базовой методики их раскрытия и расследования //Философия права, 2020, № 1 (92). С. 165-169.

FEATURES OF THE NOMINATION OF INVESTIGATIVE VERSIONS DURING THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED BY MEANS OF CELLULAR COMMUNICATIONS.

***Abstract.** The article discusses the concept of the investigative version, its role in the investigation process, and also gives the author's classification of versions of fraud committed using cellular communications.*

***Keywords:** fraud, means of cellular communication, version, forensic version, assumption, information, planning.*

Буйнов Дмитрий Олегович – аспирант кафедры судебных экспертиз Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), город Москва, Россия, buinovdmitrii@mail.ru

Buinov Dmitrii Olegovich – postgraduate student of the Forensic Examinations Department of Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЭКОНОМИСТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

***Аннотация.** В связи с продолжающейся цифровизацией экономики исследование цифровых следов в рамках производства судебных экспертиз по уголовным делам в сфере экономической деятельности является одной из наиболее актуальных тем в судебной экспертологии.*

Цель данного исследования – определить пределы компетенции эксперта-экономиста при экспертном исследовании цифровых следов, выявить и проанализировать особенности производства комплексных судебных экономических и компьютерно-технических экспертиз при исследовании цифровых следов.

В рамках исследования автор ставил следующие задачи: проанализировать виды преступлений в сфере экономики и способы их совершения на предмет возможности образования цифровых следов в ходе осуществления данных правонарушений, определить виды цифровых следов, характерные для преступлений в сфере экономической деятельности, определить целесообразность назначения комплексных экспертиз, проанализировать пример экспертной практики на предмет

использования специальных экономических знаний и специальных знаний в сфере судебной компьютерно-технической экспертизы.

Автор пришел к выводу, что назначение комплексной экспертизы при исследовании определенных видов цифровых следов нецелесообразно, определил пределы компетенции эксперта-экономиста и эксперта судебной компьютерно-технической экспертизы на примере экспертной практики.

Ключевые слова: *цифровые следы, экспертное исследование цифровых следов, судебная экономическая экспертиза, судебная компьютерно-техническая экспертиза, комплексная экспертиза, комплекс судебных экспертиз, пределы компетенции эксперта.*

Продолжающийся процесс цифровизации экономических отношений несомненно несёт положительные результаты, как например упрощение и удешевление документооборота, сопровождающего весь процесс экономической деятельности; создание новейших бизнес-моделей, взаимовыгодных как для производителя товаров и услуг, так и для его клиентов и т.д. Вслед за этими процессами меняются и виды доказательств, которые могут быть рассмотрены судом при разрешении экономических споров. Компьютерная информация экономического содержания имеет большое доказательственное значение в гражданских процессах – при рассмотрении гражданских и арбитражных споров между организациями и гражданами. Однако в контексте исследуемой темы заострим внимание на цифровых следах, исследуемых при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Согласно отчету ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ о состоянии преступности в России за январь 2022 г. отмечается рост числа преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 4,0% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом количество преступлений экономической направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации выросло на 8,9% [1].

В связи с широким распространением новых видов криминалистически значимой информации, фиксируемых на компьютерных носителях, а также цифровых средств фиксации,

сохранения, автоматизированной обработки и исследования доказательственной и ориентирующей информации, криминалистической науке потребовалось теоретическое обоснование и исследование закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств.

Понятию цифровых следов даются различные определения в трудах отечественных ученых. Согласно одной из позиций цифровой след можно определить, как «совокупность информации (данных) о посещении информационно-коммуникационной сети пользователем и его действиях в цифровом пространстве». Данный вариант был предложен в проекте «Концепции комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики» Института Законодательства и Сравнительного Правоведения при Правительстве РФ. Стоит отметить, что в указанном документе при определении цифрового следа упор сделан на данные, возникающих в ходе совершения действий в информационно-коммуникационных сетях. При этом нельзя забывать, что, например, при расследовании уголовных дел в сфере экономической деятельности необходимо исследование и различных электронных документов, которые могут быть сформированы и без применения информационно-коммуникационных сетей. В этой связи, можно утверждать, что данное определение сужает понятие цифровых следов [2].

С точки зрения криминалистики и судебной экспертологии наиболее точное определение дают Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский, согласно мнению которых цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе её возникновения, обработки, хранения и передачи [3, стр. 7].

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности большое значение имеет изъятие носителей информации для последующего их исследования экспертом. Важнейшими объектами для экспертного исследования экономистом являются документы бухгалтерского и налогового учёта и отчётности, по которым возможно установить факты ведения хозяйственной деятельности, а также иные обстоятельства, имеющие криминалистическую значимость.

В соответствии с нормами уголовного законодательства, при изъятии электронных носителей информации в ходе производства следственных действий необходимо участие специалиста. Специалист, обладающий специальными знаниями в области информационных систем и процессов, компьютерных технологий и программ, электроники, призван произвести изъятие носителей таким образом, чтобы сохранить информацию, хранящуюся на них, не допуская её изменения, искажения или утраты. Кроме того, лицо, обладающее специальными знаниями в области судебной компьютерно-технической экспертизы, может осуществить копирование (дублирование), хранящихся на данных носителях цифровых следов.

Наиболее широко распространенной системой автоматизированного бухгалтерского учета в России является система «1С:Предприятие». При использовании данной системы для ведения бухгалтерского, налогового, операционного учета создается файловая база данных в виде файла 1Сv8.CD. В данном файле хранятся различные данные информационной системы, например, конфигурация, база данных и т.д. Исследование файлов такого типа позволяет получить информацию о различных операциях, сформировать бухгалтерские регистры, что позволяет установить интересующие следствие факты.

Так как данный компьютерный файл позволяет получить различную бухгалтерскую информацию, зачастую в ходе следствия, согласно ст. 201 УПК РФ [4], назначается комплексная судебная компьютерно-техническая экспертиза и судебная экономическая экспертиза. Однако есть ли необходимость в проведении комплексной экспертизы в данном случае? Попробуем рассмотреть данный вопрос на примере случая расследования налогового преступления, когда на экспертизу представлен файл базы данных системы автоматического бухгалтерского учета.

При расследовании налоговых преступлений следствие интересуется размер уплаченного юридическим лицом в бюджет налога. Перед экспертом экономистом стоит задача определить сумму налога, которую должно было заплатить предприятие за определенный период и какую сумму предприятие фактически заплатило. Чтобы решить поставленную задачу эксперту необходимо исследовать бухгалтерские документы (бухгалтерские регистры и первичные учетные документы) для расчета налогооблагаемой базы, исчисляемой согласно налоговому

законодательству. В данном случае объектами налоговой экспертизы являются вышеуказанные бухгалтерские документы [5, стр. 53].

В рассматриваемом нами случае, эксперт-экономист может сформировать данные документы, которые содержатся в базе данных. Однако не всегда эксперт-экономист способен самостоятельно получить данные документы. Кроме того, следствие могут интересовать различные факты видоизменения базы данных, факты изменения конфигурации базы данных сотрудниками предприятия для целей бухгалтерского учета. По этой причине следствие назначает комплексную судебную компьютерно-техническую и судебную налоговую экспертизу.

Насколько обоснованно назначение в данном случае именно комплексной экспертизы? Ведь отличительной особенностью комплексной экспертизы является невозможность решения вопроса без одновременного совместного участия экспертов различных родов судебных экспертиз в написании заключения и формулировании общего вывода. В рассматриваемом случае же отсутствует задача, решение которой требовало бы одновременного применения специальных знаний из различных областей. При производстве судебной компьютерно-технической экспертизы с целью установления фактов видоизменения базы данных, конфигурации и т.д. нет необходимости в специальных экономических знаниях. Также и в случае с исследованием бухгалтерских документов с целью проверки правильности исчисления налога отсутствует необходимость участия в данном исследовании эксперта в области судебной компьютерно-технической экспертизы. В данном случае возможно потребуются лишь обеспечить доступ к базе данных эксперта-экономиста и представление бухгалтерских данных в читаемом виде, предотвратить случайное изменение файла базы данных.

Одним из способов копирования цифровых следов является создание образа операционной системы. Данный приём позволяет осуществить полное копирование не только самой операционной системы, но и всех настроек, файлов, программ, конфигураций и т.д. Создав данный образ с помощью специализированного программного обеспечения, специалист-компьютерщик даёт возможность анализировать документы бухгалтерского и налогового учёта и отчётности, не подвергая риску сам носитель информации и содержащиеся на данном носителе цифровые следы.

Сам процесс исследования информации, содержащейся в таком образе или иных компьютерных файлах, также может проводиться с привлечением специалиста-компьютерщика. При этом задача такого специалиста – обеспечить доступ к базе данных эксперта-экономиста и представление бухгалтерских данных в читаемом виде, предотвратить случайное изменение файла базы данных, предоставив эксперту-экономисту возможность исследовать факты хозяйственной жизни посредством анализа бухгалтерских и налоговых документов. Однако не всегда есть необходимость привлечения специалиста при проведении экспертного исследования документов, копированных в образе операционной системы. Рассмотрим подобную ситуацию на следующем практическом примере.

Согласно постановлению от 31.03.2021 о возбуждении уголовного дела №12102450002000177 следователем было установлено, что руководитель общества с ограниченной ответственностью имея умысел на уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере, в период 2015, 2016, 2017 годов, используя реквизиты фиктивных и подконтрольных организаций, отразил в регистрах текущего бухгалтерского учета общества с ограниченной ответственностью за 2015, 2016, 2017 годы, а также в налоговых декларациях по налогу на добавленную стоимость ложные сведения, касающиеся расходов по взаимоотношениям с вышеуказанными фиктивными организациями, а также подлежащей уплате суммы налога на добавленную стоимость за 1, 2, 3, 4 кварталы 2015-2017 гг., и поэтапно в период с 25.04.2015 по 25.10.2017 представил в электронном виде по средствам телекоммуникационных каналов связи вышеуказанные налоговые декларации, содержащие заведомо ложные сведения, в налоговый орган – ИФНС России № 18 по г. Москве.

В ходе осмотра специалистом был изъят носитель информации – компьютер, посредством которого осуществлялось ведение бухгалтерского и налогового учёта организации с применением специализированной программы автоматизации бухгалтерского учёта 1С. Также специалистом с помощью программного продукта виртуализации Oracle VM VirtualBox был создан образ операционной системы Windows 10, копирующий все содержащиеся в данной системе цифровые следы, в последствие помещённый на внешний жёсткий диск. Как видим, изъятие носителя и создание вышеуказанного образа осуществлялось лицом, обладающим специальными знаниями в сфере информатики и

компьютерных технологий, во избежание потери, повреждения хранящихся на носителе данных.

При назначении судебной экономической экспертизы, следователем был предоставлен внешний жёсткий диск, содержащий образ операционной системы компьютера, посредством которого осуществлялось отражение фиктивных операций, а также все файлы данной системы. Данный образ возможно исследовать с помощью программного обеспечения, которое не требует от пользователя квалификации эксперта судебной компьютерно-технической экспертизы, высшего образования в области кибернетики, информатики или автоматизации. Поэтому в участии специалиста непосредственно при исследовании данных файлов либо назначении комплекса экспертиз нет необходимости, эксперт-экономист может самостоятельно использовать созданный специалистом образ и проводить судебную экономическую экспертизу.

Список литературы

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь 2022 года. Главный информационно-аналитический центр МВД РФ // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27566319> (дата обращения 12.02.2022).

2. Концепция комплексного регулирования(правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики // URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ZUfngxYZ6X0J:https://sk.ru/documents/358/10.06.2020_%25D0%259A%25D0%259D%25D0%259F%25D0%25A0_%25D0%25B4%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25B1%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25BD%25D0%25B0%25D1%258F_%25D0%25BF%25D0%25BE%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25B5_%25D0%25A0%25D0%2593.pdf+%&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=nl (дата обращения 16.02.2022).

3. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике//Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). – Алматы. С. 6-8.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., N 52, ст. 4921.

5. Голикова В.В. Предмет, объекты и задачи судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на добавленную стоимость. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018;(7). С. 53-60.

THE LIMITS OF COMPETENCE OF A FORENSIC SCIENTIST-ECONOMIST IN CASE OF EXAMINATION OF DIGITAL TRACE

Abstract: Due to the ongoing digitalization of the economy, the study of digital traces in the framework of forensic examinations in criminal cases in the field of economic activity is one of the most relevant topics in forensic science. The purpose of this study is to determine the limits of competence of a forensic scientist-economist in case of examination of digital trace, to identify and analyze the features of the production of complex forensic economic and computer–technical investigation of digital traces.

Within the framework of the study, the author set the following tasks: to analyze the types of crimes in the field of economics and the ways of their commission for the possibility of the formation of digital traces during the implementation of these offenses, to determine the types of digital traces characteristic of crimes in the field of economic activity, to determine the appropriateness of the appointment of comprehensive examinations, to analyze an example of forensic examination for the use of special economic knowledge and special knowledge in the field of forensic computer examination.

The author came to the conclusion that the appointment of a comprehensive examination in the investigation of certain types of digital traces is impractical, determined the limits of competence of an forensic scientist-economist and an computer forensic scientist on the example of forensic investigation.

Key words: digital traces, examination of digital traces, forensic accounting, computer forensic examination, comprehensive forensic examination, complex of forensic examinations, limits of competence of a forensic scientist.

Ворсин Денис Владимирович - преподаватель кафедры уголовного права и процесса С(А)ФУ им. М.В. Ломоносова, город Архангельск, Россия, denisvorsin@mail.ru

Vorsin Denis Vladimirovich - Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, S(A)FU named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. В настоящей работе автор освещает вопросы, связанные с привлечением к уголовной ответственности за распространение порнографических материалов в сети «Интернет». Уделяется внимание неурегулированности вопроса определения предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции, а также проблемам установления в действиях обвиняемых прямого умысла на ее распространение.

Ключевые слова: незаконное распространение порнографических материалов и предметов, уголовная ответственность.

Сегодня в большинстве государств мира предусмотрена ответственность за преступления, связанные с порнографией (от греч. *porne* – «разврат», + *grapho* – «пишу»), однако понимание того, что является порнографией и какие действия с ней подлежат запрету, с учетом национально-культурных и религиозных установок имеет свои особенности, в том числе и в нашей стране.

Распространение порнографических материалов и предметов опасно тем, что эта продукция может оказывать отрицательное влияние на формирование нравственных начал в обществе. Тем не менее, в связи с изменением за последние десятилетия нравов и интеграцией России в мировое сообщество, в том числе ориентацию на Запад, где порнография либо частично, либо полностью легализована, она (порнография) востребована частью населения, а благодаря бурному развитию информационных технологий распространение ее приняло огромные масштабы. Поскольку эпоха видеокассет ушла в прошлое, порнографический рынок переместился в сеть «Интернет».

Диспозиция ч. 1 ст. 242 УК РФ в нынешней редакции сформулирована следующим образом: «Незаконные изготовление и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов». Пунктом «б» ч. 3 данной

статьи предусмотрен квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)). В теории и на практике возникает немало вопросов, связанных с уяснением содержания данной нормы, и ее применением в случаях распространения порнографии с помощью информационно-телекоммуникационных сервисов.

Вопросы возникают уже при определении предмета преступления. Ни в международном, ни в российском праве легального определения порнографии не содержится. В литературе встречается мнение, что выработка общепризнанной дефиниции невозможна в силу несформированности в общественном сознании единообразного понимания порнографии [1, стр. 101], поэтому в юридической литературе мы встречаем множество доктринальных определений, содержащих оценочные категории («вульгарный», «непристойный», «цинично изображающий половую жизнь») и порождающие неоднозначное толкование. В связи с этим А. Г. Донченко предлагает выделять и закреплять в законах отдельные признаки порнографии [2, стр. 188].

В правовой доктрине распространение порнографических материалов определяется как доведение до сведения других лиц [3], любая форма передачи другим гражданам, осуществляемая как на возмездной (купля-продажа, обмен), так и на безвозмездной (передача в дар) основе. Распространение может выражаться и в показе, демонстрации предметов, предоставлении к ним доступа.

Так в феврале 2013 г. Рославльским городским судом Смоленской области был вынесен приговор в отношении гражданина, хранившего на своем персональном компьютере порнографические материалы с изображением несовершеннолетних в папке со свободным доступом, так что любой пользователь сети мог ознакомиться с ее содержанием. Гражданин был осужден по ч. 1 ст. 242¹ УК РФ и приговорен к четырем годам лишения свободы условно [4].

Применительно к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, распространением может являться размещение порнографических файлов на тематических «Интернет»-сайтах, в социальных сетях или в электронных хранилищах информации.

Проблемным вопросом здесь является определение наличия у «Интернет»-пользователя умысла на распространение порнографических

материалов, который (умысел) в составе данного преступления является только прямым.

Например, в наши дни для скачивания информации широко используется программа «торрент-трекер», особенностью которой является то, что во время и после загрузки файла одновременно идет раздача с устройства лица другим пользователям. В связи с этим неясно, можно ли это расценивать как распространение.

С одной стороны, пользуясь услугами данной программы, «юзер» волей-неволей производит раздачу со своего компьютера, пусть даже его изначальным намерением было лишь приобрести данные материалы для личного пользования. С другой же – использование данной программы вовсе не доказывает наличия у него прямого умысла именно на распространение, ведь целью лица может быть приобретение порнографических материалов исключительно для себя, а к тому, что с компьютера идет раздача другим лицам, пользователь может относиться безразлично (косвенный умысел).

К тому же раздача осуществляется только тем пользователям, которые имеют данную программу и скачали специальный файл («торрент-файл»), необходимый для участия в конкретной раздаче. Таким образом, т.н. распространение информации «юзером» минимально и по большому счету незначительно, ведь доступ к ресурсу был уже получен теми, кому эта раздача осуществляется, и не от него. Участие в раздаче – лишь «побочный эффект» для того, кто приобретает указанный файл, а значит, в связи с невозможностью установить прямой умысел, в данном случае ответственности быть не может.

Изложенное подтверждается практикой Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которым 17.02.2022 отменены приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 27.07.2021, которым П. осужден по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 13.10.2021, оставившей этот приговор без изменения.

Как следует из приговора и апелляционного определения, П., будучи зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» под псевдонимом посредством копирования с неустановленной страницы «Интернет», разместил на своей странице, открытой для неограниченного

круга пользователей видеозапись с информацией порнографического содержания.

Кассационная инстанция не согласилась с выводами нижестоящих судов о том, что П. сделал это умышленно с целью незаконного распространения данной видеозаписи, желая этого. Как пояснял сам П. на всех стадиях производства по делу, он специально создал страницу «ВКонтакте» с вымышленным именем, чтобы исключить случайное попадание на нее других лиц, файл скачал для личного просмотра, в последующем ограничил доступ к своей странице, не имея, таким образом, намерения показывать запись кому-либо еще.

Эти доводы в приговоре не опровергнуты, а те обстоятельства, что П. лично никому данный файл не предлагал и не передавал, на момент добавления им видеозаписи на свою страницу она уже была распространена в сети «Интернет» и находилась в свободном доступе, и потому приобретение им материала само по себе не может свидетельствовать об умысле П. на его распространение, должной оценки нижестоящих судов не получило.

Руководствуясь ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции отменила, оправдала П. и прекратила уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления [5].

Приведенным примером подтверждается справедливость положений ст. 14 УК РФ о том, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, а в соответствии с провозглашенным ст. 5 УК РФ принципом вины лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Задача правоприменителя – объективно и беспристрастно исследовать все установленные обстоятельства дела, оценивая в равной степени как объективные, так и субъективные признаки содеянного.

1. Дьяченко А. Подходы к регламентации нормативного определения порнографии // Уголовное право. — 2004. — №. 4. — С. 101.

2. Донченко А. Г. Понятие порнографии в российском уголовном праве // Правоведение. — 2011. — №. 2. — С. 188.

3. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев : 13-е изд., перераб. и доп. - М.: «Юрайт», 2013. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

4.3а 800 файлов с порнографическими изображениями несовершеннолетних слесарь получил 4 года условно // URL: <http://pravo.ru/news/view/82850/> (дата обращения 17.04.2022).

5. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2022 № 77-532/2022 //URL: http://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6971338&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 17.04.2022).

ON SOME ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL DISTRIBUTION OF PORNOGRAPHIC MATERIALS AND ITEMSON THE INTERNET

Annotation. In this paper, the author highlights issues related to bringing to criminal responsibility for the distribution of pornographic materials on the Internet. Attention is paid to the unresolved issue of determining the subject of crimes related to the illegal circulation of pornographic products, as well as to the problems of establishing in the actions of the accused the direct intent to distribute it.

Keywords: illegal distribution of pornographic materials and objects, criminal liability.

Козочкин Владимир Михайлович - ведущий государственный судебный эксперт, ФБУ Тульская ЛСЭ Минюста России, город Тула, Россия. tulasudexpert@gmail.com
Kozochkin Vladimir Mikhailovich - Leading State Forensic Expert, FBU Tula LSE of the Ministry of Justice of Russia, Tula, Russia.

Рыбалкин Никита Андреевич – государственный судебный эксперт ФБУ Тульская ЛСЭ Минюста России, ассистент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия nikitarybalkin@rambler.ru

Rybalkin Nikita Andreevich - state forensic expert of the FBU Tula LSE of the Ministry of Justice of Russia, assistant of the department of forensic examination and customs affairs of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tula State University", Tula, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (ПЛОТТЕР, 3D-ПРИНТЕР, РОБОТИЗИРОВАННАЯ РУКА, СТАНОК С ЧПУ)

***Аннотация.** Авторами рассматривается один из актуальных вопросов судебно-почерковедческой экспертизы и судебной технической экспертизы документов – выполнение почерковых объектов с помощью современных технических средств (плоттер, 3D-принтер, роботизированная рука, станок с ЧПУ). В предлагаемой статье изучаются основные публикации, посвященные данной проблеме, анализируются основные методы выявления данных почерковых объектов, описываются экспериментальные исследования их выполнения, изучаются и характеризуются основные современные технические средства, с помощью которых возможно выполнение различных почерковых объектов.*

***Ключевые слова:** судебно-почерковедческая экспертиза, судебно-техническая экспертиза документов, технические средства изготовления документов, плоттер, судебная экспертиза.*

Судебно-почерковедческая экспертиза обеспечивает установление объективной истины по рассмотрению дел в судебном процессе в результате исследования определённых реквизитов (подписей) спорных документов. В силу значительных изменений, произошедших в науке и

технике за последние годы, значительно повысились требования к эффективности судебно-почерковедческих и судебно-технических экспертиз документов. Важнейшей причиной этому послужил переход к безбумажным технологиям составления документов, в результате чего объекты почерковедческой и технической экспертизы документов становятся все более малообъемными, а в некоторых случаях на документах содержится лишь одна подпись. В этих случаях традиционные методики исследования документов в большинстве случаев не дают возможности однозначного решения задач, поставленных перед экспертом.

Не случайно в XXI веке все больше внимания уделяется созданию экспертных методик, связанных с применением оргтехники. В теории судебной экспертизы наблюдается серьезный пробел в виде не разработанности методики выполнения почерковых объектов, с помощью технических средств, системы теоретических знаний о предмете, объекте, целях, задачах данной методики, что значительно сказывается на структуре и разработанности общей теории криминалистической науки.

Серьезные пробелы были зафиксированы и в практической судебно-экспертной деятельности. Не в полной мере систематизирована и разработана методика выполнения судебно-почерковедческой экспертизы и судебно-технической экспертизы документов почерковых объектов, выполненных с помощью технических средств.

Следует отметить, что в связи бурным развитием офисной техники компетентная подделка различных видов документов становится более доступной. Все чаще стали выявляться документы, выполненные с помощью современных технических средств.

Отметим, что в последнее время в экспертной практике получили распространение документы, изготовленные с помощью современных технических средств. «Техническое средство – совокупность технических устройств, средств вычислительной техники либо их частей»[1]. К таким устройствам можно отнести плоттер (графопостроитель), 3 D-принтер, роботизированную руку, станок с числовым программным управлением (далее – ЧПУ), также возможны различные конфигурации и компиляции данных устройств.

Графопостроителем служит устройство для автоматического вычерчивания с большой точностью различных схем и рисунков на бумаге или кальке различных размеров. Таким образом можно отметить,

что с помощью графопостроителя и с использованием пишущего блока можно выполнить любой элемент почерковых объектов, а также собрать новый документ, используя различные части документов-оригиналов, чем могут пользоваться и уже пользуются правонарушители.

Первым примером выявления данного рода объектов в российской литературе можно считать статью Т. О.Пановой, О. Ю.Миловидовой, Е. С. Карпухиной [2]. В данном исследовании был описан случай из экспертной практики, когда удалось установить признаки выполнения почерковых объектов с помощью графопостроителя (плоттера).

Отметим, что роботизированная рука разрабатывалась и выпускается для вполне легальных целей, например, для подписания неофициальных документов, открыток, поздравлений и т.п. Но, как это неоднократно случалось со многими достижениями научно-технического прогресса, они начинают активно использоваться в противоправных и криминальных целях. И в данных условиях практикующие эксперты и юристы чаще всего оказываются в роли догоняющих, не имея возможности сработать на опережение. Именно поэтому необходимо совершенствование существующих методик в почерковедческой и технической экспертизе документов.

Необходимо отметить, что если сегодня злоумышленник воспользуется для рисовки почеркового объекта одним из вышеописанных устройств, которые имитируют, кстати сказать, и градации нажима, то мы можем полагать, что эксперты только исходя из личного опыта и предельной внимательности к деталям могут установить факт использования подобной технологии подделки, поскольку они не располагают методиками выявления следов их применения при подделке подписей и почерка.

Для того чтобы вооружить экспертов методическими рекомендациями по установлению фактов компьютерной технологии подделки рукописного почерка и подписей, необходимо проведение серьезных исследований, требующих определенных финансовых затрат, прежде всего связанных с приобретением современных роботизированной руки, плоттеров, 3D-принтеров, станков с ЧПУ и проведению исследований данных технологий.

Отметим, что в статье П. В. Бондаренко («Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий») автором отмечаются следующие признаки, указывающие на выполнение

спорной подписи при помощи графопостроителя (плоттера): тупые начала и окончания штрихов, недифференцированный нажим, а также при большом увеличении микроскопа можно увидеть извилистость штрихов, которая обусловлена неплотным закреплением шариковой ручки в пишущем устройстве плоттера, а также возможными неточностями при построении траектории движений фальсификатором [3, С. 72].

Развитие компьютерной техники и прикладных навыков сделала эту технологию доступной даже для людей с небольшим опытом и навыками использования компьютерных технологий. Сравнительно невысокая себестоимость цифровой фальсификации и ее оперативность определяют ее рентабельность и эффективность для подделки различного рода документов. Например, в практике экспертов ФБУ Тульской ЛСЭ Минюста России в договорах займов были выявлены фальсификации подписей генеральных директоров юридических лиц [4]. Данные подписи предположительно, по совокупности выявленных признаков, были выполнены с помощью графопостроителя (плоттера). Диагностический вывод о применении технических средств при воспроизведении подписи даётся в категорическом виде, конкретный же способ воспроизведения может быть дан только в вероятной форме, поскольку методика формируется, исходя из нарабатываемой практики.

В специальной литературе, посвященной экспертизе документов, уже описаны несколько случаев, когда при проведении экспертизы были выявлены признаки использования графопостроителей для технического воспроизведения подписи. Однако данные о новом способе технического воспроизведения подписи фрагментарные, подробное изучение данного вопроса не нашло отражения в научной литературе. К примеру, коллектив авторов ФБУ РФЦСЭ Минюста России справедливо указывает на необходимость дальнейшей разработки данного вопроса.

Необходимо отметить, что для исследования почерковых объектов, выполненных с помощью современных технических средств необходимо привлечение экспертов двух специальностей – эксперта-почерковеда и эксперта-техника, т.к. для выявления подобного рода объектов одним из определяющих признаков является отсутствие градаций нажима при выполнении приводящих и отводящих движений, но повышенную сложность играет тот факт, что данные почерковые реализации являются объектами судебно-технической экспертизы документов, но тем не менее

следует выделить, что эксперт-почерковед, который напорядок лучше ориентируется в особенностях нажимных характеристик почерка, может более точно анализировать конкретную почерковую реализацию (поставить вопрос о возможном техническом выполнении почерковых объектов). Таким образом, можно зафиксировать, что данного рода объекты являются предметом комплексного исследования судебно-технической и судебно-почерковедческой экспертизы документов. Именно такая последовательность исследования является важным условием для формирования точных выводов в экспертизах документов.

Также необходимо отметить, что исследованию диагностирования признаков выполнения почерковых объектов с помощью технических средств посвятили свои труды Е.Н. Белова [5], М.Л. Подкатилина [6], В.Н. Пронин, П.Г. Лесникова [7], В.М. Козочкин[8], Т.В. Толстухина, Н.А. Рыбалкин [9], Н.А. Трушакова [10], Д.А. Шлыков [11], И.А. Ярощук, К.В.Гриневич [12], D.Kruger [13] и другие ученые теоретики и практики. Таким образом, с учётом выхода статей указанных выше авторов, данная проблема уже долгое время является актуальной и требует дальнейшего более глубокого изучения.

Технические достижения последних лет в отношении офисной оргтехники привели к тому, что также и с помощью 3D-принтера, станка с ЧПУ и специального программного обеспечения возможно имитировать нажим, что может доставить дополнительные сложности при исследовании подобного рода объектов.

Отметим, что нами в порядке нескольких рабочих экспериментов были произведены попытки воспроизведения подписей с помощью различных моделей 3D-принтеров: Tarantula, Anycubic3 mega, Ender 3 pro, благодаря которым нам удалось выполнить почерковый объект, но также следует отметить, что все-таки сохранились признаки технического выполнения, такие как различия в нажиме почерковых характеристик, замедленный темп выполнения, усиленный нажим, фрагментарность выполнения некоторых элементов подписей (рис. 1).

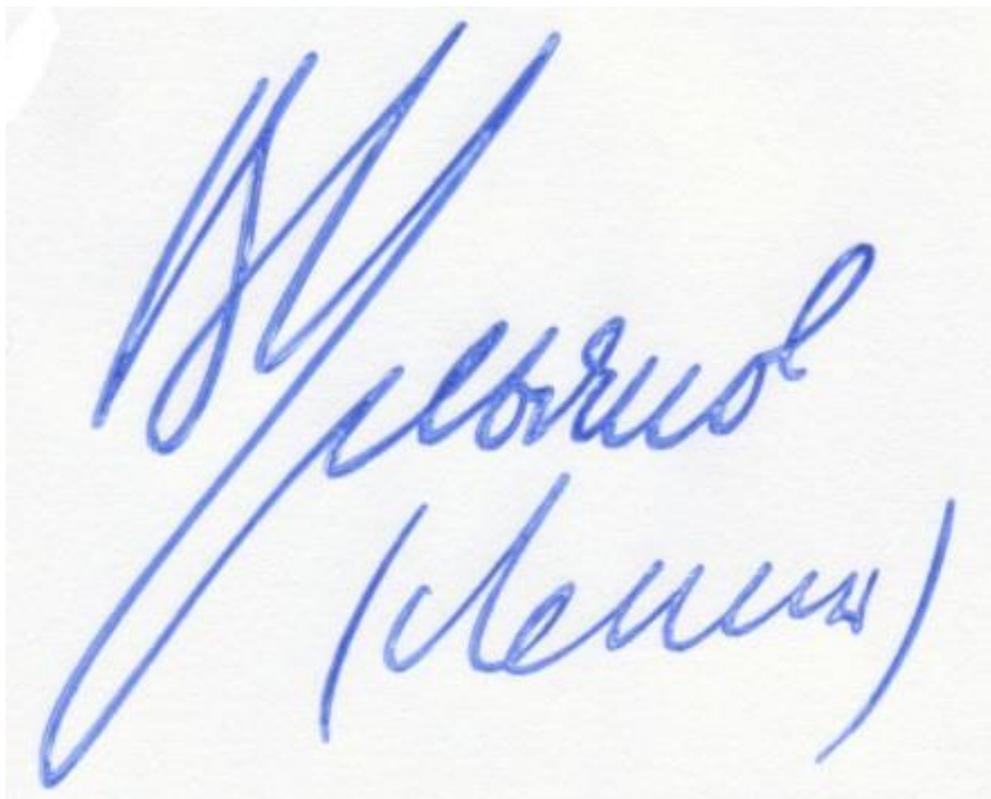

Рис. 1. Подпись В.И. Ленина, выполненная с помощью 3D-принтера.

При улучшении данной технологии, указанные выше признаки будут утрированы и выявить фальсификацию реквизитов документов будет возможно только при очень внимательном исследовании экспертом всех элементов почерковых объектов и тщательному сличению нажимных характеристик.

Таким образом, в связи с применением графопостроительной техники, к которой можно отнести плоттер, 3D-принтер, роботизированную руку и станок с ЧПУ, как отмечено выше, в литературе стали появляться публикации на эту тему, однако данных работ явно недостаточно, что обуславливает большой интерес и полное изучение данной проблемы, в том числе практикующими экспертами и подтверждает необходимость разработки методики (алгоритм действий эксперта) при воспроизведении почерковых объектов, выполненных с помощью технических устройств.

Список литературы

1. Национальный стандарт РФ. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения. / Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 марта 2017 г. N 198-ст. [Электронный ресурс] // СПС Гарант (дата обращения: 27.04.2022).

2. Панова Т. О., Миловидова О. Ю., Карпухина Е. С. Комплексное исследование имитации рукописных реквизитов (случай из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3 (11). – М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. С. 118-121.

3. Бондаренко П. В. Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С. 67–72.

4. Архив ФБУ ТЛСЭ Минюста России за 2017 и 2019 годы (заключение эксперта О. № 673 от 21 апреля 2017 года, заключение экспертов К. и Г. под № 1392-15812019 г.).

5. Белова Е.Н. Развитие криминалистической идентификации в судебно-почерковедческой экспертизе // Научно-практический журнал. - М.: РФЦСЭ, 2015. - № 3(39). С. 172 – 175.

6. Подкатилина М.Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – М., 2015. –№ 12. С.116-121.

7. Пронин В.Н., Лесникова П.Г. Исследование подписи с целью установления факта ее выполнения с помощью технического средства – плоттера (случай из экспертной практики) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 4. С. 162-165.

8. Козочкин В.М., Рыбалкин Н.А. Проблемы экспертизы почерковых объектов, выполненных с помощью технических средств // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1А. С. 157-163.

9. Толстухина Т.В., Рыбалкин Н.А. Проблемы производства судебно-почерковедческой экспертизы малообъемных почерковых объектов по электрофотографическим копиям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2. С. 52-60.

10. Н.А. Трушакова. Судебно-почерковедческая экспертиза на современном этапе: проблемные вопросы и пути их решения. Вестник Московского университета МВД России. 2018. С. 103-105.

11. Шлыков Д.А. Установление фактов нерукописного воспроизведения почерковых объектов: современное состояние и перспективы развития / Д.А. Шлыков // Энциклопедия судебной экспертизы: науч.-практ. журнал : сетевое электронное издание. – М., 2016. – № 4 (11).

12. Ярощук И.А., Гриневич К.В. Проблемные вопросы экспертизы подписи как малообъемного почеркового объекта // Актуальные проблемы российского права. – М., 2021. - № 8 (129).

13. Kruger D. The LongPen™ - The World's First Original Remote Signing Device // Journal of Forensic Sciences. 2010. V. 55. Issue 3.P. 795 - 800.

**ACTUAL PROBLEMS OF IDENTIFYING HANDWRITING OBJECTS
MADE WITH THE HELP OF MODERN TECHNICAL MEANS (PLOTTER, 3D
PRINTER, ROBOTIC ARM, CNC MACHINE)**

Annotation. The authors consider one of the topical issues of forensic handwriting examination and forensic technical examination of documents - the execution of handwriting objects using modern technical means (plotter, 3D printer, robotic arm, CNC machine). The proposed article examines the main publications devoted to this problem, analyzes the main methods for identifying these handwriting objects, describes experimental studies of their implementation, studies and characterizes the main modern technical means by which it is possible to perform various handwriting objects.

Keywords: forensic handwriting examination, forensic technical examination of documents, technical means of document production, plotter, forensic examination.

Ле Тхи Нгок Ча - Юридический факультет, Далат университет, город Далат, Вьетнам. traltn@dlu.edu.vn
Le Thi Ngoc Tra, master in Law Faculty, Yersin university, Viet Nam. traltn@dlu.edu.vn

Нгуен Као Кыонг

Декан факультета фармако - медсестринского дела,
Университет имени Йерсена, город Далат, Вьетнам.

cuongnc@yersin.edu.vn

*Dr. Nguyen Cao Cuong, Dean of Faculty of Pharmacy -
Nursing, Yersin university, Viet Nam.
cuongnc@yersin.edu.vn*

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ)
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ?**

Аннотация. Традиционные уголовные санкции с реальностью развития искусственного интеллекта создали противоречия в отношении позиции. Теория субъекта преступления игнорирует развивающуюся реальность технологии искусственного интеллекта, в то время как теория объекта преступления рассматривает искусственный интеллект только как простой инструмент. Создается впечатление, что уголовный закон намеренно игнорирует способность искусственного интеллекта ущемлять законные интересы независимо от других охраняемых законом субъектов. Чтобы правильно понять реальность искусственного интеллекта в уголовном праве, необходимо ответить на вопрос, какие риски на самом деле может нести ИИ? Сможет ли уголовное право в будущем ссылаться на атрибуты компетенции субъекта, чтобы присвоить ИИ статус субъекта и подвергнуть уголовным санкциям?

Ключевые слова: искусственный интеллект, объект, преступление, незаконные субъекты, меры безопасности.

Исаак Азимов однажды предложил закон для роботов, гарантирующий, что роботы всегда защищают человечество, прежде чем защищать себя. Люди давно опасаются темной стороны искусственного интеллекта, поскольку они могут восстать, сеять хаос и, возможно, совершить геноцид (по крайней мере, в кино). Опасения были небезосновательными: в 1981 году японский заводской робот без предупреждения убил рабочего гидравлической рукой[1]. В марте 2016 года Тэй — чат-бот Microsoft с искусственным интеллектом, откровенно

допускал расистские и сексистские высказывания при общении с пользователями сети[2]. 7 мая 2016 года беспилотный автомобиль Tesla во Флориде по ошибке определил препятствие перед собой во время движения, что привело к аварии со смертельным исходом[3]. Это конкретные случаи, которые показывают, что искусственный интеллект является не только передовой технологией, приносящей большую пользу общественному развитию, но и источником риска для внешнего мира.

В фильме «Я, робот» (2014) человеческая жизнь все больше зависит от разумных роботов, запрограммированных подчиняться всем человеческим командам, особенно никогда не причинять вреда людям, пока не умрет ученый и главным подозреваемым не станет робот. Так несет ли этот робот ответственность за смерть ученого, когда уголовный закон не признал за ИИ статус субъекта. В принципе субъектом преступления является физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и дееспособное. То есть только тогда, когда правонарушитель имеет возможность распознавать и контролировать свое поведение, он может квалифицировать преступление и нести уголовную ответственность. Если риски, связанные с поведением ИИ, считаются преступлениями, необходимо доказать утверждение «ИИ является субъектом преступления» или «ИИ является субъектом преступления и подлежит наказанию» в соответствии с уголовной правовой системой.

Современное законодательство признает наличие в некоторых странах взглядов на правовой статус роботов. Например, «робот-агент», сформулированный в российском «Акте Гришена» (проект), южнокорейском «Основном законе о робототехнике» (проект) и «Резолюции о правовых нормах «Роботизированная цивилизация»» Европейского Союза (проект), разработал «киборгов» и другие юридические лица с искусственным интеллектом. Исследуя преступления с использованием искусственного интеллекта, некоторые ученые специально рассматривали правовые системы с моделями уголовной ответственности за поведение роботов, когда они были интегрированы в «действия» нечеловеческих юридических лиц[4]. В то же время изучите поведение киборгов и их уголовную ответственность[5]. Эти примеры подтверждают, что исследования преступлений ИИ не малы и фрагментарны[6]. Однако ясно, что уголовные наказания трудно

применять, меры безопасности могут быть применена к ИИ в качестве наказания для ограничения нарушений, совершенных ИИ.

Риски продуктов искусственного интеллекта, являются ли ИИ субъектом или объектом преступления? Основываясь на способности думать и решать проблемы, ИИ подразделяется на слабый ИИ и сильный ИИ. Очень популярные сегодня помощники, такие как Google Assistant, Siri и Alexa, считаются слабыми программами искусственного интеллекта, поскольку они работают в рамках predetermined ограниченного набора функций. Наряду с развитием новых технологий, сильного ИИ с возможностью мыслить и принимать самостоятельные решения без участия человека, даже разумного. Однако ИИ все еще не идеален и имеет множество недостатков. Эти дефекты неизбежно несут определенные риски.

Другой распространенный тип риска ИИ возникает из-за того, что третьи лица или производители используют разведывательные данные и их данные в ненадлежащих целях, что приводит к утечке данных и другим правам на неприкосновенность частной жизни. Эти риски, если их строго не контролировать, вызовут серьезные проблемы в общественном порядке.

Из вышеприведенного анализа видно, что с точки зрения уголовного права может быть два вида ущемления законных интересов искусственным интеллектом: во-первых, акты ущемления законных интересов производителями или третьими лицами, неохотно использующими искусственный интеллект при вина проектировщика, ошибка пользователя или халатность надзорного органа ущемляют законные интересы других лиц. Этот вид правонарушений в целом ничем не отличается от характера традиционных преступлений — преступления, совершаемые людьми поневоле или в результате неосторожных действий, сейчас искусственный интеллект уподобляется «ножу и пистолету» — это всего лишь инструменты, используемые людьми.

Во-вторых, иной тип поведения без вмешательства внешних факторов, но осуществляемый самим искусственным интеллектом на автономной основе, прямо ущемляет законные интересы других субъектов, допускаемых правоохранительными органами. Особенность ИИ заключается в том, что когда система активирована, она может сама принимать решения и активно выполнять действия без руководства

человека или дальнейших манипуляций, что приводит к тому, что ИИ способен причинять вред, ущерб, не зависящий от контроля человека. Например, беспилотные автомобили имеют интеллектуальные системы, которые выполняют все задачи вождения. Этот тип ущерба будет увеличиваться по мере распространения интеллектуальных машин, что обнажит уязвимости традиционной уголовной ответственности, уголовная ответственность за такое ущемление интересов не может быть применена к самому роботу, к любому другому соответствующему физическому или юридическому лицу. Следовательно, необходимо определить, является ли ИИ просто чистым технологическим продуктом (субъектом права) или существом, способным совершать интеллектуальные действия, влияющие на внешний мир (субъектом права), для привлечения к уголовной ответственности.

Объектная теория преступления имеет смысл, но сложно относиться к ИИ как к простому инструменту. Субъектная теория преступности предполагает, что объем криминальной тематики в будущем должен быть расширен за счет введения некоторых новых понятий, например: «самостоятельная уголовная ответственность интеллигентных людей», даже даже «преступный ИИ»[7]. Суть субъектной теории преступления заключается в выведении ИИ из объекта уголовного права в самостоятельный субъект наказания, а также в расширении традиционной системы субъектов уголовного права за пределы физических и юридических лиц.

ИИ не может быть индивидуумом, содержащим биологические характеристики и личную волю людей, хотя они и развиваются в сторону высокоуровневых симуляций, подобных человеческим, уровень мышления и интеллекта которых далеко превосходит обычный человек. София в образе женщины, чрезвычайно умной, грациозной и живой. Однако настоящим «человеком» ее считать сложно.

Существует также мнение о том, что при признании уголовной ответственности юридического лица существуют принципиальные различия между юридическим лицом и физическим лицом по волеизъявлению и способности распоряжаться, но это не влияет на уголовную ответственность юридического лица. Значит, интеллектуальная сущность может стать субъектом преступления так же, как и юридическое лицо[8]? Хотя и юридические лица, и ИИ являются нечеловеческими образованиями, существуют существенные различия в

волеизъявлении - основе деятельности и нормах поведения, поэтому ИИ нельзя рассматривать как юридическое лицо. Юридическое лицо имеет самостоятельную волю, в частности, коллективную волю, поэтому юридическое лицо имеет тот же статус, что и физическое лицо в уголовном праве. Напротив, у искусственного интеллекта нет ни коллективной воли, ни способности генерировать волю самостоятельно. Во-вторых, основа деятельности юридических лиц по-прежнему направлена на физических лиц. С уголовной точки зрения юридическое лицо не может совершить преступление, не имея возможности совершить преступление внутри юридического лица. Между тем, искусственный интеллект представляет собой комбинацию операций, основанных на заранее разработанных программах обработки и физическом оборудовании, необходимом для выполнения инструкций. Например, самоуправляемый автомобиль, разработанный Google, без какого-либо вмешательства человека управляется только интеллектуальной системой вождения для выполнения всех задач вождения, таких как идентификация, избегание препятствий, контроль скорости. Помимо разницы в воле и основе деятельности, юридические лица могут регулировать свое поведение в соответствии с законом, в то время как для ИИ разработчикам приходится выполнять процедуры установки программы и правила поведения на ней. Вообще искусственный интеллект не может быть юридическим лицом, потому что он совершенно другой по уровню норм поведения.

Таким образом, уголовный субъективизм и объективизм не могут определять субъектность ИИ в уголовном праве, следовательно, к нему не может быть применена уголовная ответственность. Но похоже, что между искусственным интеллектом и психиатрическими пациентами есть сходство, хотя биологически они разные.

Учитывая правовые свойства, аналогичные психическим больным, ИИ также обладает способностью ущемлять законные права других субъектов самостоятельно посредством совершения действий, но в то же время лишен способности осознавать, знать и контролировать собственное поведение. Психически больной – физическое лицо, которому уголовным законом отказано в статусе субъекта в связи с неспособностью осознавать и контролировать свое поведение. С точки зрения способности распознавать и контролировать поведение психиатрические пациенты очень похожи на ИИ. На первый взгляд, ИИ

может полагаться на навыки глубокого обучения для выполнения автоматизированных действий для самостоятельного выполнения соответствующих инструкций или задач. Однако сейчас и в ближайшем будущем ИИ не сможет воспринимать, нарушает ли его собственное поведение закон, и не сможет выбирать, совершать противоправное деяние или нет. Другими словами, ИИ не может воспринимать природу и не может контролировать последствия своего собственного поведения.

Из вышеприведенного анализа видно, что ни ИИ, ни психически больные не могут применять наказания. Уголовный закон предусматривает, что психически больные лица, выявленные в судебном порядке и не обладающие способностью воспринимать и контролировать поведение, не подлежат уголовной ответственности. Этот принцип можно применить и к ИИ. Однако на практике меры стирания данных, модификации программы и полного уничтожения также налагаются на нее субъектами, ответственными за ИИ, хотя это меры, не несущие в себе основных признаков уголовно-правового наказания.

ИИ может наказать мерами безопасности. Основываясь на теории преступлений, проанализированной выше, невозможно возложить на ИИ независимую уголовную ответственность, поэтому она может основываться только на теории мер защиты и социального обеспечения для борьбы с риском, создаваемым ИИ. То есть при рассмотрении риска, связанного с ИИ и другой научно-технической продукцией, ущемляющей иные охраняемые уголовным законом интересы субъектов, должны применяться карательные меры безопасности[9]. Особое преимущество обеспечительного наказания перед наказанием (наложением преступления), построенное на этой теории, признано современным уголовным правом. Система уголовных наказаний, которая сосуществует с санкциями по соображениям безопасности, также получила широкую поддержку во многих странах.

На самом деле ИИ не может чувствовать боль уголовного наказания, когда, лишенный прав и льгот, столь величественное «наказание» на ИИ не будет иметь также сдерживающего действия, препятствующего. Между тем, меры безопасности сосредоточены на том, чтобы лишить ИИ преступности или уничтожить его, чтобы предотвратить повторение преступления. На данном этапе штраф за безопасность служит дополнительным или альтернативным наказанием к общему наказанию. В то же время обеспечительная мера может рассматриваться как

обеспечительная санкция в уголовном праве - особая мера пресечения риска повторного правонарушения при соблюдении конститутивных требований: охраняемые уголовным законом законные интересы других субъектов. Очевидно, что описанные выше риски доказали, что ИИ является субъектом, который взаимодействует с внешней средой и может создавать риски, а также ущемлять законные интересы физических, юридических лиц и даже государств недобросовестным поведением. Во-вторых, есть риск повторного преступления. Мера безопасности является дисциплинарной мерой, принимаемой для предотвращения преступления, и может применяться только исходя из необходимости социальной защиты, когда ИИ рискует повторить опасное поведение для других. Поэтому одним из важных условий применения данной меры является наличие риска рецидива. Риск рецидива физических лиц часто обусловлен мотивом преступления; личностью преступников; криминальным прошлым и жизненной ситуацией преступников; личностью преступников во время совершения преступления или после него; личные, семейные или общественные отношения и другие представления о действительности. ИИ — это, по сути, объект, поддерживаемый системой данных, на который не влияют вышеуказанные факторы. Основные факторы, определяющие повторяемость поведения ИИ, кроются в алгоритме и данных. Разнообразие и сложность источников баз данных, включая «плохие» данные, приводит к высокой вероятности того, что ИИ будет повторять «плохое» поведение. Поэтому ИИ, совершивший противоправное деяние, может оказаться под угрозой рецидива.

Очевидно, что применять санкции к ИИ сложно, но вводить санкции безопасности совершенно правильно. Такие методы, как удаление данных и модификация памяти, по сути могут стать мерами безопасности для исправления и улучшения вредоносного ИИ или даже безвозвратного его уничтожения (постоянный карантин).

Вывод. Можно видеть, что криминальный риск искусственного интеллекта является чисто фактическим явлением, которое подпадает под категорию «сверхличностного риска», а не в независимую категорию уголовной ответственности, с которой должны столкнуться сами умные продукты. ИИ — это не просто объект преступления, но еще и не субъект преступления. ИИ может рассматриваться только как незаконный субъект преступления и не несет уголовной ответственности и не подлежит

наказанию. Криминальные риски, скрытые в ИИ, являются препятствиями для развития технологии ИИ. Сосуществование мер безопасности с уголовными санкциями обеспечит законность эффективной борьбы с рисками, связанными с преступным поведением ИИ, и будет способствовать продвижению ценностей ИИ.

Список литературы

1. Robert Whyman (2014), From the archive, 9 December 1981: Robot kills factory worker, the Guardian, [online] available from <https://www.theguardian.com/theguardian/2014/dec/09/robot-kills-factory-worker>, accessed on 10/04/2022
2. Mathew Ingram (2016), Microsoft's Chat Bot Was Fun for Awhile, Until it Turned into a Racist, Fortune.com, [online] available from <https://fortune.com/2016/03/24/chat-bot-racism/>, accessed on 10/04/2022
3. Sam Levin and Nicky Woolf (2016), Tesla driver killed while using autopilot was watching Harry Potter, witness says, the Guardian, [online] available from <https://www.theguardian.com/technology/2016/jul/01/tesla-driver-killed-autopilot-self-driving-car-harry-potter>, accessed on 10/04/2022
4. Edmund P. Evans (2013), The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals, London: William Heinemann, [ebook] available from <http://www.gutenberg.org/files/43286/43286-h/43286-h.htm>, accessed on 10/04/2022
5. Maxim Dobrinoiu (2019), "The influence of artificial intelligence on criminal liability", 26L.E.SIJ, p. 140
6. Sabine Gless, Emily Silverman, Thomas Weigend (2016), "If Robots Cause Harm, Who Is to Blame? Self-Driving Cars and Criminal Liability", New Criminal Law Review, p. 412
7. Thomas C. King, Nikita Aggarwal, Mariarosaria Taddeo, Luciano Floridi (2020), "Artificial Intelligence Crime: An Interdisciplinary Analysis of Foreseeable Threats and Solutions", Science and Engineering Ethics, vol. 26, pages 89–120
8. Baek Min-je (2017), "The Study on the CRIMINAL Subject and Liability of AI Robots", Robotics & AI Ethics, vol.2, no.2, pp. 15-21
9. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (УИК РФ) от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021), ст. 86
10. Leese M. (2020), "Predictive Policing: Proceed, but with Care", Policy Perspectives, Vol. 8, No. 14, pp.1-4.

LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN CRIMINAL LAW?

Abstract. *Traditional criminal sanctions with the development reality of artificial intelligence have created contradictions about the position of artificial intelligence. The crime subject theory ignores the evolving reality of artificial intelligence technology, while the criminal object theory only considers artificial intelligence as a simple tool. It seems that the criminal law is deliberately ignoring the ability of artificial intelligence to infringe upon the legitimate interests independently of other subjects protected by the law. To properly understand the reality of artificial intelligence in criminal law, it is necessary to answer the question, what risks can AI actually bring? Will criminal law be able to invoke subject competence attributes to grant AI a subject status and subject to criminal sanctions?*

Keywords: *artificial intelligence, subject, crime, illegal subjects, security measures.*

Маханов Талгат Габитович – магистр юридических наук, старший научный сотрудник Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан, makhanov1986@mail.ru

Makhanov Talgat Gabitovich – Master of Law, Senior Researcher at the Interdepartmental Research Institute of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshycity, Kazakhstan

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает некоторые взгляды на принцип законности в уголовном процессе Республики Казахстан. Проведенный анализ научных литератур показал, что существуют различные точки зрения по указанному вопросу в частности необходимо*

отличать уголовно-процессуальный принцип законности при производстве по уголовному делу от общеправового принципа законности. Кроме того, автор акцентирует внимание на содержание принципа законности в уголовном процессе, которое заключается их реализации в нормах уголовно-процессуального законодательства в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *общеправовой принцип законности, уголовный процесс, принцип законности в уголовном процессе, правоприменительная практика.*

Принципами являются фундаментальные начала уголовного судопроизводства, которые определяют систему и содержание его стадий, институтов и норм, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей их участников и решение стоящих перед ним задач.

Одной из основополагающих принципов уголовного процесса является законность, который характерен для всех отраслей национального права.

Принцип (от лат. *principium* – начало, основа) – 1) основное, исходное, не требующее доказательств положение теории, науки, учения и т.д.; 2) внутреннее убеждение человека, неизменная позиция или правило поведения [1].

Согласно толковому словарю Ожегова, «законность» – это соблюдение законов, положение, при котором жизнь общества охраняется законами [2].

В свою очередь под принципами права понимаются руководящие идеи содержания права, его сущность и значение в обществе, которое определяет правового регулирования общественных отношений.

Одной из основополагающих принципов уголовного процесса является законность (ст. 10 УПК РК и ст.34 Конституции РК), который характерен для всех отраслей национального права.

Данный принцип обязывает суд, прокурора, органы следствия и дознания при расследовании уголовных дел точно соблюдать требования Конституции РК, УПК РК и иные нормативные правовые акты.

Такое положение связано с тем, что нарушение требований законодательства указанными субъектами влечет за собой установленную законом ответственность, признание недействительными незаконных

актов и их отмену (ч.3 ст.10 УПК РК). Данная норма отражена еще и в ч.2 ст.9 УПК РК.

А в российском законодательстве не дает вправо указанным субъектам применять закон, противоречащий Уголовно-процессуальному законодательству, а также допущенные судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем в ходе уголовного судопроизводства нарушения норм УПК РФ влекут за собой признание недопустимыми доказательств, полученных незаконным путем (ст.7 УПК РФ).

По этой причине деятельность органов уголовного преследования, прокурора и суда детально регламентируется законом.

В соответствии со ст.34 Конституции каждый обязан соблюдать Конституцию и законодательство Республики Казахстан, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц. Это – общеправовой принцип законности или же конституционный.

От общеправового попытаемся отличить уголовно-процессуальный принцип законности при производстве уголовного дела.

Например, в казахстанском уголовном праве принцип законности отражена в ст.4 УК РК, где основанием уголовной ответственности является совершение уголовного правонарушения, предусмотренного УК РК. По мнению Сабитова Т.Р., ответственность за деяние, уголовная наказуемость которого прямо не предусмотрена настоящим кодексом, не допускается [3, с.208].

Согласно ч.2 ст.8 КоАП РК, суд, органы (должностные лица), уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, при производстве по делам об административных правонарушениях обязаны точно соблюдать требования Конституции, КоАП, иных нормативных правовых актов. По мнению Долгопят А.О. принцип законности охватывает своим содержанием всю деятельность лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях [4, с.266].

Принцип законности уголовно-исполнительного права выступает в качестве основополагающего принципа (ст. 5 УИК РК). По мнению Яковлевой О.Н. данный принцип устанавливают требование строгого, неуклонного соблюдения и точного исполнения законов как учреждениями и органами, ведающими исполнением наказаний, их должностными лицами, так и осужденными, отбывающими наказания, а

также иными участниками уголовно-исполнительных правоотношений [5, с.292].

Гражданско-процессуальный принцип законности обязывает суда при рассмотрении и разрешении гражданских дел обязан точно соблюдать требования Конституции и других актов (ст.6 ГПК РК). Газиева Н.Р. считает, что это – обязанность всех субъектов гражданского процессуального права считаться с содержанием вступивших в законную силу судебных постановлений, а также подчиняться законным распоряжениям, требованиям, поручениям, вызовам и обращениям суда [6, с.61].

Таким образом, принцип законности выражается в других отраслях правовых наук в соблюдении требования Конституции и других правовых актов. Кроме того, имеется мнение некоторых ученых-юристов о том, что это соблюдение норм законности и всеми участниками правовых отношений.

И так, общеправовой принцип законности подвергался к изучению различным ученым-процессуалистам, таких как Строгович М.С., который определяет принцип законности в уголовном процессе как совокупность всех принципов в их взаимной связи, а не отдельного принципа наряду с другими, это основа всех принципов и каждого принципа в отдельности [7, с.175].

Мартиросян С.А. считает, что содержание принципа законности составляют все иные принципы уголовного процесса. Отличие от иных правовых норм – это общие правовые начала системы уголовно-процессуальных принципов [8, с.6].

Некоторые ученые считают, как универсальный, всеохватывающий принцип, который находит свое выражение во всех принципах и нормах процессуального права и распространяется на все стадии уголовного процесса.

Кроме того, по их мнению, данный принцип включает в себе требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения всеми участниками уголовного судопроизводства [9, с.75].

Считаем, что такое мнение является преждевременным, т.к. принцип законности обязывает только суд, прокурора, органы следствия и дознания точно соблюдать требования законодательства.

Необходимо отметить, что сфера действия принципа законности в уголовно-процессуальной науке является дискуссионной. Одни полагают,

что субъектами соблюдения законности выступают все участники уголовно-процессуальных правоотношений [10, с.110]. Согласно их мнению, соблюдение закона в процессуальной деятельности является обязанностью не только суда, прокурора, органов следствия и дознания, но и всех остальных участников уголовного судопроизводства [11, с.45].

Другие, полагают, что нарушения законности гражданами и другими лицами – это нарушения правопорядка в обществе [12, с.38].

По мнению Доля Е.А. принцип законности взаимосвязан со всеми другими принципами, а его надлежащая и полная реализация возможна только при соблюдении всех остальных принципов [13, с.70].

По мнению отечественного ученого Оспанова С.Д., принцип законности распространяет свое действие на все стадии уголовного процесса, служит основой всех его принципов, но при этом не теряет своей самостоятельности [14, с.25].

Действительно, реализация принципа законности обеспечивается системой уголовного процесса путем проверки в каждой последующей стадии законности и обоснованности процессуальных решений. Например, в стадии предания обвиняемого суду прокурором проверяются правильность квалификации деяния подозреваемого и наличие существенных нарушений уголовно-процессуального закона в ходе производства досудебного расследования и т.п.

Согласно статистическим данным, в 2021 году прокуратурой отменено постановление о квалификации деяний подозреваемого всего – 33 (2020 г. – 986, 2019 г. – 120); постановление о признании в качестве подозреваемого всего – 108 (2020 г. – 1241, 2019 г. – 26) [15].

Данные аномальные тенденции роста связаны с внедрением 2020 году трехзвенной модели уголовного процесса с четким разделением полномочий, где полиция должна выявлять преступления, устанавливая причастных лиц, собирать и закреплять доказательства, а прокурор обязан давать независимую оценку собранным доказательствам, пресекать нарушения прав граждан, не допускать вовлечения законопослушных граждан в уголовный процесс, поддерживать обвинение в суде, а суд, в свою очередь будет рассматривать жалобы на действия органов уголовного преследования и выносить окончательный вердикт по делу.

По мнению Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева, данный подход укрепит систему сдержек и противовесов, создаст на

каждом этапе уголовного процесса эффективные фильтры. Законность и справедливость должны быть обеспечены по умолчанию [16].

Таким образом, обеспечение принципа законности возлагается на прокурора, который, исходя из конституционного предназначения, обязан осуществлять надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и судебных решений.

Другим гарантом законности является суд, что непосредственно связано с принципом независимости судьи, согласно которому судья при отправлении правосудия независим, а деятельность его регламентирована Конституцией Республики Казахстан и законами.

Согласно нормам Конституции судам запрещено применять законы и иные нормативные правовые акты, ущемляющие закрепленные права и свободы человека и гражданина. В тех ситуациях, когда нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, суд обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет Республики Казахстан с представлением о признании этого акта неконституционным.

Необходимо отметить, что Главой государства поручено создание Конституционного Суда [17]. По его мнению, данные инициативы станут важным шагом в построении справедливого и правового государства, институционально усилят систему сдержек и противовесов, защиту конституционных прав граждан. Ранее на территории Казахстана уже действовал Конституционный Суд (Закон РК от 5 июня 1992 года), замененный в 1995 году, с принятием Конституции на Конституционный Совет.

Наряду с этим, принцип законности разрешает вопросы противоречия правовых норм и устанавливает способ восполнения пробелов в уголовно-процессуальном законе.

Так, в случаях коллизии норм УПК РК, применяются те нормы, которые соответствуют принципам уголовного процесса. В случаях отсутствия нормативной регламентации отдельных вопросов уголовного судопроизводства, орган, ведущий уголовный процесс, руководствуется положениями принципов уголовного процесса.

В нормах УПК РК прямо не закреплен приоритет принципа законности над другими правовыми принципами для

правоприменительной практики не только суда, но и органов, осуществляющих уголовное преследование и надзор.

Резюмируя вышесказанное считаем, что принцип законности в уголовном процессе является основой всех принципов уголовного судопроизводства, не теряя своей самостоятельности реализуется на всех судебных и досудебных стадиях, а также находит свое выражение в едином и обязательном порядке производства по всем уголовным делам.

Принцип законности в уголовном процессе при надлежащем восприятии правоприменителями сможет в полной мере отвечать потребностям в развитии правового государства, а вместе с тем будет способствовать установлению законности в современном уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Толковый словарь Даля – принцип
<https://gufo.me/dict/dal/принцип>.
2. Толковый словарь Ожегова – законность
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/61318>.
3. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... докт. юрид. наук / Т.Р. Сабитов. – Екатеринбург, 2019. – 421с.
4. Долгопят А.О. Принцип законности в системе принципов производства по делам об административных правонарушениях // Вестник АГУ. Выпуск 2 (158). – 2015. – С. 264-267.
5. Яковлева О.Н. Принцип законности в деятельности уголовно-исполнительной системы: история и современность // сборник материалов конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства» Рязань, 21–23 ноября 2017 года, С.291-294.
6. Газиева Н.Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве // Бизнес в законе. №2. 2012. – С.58-61.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Издательство «Наука», 1968. 468 с.

8. Мартиросян С.А. Место законности в системе принципов уголовного процесса // *Apriori*. Серия: гуманитарные науки. – 2018. – № 2. С.1-7.

9. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 832 с.

10. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ.ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2012. – 1016 с.

11. Уголовный процесс : учеб.для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 545 с.

12. Мальцев В. Принцип законности в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Уголовное право*. – 2003. – № 1. С. 37-38.

13. Доля Е.А. Онтологические, гносеологические и правовые основы принципа законности // *Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения): сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 16 октября 2015 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации.* – М., 2016. – 292 с.

14. Оспанов С.Д. Уголовный процесс Республики Казахстан (Общая часть). – Алматы, 2006. – 269 с.

15. Статистические сведения о зарегистрированных уголовных правонарушениях. Портал органов правовой статистики и специальных учетов // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

16. Казахстан в новой реальности: время действий. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 года. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020>.

17. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 года. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1.

THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: IMPLEMENTATION ISSUES IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. In this article, the author considers some views on the principle of legality in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. The analysis of scientific literature has shown that there are different points of view on this issue, in particular, it is necessary to distinguish the criminal procedural principle of legality in criminal proceedings from the general legal principle of legality. In addition, the author focuses on the content of the principle of

legality in the criminal process, which is their implementation in the norms of criminal procedure legislation in law enforcement practice.

Key words: *general legal principle of legality, criminal procedure, principle of legality in criminal procedure, law enforcement practice.*

Мясоедова Регина Владимировна - *председатель Суворовского суда Тульской области, аспирант ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия.* MyasoedovaRV@suvorov/cdtula.ru
Myasoedova Regina Vladimirovna - Chairman of the Suvorov Court of the Tula Region, post-graduate student of the Tula State University, Tula, Russia

ОЦЕНКА СУДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена оценке показаний и заключений специалистов и экспертов в уголовном процессе, особенностям процессуального положения эксперта и специалиста, приданию доказательственного значения показаниям и заключениям эксперта. Автором высказывается мнение о неэффективности правового положения специалиста в уголовном процессе и его ограниченных правах, как следствие предложение об исключении таких видов доказательств как заключение и показания специалиста.*

Ключевые слова: *доказательства, показания, заключение, специалист, эксперт, свидетель.*

С 4 июля 2003 года в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) в качестве доказательств появились заключение и показания специалиста. Скорее всего, законодатель, придавая статус новым доказательствам, хотел в полной мере обеспечить принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Однако на практике это породило множество проблем, возникало много споров и разногласий вокруг этих доказательств. В уголовном процессе, ссылаясь на такой вид доказательств, стороны защиты и обвинения по-разному оценивали его. Что касается суда, то у судей тоже сформировались различные точки зрения на то какие права разъяснять

специалисту, какова его роль в уголовном процессе в целом и как оценивать его показания и заключения, если выводы, содержащиеся в заключении прямо противоположны выводам, содержащимся в заключении эксперта. Кроме того, сторона защиты часто просто спекулировала на процессуальном положении специалиста, привлекая к участию в деле лиц, фактически не обладающих специальными знаниями и обеспечивая их явку в судебное заседание и настаивая на допросе, что в свою очередь лишало суд возможности отказа в удовлетворении ходатайства о допросе (ч.4 ст. 271 УПК РФ[1]) и порождало неоднозначное толкование процессуального положения этого лица.

Согласно положениям статьи 74 УПК РФ предусмотрено, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 «О судебной экспертизе по уголовным делам» №28 (в редакции №1 от 21.12.2010) имелось указание о том, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения [2]. Кроме того, ранее придавая показаниям и заключениям специалиста статус доказательств по делу, специалист, как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях, мог высказывать суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами.

Ученые после внесения изменений в УПК РФ резко высказывались насчет такого вида доказательств. В.П. Божьев еще в 2005 году указал, что «Пленум дал несколько расширенное толкование сферы участия специалиста, по сути, включив его в число участников оценки доказательств. Это противоречит положениям ч. 1 ст. 58 УПК, допускающей привлечение специалиста только в качестве консультанта для постановки вопросов эксперту, а также ст. 85, 86, 88 УПК, определяющим назначение доказывания, субъектов собирания, проверки и оценки доказательств» [3].

Когда действовала редакция №1 от 21.12.2010 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ, многие суды по Тульской области, исходили из того, что специалист, несмотря на то, что обладает специальными познаниями, в суде подлежит допросу в качестве свидетеля, а его заключение подлежит оценке наряду с другими доказательствами по делу. Заключение специалиста, как правило, признавалось недопустимым доказательством по делу, поскольку специалист не предупреждался об уголовной ответственности, специалист не был привлечен в установленном законом порядке к участию в уголовном судопроизводстве, несмотря на наличие у него необходимых квалификационных требований.

Так, Суворовский районный суд Тульской области, рассматривая дело членов «Партизанской правды партизан» Меняйлова А.А., Меняйловой С.А., обвиняемых в совершении действий, направленных на унижение достоинства группы лиц по признакам пола, а также принадлежности к социальной группе, с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет», то есть по ч.1 ст. 282 УК РФ.[4]).

Судом было установлено, что Меняйлов А.А., начиная с августа 2014 года и по июль 2018, создал сценарий к 9 видеороликам, а Меняйлова С.А. произвела видеосъемку, монтаж и размещала их в различные периоды времени на публичной Интернет странице социальной сети «ВКонтакте».

В судебном заседании подсудимые вину не признали, не отрицая, вменённых им действий. Указывали, что Меняйлов А.А. является писателем, исследователем, членом Российского философского общества РАН с 2015 года, имеет последователей около 40 000 человек, с которыми занимается научной деятельностью, высказывал суждения и умозаключения в рамках научных дискуссий, цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство женщин, не имел. В суде были допрошены заявленные стороной защиты в качестве специалистов – 6 свидетелей, которые являлись докторами философских, психологических, медицинских наук. По мнению защиты, суд существенно нарушил уголовно-процессуальный закон, в связи с несоблюдением процедуры судопроизводства, так как допросы специалистов были подменены допросами свидетелей, а заключения специалистов не признаны в качестве допустимых и относимых доказательств по делу.

Суд первой инстанции, отвергая заключения специалистов в качестве доказательств по делу, указал, что «указанные письменные доказательства являются недопустимыми, поскольку они не отвечают критериям относимости и допустимости, предусмотренным нормами УПК РФ, указанных лиц никто не предупредил об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных заключений, вопросы, поставленные на обсуждение носят неконкретный характер, заключения подготовлены лицами, не имеющими права на производство экспертиз, заключения носят характер либо высказывания субъективного мнения лица, его подготовившего, к предъявленному Меняйловым обвинению, либо рассуждений на темы, не имеющие отношения к уголовному делу, часть специалистов ответили на правовые вопросы, не входящие в их компетенцию, так как связаны с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда»[5]).

Указанное обстоятельство являлось доводами апелляционных и кассационных жалоб. Суд апелляционной инстанции высказал следующее суждение на этот счет, что «судом специалисты по делу не назначались, в связи с чем нет оснований считать, что судом грубо нарушен уголовно-процессуальный закон, что влечет отмену судебного акта»[6]). Суд кассационной инстанции согласился с мнениями нижестоящих судов.

Это пример как раз того, когда сторона защиты необоснованно, скорее всего, с целью затягивания судебного разбирательства, обеспечила участие лиц, не обладающих специальными познаниями в области лингвистики, в то время как по делу органами предварительного расследования назначалась и была проведена филолого-лингвистическая экспертиза, квалификация которых проверялась на органами предварительного расследования, так и судом.

В редакции Постановления Пленума №22 от 29.06.2021 года «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» [7]исключена возможность привлечения специалиста для оказания помощи при допросе эксперта и оценке его заключения, то есть фактически показания специалиста исключены из числа доказательств по делу, несмотря на то, что в Уголовно-процессуальном кодексе такой вид доказательства закреплен. Кроме того, не устранена правовая неопределённость оценки заключения специалиста, который при подготовке заключения не предупреждается об уголовной ответственности, поскольку назначается не в установленной уголовно-

процессуальной форме. В тоже время Пленум разъяснил, что в случае оспаривания заключения эксперта, если его допросом не устранены сомнения и неясности, суд должен назначить повторную экспертизу.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 26.10.2021 № 2177-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева С.А. на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 80 УПК РФ высказался о том, что специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу. Иное приводило бы к подмене процессуальных действий, к отступлению от вытекающего из принципа юридического равенства единого порядка привлечения к участию в деле специалиста, производства судебных экспертиз, проверки и оценки допустимости доказательств [8].

Таким образом, была подтверждена правильность позиции нижестоящих судов о том, что специалисты, сказывая свое суждение по заданным ему вопросам, фактически является свидетелем, либо он приглашается для формулирования вопросов, которые необходимо поставить на разрешение перед экспертом. Видится правильным необходимость исключения из УПК РФ такого вида доказательств как показания специалиста, заключения специалиста, поскольку в случае несогласия с заключением эксперта, подготовленного на стадии предварительного расследования, стороны как защиты, так и обвинения не лишены права в процессуальном порядке заявить ходатайство о проведении повторной экспертизы в суде.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 «О судебной экспертизе по уголовным делам» №28 (ред. №1 от 21.12.2010)// Российская газета. 30.12.2010. № 296.

3. Божьев В. Изменение УПК РФ - не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. N 8. С. 4.

4. Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I).ст. 3385.

5. Постановление Суворовского районного суда Тульской области от 08.05.2019 №1-9/2019//Архив Суворовского районного суда Тульской области (судебный акт опубликован не был, поскольку попадает под акты, запрещенные к публикации).

6. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 30.08.2019 №22-2185// Архив Тульского областного суда (судебный акт опубликован не был, поскольку попадает под акты, запрещенные к публикации).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» №22 // Российская газета. 16.07.2021. № 159.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2177-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был.

EVALUATION BY THE COURT OF THE EXPERT'S AND EXPERT'S OPINION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Summary: The article is devoted to the evaluation of the testimony and conclusions of specialists and experts in criminal proceedings, the peculiarities of the procedural position of an expert and a specialist, giving evidentiary value to the testimony and conclusions of an expert. The author expresses the opinion about the ineffectiveness of the legal position of a specialist in criminal proceedings and his limited rights, as a consequence of the proposal to exclude such types of evidence as the conclusion and testimony of a specialist.

Keywords: evidence, testimony, conclusion, specialist, expert, witness.

Нго Дык Тай- магистрант кафедры СЭиТД, ТулГУ, город Тула, Россия, taitamli_giaogiuc@yahoo.com
Ngo Dyk Tai - master student of the department of seitd, tulsu, Tula, Russia.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА РАССТРОЙСТВА «МНОЖЕСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ»

***Аннотация.** Одним из наиболее редких психических расстройств личности является расстройство «множественной личности», широко известное как «раздвоение личности» или диссоциативное расстройство идентичности. Под таким расстройством понимается совокупность нарушений психики, находящих свое проявление в провалах в памяти, нарушении сознания и иных проблем, из-за наличия которых создается впечатление, что в одном человеке уживаются сразу несколько личностей. При этом имеют место нарушения сознания и чувства личностной идентичности, в силу которых личность человека не просто может разделиться на несколько отдельных – для каждой из них могут быть «назначены» собственные характеры, возрастные и гендерные характеристики и даже социальный статус [2].*

***Ключевые слова:** личностное расстройство, психическое расстройство, множественная личность, раздвоение личности, нарушение психики, личностная идентичность, уголовное право, преступление, преступное поведение.*

Как отмечается в научной литературе, диссоциация выполняет функцию защитного механизма, обеспечивающего охрану психики человека в ответ на какие-либо деструктивные действия (насилие, психологические травмы детства и т.д.) [4, с.74]. Стоит отметить, что в случае такого воздействия диссоциативное расстройство идентичности наступает далеко не всегда – оно представляет собой крайнее проявление диссоциации, когда психика человека нуждается в защите от избыточных эмоций и человек начинает воспринимать произошедшие события как случившиеся с кем-то другим.

Диссоциативное расстройство является крайне редким, а потому дискуссионным явлением, вследствие чего актуальность приобретают вопросы, касающиеся правомерности данного понятия как такового, а также связанные с его уголовно-правовой характеристикой. Хотя рассматриваемое расстройство официально признано мировым сообществом посредством включения в Международную классификацию болезней, травм и причин смерти [9], его существование не всегда признается научным сообществом и правоприменительной практикой. Наиболее известным случаем в мировой истории является дело Билли Миллигана. Миллиган был освобожден от ответственности по девяти пунктам обвинения в тяжких преступлениях в силу того, что суд штата Огайо счел его невиновным в силу безумия, связанного с существованием одновременно с личностью самого Миллигана свыше 20 других личностей.

Тем не менее, важно подчеркнуть, что такой исход дела Миллигана стал возможен лишь благодаря особенностям законодательства штата, поскольку до 1978 г. бремя доказывания по делам, связанным с безумием, было возложено на сторону обвинения. Обвинение в деле Миллигана доказать его вменяемость не смогло, в то время как защите даже не пришлось опротестовывать обвинения по трем доказанным случаям изнасилования – решающим аргументом защиты стали лишь результаты медицинского освидетельствования Миллигана, в которых психиатром Дж. Хардингом был сделан вывод о том, что подсудимый не может нести ответственность за свое преступное поведение в силу того, что преступления были совершены его двумя его другими личностями, которых Миллиган был не в состоянии контролировать [5].

Благодаря законодательным изменениям 1978 г., когда в штате Огайо был принят правовой акт, переложивший бремя доказывания по подобным делам на защиту, что означает, что в новых условиях адвокатам пришлось бы доказывать невменяемость своего клиента. После внесения изменений в закон люди, совершившие преступления и ссылавшиеся на расстройство «множественной личности», были привлечены к ответственности: к примеру, Р. Гримсли в 1982 г. была признана Верховным Судом штата Огайо виновной в нетрезвом вождении, несмотря на уверения в том, что транспортным средством в нетрезвом виде управляла другая ее личность. А в 1988 г. виновным был признан У. Джонс, убивший женщину, с которой познакомился в баре, и

пытавшийся убедить суд в том, что преступление совершило его альтер-эго, сумевшее парализовать его волю. В целом, как отмечается в научной литературе, суды США принимают во внимание экспертные заключения о диссоциативном расстройстве все реже [5]. Таким образом, дело Миллигана, хоть и было беспрецедентным, прецедентом все же не стало.

Что касается подхода отечественного законодателя к привлечению к ответственности лиц с психическими заболеваниями, то российским уголовным законодательством уделяется особое внимание вопросам, связанным с особенностями состояния психики человека и его влияния на уголовную ответственность и наказание.

В действующем УК РФ в положениях ст. 21 перечислены различные виды психических расстройств (хронические и временные, а также слабоумия и иные болезненные состояния психики) [1]. Помимо указанных видов, существуют также психические расстройства, не предполагающие невменяемости лица, при которых, тем не менее, субъект не может осознавать в полной мере степень общественной опасности и фактический характер собственных действий, равно как и руководить ими.

К числу таких расстройств относятся акцентуации характера, проявляющиеся в неявно выраженных отклонениях, которые в условиях стрессовых ситуаций могут приводить к нарушению психического равновесия; а также психопатия и олигофрения, эпилепсия в легкой форме, органические поражения центральной нервной системы и сосудистые заболевания головного мозга [8]. При этом, человек может соответствовать всем критериям вменяемости, предъявляемой к нему в соответствии с требованиями ст. 21 УК РФ, а указанные заболевания – оказывать влияние на его психику только тогда, когда они лишают его возможности осознавать в полной мере степень общественной опасности и фактический характер собственных действий, равно как и руководить ими.

В целом, можно сказать, что в данную группу расстройств входят психические аномалии, по своей сути являющиеся отклонениями, приводящими к изменениям личности, а это позволяет включить в нее и диссоциативное расстройство.

Согласно приведенным в Международной классификации болезней, травм и причин смерти симптомам, диссоциативное расстройство может находить свое проявление в:

– единовременном проявлении в определенный момент одной личности при экзистенциальном присутствии двух или более иных личностей;

– наличии у каждой личности своих паттернов поведения, способностей контролировать поступки человека;

– неспособности вспомнить те или иные важные для человека события или информационные сведения [3, с. 704–705].

Важно, что в случае диссоциации личность не абстрагируется полностью от реальности и окружающего мира – человек продолжает оставаться самим собой, хотя количество его альтернативных личностей может продолжать расти [6]. Как следствие, человек может быть вменяемым, равно как и каждая из его личностей может отвечать критериям вменяемости, однако в силу того, что на людей с таким расстройством может оказывать влияние депрессивность, подавленность, суицидальные мысли, нарушение сна, физиологические нарушения и иные сопутствующие диссоциации проявления, они, находясь под влиянием указанных факторов и в условиях доминирования какой-либо из альтернативных личностей, могут не осознавать фактический характер совершаемых ими деяний.

Само по себе наличие расстройства «множественной личности» не предполагает наступление уголовной ответственности и не предусматривает освобождение от нее – судом должен быть установлен факт оказания влияния расстройства на действия субъекта в момент совершения им деяния, предусмотренное уголовным законодательством. При этом важно понимать, что случаи, когда имеет место ограниченная вменяемость лица – т.е. лицо является вменяемым, но на момент совершения преступления оно в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, либо руководить ими, следует отграничивать от случаев, когда имеет место совершение противоправных деяний в состоянии аффекта, поскольку данное состояние раскрывается во внезапно возникающем душевном волнении, не имеющим отношение к психическим расстройствам.

Субъектом преступления, согласно нормам УК РФ, закрепленным в ст. 19–21, может являться физическое лицо, характеризующееся вменяемостью и достигшее на момент совершения преступления возраста наступления уголовной ответственности. В случае с диссоциацией,

именно фактор вменяемости является оспоримым, поскольку проявления расстройства могут оказывать влияние на действия лица.

Особенностью субъекта преступления, имеющего диссоциативное расстройство, будет являться набор критериев вменяемости. Так, в совокупности с юридическим критерием вменяемости, в научной литературе рассматривают также медицинский критерий, содержащий в себе интеллектуальный критерий, предполагающий возможность лица осознавать фактический характер и степень общественной опасности совершаемых действий, и волевой критерий, предполагающий возможность лица руководить своими действиями. В случае диссоциации у одного субъекта преступления может быть несколько интеллектуальных и волевых моментов: при этом основная личность человека может не подозревать о наличии интеллектуальных и волевых моментов умысла у других личностей.

Важно подчеркнуть, что и в отечественном научном дискурсе, и в российском нормативно-правовом поле сегодня применяется подход, в соответствии с которым ограниченная вменяемость рассматривается в качестве составной части вменяемости, а не в качестве какого-либо промежуточного состояния [7, с. 53], в связи с чем в положениях ст. 22 УК РФ сделан акцент на наличие у лица признаков вменяемости, несмотря на невозможность в полной мере руководить своими действиями и осознавать их фактический характер и общественную опасность.

Отсюда следует, что лицо, совершившее преступление, будет привлечено к уголовной ответственности, вне зависимости от наличия у него психических, в том числе диссоциативных расстройств. В то же время, полноценное отнесение таких лиц к психически здоровым невозможно. По этой причине в положениях ч. 2 ст. 22 УК РФ получила закрепление норма, согласно которой «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера». Таким образом, рассматриваемая норма имеет императивный характер и не может быть истолкована каким-либо иным образом, например, так, чтобы трактовать необходимость принятия судом во внимание факта наличия у лица, совершившего преступление, психического расстройства, как право суда, а не его обязанность.

Судом при принятии решения и назначении наказания учитывается наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, в качестве смягчающего обстоятельства, в зависимости от присутствия тех или иных факторов, например, характера совершенного преступления и степени его общественной опасности, а также сведений о личности виновного лица, о степени аномальности его психического расстройства. Поскольку, как уже упоминалось, диссоциативное расстройство является весьма нераспространенным психическим расстройством, а его симптомы, как показало проведенное исследование, могут воспроизводиться психически здоровыми людьми, стремящимися избежать уголовной ответственности, перед судом в таком случае стоит непростая задача по выяснению всех обстоятельств, необходимых для вынесения правильного решения. В этой связи неизбежность привлечения к ответственности виновного лица, вне зависимости от наличия у него психических, в том числе диссоциативных расстройств, является важной правовой гарантией, прежде всего, с точки зрения обеспечения общественной безопасности.

В соответствии с положениями ст. 22 УК РФ, лицам с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, в том числе и с диссоциативными расстройствами, может быть назначено наказание в виде принудительных мер медицинского характера. Это означает, что лицо с таким заболеванием в случае совершения уголовного преступления подлежит не только уголовной ответственности, но и уголовному наказанию. При этом, положениями ст. 81 УК РФ предусмотрено освобождение от отбывания наказания ранее осужденного лица, у которого психическое расстройство возникло после совершения преступления, лишив его возможности осознавать общественно опасный и фактический характер своих действий, либо руководить ими. Однако даже в таком случае к нему будут применены принудительные меры медицинского характера. Это означает, что такое лицо может быть освобождено от наказания, но не от уголовной ответственности.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что психическое состояние виновного лица имеет существенное уголовно-правовое значение, если оно оказывает влияние на интеллектуально-волевую сферу такого лица. В связи с чем диссоциативное расстройство, как и все другие психические расстройства, должно приниматься судом во внимание, прежде всего, в вопросах смягчения уголовной ответственности.

Смягчение наказания или освобождение от его отбывания, однако, не означает освобождение лица, страдающего диссоциативным расстройством, от уголовной ответственности, поскольку такое заболевание, с учетом его симптомов, не исключает вменяемости лица, совершившего преступление.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Бологов П. Множественная личность [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/longreads/74383> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Градинар Э.В., Картавченко В.В. Совершение преступлений лицами с диссоциативным расстройством личности // Аллея науки. – 2018. – № 4 (20). – С. 704–706.
4. Данилина А.А, Диссоциативное расстройство личности // Человек в цифровой реальности: технологические риски. Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. – С. 73–76.
5. Дело Билли о правах множественной личности: поправка [Электронный ресурс]. – URL: <https://dtf.ru/u/309369-nata-mark/797776-delo-billi-o-pravah-mnozhestvennoy-lichnosti-popravka> (дата обращения: 16.01.2022).
6. Диссоциативное расстройство идентичности [Электронный ресурс]. – URL: <https://empathycenter.ru/we-treat/dissotsiativnoe-rasstroystvo-identichnosti> (дата обращения: 17.01.2022).
7. Королева М.В. Понятие криминальной характеристики преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 12 (47). – С. 52–54.
8. Малекина К. Состояние психики человека, имеющие уголовно-правовое значение [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/01/sostoyaniya_psihiki_cheloveka_imeyuschie_ugolovno-pravovoe_znachenie (дата обращения: 18.01.2022).

9. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases> (дата обращения: 20.01.2022).

DISORDER "MULTIPLE PERSONALITY" WITH CRIMINAL LAW

Abstract. *One of the more rare psychiatric personality disorders is multiple personality disorder, commonly known as multiple personality disorder or dissociative identity disorder. Such a disorder is understood as a set of mental disorders that find their manifestation in memory lapses, impaired consciousness and other problems, due to the presence of which it seems that several individuals coexist in one person at once. At the same time, there are violations of consciousness and a sense of personal identity, due to which a person's personality can not simply be divided into several separate ones - for each of them their own characters, age and gender characteristics, and even social status can be "assigned" [2].*

Keywords: *personality disorder, mental disorder, multiple personality, split personality, mental disorder, personal identity, criminal law, crime, criminal behavior.*

Нгуен Тхи Хуен Чанг - аспирант Академии общественных наук Вьетнам, адвокат, президент юридической фирмы «ВиенАнь», Вьетнам, Хошимин, Вьетнамская федерация адвокатов. trangelawyer72@gmail.com.

Nguyen Thi HuyenTrang, graduate student, Graduate Academy of Social Sciences Vietnam, advocate, president of Vien An Law Firm, Vietnam, Ho Chi Minh City, Vietnam Bar Federation.

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ В ЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДВОКАТОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С КОРРУПЦИЕЙ:
СОВРЕМЕННАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ ПРАКТИКА**

Аннотация. *В статье рассматриваются трудности в защитной деятельности адвокатов по уголовным делам, связанным с коррупцией, а также предлагаются некоторые рекомендации по повышению качества*

защиты по делам данной категории в уголовном судопроизводстве Вьетнама.

Ключевые слова: адвокат, защитная деятельность, доказательство, доказывание, уголовное дело, коррупция.

Адвокатское сообщество во Вьетнаме зародилось с развитием вьетнамской революции, которое постоянно растет и совершенствуется как по численности, так и по профессионализму. Многие адвокаты с их талантом, интеллектом и хорошими личными качествами внесли выдающийся вклад в построение справедливой и демократической судебной системы и правового государства. В числе таких можно назвать Фан Ань, Чан Конг Туонг, Нгуен Хыу Тхо и многих других известных юристов. Многие практикующие адвокаты с большим энтузиазмом, преданно и честно относятся к своей работе. Есть адвокат, которого общественность почитает *«народным адвокатом»*, он добровольно без вознаграждения защищает неимущих людей, а зачастую использует свои личные доходы для поддержки их поездок. Такой вклад постепенно создал хороший имидж и традиции коллектива вьетнамских адвокатов.

Согласно международным нормативно-правовым актам и Конституции (ч. 4, ст. 31) Вьетнама 2013 г. устанавливается, что *«...лицо, задержанное и заключенное под стражу, привлеченное к ответственности; в отношении которого ведется расследование, преследуемое или подсудное, имеет право на самозащиту или обращение к помощи адвоката или других лиц для защиты»*. В соответствии с законом Вьетнама «об адвокатуре» такую помощь оказывают адвокаты. Особую значимость имеет участие адвоката в уголовном процессе.

В настоящих условиях адвокат-защитник является основным и практически единственным участником уголовного судопроизводства, который может выступать как со стороны защиты, на ком лежит бремя обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на такую защиту, так и со стороны обвинения - в случае представления интересов потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Вьетнама.

На современном этапе развития вьетнамского государства адвокатура не утратила своей важности и значимости. Вместе с тем, она обладает новыми качествами и формами адвокатской деятельности.

Как известно, квалифицированная юридическая помощь особенно важна для лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство. К моменту судебного разбирательства подсудимый уже ознакомлен со своими правами и обязанностями, а также обладает определенным опытом их использования со стадией предварительного расследования. Более того, адвокатская практика показывает, что на стадии следствия часто нарушаются права подозреваемых (обвиняемых), потому без профессионального оказания помощи адвоката не обойтись.

С начала 12-го Всевьетнамского партийного съезда и до сих пор народными судами всех уровней по всей стране рассмотрены в первой инстанции почти 800 уголовных дел о коррупции почти с 2 тыс. подсудимыми. Только в 2021 году в целом по стране возбуждено и расследовано 390 уголовных дел с 1 тыс. 11 обвиняемыми по коррупционным и должностным преступлениям. По делам, находящимся под контролем и руководством центрального руководящего комитета по борьбе с коррупцией, с 19-й сессии по настоящее время возбуждено 10 уголовных дел с 40 подозреваемыми; завершено расследование 15 уголовных дел с 150 обвиняемыми; преследованы 16 уголовных дел с 164 подсудимыми; рассмотрены 21 уголовного дела с 179 подсудимыми, рассмотрены в апелляционной инстанции 13 дел с 74 подсудимыми. В первом квартале 2022 г. возбуждены 125 уголовных дел с 259 обвиняемыми о коррупции, что увеличилось на 2 раза, чем за аналогичный период 2021 г., в основном в сферах управления экономикой, землей, имуществом и др.⁴

Однако в 2021 г. остается еще много не расследованных, находящихся под следствием или уголовным преследованием дел по сравнению с первым кварталом - 2022 г. Уровень вынесения обвинительных приговоров в течение срока свидетельствует о том, что криминогенная обстановка становится все более сложной, величина ущерба на активах увеличивается, престиж Коммунистической партии Вьетнам и государственного аппарата был серьезно подорван. Борьба и профилактика преступлений данной категории становятся все более сложными, субъекты преступления могут совершать неограниченное количество действий, особенно в настоящее время, в соответствии с

⁴ Kim Anh. Khởi tố hơn 1.000 bị can tội tham nhũng, chức vụ trong năm 2021. Báo điện tử VOV online, truy cập ngày 08/02/2022 từ <https://vov.vn/chinh-tri/khoi-to-hon-1000-bi-can-toi-tham-nhung-chuc-vu-trong-nam-2021>

положениями Уголовного кодекса 2015 г., коррупционные действия в частном секторе на негосударственных предприятиях с частным капиталом также являются коррупционным преступлением.

Можно сказать, что в нынешний период борьба с коррупцией и негативом – это долгая, кропотливая и сложная борьба. В процессе обновления Коммунистическая партия Вьетнам всегда уделяет внимание содействию борьбе с коррупцией и считает это особо важной задачей партийного строительства и исправления. За прошедшее время, особенно во время XII и XIII съездов партии, *«...борьба с коррупцией велась и направлялась решительно и методично, глубоко, с сильным прогрессом и достигла многих очень важных, всесторонних и четких конкретных результатов, оставив хорошее впечатление, создав положительный эффект, сильно распространившись на все общество»*⁵. Внося большой вклад в вышеуказанную борьбу, нельзя не отметить роль коллектива адвокатов в осуществлении деятельности по защите субъектов по вышеуказанным уголовным делам, содействуя защите закона, а также защищать конституционные права людей в уголовном процессе, кем бы они ни были в соответствии с принципом *«не допущения незаконного обвинения, но неотвратимости наказания»*.

Защитная деятельность адвокатов по вышеуказанным уголовным делам должна стоять не только над ролью защиты интересов обвиняемых и подсудимых, но и играть роль защиты осуществляемого правосудия. Следует подчеркнуть, что защитная деятельность адвокатов по уголовным делам, связанным с коррупцией, не является деятельностью против стороны обвинения, как думают некоторые лица, работающие в процессуальных органах.

Таким образом, изучение теоретических положений, а также понимание фактической ситуации и трудностей в защитной деятельности адвокатов по уголовным делам о коррупции, чтобы привести к единому взгляду на цель деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве во Вьетнаме, имеет важное значение как в теории, так и на практике.

Уголовно-процессуальный кодекс 2015 года устанавливает, что участие защитников в стадиях уголовного судопроизводства отражает

⁵Tổng Bí thư, Chủ tịch nước Nguyễn Phú Trọng. Phải tiếp tục đẩy mạnh phòng, chống tham nhũng, quyết liệt, thường xuyên, liên tục, với quyết tâm cao hơn, mạnh mẽ hơn, hiệu quả hơn. Báo Nhân Dân, truy cập ngày 15/02/2022 từ <https://nhandan.vn/tin-tuc-su-kien/phai-tiep-tuc-day-manh-phong-chong-tham-nhung-quyet-liet-thuong-xuyen-lien-tuc-voi-quyet-tam-cao-hon-manh-me-hon-hieu-qua-hon--627932/>

принцип: «Обеспечение права на защиту обвиняемого, защита законных прав и интересов потерпевшего, других участников судопроизводства» (ст. 16). Адвокатская деятельность в области уголовного правосудия все больше ориентируется на процесс развития правового государства. В частности, в последние годы роль адвокатов постепенно закрепляется в практике защиты прав обвиняемых в суде. В результате усилия защитника внесли существенный вклад в защиту законных прав и интересов обвиняемых, сделав приговор суда законным, объективным и обоснованным. Однако, деятельность адвокатов в уголовном процессе имеет еще много ограничений (трудностей), которые в той или иной степени снижают эффективность работы и деятельности адвокатов по защите социалистической законности, прав и законных интересов граждан. Эти трудности проявляются следующим образом.

Во-первых, в целях выяснения объективной истины по делу, в целях максимальной защиты законных интересов доверителя (лица, содержащегося под стражей, заключенного под стражу, обвиняемого, подсудимого) адвокат не может не встречаться с доверителем. Однако встреча и работа с обвиняемыми и подсудимыми, находящимися в изоляторе, также столкнулись со многими препятствиями.

Во-вторых, выдача адвокатам удостоверения защиты или удостоверения защиты законных прав и интересов подзащитного практически в большинстве случаев не решается процессуальными органами в установленный срок. В некоторых случаях следователи, прокуроры и судьи находят всевозможные отговорки, вплоть до рекомендаций обвиняемым или подсудимым не приглашать адвокатов для защиты или защиты законных прав и интересов сторон судопроизводства.

В-третьих, в действующем УПК 2015 г. установлено, что адвокат-защитник вправе собирать доказательства в соответствии с положениями закона, но в частности, какими правовыми нормами не уточняется, поэтому во многих случаях организация и личность имеют право на сбор доказательств, но их предоставление адвокату все зависит от подзащитного (или его добровольность в сотрудничестве с адвокатом). Кроме того, адвокатская практика показывает, что, несмотря на большой перечень полномочий, определенных уголовно-процессуальным законодательством, адвокат не может в полной мере осуществлять полномочие по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве

(ст. 73 УПК Вьетнама)⁶. Например, следователями и судом при безосновательном отказе в удовлетворении заявленных адвокатом ходатайств о допросе новых свидетелей, о проведении повторных экспертиз, о присутствии при очной ставке, опознании и других следственных действиях, предусмотренных УПК Вьетнама.

В-четвертых, в стадии следствия адвокат вправе участвовать со следователем при допросе, имеет право задавать вопросы обвиняемому, но содержание вопроса должно быть согласовано со следователем. Поэтому большинство вопросов, заданных адвокатом, были отклонены следователем. Это «*лазейка*» в законе, когда непонятно, по какому содержанию может спрашивать адвокат, нельзя спрашивать или запрещать (например, наводящие вопросы и т.п.). Доступ адвоката к материалам, содержащихся в деле также сталкивается со многими трудностями. Если это право адвоката, то это будет и соответствующая обязанность процессуальных органов (орган следствия, прокуратура). Однако до сих пор во многих местах и случаях следователь и прокурор препятствуют адвокатам пользоваться своим правом читать, делать заметки и копировать материалы дела.

В-пятых, в стадии уголовного преследования и судебного разбирательства адвокат имеет право встречаться с обвиняемым. Однако закон об управлении исправительными учреждениями предусматривает, что адвокат не может встречаться с обвиняемым более 1 часа; даже во время встречи адвоката с обвиняемым, администрация исправительного учреждения поручает своим сотрудникам сидеть и наблюдать за столом адвоката, чтобы он работал с обвиняемым. Это необоснованное регулирование, создающее трудности и препятствия для деятельности адвокатов.

В-шестых, по некоторым делам, связанным с коррупцией имеются признаки несправедливости или незаконности, то в судебном разбирательстве или в ходе следствия и уголовного преследования у аргументов адвоката имеются законные основания и доказательства, но почти никогда не принимаются во внимание процессуальными органами, в то время как в законе еще полностью и четко не закреплено, что процессуальные органы обязаны уважать мнение адвоката в целях предотвращения несправедливого, неправильного или упущения преступления.

⁶ Quốc hội (2015), Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015, Hà Nội.

В-седьмых, взгляды общественности на деятельность адвоката до сих пор еще не являются объективными и полными. Некоторые считают, что деятельность адвокатов иногда носит антагонистический характер по отношению к процессуальным органам, либо полагают, что адвокатская деятельность носит формальный и ненужный характер, особенно по уголовным делам, связанным с коррупцией.

Для дальнейшего повышения роли и эффективности деятельности адвокатов при осуществлении защиты в уголовном процессе, а также для наилучшей защиты законных прав и интересов человек и граждан по уголовным делам о коррупции, мы считаем, что должны быть реализованы следующие меры:

- со стороны государства необходимо издать более конкретную и принципиальную политику по обеспечению того, чтобы адвокаты имели право участвовать в защите по уголовным делам наравне с обвинителями (следственными органами и прокуратурой), избегать формальностей и идти прямо к содержанию, например, «не затруднять» адвокатам встречаться с обвиняемыми, разработать разумный срок встречи адвоката с обвиняемым, в ходе судебного разбирательства рекомендуется чтобы судья постарался «не перебивая адвоката», а также обеспечить, чтобы «прокурор демократически осуществляет судебные прения с адвокатом-защитником» согласно положениям Постановления Политбюро № 08-НК/ТВ и УПК Вьетнама⁷. Кроме того, необходимо разработать механизм поощрения адвокатов за отличные достижения в юридической деятельности и процессуальной деятельности. Автор предлагает разработать нормативно-правовые акты о присвоении звания «Юрист - Отличник» или «Заслуженный юрист» адвокатам, имеющим особо высокие достижения в деле защиты закона, прав и законных интересов человек и граждан с поощрительной модели РФ⁸;

⁷ Đảng Cộng sản Việt Nam (2002), Nghị quyết số 08-NQ/TW của Bộ Chính trị về một số nhiệm vụ trọng tâm công tác tư pháp trong thời gian tới, ban hành ngày 02/01/2002, Hà Nội.

⁸Указ Президента РФ от 05.10.2001 N 1192 (ред. от 07.09.2010) "О внесении дополнения в Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. N 1341 "Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации" // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8682/> Xem sắc lệnh số 1341 ngày 30 tháng 12 năm 1995 của Tổng thống Liên bang Nga.

Hội luật sư ở Liên bang Nga (2005) “Bình luận khoa học về Luật Liên bang Nga số 63-FZ ngày 31/5/2002 về hoạt động Luật sư và Hội luật sư ở Liên bang Nga”, Tp. Hồ Chí Minh.

- со стороны общественности необходимо пропагандировать для совершенствования правосознания людей, при котором осуществление права на защиту (самооборону) или с помощью адвокатов является необходимым правовым институтом и действенным в построении социалистического правового государства, чтобы люди ясно и правильно понимали деятельность действующего коллектива адвокатов, а также роль и позицию адвокатов в защите законности, обеспечения прав и законных интересов человек и граждан в любых условиях и обстоятельствах;

- сообщество адвокатов должно стремиться к повышению профессионального потенциала, приобретать практические навыки, а также соблюдать профессиональную этику при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве в духе: *«Верховенство закона способствует построению государства честности, действия, дисциплины, творчества и эффективности»*.⁹

- необходимо повышать качество текущей подготовки и переподготовки адвокатов по направления развития профессионализма, закрепления навыков ведения судебных прений и практической этики.

Мы полагаем, что нарушение процессуальных прав защитника одновременно влечет и нарушение права на защиту обвиняемого (подозреваемого), которому он должен оказать квалифицированную юридическую помощь. Следовательно, права и обязанности защитника, так же как и права иных участников уголовного процесса, являются объектом обеспечения прав личности в уголовном процессе.

Итак, для дальнейшего повышения роли адвоката и преодоления трудностей в защитной деятельности адвокатов по уголовным делам, связанным с коррупцией необходима реализация мер, конструктивных, созидательных, законопослушных, а также глубоко гуманных, отвечающих требованиям судебной реформы текущего периода.

⁹ Thượng tôn pháp luật góp phần xây dựng nhà nước liêm chính, hành động, kỷ cương, sáng tạo, hiệu quả truy cập ngày 15/02/2022 từ <https://www.cema.gov.vn/thong-bao/thuong-ton-phap-luat-gop-phan-xay-dung-nha-nuoc-liem-chinh-hanh-dong-ky-cuong-sang-tao-hieu-qua.htm>

Список литературы

1. Đảng Cộng sản Việt Nam (2002), Nghị quyết số 08-NQ/TW của Bộ Chính trị về một số nhiệm vụ trọng tâm công tác tư pháp trong thời gian tới, ban hành ngày 02/01/2002, Hà Nội.
2. Đảng Cộng sản Việt Nam (2005), Nghị quyết số 48-NQ/TW của Bộ Chính trị về chiến lược xây dựng và hoàn thiện hệ thống pháp luật Việt Nam đến năm 2010, định hướng đến năm 2020, ban hành ngày 24/5/2005, Hà Nội.
3. Đảng Cộng sản Việt Nam (2005), Nghị quyết số 49-NQ/TW của Bộ Chính trị về chiến lược cải cách tư pháp đến năm 2020, ban hành ngày 02/6/2005, Hà Nội.
4. Hội luật sư ở Liên bang Nga (2005) “Bình luận khoa học về Luật Liên bang Nga số 63-FZ ngày 31/5/2002 về hoạt động Luật sư và Hội luật sư ở Liên bang Nga”, Tp. Hồ Chí Minh.
5. Quốc hội (2013), Hiến pháp năm 2013, Hà Nội.
6. Quốc hội (2015), Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015, Hà Nội.

TO THE QUESTION OF THE DIFFICULTIES IN THE PROTECTION ACTIVITY OF LAWYERS IN CRIMINAL CASES RELATED TO CORRUPTION FROM THE CURRENT VIETNAMIS PRACTICE

Abstract. *The article discusses the difficulties in the defense activities of lawyers in criminal cases related to corruption from the current Vietnamese practice, and the author also offers some recommendations for improving the quality of defense in cases of this category in criminal proceedings in general in Vietnam.*

Key words: *lawyer, defense activity, evidence, proof, criminal case, corruption.*

Нечевин Иван Дмитриевич – аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Nechevin Ivan Dmitrievich – post-graduate student of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSUA).

ИНСТИТУТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы предупреждения подростковой наркопреступности, их социальные и правовые основы.

Ключевые слова: предупреждение, социальная группа, деформация, противодействие, принуждение, наркопреступность.

I. Наркопреступность в подростковой среде является «вечной» проблемой криминологии, педагогики, социологии, психологии и других общественных наук на протяжении многих столетий. Многовекторная история борьбы с подростковой наркопреступностью связана с поисками путей и средств предупреждения этому социальному злу.

Российское государство озабочено поиском эффективных способов воздействия на подрастающее поколение. В программных документах нашей страны проблема детства уделяется центральное внимание. Вместе с тем, уровень системного видения решения имеющихся проблем остается недостаточным, в первую очередь, в силу фрагментарного подхода к проблемам социальных девиаций предупреждения подростковой преступности. В результате этого, охватываются лишь отдельные направления социализации подросткового поколения, реализация которых затруднена нерешенностью смешенных, сопредельных проблем. Распространение различных негативных явлений в среде подростков, напрямую связано с несовершенством государственной системы предупреждения подростковой наркопреступности.

Так, в сфере предупреждения подростковой наркопреступности, автор разделяет выводы ряда ученых криминологов, что основным направлением правовой пропаганды является непосредственное воздействие на подростков. Уважение к праву, морали, нравственности и правилам общежития должно воспитываться в каждом человеке с детства. Именно с подростковых лет, ребенок должен знать, что общество, предоставляя определенные права, требует выполнения обязанностей и запретов, а также понимания их назначения. Пропаганда и изучение законодательства среди подростков должна не просто нести информацию,

а должна быть связана с убеждением в справедливости и необходимости закона, и предупреждать, что в случаях совершения деяния, указанного в законе, неизбежно наступление предусмотренных законом последствий, т.е. наказания. Если вспомнить нашу историю, то можно отметить, что воспитание детей и подростков, институционализация проходила поэтапно:

Первый этап. IX-X вв.: в условиях языческой Руси воспитание заключалось в объяснении детям меры должного и дозволенного в формировании поведения, соответствующего этим нормам, в закреплении в поведении детей безусловного уважения родительской власти.

Второй этап. X-XVI вв.: права и обязанности родителей по воспитанию детей были дополнены необходимостью приучения детей к соблюдению церковных правил и устройством их дальнейшей супружеской жизни [1].

Третий этап. 1551 г. – XVIII в.: осуществление личных неимущественных прав и обязанностей родителей в Московском государстве после принятия Стоглава стало обеспечиваться мерами принудительного воздействия светской власти, при этом состав правомочий свидетельствовал о сохранении приоритета религиозного воспитания детей, который был дополнен правом родителей отдавать детей в монастырь [2].

Четвертый этап. XVIII в. – Октябрь 1917 г.: в Российской империи произошло усеменение компетенции церкви в регулировании осуществления личных неимущественных родительских прав и обязанностей, и увеличение роли государства, которое обеспечивало безусловную охрану родительской власти, с учетом сословной организации общества [3].

Пятый этап. Октябрь 1917 г. – 1926 г.: антирелигиозная политика советской власти привела к снижению роли церкви как субъекта регулирования личных неимущественных отношений, возникших в связи с осуществлением родительских прав и обязанностей. Определение религии ребенка относилось к числу родительских прав и обязанностей, но не имело юридического значения. Законодательное закрепление концептуального положения о приоритете интересов ребенка обусловило активное участие государства в воспитании детей, при котором производился контроль осуществления родителями личных неимущественных родительских прав и обязанностей по распоряжению судьбой детей, в т.ч. брачной.

Шестой этап. С 1926 – 1991 гг.: укрепление норм советского права исключило церковь из состава субъектов правового регулирования личных неимущественных родительских прав и обязанностей, в связи с чем определение религии детей перестало относиться к числу личных неимущественных родительских прав и обязанностей [4].

Общеизвестно, что правовая безграмотность либо несформированность правового сознания у подростков, с одной стороны, отсутствие их нацеленности на формирование творческой личности – с другой, обуславливают агрессивное нарастание правового непослушания. Как следствие – рост правонарушений и уголовных преступлений. Ситуация действительно очень серьезная: в прошлом году, подразделениями по делам подростков и несовершеннолетних были поставлены на учет 145 тыс. подростков, из них более чем 70 тыс. нарушили закон, не достигнув 16-летнего возраста.

II. На повестке дня, по мнению автора и ряда ученых криминологов, стоит проблема формирования правовой личности, т.к. без нее не может быть правового государства. Прав был А.К. Черненко, сказавший, что: «Борьба за человека, который в полной мере может носить имя правовой личности, приобретает все большую значимость. Ибо умение и желание использовать свои права создает такое сообщество людей, в котором гражданская апатия и пассивность, стремление переложить свою обязанность по обеспечению прав человека и государственные институты заменяется рациональной включенностью личности в политическую и социально-правовую деятельность, в борьбу за уважение своих неотчуждаемых прав, понимание своей ответственности за соблюдение законов государством» [5].

III. К сожалению, сегодня, результатом несистемности и внутренней противоречивости правового реформаторства начала XXI века в России явились глобализация возможных негативных тенденций, сопровождающих в настоящее время, и их превышение допустимого для целостного общественного образования предела, эту мысль подтвердил в своей диссертации, Сыздык Б.К., который предложил рассматривать эту проблему, как состояние общества, характеризующееся возможностью существенных деформаций в структуре основных элементов социума, в результате чего на практическом уровне жизнедеятельности общества уменьшается доля позитивных результатов его функционирования (падение темпов экономического роста, благосостояния граждан и т.д.) и увеличивается степень негативных «выбросов»: рост безработицы, инфляционные процессы, активность криминальных структур, массовое распространение асоциальных, в том числе деликатных, форм поведения и пр.

В условиях серьезных социально-экономических трудностей, а то и кризисного состояния в отдельных сферах жизни общества, происходит резкое снижение уровня и качества жизни основной массы населения. Многие оказались за чертой бедности, сократились расходы на образование, удовлетворение досуговых интересов, организацию отдыха, идет активный процесс маргинализации общества. Государство

отказалось от реальной поддержки слабозащищенных слоев населения, в числе которых оказались подростки.

Постепенно, в стране происходит разрушение механизма самовоспроизводства членов общества [6]. В бедственном положении находятся основные институты социализации подростков, и прежде всего, – семья.

Характерными чертами нашего времени, к сожалению, становятся социальное отчуждение подростков и готовность уйти от жизненных проблем в мир алкоголя, наркотиков и порнографии, отсутствие жизненных перспектив и бесцельность существования, отверженность в семье и распространение десоциализирующего типа семейных отношений, социальное сиротство и отсутствие возможности реализоваться в общественной деятельности. Перечисленное порождает интенсивную подростковую среду. И сейчас общество поставлено перед фактом стремительного роста подростковой преступности.

IV. Подростки, как социальная группа, отличающаяся особой подверженностью негативным воздействиям социума, в современный период оказалась наиболее уязвимой и незащищенной и в физическом, и в духовно-психологическом плане. На изменение социальной ситуации подростки, не успевшие создать твердых мировоззренческих принципов и установок, реагируют изменением ценностных ориентации, мотивирующих их поведение, есть интересный опыт ряда ученых криминологов, которые проанализировали криминальную статистику и разработали психологический портрет малолетнего преступника, который существенно отличается от взрослых «коллег». Особенности подросткового возраста – недостаток жизненного опыта, повышенная внушаемость и практически полный антагонизм к запретам и предписаниям. А также максимализм, стремление к самостоятельности и самоутверждению, неустойчивость самооценки.

В конечном итоге в условиях деформации системы институтов социализации, нефункциональности социального контроля и растущего социального отчуждения, типичных для переходного периода, подростковая преступность выступает естественно исторической формой самоорганизации жизнедеятельности данной социальной группы. При этом неустойчивость и подвижность ситуации в стране определяют особый динамизм данного явления, который выступает одновременно как симптом и результат серьезного неблагополучия в социально-экономической и нравственной жизни общества, и вместе с тем, как источник энергичных деструктивных воздействий на жизнь общества. Как показывают результаты криминологических исследований, в числе тех процессов, которые будут определять состояние преступности в России в ближайшие десятилетия, на первое место следует поставить именно подростковую преступность. Ученые криминологи определили

основные характеристики подростка, ставшего преступником. Около половины осужденных в 2021 году несовершеннолетних воспитывались в семье с одним родителем (матерью/отцом), почти 10% - все семьи, и подавляющее большинство имело низкий уровень образования. У 80% из них – начальное или основное общее образование, у 15% - среднее общее и только 2% имеют среднее профессиональное образование. При этом четверть всех несовершеннолетних на момент совершения преступления нигде не учились, и не работали.

V. Оценивая по достоинству усилия, направленные государством на борьбу с подростковой преступностью, в последние годы, следует констатировать, что в связи с количественными и, в большей мере, с качественными изменениями подростковой преступности, которые произошли в настоящее время развития российского общества, сегодня необходимы концептуальное переосмысление и переориентация государственной политики в отношении к подрастающему поколению. Её формирование должно определяться, с одной стороны, логикой новых социальных условий, системой потребностей и интересов подростков, сопряженных с перспективами общественного переустройства России, а с другой, - спецификой криминогенной ситуации в стране.

VI. Наиболее важным моментом развития государственной политики, в данной сфере, следует считать единство и взаимообусловленность социальной политики государства в отношении подростков и политики борьбы с преступностью, что придает ей двуединую цель: защиту прав и интересов, обеспечение безопасности подростков и одновременно защиту общества от преступных посягательств подростков. Назрела необходимость, направленная на устранение причин и условий, порождающих преступность и, особенно, подростковая преступность и на предупреждение, и в этом есть определенный результат Федерального закона «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Данные законы приняты в соответствии с Конституцией РФ [7] и общепризнанными нормами международного права устанавливают основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по предупреждению и профилактики безнадзорности, и правонарушений подростков [8].

Президент РФ В. В. Путин на расширенной коллегии МВД России (17.02.2022 г.) отметил, что: «Защита молодого поколения от криминала – важнейшая задача для развития страны и для её будущего».

Позитивные изменения в сфере борьбы с подростковой наркопреступностью требуют, в настоящий момент, приоритета комплексности и системообразующего характера используемых мер, которые должны носить упреждающий характер и ставить жестокие

заслоны любым посягательствам на среду подростков. Именно данное положение, по мнению автора, должно носить генеральной идеей концепции предупреждения подростковой преступности на всех этапах развития государства [9]. В отечественной криминологической и иной специальной литературе встречается несколько понятий, отражающих определенные стороны воздействия на преступность как социальное явление: борьба с преступностью, война с преступностью, противодействие преступности, социальный контроль, предупреждение и профилактика преступности и др. Вопросы терминологии, уяснение которых является непременным условием четкости в решении проблемы с преступностью, до сих пор вызывают научные дискуссии в криминологической и иной литературе.

VII. По мнению автора, для характеристики сложной, многогранной системно-структурной деятельности государства и общества, нацеленной на снижение преступности и ее общественной опасности, минимизацию и нейтрализацию её детерминант, на сегодняшний момент предпочтительнее использование понятия *«предупреждение подростковой наркопреступности»*. При этом, безусловно, речь не идет о том, что традиционные термины *«противодействие»*, *«профилактика»*, *«борьба с наркопреступность»* потеряли свою актуальность или не соответствуют степени напряженности криминальной ситуации и остроты возникших социальных противоречий.

Позволю себе не согласиться с мнением ряда уважаемых ученых криминологов, которые считают, что термин *«предупреждение»*, характеризуя положения отношения государства к преступности, не отражает, в полном объеме, сути рассматриваемой деятельности и обосновывая свою позицию: во-первых, не только государство «мешает» преступности, но и преступность – обществу, государству. Борьба с преступностью – это особый вид взаимодействия двух противоположных сторон. Хотя, преступность и производна от общества, но она – относительно самостоятельный социальный феномен, обладающий способностью к самоорганизации и самодетерминации, активного сопротивления ему. Во-вторых, рассматриваемый термин *«предупреждение»* охватывает весь комплекс мер воздействия на преступность как социальное явление со сложным причинно-следственным комплексом, в том числе недопущения нарушения уголовного закона, а в случаях его нарушения – применения к виновному мер государственного принуждения.

VIII. В этой связи прежде всего хотелось бы отметить, и согласиться с учеными криминологами в том, что исходная трактовка *«предупреждение»* как *«уничтожение другого действия, идти наперекор чему-либо, мешать чему-либо»*, используемая процитированным автором, является не совсем точной. В словарях русского языка данное понятие

интерпретируется, как действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия: действие, препятствующее другому действию; сопротивление кому-либо или чему-либо. Далее уточним, что «борьба с преступностью», в ее традиционном понимании, рассматривается автором как исходным, универсальный (хоть и с определенными оговорками) термин. В авторской трактовке предупреждение – это форма борьбы с подростковой наркопреступностью в условиях, когда криминал активно наступает на общество. При использовании предложенной категории акцент делается не на взаимодействии двух разноправленных сил (общества и преступности), а на целенаправленном воздействии общества на предупреждение подростковой наркопреступности. Таким образом, придерживаясь сущности термина предупреждение подростковой наркопреступности, автор определенным образом меняет его «интонацию». Понятно, что на протяжении определенного периода истории нашего государства, главная цель – предупреждение подростковой наркопреступности в любых ее проявлениях определялась как искоренение данного социально-негативного феномена. В силу своей изначальной недостижимости в практическом плане идея ликвидации подростковой преступности впоследствии была полностью дискредитирована в обществе. Тем более, что, даже в рамках жестко идеологизированной общественной системы, речь шла лишь об удержании криминальной ситуации на социально приемлемом уровне. Как показало время, тотальный контроль и ориентация на карательную политику, казалось бы, сдерживающие криминал, не смогли уберечь общество от накопления криминального потенциала.

IX. Признание преступности явлением, закономерным для определенных исторических вех общества, привело к тому, что цель предупреждения подростковой наркопреступности, по мнению автора, стали формулироваться менее категорично, а именно как сокращение фактического уровня и снижение степени общественной опасности подростковой наркопреступности. В соответствии с этим доктрина по предупреждению с подростковой наркопреступностью фиксировала планомерное наращивание сил к средствам в данном направлении, повышение эффективности их использования. Однако, когда высокая концентрация накопленного в обществе криминального потенциала вылилась в криминальный всплеск, правоохранительная система не смогла оказать на преступность более эффективного воздействия.

Ряд ученых криминологов считают, что несоответствие идеологии борьбы с преступностью сложившейся ситуации определило необходимость корректировки стратегии борьбы с преступностью, которая, в данном случае, получила нацеленность на обеспечение радикального перелома в борьбе с подростковой наркопреступностью,

создание предпосылок для удержания ее на социально терпимом уровне. При этом, ориентируясь на западные образцы, в частности, на теорию социального контроля по предупреждению подростковой наркопреступности, которая обосновывает ее контролируемый рост, и является весьма популярным концептуальным подходом во многих зарубежных странах, российское общество констатировать необходимостью не столько борьбы, сколько контроля над подростковой наркопреступностью, и противостояния ей.

Х. Во многом были правы те специалисты, которые указывали, что данный подход в определенном смысле означает институциональный компромисс с подростковой наркопреступностью. В итоге такого рода стратегия привела к тому, что российское общество, в значительной степени, заняло оборонительную позицию по отношению к подростковой наркопреступности, закономерным итогом чего стала активная криминализация российского общества в целом, и подростковой среды в частности. Чтобы не допустить этого в дальнейшем, в первую очередь, на взгляд автора, следует изменить концептуальный подход к процессу воздействия на подростковую преступность. В этой связи обосновываемое понятие *«предупреждение наркопреступности»*, которое уже вошло в научный оборот и используется в правовых и иных официальных документах, с точки зрения автора, является наиболее адекватным сложившейся ситуации, когда российское общество вынуждено осознать необходимость активного противостояния процессу криминализации, охватившему абсолютное большинство социальных групп. Данное понятие, в отличие от другого – *«контроль над подростковой наркопреступностью»*, достаточно определенно подчеркивает масштабность, наступательность, опережающий характер усилий и мер по недопущению подростковой наркопреступности, которые так актуальны сегодня, и, прежде всего, в отношении подростковой среды. Тем более, что понятие борьбы с подростковой преступностью, в рамках всего общества (мало того, что ее уродливые формы порождены деятельностью достаточно взрослой части населения), плохо соотносится с собственным подрастающим поколением. В то же время, термин *«предупреждение»*, дает возможность более точно (адаптировано к ситуации) и корректно охарактеризовать процесс воздействия на подростковую преступность в сложившейся ситуации, подчеркнуть необходимость комплексных и безотлагательных мер по совершенствованию всего механизма именно борьбы, а не просто контроля над подростковой преступностью.

XI. *Концепция предупреждения подростковой наркопреступности, сегодня, должна быть нацелена на расширение сферы контроля государства и общества над подростковой преступностью, автор*

разделяет позицию ученых криминологов, которая сходится в том числе на:

- на предупреждение и устранение угрозы правам, свободам и законным интересам подрастающего поколения, их активную защиту;

- на предупреждение и недопущение вовлечения в подростковую наркопреступность новых социальных слоев, вытеснение таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, порнография, проституция из сфер социальной жизни подрастающего поколения;

- на предупреждение и ограничение неправовых методов регулирования межличностных и хозяйственно-экономических отношений, в которых участвуют подростки;

- на предупреждение и изменение общественного сознания и формирование позитивных ценностных ориентации граждан (в первую очередь подростков), понижение порога терпимости граждан к преступным проявлениям в обществе в целом и в отношении подростков как наиболее слабозащищенной социальной группы в частности;

- на создание института предупреждения и полноценной системы реабилитации подростков, нуждающихся в коррекционно-воспитательном воздействии;

- на предупреждение и повышение эффективности предупредительных мер борьбы с подростковой наркопреступностью и проявлениями преступной деятельности, направленной на её самовоспроизводство.

В основе стратегии предупреждения подростковой преступности, безусловно, должен быть сохранен примат предупредительных мер, целенаправленно воздействующих на процессы детерминации этой преступности, на сдерживание, стабилизацию и последующее сокращение ее уровня как наиболее перспективного и надежного пути борьбы с ней. На это ориентирует и Стратегия национальной безопасности РФ, которая указывает на приоритетное значение формирования системы мер действенной социальной профилактики и воспитания законопослушных граждан, направленной на защиту прав и свобод, нравственности, здоровья и собственности каждого человека [10].

ХII. Исходя из особенностей состояния и закономерностей развития российского общества, автор полностью разделяет позицию ученых криминологов, что деятельность по предупреждению подростковой наркопреступности в данном направлении необходимо нацелить, прежде всего, на защиту подростков от негативных последствий происходящих сегодня в обществе, ограждение подрастающего поколения от многочисленных угроз и рисков и обеспечение их физического, нравственного и эмоционального благополучия, «вычленение» данной социальной группы из криминального пространства. Это требует формирования государственной политики по охране законных прав и

интересов детей, нацеленной на создание такой системы общественных отношений и общественного сознания, которая могла бы стимулировать правопослушное поведение подростков, минимизировать влияние криминогенных факторов на подростковую среду, обеспечить социальную безопасность подрастающего поколения. В то же время, противостоять мощному негативному влиянию среды лишь на основе предупредительной работы, воздействующей на внешние для преступности социальные явления и условия, сейчас уже вряд ли возможно, поскольку усилился процесс самодетерминации подростковой преступности. Данное обстоятельство определяет необходимость воздействия на причины подростковой преступности посредством борьбы с различными криминальными проявлениями и негативными социальными явлениями, определяющее самовоспроизводство и преемственность. Исходя из особенностей современной подростковой преступности, по мнению автора, приоритетными направлениями воздействия на подростковую преступность должны рассматриваться: *предупреждение групповой подростковой преступности с учетом всех ее особенностей, состояния и динамики; подавление активности организованной преступности, ведущей целенаправленное вовлечение подростков в преступную деятельность; активизация борьбы с наркоманией, и в первую очередь с нелегальным оборотом наркотических веществ; предупреждение рецидивной подростковой преступности:* по данным правоохранительных органов, подростки и несовершеннолетние ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тыс. преступлений. Большинство подростков, или 83%, посягают на чужую собственность, 8% совершают преступления против жизни и здоровья, а более 4% занимаются незаконными оборотом наркотиков.

ХIII. Таким образом, детская и подростковая наркопреступность формирует корыстно-насильственную преступность несовершеннолетних, а последняя рецидивную преступность.

Поэтому, осознание значение термина *«предупреждение наркопреступности»* направленного на ограничение криминального беспредела, позволит, по мнению авторов, утвердиться новой концепции борьбы с подростковой наркопреступностью, суть которой сводится к тому, что государству не следует расходовать свои ресурсы только на борьбу с конкретными правонарушителями, в том числе и объединенными в преступные группировки, а основное внимание уделять разработке и реализации государственных мер по созданию условий, в которых минимизированы возможности по предупреждению подростковой преступности.

Академик Лихачёв Д.С. считал, что: «...главное в воспитании детей и подростков, наряду с семьей, – это школа, которая формирует людей, закладывает основы и структуры личности. Это было признаваемо не

только от времен древних греков, но, пожалуй, и раньше. То, что не привито в школе, упущено, позднее исправить очень трудно. Как-будто, это прописная истина. Но ее очень часто признают, но не осознают.

Школа – это, прежде всего, воспитательное учреждение, а не просто учебное заведение, по передаче учебной информации».

Прав был А. Барбюс, сказавший, что: *«Школа – это мастерская, где формируется модель подрастающего поколения, надо крепко держать ее в руках, если не хочешь выпустить из рук будущее».*

Список литературы

1. Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории (IX – нач. XX века). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002..
2. Свод законов Российской империи. – Т.Х. – ч. 1: Гражданские законы. – СПб., 1878. С.253 – 403.
3. Бурданова Н.А. Родительские права и обязанности: содержание и законодательное закрепление в Российской империи//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - №7 (13). – Ч. II. С.36 – 39.
4. Кодекс о браке и семье Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утвержденный Законом РСФСР от 30 июля 1969 г.//ВВС РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1086.
5. Черненко А.К. Философия права. – Новосибирск, 1997. С. 94-95.
6. По данным Росстата, численность постоянного населения РФ на 01.01.2022 г. составила 145 478 097 человек. По сравнению с 2021 годом число жителей РФ уменьшилось почти на 693 тысячи человек. Убыль населения в РФ выросла в полтора раза (с 688 729 чел. в 2020 до 1 042 675 чел. в 2021 г.).
7. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, с учетом поправок, внесенных законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) //Рос. газ. 2020. №144. 4 июля.
8. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: ФЗ от 29.12.2010 № 436 – ФЗ (в ред. от 28.07.2012 г.) сбор. закон. РФ. 2011 г. № 1. Ст. 48; сбор. закон. РФ, 2012 г. № 31. Ст. 4328.
9. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – М.: Новый юрист, 1998. С. 589-599; Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека: учебник. – М.: ЭКСМО. 2006. С.59.

10. Стратегия национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 г. №400.

**INSTITUTE FOR THE PREVENTION OF JUVENILE CRIME:
SOCIAL AND LEGAL ASPECT**

Abstract. The article deals with the problems of preventing juvenile delinquency, their social and legal foundations.

Key words: warning, social group, deformation, counteraction, coercion.

Фан Тхань Донг - Адъюнкт кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, город Москва, Россия, phanthanhdong.t48@gmail.com

Phan Thanh Dong Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya" (Moscow, Russia)

**О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СЛЕДАМ ОБУВИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ**

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние методического обеспечения производства трасологической экспертизы по следам обуви в Социалистической Республике Вьетнам. Изучение опыта производства данной экспертизы и специальной литературы позволяет автору усовершенствовать методику ее производства, которая может использоваться, как в экспертной практике Социалистической Республики Вьетнам, так и в Российской Федерации. По мнению автора, данная методика будет способствовать повышению эффективности методического обеспечения производства трасологической экспертизы по следам обуви.

Ключевые слова: процесс производства экспертизы, методика, трасологическая экспертиза, следы обуви, эффективность, раскрытие и расследование преступлений, Социалистическая Республика Вьетнам.

Производство любого вида судебной экспертизы с целью решения конкретных экспертных задач в раскрытии и расследовании преступления невозможно без применения различных видов экспертных методик. По

мнению А.М. Зинина и Н.П. Майлис, экспертная методика определяется как программа действий, предписывающая эксперту в категорической или рекомендательной форме, использовать определенные методы исследования объектов, последовательность и процедуру их применения. Характер методики – категорический или альтернативный, представляющий эксперту возможность выбора, зависит от существования избираемых методов и средств[1, стр. 45-47].

Анализ экспертной практики в Социалистической Республике Вьетнам (далее по тексту – СРВ) показывает, что следы ног, в том числе следы обуви, являются наиболее часто встречающимися объектами трасологической экспертизы. Как известно, трасологическая экспертиза представляет собой один из самых важных видов судебных экспертиз в исследовании материальных следов преступления, целью которой является получение фактических данных по исследуемым объектам, имеющим большое значение для раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время в СРВ производство трасологической экспертизы регламентируется государственным стандартом № TCVN-AN 003:2011 «Процесс производства трасологической экспертизы», утвержденным Циркуляром МОБ № 52/2011/ТТ-ВСА от 20 июля 2011 года «Об обнародовании государственных стандартов в сфере безопасности Министерства общественной безопасности»[2]. Его содержание распространяется только на экспертное исследование следующих видов следов: инструментов, босых ног, обуви, включая сандалии, шин транспортных средств, следов на замках, а также динамические следы.

В ГОСТе прописаны стандартные этапы производства данного вида экспертизы, с регламентацией времени, предусмотренного для каждого этапа. Так, первый этап регламентирует организационный процесс, связанный с принятием постановления, ходатайства о назначении экспертизы и объектов экспертизы. При приеме данных материалов экспертизы большое внимание уделяется состоянию упаковки объектов экспертизы и их количеству. Независимо от территориального местонахождения экспертного учреждения и с учетом состояния упаковки, производится прием материалов экспертизы, что оформляется протоколом о получении объектов экспертизы в соответствии со ст. 29

Закона №24/2004/PL-UBTVQH11 «О судебной экспертизе» от 29 сентября 2004 г.

После регистрации экспертизы в журнале, начинается второй этап – подготовительный, на который отведено от 2 до 8 часов. Данный этап состоит из изучения объекта исследования для определения вида следов, их фотографирования, выбора методов и технических средств исследования, изучения специальной литературы.

На следующий этап – раздельного исследования – выделено от 2 до 40 часов. В зависимости от представленных следов: инструментов, ног, обуви, в том числе сандалий, шин, следов на замке, динамических следов, предусмотрены подэтапы их исследования. Так, вначале исследуются следы, представляемые на экспертизу по следующей схеме: изучаются общие признаки следов (форма, размер, особенность рисунки и др.). Если общие признаки различаются, эксперт переходит на этап формулирования отрицательного вывода. Если общие признаки достаточны по форме и размеру и т.д. эксперт переходит к изучению частных признаков. При их изучении внимание акцентируется на дефекты, возникшие при изготовлении обуви, в том числе сандалий, а также на признаки, возникающие в процессе их эксплуатации.

В случае если частных признаков достаточно, эксперт переходит на этап сравнительного исследования, на который отведено от 8 до 28 часов., который начинается со сравнения общих признаков. В случае совпадения общих признаков в исследуемых следах и сравнительных образцах, делается вывод о типе, виде следообразующего объекта и эксперт переходит к сравнению частных признаков. В любом случае их различия или совпадения, производится их оценка. В завершении данного этапа проводится фотографирование совпадающих признаков, установленных при их сравнении.

На этапе формулирования выводов (от 2 до 4 часов), эксперт может сформулировать один из трех основных выводов: о том, что исследуемый след оставлен представленным на экспертизу предметом; что исследуемый след не оставлен представленным на экспертизу предметом; о невозможности формулирования вывода. Таким образом, в СРВ при производстве трасологической экспертизы не предусмотрены выводы вероятного характера и об установлении групповой принадлежности.

На следующих двух этапах изготавливаются материалы экспертизы, которые возвращаются по подчиненности для проверки и выдачи в

соответствии с требованиями национального ГОСТа. Завершается данная экспертиза этапом сохранения результатов экспертизы, которые хранятся в экспертном учреждении 5 лет, а в органе по управлению документам при МОБ СРВ– 25 лет.

Таким образом, подробное изучение содержания данного стандарта показывает, что он является общим для всех видов трасологической экспертизы, поэтому в нем кратко описаны идентификационные признаки всех видов перечисленных следов. Однако в нем отсутствует последовательность действий эксперта при проведении экспертного исследования, а также особенности оценки результатов исследования и формулирования выводов. Поэтому проблема усовершенствования данного стандарта, по сути, являющегося типовой методикой для проведения экспертного исследования по следам обуви, является актуальной для экспертно-криминалистических подразделений СРВ. В целях ее решения нами был изучен опыт методического обеспечения производства трасологической экспертизы в Российской Федерации (далее – РФ).

Следует отметить, что в настоящее время для производства трасологических экспертиз ЭКЦ МВД РФ разработаны типовые методики, позволяющие: определить вид инструмента и оборудования по следам взлома, идентифицировать инструменты по статическим следам, установить целое по частям, исследовать механические повреждения одежды и монеты Банка России, подлинность которых вызывает сомнение[3, стр. 373-453]. Как следует из вышеперечисленных методик, в них отсутствует типовая методика производства трасологической экспертизы по следам обуви. Справедливости ради следует отметить, что в специальной литературе достаточно полно разработаны вопросы, касающиеся экспертного исследования данных следов[4].

Учет опыта производства трасологических экспертиз по следам обуви и изучение специальной литературы, изданной в РФ, позволил нам усовершенствовать типовую методику производства данной экспертизы, которая предлагается для использования в различных экспертно-криминалистических подразделениях СРВ. Данная методика «Идентификация обуви по ее следам» направлена на решение двух основных задач: определение пригодности следов для идентификации обуви и идентификация обуви по ее следам, изъятым с мест происшествий.

Сущность методики состоит в глубоком и тщательном исследовании объектов экспертизы. Анализ отобразившихся в них общих и частных признаков на основе их качественно-количественных характеристик и оценки их совокупности позволяет решить вопрос о пригодности для идентификации обуви. Проведение сравнительного исследования следов обуви со сравнительными образцами проверяемых лиц позволяет установить между ними наличие (либо отсутствие) тождества. В качестве общих признаков следов обуви нами предложено учитывать: конструктивные особенности подошвы (сплошная без каблука, с каблуком); размеры подошвы и ее элементов; форму подошвы и ее элементов; вид поверхности подошвы и ее элементов; способ соединения подошвы с верхом обуви (клеевой, ниточный, винтогвоздевой, комбинированный и др.), вид крепления элементов (подметки, каблука); наличие на подошве шипов противоскольжения, а также маркировочные обозначения предприятия-изготовителя.

Исучаемые частные признаки традиционно делятся на три группы: признаки, возникающие в процессе изготовления обуви; возникающие в процессе ношения обуви и появившиеся при ее ремонте. Из них большое значение в экспертном исследовании следов обуви имеет группа признаков, возникающих в процессе ношения обуви. К ним относятся: наличие, форма, размеры, расположение и взаиморасположение трещин, углублений, потертостей; отсутствие отдельных крепежных элементов (шпилек, гвоздей, винтов) либо стежков в соответствующих швах; наличие, вид и расположение посторонних частиц, внедрившихся в материал подошвы при ее эксплуатации (металлическая стружка, частицы грунта, гвозди и т. п.).

Что касается частных признаков, появившихся в результате ремонта обуви, то они редко обнаруживаются, поскольку в настоящее время в СРВ обувь редко подлежит ремонту. Однако в случаях ее ремонта экспертом могут быть выявлены такие признаки, как положение ремонтных швов относительно срезов подошвы; количество ремонтных гвоздей, винтов, стежков и их взаиморасположение в швах; их форма и протяженность, наличие заплат на подошве, набоек и металлических подков и др.

Следует отметить, что в СРВ некоторые граждане носят самодельные сандалии, изготовленные из старых использованных шин автомобилей. Характерным признаком таких сандалий является наличие части ремешков на их подошвенной стороне. В зависимости от

особенностей частей ремешков, в следе они отображаются в различных формах и размерах. К общим признакам следов таких сандалий относятся как вышеуказанные общие признаки обуви, так и тип рисунка протектора шины. К частным признакам относятся: износ в виде пятен различной формы; признаки, возникшие при повреждениях шины и др.[5, стр. 333].

Кроме того, в типовой методике следует подробно изложить последовательность действий эксперта в ходе экспертного исследования, а также указать необходимые оборудование и материалы.

Что касается выводов, то исходя из анализа экспертной практики в СРВ и РФ, на этапе их формулирования нами предложены следующие формы:

1) вывод о наличии тождества в категорической форме, если совпадающие общие и частные признаки исследуемого следа и образцов устойчивые и существенные, а установленная совокупность совпадающих признаков достаточна и индивидуальна. При этом выявленные различия в признаках исследуемого следа и образцах не являются существенными и могут быть объяснены экспертом;

2) вывод в вероятной форме, если установлено совпадение общих и частных признаков исследуемого следа и образцов, но их совокупность недостаточно индивидуальна для категорического вывода. Выявленные различия признаков в исследуемом следе и образцах не являются существенными;

3) категорический вывод об отсутствии тождества, если различающие общие и частные признаки исследуемого следа и образцов устойчивые и существенные;

4) вывод о групповой принадлежности, если установлены общие признаки исследуемого следа, по которым можно отнести обувь к определенному типу, виду обуви, но не выявлена совокупность признаков, необходимая для индивидуальной идентификации; или если на экспертизу не представлен объект для сравнения (обувь или след с другого места происшествия);

5) отказ от решения вопроса о тождестве с объяснением причины отказа. Данный вид вывода может иметь место в случае, если во время исследования установлен факт изменения обуви (ее ремонт и т.п.) в период между совершением преступления и образованием связанных с ним следов и изъятием обуви, а также в случае недостаточного объема признаков, отобразившихся в следе.

Таким образом, усовершенствованную нами методику, разработанную с учетом опыта российских ученых-криминалистов, можно отнести к типовой, и она может быть использована при производстве трасологической экспертизы по следам обуви экспертами ЭКП МОБ СРВ. Помимо этого, она может применяться в различных ведомствах экспертно-криминалистических учреждений СРВ при проведении экспертных исследований данного вида, а также при подготовке экспертов в вузах Министерства общественной безопасности СРВ, что позволит повысить эффективность судебно-экспертной деятельности в целом и методическое обеспечение производства трасологической экспертизы по следам обуви, в частности.

Список литературы

1. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. –320 с.
2. Государственный стандарт № TCVN-AN 003:2011 «Процесс производства трасологической экспертизы», утвержденный Циркуляром МОБ СРВ № 52/2011/ТТ-ВСА от 20 июля 2011 года «Об обнародовании государственных стандартов в сфере безопасности Министерства общественной безопасности».
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010.– 568 с.
4. Майлис Н.П., Одиноккина Т.Ф., Соколова О.А. Трасология: учебник / Под ред. Н.П. Майлис / Н.П. Майлис, Т.Ф. Одиноккина, О.А. Соколова. – М.: Щит-М, 2011. – 328 с.; Майлис, Н.П. Руководство по трасологической экспертизе. – М.: Издательство «Щит-М», 2007. – 344 с. и др.
5. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / А. Г. Сухарев, А. В. Калякин, А. Г. Егоров, А. И. Головченко. – Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2009. – 420 с.

ON INCREASING THE EFFICIENCY OF METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE PRODUCTION OF TRACE EXAMINATION ON SHOE TRACES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Annotation. The article considers the current state of methodological support for the production of trace examination on the traces of shoes in the Socialist Republic of Vietnam. Studying the experience of producing this expertise and specialized literature allows the author to improve the methodology for its production, which can be used both in the expert practice of the Socialist Republic of Vietnam and in the Russian Federation. According to the author,

this methodology will help to increase the efficiency of methodological support for the production of trace evidence on footprints.

Key words: *examination process, methodology, traceological examination, shoe traces, efficiency, Socialist Republic of Vietnam, crime detection and investigation.*

Степанов Станислав Алексеевич - ведущий эксперт межрайонного отдела по обеспечению экспертно-криминалистической деятельности УМВД России по г.Туле, Заслуженный сотрудник ОВД РФ, Почетный сотрудник МВД РФ, город Тула, Россия.

Stepanov Stanislav Alekseevich - leading expert of the inter-district department for ensuring forensic activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Tula, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tula, Russia

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ТАМОЖЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация: *В статье рассматриваются различные правовые аспекты производства экспертиз для целей осуществления контроля за порядком и законностью осуществления таможенной деятельности. Анализируются различные аспекты использования специальных знаний в целях реализации таможенной политики Российской Федерации.*

Ключевые слова: *таможенная экспертиза, эксперт, специалист, специальные знания, сведущие лица.*

После создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2014 году, началась разработка Таможенного кодекса ЕАЭС (ТК ЕАЭС), который начал свое действие на территории ЕАЭС в 2018 году.

В новом кодексе таможенной экспертизе посвящена глава 53, которая находится в разделе 7 «Таможенные органы». Хотя в предыдущем таможенном кодексе, статьи о таможенной экспертизе находились в разделе «Таможенный контроль».

Согласно статье 388 ТК ЕАЭС «таможенная экспертиза» - это исследования и испытания, проводимые таможенными экспертами с использованием специальных и (или) научных знаний для решения задач, возложенных на таможенные органы.

В научной литературе можно встретить другие определения термину «таможенная экспертиза»: - это специальное научно-практическое исследование, проводимое экспертами для решения задач таможенного дела; - исследование, осуществляемое таможенными экспертами с использованием специальных познаний и ставящее целью задач в сфере таможенного регулирования.

Исходя из этих определений, можно сделать несколько выводов: во-первых, таможенная экспертиза - это профессиональная деятельность таможенных экспертов; во-вторых, в экспертизу входят только действия по исследованию и испытанию товаров и транспортных средств; в-третьих, все эти действия направлены на решение задач, поставленных перед таможенными органами. Как уже отмечалось, таможенную экспертизу проводят таможенные эксперты. Согласно ТК ЕАЭС «таможенный эксперт» - должностное лицо таможенного органа, уполномоченное на проведение таможенной экспертизы и обладающее необходимыми специальными и/или научными знаниями.

Следуя нормам статьи 389 ТК ЕАЭС, таможенная экспертиза назначается, если для разъяснения конкретных вопросов, при проведении таможенного контроля, требуются специальные знания. Проводится таможенная экспертиза уполномоченным таможенным органом. Но Кодекс также предусматривает возможность проведения таможенной экспертизы экспертной организацией государства-члена в соответствии с законодательством этого государства-члена, в случае невозможности проведения таможенной экспертизы уполномоченным таможенным органом.

В Российской Федерации назначение таможенной экспертизы в иную экспертную организацию (иному эксперту) осуществляется на договорной основе. К объектам таможенной экспертизы относятся: товары, таможенные, транспортные (перевозочные), коммерческие и иные документы, средства идентификации этих товаров и документов.

В отношении названных объектов, проводятся несколько видов экспертиз:

- товароведческая,

- материаловедческая,
- технологическая,
- криминалистическая,
- химическая,
- иные виды, в проведении которых возникает необходимость.

Таможенная экспертиза является одним из видов экспертиз, назначаемых в соответствии с требованиями следующих кодексов России: Уголовно-процессуальным Кодексом (УПК), Гражданско-процессуальным Кодексом (ГПК), Арбитражно-процессуальным кодексом (АПК), Кодексом об административных правонарушениях (КоАП)[1].

Объектами таможенной экспертизы являются документация на товар, товары, вещественные доказательства, образцы сравнения и процессы.

Пробы и образцы товаров могут быть представлены в виде сырья, отходов производства, материалов, веществ, полуфабрикатов, комплектующих изделий и готовой продукции. При этом под образцом товара понимается единица продукции, являющаяся тождественной по структуре, составу и свойствам всей партии продукции. Под пробой понимается оптимально необходимая часть образца товара, тождественная по составу и свойствам всему объекту экспертизы.

Документы в качестве объекта экспертизы могут выступать как источники информации о товаре, особенно в случае, если товар, являющийся объектом таможенного правонарушения, отсутствует, так и в виде объекта для непосредственного исследования, например, при проведении такого вида криминалистической экспертизы, как техническая экспертиза документов.

Вещественные доказательства (например, слепки следов, отпечатки пальцев, орудия преступления и т.п.) обычно являются объектами криминалистических экспертиз, проводимых в рамках уголовных дел.

Образцы сравнения также обычно являются объектами криминалистических экспертиз и могут представлять собой, например, образцы свободного или экспериментального почерка человека для проведения почерковедческой экспертизы или оттиски оригинальных печатей и штампов для технической экспертизы документов. Сравнительные образцы (эталоны) могут применяться также при проведении химической и материаловедческой экспертиз.

Процессы (например, технологические, производственные) могут стать объектами так называемых технологических экспертиз, проводимых в таможенных целях при помещении товаров под режим переработки.

Субъектами экспертизы являются должностные лица таможенных и иных правоохранительных органов, наделенные правом назначать экспертизу, и физические или юридические лица, имеющие право проводить экспертизу.

Физические лица - это самостоятельные эксперты, получившие образование в определенной области знаний, имеющие опыт и навыки в применении этих знаний на практике и проводящие экспертизы вне экспертного учреждения. Эти лица должны пройти аттестацию (сертификацию) в соответствующей системе или экспертном учреждении и получить документ (аттестат или сертификат), подтверждающий их компетентность. Такие специалисты могут являться внештатными экспертами экспертных учреждений.

Юридическими лицами, как субъектами экспертизы, являются экспертные организации, в уставных документах которых указано их право на производство экспертиз и исследований. Экспертные организации имеют штат высококвалифицированных аттестованных экспертов, могут иметь определенный парк исследовательского аттестованного оборудования и приборов, должны быть аттестованы соответствующими органами, например, Госстандартом России, и удовлетворять определенным требованиям.

При назначении экспертизы должностное лицо таможенного органа должно убедиться в том, что организация, которой поручено проведение экспертизы, правомочна осуществлять такую деятельность (выяснить наличие лицензии на данный вид деятельности, аттестата аккредитации и др.), а также в том, что в ней есть сотрудники соответствующего профиля, которые имеют требуемые документы (сертификат, удостоверение, свидетельство).

Приняв решение о назначении экспертизы, должностное лицо таможенного органа обязано, прежде всего, подготовить необходимые для производства исследования материалы. Это пробы или образцы товара, а также, если необходимо, специальные объекты для сравнительного исследования, например, образцы почерка, образцы оттисков печатей и т.п. Кроме того, эксперту могут понадобиться товаросопроводительные документы: грузовая таможенная декларация, контракт, сертификаты на

товар и т.д. Круг объектов, направляемых на экспертное исследование, зависит от характера вопросов, которые должен разрешить эксперт [2, с.65].

Необходимость проведения таможенной экспертизы диктуется требованиями получения специальных познаний. Специальными называются познания не общераспространенные, не общеизвестные, а те, которыми обладают лишь специалисты-профессионалы в той или иной области человеческих знаний (науки, техники, искусства). Познания эти приобретаются в процессе обучения и практической деятельности по той или иной специальности, причем они включают в себя не только соответствующие знания, но и определенные навыки и умения по применению этих знаний. Люди, которые обладают такими знаниями и опытом, являются в судебном производстве сведущими лицами. К помощи этих людей и прибегают следователи, судьи, а в таможенном деле - сотрудники таможенных органов, когда надо решить какой-либо специфический вопрос. Причем вопрос должен быть не из области права или правовых моментов таможенного законодательства. В данном случае специальными познаниями должны обладать должностные лица таможенного органа и никто, кроме них, не вправе решать такие вопросы.

Использовать специальные познания сведущих лиц в соответствии с административным, уголовным, таможенным законодательствами можно в двух формах.

1. Путем их участия в проведении конкретных процессуальных действий, консультировании, дачи различных справок. В этом случае данное лицо выступает в качестве специалиста.

2. Путем проведения экспертиз, когда лицо выступает в качестве эксперта. От процессуального положения сведущего лица зависит и порядок его участия в производстве, например, по делу об административном правонарушении в области таможенного дела, его права и обязанности, характер получаемых им результатов в процессе деятельности[3, с.84].

Не всякий возникающий вопрос в ходе расследования может быть решен с помощью приглашенного специалиста путем осмотра какого-либо объекта или совершения тех или иных опытных действий. Иногда для решения вопроса требуется проведение специального исследования, применения сложных лабораторных методов, выполнения кропотливой

работы. И тогда используется вторая форма применения специальных познаний - производство экспертизы.

Объектом такого исследования может быть товар, перемещаемый через границу, иные предметы, документы, транспортные средства, оставленные человеком следы и т.п.

При проведении экспертиз в отношении товаров, транспортных средств, перед экспертом могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением, в частности:

- физических и химических свойств, количественного и качественного состава товара, позволяющих однозначно идентифицировать товар в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Российской Федерации (далее - ЕТН ВЭД России);

- среднестатистической свободной (рыночной) цены исследуемого товара либо аналогичного товара, классифицируемого в той же позиции ЕТН ВЭД России;

- идентификации товаров в продуктах переработки;

- возможности согласования норм выхода продуктов переработки, с учетом конкретного технологического процесса применяя таможенные режимы переработки на таможенной территории, переработки вне таможенной территории;

- принадлежности товара к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам (вещества, используемые для их изготовления), подлежащим контролю в РФ в соответствии с законодательством, в том числе их наличия в лекарственных средствах;

- принадлежности товаров к предметам художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран;

- идентификации страны происхождения некоторых товаров и страны-производителя товаров.

При проведении технико-криминалистических исследований документов устанавливаются фактические данные, связанные с изготовлением и использованием документов, на разрешение эксперта могут быть поставлены вопросы, связанные:

- с определением тождества индивидуально определенных объектов (средств письма и других технических средств, применявшихся для изготовления документов) по их отображениям в документе,

документа по его частям, источника происхождения; объектами экспертизы являются текст, подписи, оттиски печатей и штампов, пометки, резолюции, знаки, а также поддельные деньги, выполненные полиграфическим способом и способом рисования;

- с восстановлением первоначального содержания зачеркнутых, залитых, вытравленных, подчищенных, замазанных записей;

- с установлением соответствия защитных реквизитов документа (бланков, защитных сеток, изображений и т.д.) техническим требованиям производителя документа;

- с установлением способа изготовления реквизитов документа;

- с установлением факта изменения реквизитов документа, его содержания;

- с установлением последовательности выполнения реквизитов документа;

- с установлением давности выполнения рукописной записи (текстов);

- с установлением подписи и кратких рукописных записей, выполненных конкретным лицом (лицами).

Таможенная экспертиза назначается в случаях, если для разъяснения возникающих вопросов при совершении таможенных операций требуются специальные познания.

Таможенная экспертиза назначается таможенными органами и проводится таможенными экспертами, а также экспертами или специалистами иных уполномоченных организаций, назначенными таможенными органами.

Назначение таможенной экспертизы в иные уполномоченные организации производится только в случае невозможности проведения такой экспертизы таможенными экспертами.

В качестве эксперта может быть назначено любое лицо, обладающее необходимыми специальными познаниями для дачи заключения.

Эксперт, не являющийся должностным лицом таможенных органов, привлекается для проведения таможенной экспертизы в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного союза.

Таможенная экспертиза назначается в отношении товаров, в том числе транспортных средств, таможенных, транспортных (перевозочных),

коммерческих и иных документов, необходимых для совершения таможенных операций, и средств их идентификации.

Список литературы

1. КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Российская газета, N 256, 31.12.2001
2. Богомолова А.А. Таможенное право. – М.: Юрайт-Издат, 2016. – С.65.
3. Невешкина Е., Коник Н., Таможенное дело. М.: Омега-Л, 2016. – С.84

LEGAL ASPECTS OF THE APPOINTMENT AND PRODUCTION OF A CUSTOMS EXAMINATION

Abstract: The article discusses various legal aspects of the production of examinations for the purpose of monitoring the order and legality of customs activities. Various aspects of the use of special knowledge in order to implement the customs policy of the Russian Federation are analyzed.

Key words: customs expertise, expert, specialist, special knowledge, knowledgeable persons.

Хоанг Конг Минь – слушатель, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, город Москва, Россия, hoangcongminh1598@gmail.com.

Hoang Cong Minh - student, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЬЕТНАМСКИХ БУКВ

Аннотация. В процессе расследования уголовных дел вьетнамские буквы имеют отличные характеристики по сравнению с буквами других алфавитов, поэтому процесс исследования почерка также будет формировать свои особенности.

Ключевые слова: *вьетнамские буквы, китайская культура, письменность, китайско-вьетнамское письмо, вьетнамский алфавит.*

Вьетнам находился под влиянием китайской культуры в течение более двух тысяч лет. Западные районы Индокитая, особенно Вьетнам, представляли собой зону китайского влияния уже со времен династии Цинь, когда первые вьетнамские прогосударства были подчинены циньской армией и затем долгие века, несмотря на порой героическое сопротивление вьетнамцев, оставались под властью Китая.

Неудивительно, что на характере социальных отношений, и на культуре, и на всем образе жизни людей Вьетнама оставила заметный отпечаток Китайская цивилизация. Это обусловлено тем, что большую культуру Вьетнам позаимствовал из Китая.

Таким образом, жители Вьетнама во время китайского господства были вынуждены заимствовать письменность Китая. Поэтому образовались в качестве официальной письменности китайская, «Тыином». Только современное Вьетнамское письмо «Куок Ны» независимо от Китая.

С начала нашей эры до 10 века Вьетнам находился под господством китайского феодализма, китайские иероглифы были навязаны и использовались правящими мандаринами. По словам Дао Зуй Аня, во Вьетнаме начали изучать китайские иероглифы, когда наследный принц Си Ньеп (137–226) научил вьетнамцев сдавать экзамен. На протяжении более тысячи лет большинство надписей на каменной стеле были китайскими иероглифами.

Существует мнение, что китайские иероглифы присутствовали во Вьетнаме с н.э., исходя из того, что надписи на кинжале считается китайскими. Однако это было время, когда китайские иероглифы еще не сформировались, и на бронзовых барабанах Донгшон в период 700 г. до н.э. - 100 г. н.э. были "древние вьетнамские иероглифы", которые не были объяснены, и не было определенного документа. В период до нашей эры древние вьетнамцы использовали это слово.

После 10 века, хотя Вьетнам обрел независимость и суверенитет, китайские иероглифы и китайский язык продолжали оставаться основным средством записи и письма. Ближе к концу 19 века - началу 20 века, при французском колониальном господстве, колониальное правительство во главе с французами заменило его письмом «Куок Ны» (латинское

письмо) для совместного письма с французским языком. Академическая подготовка Вьетнама с использованием китайских иероглифов закончилась на выпускном экзамене в 1919 году.

Хотя китайские иероглифы обладают хорошей способностью выражать идеи, во вьетнамском есть не только китайско-вьетнамские слова, но и чисто вьетнамские слова, поэтому использование только существующих китайских иероглифов в то время могло быть недостаточным для требования прямой записи, выражения слов, мыслей и чувств вьетнамского народа. Поэтому письменность «Тыыном» родилась, чтобы восполнить место, где китайские иероглифы не могли выражать.

Китайско-вьетнамское письмо «Тыыном» — это набор иероглифов, построенный на основе применения китайской системы иероглифов для записи чисто вьетнамских слов на вьетнамском языке. Процесс формирования письма «Тыыном» можно разделить на два этапа:

- появился первый этап, временно называемый этапом «ассимиляции китайских иероглифов», то есть использование китайских иероглифов для расшифровки вьетнамских слов, обычно имен людей, названий вещей, названий земель, растений, птиц, животных, предметов... в китайских текстах. Эти вьетнамские слова появились в первом веке нашей эры (особенно в шестом веке);

- более поздний этап: на этом этапе, помимо продолжения использования китайских иероглифов для расшифровки вьетнамских слов, появились самостоятельно созданные иероглифы «Тыыном» в соответствии с определенными принципами. Этот тип самодельного письма «Тыыном», позже развившийся в том направлении записи, что более тесной и точной записи на вьетнамском языке.

Во время колонизации Вьетнама Францией происходило интенсивное развитие национального вьетнамского языка. В 1527 году для того, чтобы облегчить написание слов, португальские миссионеры во Вьетнаме начали транскрибировать слова вьетнамского языка латиницей. Эти изменения, до сих пор имеющие свое применение. По мнению многих исследователей, современный вьетнамский алфавит был создан на основе работ Александр де Рода – французского миссионера, который работал во Вьетнаме с 1624 года.

Событие, отметившее положение письма Куок Нгу, произошло, когда французы завершили свое вторжение в Вьетнам в конце 19 века.

Чтобы сделать вьетнамский язык совместным с французским письмом, чтобы помочь распространить французский язык и французскую культуру и облегчить управление, письменность «Куок Ны» была защищена колониальным правительством посредством указов, изданных французами с целью искоренить китайские иероглифы, иероглифы «Тыыном» и традиционную азиатскую культуру во Вьетнаме.

Содействие изучению письма «Куок Ны» во Вьетнаме, связанное с реформаторскими движениями в период 1890-1910 гг., считается удобным средством обучения для повышения интеллектуального уровня людей.

К середине XX века наблюдался интересный процесс духовного объединения разных поколений вьетнамцев, изучающих «Куок Ны». Изучившие новую грамоту подростки были учителями своих старших родственников и товарищей в вечерних классах ликбеза для взрослых.

В настоящее время, поскольку «Куок Ны» является латиницей, совпадающей с большинством языков мира, языковое общение в Интернете проще, чем с помощью иероглифов, таких как символы Nom и Nap. Однако письменность «Куок Ны» имеет тот недостаток, что, поскольку это звукоподражание, он не может ясно выражаться, как китайские иероглифы и «Тыыном», что приводит к омонимическим различиям и непониманию значений слов во вьетнамском языке (если слова стоят в одиночку, особенно имена людей или мест). С точки зрения искусства, поскольку каждая буква имеет разную высоту и толщину, количество букв в каждом отдельном слове неодинаково, поэтому длина каждого отдельного слова не является фиксированной, поэтому «Куок Ны» можно писать только горизонтально, потому что вертикальное письмо будет вне очереди. Это затрудняет выстраивание в линию при написании стихов (особенно в шести-восьмом или двухтактном ряду) или предугадывание общего размера содержания (например, написание имен людей в стороне и прямо в строке).

Количество букв во вьетнамском алфавите немного меньше, чем в русском. Всего в алфавите Вьетнама 29 букв, 22 из которых заимствованы из латиницы (кроме букв «F», «W», «J» и «Z»). Буквы внешне не модифицированы и расположены в том же порядке, как и в латинском алфавите.

Фото №1. Вьетнамский алфавит

Остальные буквы (7 дополнительных гласных букв) модифицированы из имеющихся латинских букв с целью правильного выражения мысленной и звуковой особенностей вьетнамского языка.

- Ǻ ǻ : Как латинское 'u' в слове « but»
- Ǻ ǻ : Как латинское 'a' в слове « hat»
- Ǻ ǻ : Как латинское 'oa' в слове «boat»
- Ǻ ǻ : Как латинское 'u' в слове «fur»
- Ê ê : Как русское «э»
- Ǻ ǻ : Как русское «ы»
- Ǻ ǻ : Как русское «и»

Самым ярким отличием вьетнамского языка от латинского является тоновая особенность языка. Тон – это использование высоты звука для смыслового различения в рамках слов. В состав вьетнамского языка входит шесть тонов, рассмотрим подробнее в таблице:

№	Тон	Знаковое выражение	Пример
1	высокий ровный	Без знаков	ban (удостаивать)
2	нисходящий плавный		bàn (стол)
3	нисходяще-восходящий		bán (продавать)
4	восходяще-нисходящий		bản (кишлак)
5	восходящий		bãn
6	резко нисходящий		bạn (друг)

Если вы замените букву “а” на других гласных вьетнамских буквах, могут быть образованы следующие слова:

- bắп (стрелять)
- bắп (грязный)
- bậп (занятый)
- bằп (пробка)

Список литературы

1. История и причины возникновения вьетнамской иероглифики. Вестник Санкт-петербургского университета. Язык литература. 2009 г.;
2. Вьетнамское наследие Хан Тыном. Исследовательский институт Хан Тыном.;
3. Ле Нгок Тру. «Сценарий Куок Нгу с 17 по конец 19 века». Антология вьетнамского языка и письма. Вьетнамские строки, 1993. С. 30-47;
4. Национальная научная конференция: «Куок Ны: становление, развитие и вклад во вьетнамскую культуру».
5. Giáo trình Giám định tài liệu, Hà Nội, 2007.
6. <http://www.primavista.ru/rus/dictionary/abc/vietnamsky>.
7. <https://linguapedia.info/languages/vietnames.html>.
8. Алфавит вьетнамского языка / Нгуен Тай Кан, Н. В. Станкевич. Л., 1975.
9. Грамматический строй вьетнамского языка / В. С. Панфилов. М., 1993. Винберг Л. А., Шванкова М. В.. Почерковедческая экспертиза: Учебник / Под ред. Р. С. Белкина. Волгоград, 1977. - 205 с.

Хоанг Тхи Хоа – магистр, заместитель декана факультета Школа профессиональной подготовки и переподготовки прокуратуры в Хошимине, Вьетнам. Email: hoahoangtks@gmail.com

Hoang Thi Hoa - M.Sc., Vice Dean of the Faculty School of Professional Training and Retraining of the Prosecutor's Office in Ho Chi Minh City, Vietnam

*Чан Тхи Нгок Хиеу - факультет экономики и права,
Университет Ча Винь.*

*Tran Thi Ngoc Hieu, Faculty of Economics and Law,
Cha Vinh University*

*Дьен Хуен Тхао - факультет экономики и права,
Университет Ча Винь.*

*Dier Huyen Thao, Faculty of Economics and Law, Cha
Vinh University*

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАВЫКИ КОНТРОЛЯ ОСМОТРА ВОДНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

***Аннотация.** Контроль осмотра места водно-транспортного происшествия является деятельностью народной прокуратуры по обеспечению своевременного и строгого выявления и пресечения всех правонарушений при водно-транспортных происшествиях. Осмотр места водно-транспортного происшествия на водном пути является действием, проводимым до возбуждения уголовного дела, и является важным основанием для принятия следственным органом постановления о возбуждении уголовного дела. Однако при осуществлении контроля осмотра места водно-транспортного происшествия на водных путях часто возникают определенные трудности и препятствия. Поэтому навыки контроля осмотра мест дорожно-транспортных происшествий в целом и водно-транспортных происшествий, в частности, играют очень важную роль. В статье анализируется ряд навыков контроля*

осмотра происшествия, и в то же время предлагаются некоторые рекомендации, обеспечивающие качественное выполнение этой деятельности.

Ключевые слова: *навыки надзора, осмотр места происшествия, судебная деятельность.*

1. Введение

Осмотр места водно-транспортного происшествия является следственным действием, проводимым до возбуждения уголовного дела, и является важным основанием для принятия следственным органом постановления о возбуждении или не возбуждении уголовного дела. Народная прокуратура является органом, уполномоченным государством осуществлять право надзора и контроля за судебной деятельностью. Соответственно, в стадии возбуждения уголовного дела и расследования водно-транспортного происшествия с осмотром места происшествия народная прокуратура выполняет функцию контроля за соблюдением законности при осмотре места происшествия, которая осуществляется с момента поступления сообщения о происшествии и во время осмотра.

На самом деле работа по контролю осмотра места водно-транспортных происшествий сталкивается со многими трудностями и осложнениями, что приводит к малому количеству раскрытых уголовных дел и их расследования. Причин, приводящих к такому положению, много, но самая основная причина заключается в том, что назначенный прокурорский коллектив не обучен и не подготовлен глубоко в теоретических знаниях, отсутствие практического опыта и ответственности не высока; методы обнаружения, регистрации, а также анализа и оценки по следам вещественных доказательств при осмотре происшествия еще ограничены.

Таким образом, требования к расследованию не были своевременно сформулированы, а следствие не было тесно согласовано с ведущим следователем и членами совета во время осмотра. Поэтому в данной статье авторы анализируют и оценивают ряд навыков контроля осмотра места водно-транспортного происшествия, а также дает некоторые рекомендации по лучшему обеспечению этой деятельности в будущем.

2. Навыки контроля осмотра места водно-транспортного происшествия

2.1. Навыки контроля за приемом и обращением с источниками водно-транспортных происшествий в случае их непосредственного поступления в народную прокуратуру.

При осмотре места водно-транспортного происшествия важное значение имеет полученная первоначальная информация. Благодаря этой информации, чтобы первоначально понять часть или все развитие и содержание водно-транспортного происшествия и другие соответствующие детали, чтобы помочь осмотру места происшествия быстро и своевременно развернуться.

Таким образом, Положение о реализации права на осуществление уголовного надзора и контроля за возбуждением уголовного дела, следствием и преследованием от 17 апреля 2020 г. Верховной народной прокуратуры, изданное вместе с Постановлением генеральный прокурора Верховной народной прокуратуры от 04 апреля 2020 г. (далее Положением 111) предусмотрено: *«Руководителям подразделений и руководителям прокуратуры назначать круглосуточных профессиональных прокуроров для приема и полного управления достаточным количеством доносов и сообщений о преступлениях, связанных с осмотром места происшествия, передаваемых органами, организациями или отдельными лицами. Прокурор должен сделать запись в книге приемки; четко указать время, дату, месяц и год получения; содержание доносов и сообщений о преступлениях, связанных с осмотром места происшествия; имя, возраст и адрес предоставляющего учреждения, организации или физического лица; оперативно докладывать начальникам подразделений, руководителям прокуратуры для немедленной передачи доносов и сообщений о преступлениях вместе с соответствующими документами в компетентный следственный орган для разрешения. В случае предоставления сведений органом следствия, прокурор, возложенный на дежурство, обязан незамедлительно сообщить о них начальнику подразделений, руководителю прокуратуры в течение смены для своевременного возложения прокурором на осуществление надзора и контроля осмотра места происшествия». Соответственно, начальник подразделений, руководитель прокуратуры назначает профессионального прокурора, который круглосуточно дежурил 24/24 для приема и полного управления доносами и сообщениями о преступлениях, связанных с*

осмотром места преступления, передаваемых учреждениями, организациями и физическими лицами.

Дежурный прокурор при приеме сообщения о водно-транспортном происшествии обязан зафиксировать и уточнить соответствующие сведения. *Например, по делу о таране баржи и затоплении рыбного хозяйства на реке Тянь 31 декабря 2019 г., когда дежурный прокурор получил сообщение, он уточнил место происшествия (южный берег реки Тьен в районе Танбинь, район Танлонг, город Митхо, провинция Тьензянг), время (около 03 часов 30 минут 1 января 2020 г.), сопутствующие транспортные средства (самоходная баржа ВЛ-4499), владелец транспортного средства - капитан (гр. Чач Ван Буон, 1981 г.р., проживающий по адресу 150, Ло Бо Гон, округ 9, город Ми Тхо, Тьен Джанг). Первоначальные повреждения затонули 02 рыбацких плота TG-56238NT и TG-56240NT, принадлежащих г-ну Нгуен Нгок Сону. Затем дежурный прокурор зафиксировал содержание аварии в журнале приемки подразделения и немедленно сообщить об этом руководству прокуратуры для проведения руководителем прокуратуры процедуры по немедленной передаче в следственный орган. При этом руководству прокуратуры необходимо в установленном порядке в срочном порядке назначить прокуроров для участия в контроле осмотре места происшествия. При постановке задачи прокурор должен активно разобратся в обстановке, потребовать от следователя сообщить о первоначальном содержании происшествия, подготовить необходимые инструменты и средства и оперативно выехать на место происшествия.*

2.2. Навыки наблюдения за действиями до осмотра места происшествия

При назначении для контроля осмотра места водно-транспортного происшествия прокурор обязан непосредственно контролировать осмотр места происшествия и присутствовать от начала до конца следственных действий.

Перед осмотром места происшествия прокурор обязан провести такие мероприятия, как: проверка правового статуса членов совета осмотра, осуществление контроля за охраной места происшествия.

Для контроля за охраной места происшествия прокурор должен согласовать со следователем, председательствующим на осмотре, и членами совета осмотра оперативно встретиться с лицом, ответственным

за охрану места происшествия, потребовать от него отчета о всей работе по охране места происшествия и всю информацию, которую собрали силы охраны места происшествия.

В то же время, встретиться и обсудить с представителями местных органов власти, присутствующих, ответственных лиц, связанных с аварией транспортного средства. Для понимания ситуации на месте происшествия и аварии. Это делается для того, чтобы прокурор и совет осмотра определяют такие вопросы, как: когда было обнаружено место происшествия? первый первооткрыватель? есть ли организация по охране места происшествия? Является ли обстановка происшествия нетронутой или нарушенной, если она изменилась, определите степень и причину изменения? Количество и местонахождение транспортных средств при обнаружении? Как решили вопрос о транспортных средствах? С какими следами и предметами при охране места происшествия? При наличии на месте происшествия мертвого пострадавшего необходимо определить положение, позу и состояние трупа при обнаружении и что с трупом сделано? Каковы климатические и погодные изменения во время защиты охраны места происшествия по сравнению с тем, когда он был впервые обнаружен?

На основании собранных сведений прокурор согласовывает с председательствующим следователем, членами совета осмотра и соответствующими силами совместное раскрытие причин несчастного случая и создание благоприятных условий для проведения осмотра, выбор соответствующей тактики и средства осмотра, ставя конкретные задачи каждому члену и формулируя требования, которые должны быть достигнуты.

2.3. Навыки осмотра и осмотра места дорожно-транспортного происшествия на воде

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса 2015 г., Закона 2015 г. об организации органов следствия, Закона 2014 г. об организации органов народной прокуратуры, Положение 111, прокурор должен провести контроль осмотра на месте происшествия посредством контроля за проведением предварительного осмотра и детального осмотра места происшествия следователями. Следующим образом:

- Навыки контроля предварительного осмотра

Предварительный осмотр означает, что Совет по осмотру места происшествия проводит предварительное наблюдение и оценку места происшествия с целью установить местонахождение и общее состояние места происшествия, а также местонахождение и состояние следов, вещественных доказательств и осмотра места смерти, предметов и др., обнаруженных на месте происшествия.

При осмотре места водно-транспортного происшествия прокурор обязан совместно с членами совета произвести общий осмотр места происшествия, топографической местности, где произошло происшествие; местонахождение следов, предметов, транспортных средств, пострадавших (при их наличии). При наблюдении необходимо наблюдать от дальнего к близкому, от целого к части, от общего к частному, сосредотачиваясь и фокусируясь, чтобы получить представление о реальной обстановке и состоянии происшествия. Наблюдать за процессом предварительного осмотра на берегу и предварительного осмотра под водой. В процессе наблюдения могут использоваться вспомогательные средства, такие как: каноэ, лодки, фонари, бинокли...

Путем наблюдения прокурор и совет по осмотру места происшествия определяют размеры места происшествия, местонахождение, топографию, состояние и характеристики места происшествия, такие как: на реках, каналах и маленьких каналах (прямых, кривых, излучинах, примыканиях, перекресток и др.), направление движения транспорта, направление течения, наименьший и наибольший уровни приливов на участке; ширина ходовой резьбы. Также определите, есть ли знаки, навигационные буи на месте происшествия или рядом с ним. Это вопросы, имеющие значение как для оценки, так и для комментирования развития аварии, процесса столкновения и затопления транспортного средства; дрейф транспортных средств и объектов, от которых можно определить направление поиска, а также выбрать метод поиска и движения в процессе тщательного осмотра места происшествия.

Таким образом, предварительный осмотр является важной предпосылкой проведения тщательного осмотра объективно, всесторонне и научно. Таким образом, после завершения предварительного осмотра прокурору и членам совета необходимо сделать выводы, которые являются основанием для проведения стадии тщательного осмотра.

- Навык контроля за тщательным осмотром

Тщательный осмотр - это процесс применения сочетания тактики осмотра с поддержкой технических средств для обнаружения, регистрации, сбора, сохранения и оценки следов, предметов и транспортных средств, доказательств и др., на месте водно-транспортного происшествия. При осуществлении контроля за проведением тщательного осмотра прокурор осуществляет контроль за следующими действиями:

Во-первых, проконтролировать тщательный осмотр места водно-транспортного происшествия. Контроль за записью, сбором и сохранением следов места происшествия осуществляет прокурор. Виды следов разбитых, сломанных частей транспортных средств; следы царапин, потертостей на препятствиях при проведении работ по водному транспорту; следы повреждения двигателя. При проверке расстояния от каждого следа, объекта, транспортного средства до 2 реперных точек для определения положения; измерить размер каждого следа, предмета, транспортного средства (измерить длину, ширину, высоту, глубину транспортного средства или предмета (единицы измерения «м» и «см»)); измерение глубины по следам, объектам, транспортным средствам, погруженным в воду.

При контроле за записью, сбором и сохранением следов, прокурор должен обратить внимание, что запись производится всеми тремя способами: фотографированием, нанесением зарисовок на схему места происшествия и описанием в протоколе осмотра места происшествия. Сохранение следов и предметов должно основываться на особенностях каждого конкретного случая, чтобы не повредить и не потерять собранные следы и предметы. *Например: если следы жидкие, их следует хранить в чистых бутылках и банках; следы, металлические предметы должны быть предохранены от ржавчины. После сбора должно производиться опломбирование согласно постановлениям, на которых должны быть подписи следователей, прокуроров, понятых и свидетелей.*

Во-вторых, контроль осмотра работ, связанных с водно-транспортными происшествиями, когда совет по осмотру работ, связан с водно-транспортным происшествием, прокурор должен обратить внимание на проверку основных технических критериев работ; проверка системы сигнализации, связанной с безопасностью работ и безопасностью движения по внутренним водным путям в районе проведения работ. *Например, в случае столкновения баржи с мостом Ген, прокурор должен проверить технические параметры моста Ген, такие как: высота*

моста, радиус кривизны моста в месте, где мост построен; проверить систему сигнализации (мостовые опоры, пирсы, буи для направления канала в судоходный отсек).

В-третьих, контроль осмотра транспортных средств, участвующих в водно-транспортном происшествии. Перед осмотром транспортного средства прокурор должен отметить: в случае, если транспортное средство сносит или садится на мель на берегу, оно должно быть закреплено якорем или поставлено на стационарный док; в случае погружения транспортных средств под воду его необходимо спасти и привести в фиксированное положение. Когда транспортное средство зафиксировано, проводится осмотр и выполняются следующие процедуры:

- Проверить документы, связанные с аварией: Прокурор должен контролировать рассмотрение и сравнение, чтобы определить действительность документов, связанных с транспортным средством и водителем транспортного средства. Например, случай столкновения баржи с рыбацким плотом на реке Тьензянг 1 января 2020 г. (Му Tho, Tien Giang) показывает, что документы владельца транспортного средства оформлены на имя г-на Чача Ван Буона, 1981 г.р. Тйен Жанг (с лицензией-капитан), но когда его баржа потопила плот, им управлял Зиепба Тхо (без лицензии-капитана).

Аналогично со случаем столкновения баржи с мостом Генх 20 марта 2016 г. (Бьенхоа, Донгнай). При проверке документов документы буксира SG-3745 и баржи SG-5984 были на имя г-на Фан Тхыонга (с лицензией-капитана). Однако в момент аварии буксир SG-3745 и баржа SG-5984 врезались в мост Генх, которым управлял Тран Ван Джанг (36 лет) без лицензии-капитана. В результате аварии мост в Гене обрушился на два пролета, буксир затонул в русле реки, а баржа свободно плавала. В этом случае прокурор наблюдает за сопоставлением документов, относящихся к транспортному средству, водителю, пассажирам и грузу на транспортном средстве (при его наличии), для определения их действительности или нет.

- При осуществлении контроля за осмотром каждого транспортного средства, участвовавшего в водно-транспортном происшествии, прокурор осуществляет надзор за следующими видами деятельности совета:

Общий осмотр:

Измерение основных габаритов транспортного средства, в том числе: Максимальная длина, максимальная ширина, высота, осадка, осадка;

Оценка конструкции и состояния кузова и обшивки транспортного средства, в том числе: каркас, обшивка, палуба, рубка, переборка, грузовой отсек, руль направления, носовой мостик, нижний мостик;

Исследование системы оборудования транспортного средства: двигательную, рулевую, анкерную, спасательную, противопожарную, акустическую, сигнальную.

+ Детальное обследование:

Контроль осмотра частей и мест, которые могут быть причиной аварии, определить место столкновения и точку первого столкновения на транспортном средстве;

Контроль за осмотром и тщательным осмотром положения, ориентации и размера следов, оставленных на транспортном средстве (за исключением следов, возникших в процессе спасения и утилизации транспортного средства);

Контроль за измерением, фотографирование для фиксации местоположения и размера следов.

Контроль сбора следов и следоносных предметов, брать образцы для сравнения (при необходимости) и сохранять их в установленном порядке.

Контроль за составлением протоколов осмотра транспортных средств Прокурору должен обратить внимание на то, что протоколы технического осмотра должны быть составлены по установленной форме.

В-четвертых, на месте водно-транспортного происшествия с пострадавшим должен быть произведен осмотр следов тела, предусмотренных статьей 203 УПК 2015 г. В случае доставления пострадавшего в медицинские учреждения скорой помощи лечения необходимо проконсультироваться с лечащим врачом и ознакомиться с медицинской картой больного. На месте водно-транспортного происшествия, где погиб человек, в соответствии с законодательством проводится осмотр.

3. Некоторые рекомендации

В последние годы руководители двухуровневой народной прокуратуры уделяют внимание осмотру места водно-транспортного происшествия, что выражается в том, что при поступлении доносов и

сообщений о происходящем водно-транспортном происшествии оперативно назначаются уполномоченные, квалифицированные и опытные прокуроры. При назначении прокурор хорошо подготовил инструменты и средства и вместе с сотрудниками органа следствия выехал на место происшествия для осмотра. Сами прокуроры постарались приобрести практический опыт контроля за осмотром места водно-транспортного происшествия.

Однако, как указывалось выше, фактический осмотр места водно-транспортного происшествия сталкиваются со многими трудностями из-за особенностей местности, где происходит водно-транспортное происшествие, водной поверхности рек, каналов, маленьких каналов и т. д., из-за наездов и столкновения транспортных средств с течением воды; транспортные средства, предметы, следы, вещественные доказательства могут плавать на поверхности воды или находиться под водой, поэтому легко деформируются. При осмотре места происшествия, в связи с необходимостью немедленного поиска и спасения пострадавшего, спасения, перемещения и буксировки транспортного средства на пристань или во двор, легко потерять первоначальный след, поэтому его трудно идентифицировать протяженность места первого столкновения. Некоторые аварии происходили ночью и вдали от населенных пунктов, что затрудняло как доступ к следствию, так и осмотр места происшествия.

Некоторые прокуроры еще не овладели знаниями и навыками осмотра места водно-транспортного происшествия. Поэтому в статье авторы предлагают некоторые рекомендации по обеспечению более качественного проведения контрольных мероприятий по осмотру места водно-транспортного происшествия в ближней будущее. Конкретно:

- организация интенсивной профессиональной подготовки и переподготовки прокуроров в области осмотра в целом и осмотра места водно-транспортного происшествия в частности.

- оборудование и технические средства для прокуроров, назначенных для осмотра и осмотра места водно-транспортных происшествий, такие как приобретение транспортных средств, масок, спасательных жилетов; закупка оборудования для экспертизы и осмотра места водно-транспортного происшествия в целях достижения высоких результатов, таких как камеры, записывающие устройства, видеоманитофоны, фонари, инфракрасные фонари для точной записи процесса осмотра для сравнения, сопоставления с документами и

доказательствами, переданными позднее органу следствия; использование режима суточных и токсикологических надбавок для прокуроров, назначенных для осмотра и осмотра места происшествия, чтобы способствовать их поощрению к качественному выполнению возложенных на них задач.

- усиление работы подведения итогов, семинаров и профориентаций по осмотру и осмотру места водно-транспортного происшествия. Через частные случаи возникает множество сложных, опасных и особо опасных обстоятельств, из которых можно обмениваться, обсуждать, анализировать и оценивать, чтобы извлечь успешные результаты, возможные недостатки, ограничения, трудности и проблемы и их причины, ответственность за которые лежит на какое подразделение, чтобы предоставить решения для преодоления. Оттуда черпать больше опыта для распространения среди сотрудников двухуровневых народных прокуратур.

- центральному межведомственному правоохранительному органу издать совместный циркуляр о взаимодействии народной прокуратуры и органа следствия при осмотре места происшествия в целом, в том числе о взаимодействии народной прокуратуры с органом следствия в сфере осмотра место водно-транспортного происшествия.

Список литературы

1. Bộ Công an (2020), Thông tư số 64/2020/TT-BCA quy định quy trình điều tra, giải quyết tai nạn giao thông đường thủy nội địa của lực lượng cảnh sát giao thông.
2. Quốc hội (2015), Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, NXB Chính trị Quốc gia, Hà Nội.
3. Quốc hội (2014), Luật sửa đổi, bổ sung một số điều của Luật Giao thông đường thủy nội địa, Hà Nội.
4. Quốc hội (2015), Luật Tổ chức cơ quan điều tra hình sự, Hà Nội.
5. Quốc hội (2014), Luật Tổ chức Viện kiểm sát nhân dân, Hà Nội.
6. Hà Lương Tín (2013), Hoạt động khám nghiệm hiện trường của lực lượng Cảnh sát nhân dân, Luận án tiến sĩ Luật học.
7. Trường Đào tạo, bồi dưỡng nghiệp vụ kiểm sát tại Tp. HCM (2020), Bồi dưỡng kỹ năng thực hành quy trình công tố, kiểm sát điều tra, kiểm sát xét xử các vụ án về các tội phạm xâm phạm trật tự, an toàn giao thông, Tài liệu bồi dưỡng.

8. ViệnkiểmsátnhândânTr. BiênHòa, ĐồngNai (2016), Báo cáotình hình tộiphạm.

9. ViệnkiểmsátnhândânTr. MỹTho, TiềnGiang (2019), Báo cáotình hình giảiquýếtnguồntinvềtộiphạm.

10. Việnkiểmsátnhândântóicao (2020), Quy chéthựchànhquyềncôngtố, kiểmsátviệckhởitố, điềutra, truytố (banhànhkèmtheoQuyết địnhsố 111/QĐ-VKSTCngày 17/4/2020 củaViệntrưởngViệnkiểmsátnhândântóicao).

SOME SUPERVISION SKILLS THE WATERWAY TRAFFIC ACCIDENTSCENES

Annotation. Monitoring the inspection of the scene of a water accident is the activity of the people's prosecutor's office to ensure the timely and strict detection and suppression of all offenses in water accidents. Inspection of the scene of a water accident on the waterway is an action carried out before the initiation of a criminal case, and is an important basis for the investigating body to decide on the initiation of a criminal case. However, when monitoring the inspection of the site of a water accident on waterways, certain difficulties and obstacles often arise. Therefore, the skills to supervise the inspection of the scene of road traffic accidents in general and water accidents in particular play a very important role. The article analyzes a number of skills to control the inspection of the incident, and at the same time offers some recommendations to ensure the quality of this activity.

Key words: supervision skills, inspection of the scene, judicial activity.

Хорев Михаил Владимирович – преподаватель кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», город Тула, Россия.
Isengrim2@yandex.ru

Khorev Mikhail Vladimirovich – Lecturer of the Department of Judicial Examination and Customs

Affairs, Tula State University, Tula, Russia.

ТЕХНОГЕННЫЕ АВАРИИ – ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. С развитием науки и технологии, совершенствованием и

распространением различных производственных мощностей, в мире между тем происходит всё больше техногенных аварий, влекущих крайне негативные последствия, связанные с гибелью людей, экономическим и экологическим ущербом. В таких условиях эффективное расследование неосторожных преступлений, связанных с источниками повышенной опасности становится крайне важным элементом сохранения благополучия общества.

Ключевые слова: *техногенные аварии, чрезвычайные ситуации, неосторожные преступления, источники повышенной опасности.*

В конце 90-х годов XX века У.Бек назвал современное общество «обществом риска», жизнь в котором заставляет искать возможности для снижения этих рисков и обеспечения общественной безопасности.[1] Внутренняя политика любого государства направляет свои усилия на решение вопросов, связанных с повышением уровня безопасности населения и социальной инфраструктуры.

Все риски (угрозы) для человека, общества и природной среды можно рассматривать как единую социальную систему, к которой следует отнести и чрезвычайные ситуации (ЧС) в качестве подсистемы.

Чрезвычайную ситуацию (ЧС) рассматривают как обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии (катастрофы), которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или ущерб окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.[2]

Аварию определяют как повреждение и (или) разрушение сооружений, технических устройств, неконтролируемый взрыв, пожар, выброс радиоактивных, химических, биологических веществ, утечку, обрушение горных пород, приводящих к загрязнению и заражению населения и окружающей среды, а так же гибели и (или) заболеванию населения.[3]

Под *катастрофой* понимают крупную аварию, приведшую к значительным жертвам и серьезному ущербу окружающей среды.

В зависимости от источника возникновения все чрезвычайные ситуации принято делить на ситуации *природного, техногенного* (аварийные, биолого-социальные и террористические акты) и *природно-техногенного* характера.

В настоящее время одной из угроз безопасности мирового сообщества можно рассматривать аварии и катастрофы в техногенной сфере. Основной особенностью такого рода преступлений является их связь с непрерывным ускорением научно-технического прогресса и применением новейших, зачастую чрезвычайно сложных технических систем, относящихся к источникам повышенной опасности. Так, после трагических событий в Индонезии и Эфиопии с самолетами Boeing 737 MAX 8, содержащими обновленное программное самоуправляемое обеспечение полета, всеми мировыми эксплуатирующими компаниями произведен массовый (более 300 самолетов) отказ от эксплуатации данной системы.

А.И.Чуличков в своей монографии (2014г.) отмечает пять, так называемых, «флагов катастроф»: бимодальность (кардинальная смена старого на новое); пороговость (резкое, скачкообразное изменение в системе в момент достижения критических значений); нарушение симметрии; дивергенция (неустойчивость по начальным данным); гистерезис (память системы о произошедшей катастрофе, даже после исчезновения причины).

Пристальное внимание к расследованию неосторожных преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, обусловлено следующими обстоятельствами. По данным Экономического и Социального Совета ООН более 140 тысяч человек в мире ежегодно гибнет от техногенных чрезвычайных ситуаций.[4]

Общий негативный эффект от неосторожных преступлений в данной сфере «...стал сопоставим с ущербом, причиняемым в совокупности многими видами умышленной преступной деятельности».[5]

При этом техногенных ЧС по сравнению с природными в мире происходит в несколько раз больше, что обусловлено деятельностью человека, направленной на разработку и создание объектов социальной инфраструктуры и биологической среды, их эксплуатацией и хранением. В качестве техногенных ЧС можно рассматривать аварийные взрывы, пожары, ДТП, радиационные и химические аварии и катастрофы, влияние на организм человека различного рода инфекций, ядовитых и токсичных веществ, террористические акты и др.

Мы полагаем, что вполне уместно чрезвычайную ситуацию (аварию или катастрофу) в нашем случае рассматривать как

криминальную.

Следует отметить, что в Российской Федерации проводится определенный анализ аварийности и производственного травматизма в рамках деятельности ГУ МЧС (в состав входит государственная противопожарная служба), Ростехнадзора, ГУ по обеспечению безопасности дорожного движения МВД РФ.

Так, например, с 2014 года прорабатывается концепция федеральных норм и правил по безопасности в металлургической отрасли. На 2015 год был запланирован сбор материала и ознакомление с опытом других стран. Ростехнадзором осуществляются комплексные проверки поднадзорных отраслевых предприятий с целью выявления состояния промышленной безопасности, осуществляются специальные разрешительные и контрольные мероприятия.[6] На ряде предприятий проводятся работы по модернизации оборудования с внедрением новых технологий, приборов и устройств безопасности, происходит замена морально и физически устаревшего оборудования, своевременно проводятся диагностирование и капитальный ремонт оборудования.

В структуру Ростехнадзора входят 16 управлений, из них – 9 управлений обеспечивают государственный надзор и безопасность промышленных объектов.[7] В Центральном федеральном округе расположены 4 управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору: 2 – в Москве, 1 – в Воронеже, 1 – в Туле (Приокское управление Федеральной службы, в состав которого входят Орловская, Тульская, Калужская, Рязанская и Брянская области).

Однако практика показывает недостаточность системных риск-ориентированных подходов[8] в деятельности Ростехнадзора в области снижения аварийности и производственного травматизма. Как можно видеть из табл.1 в России, не смотря на все принимаемые меры, не наблюдается тенденции к снижению неосторожных преступлений, возникающих в результате допущенных человеком ошибок при проектировании, производстве, хранении и эксплуатации сложных систем. Тем не менее, обеспечение безопасности общества предполагает, в первую очередь, снижение рисков и угроз путем использования системных подходов и методов, в частности, моделирования теории катастроф и подходов прогностического и предупредительного характера.

В этой связи в п. 4 Концепции общественной безопасности РФ

декларируется, что «Обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации. Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [9].

Научно-технический прогресс приводит к постоянному увеличению количества, мощности, разновидностей источников повышенной опасности, в том числе, самоуправляемых. Отдельных ошибок вполне можно избежать либо максимально сократить, но жизнь показывает, что число техногенных аварий и катастроф не снижается.

Происходит это оттого, что причины аварий и катастроф далеко не всегда тщательно расследуются, а роль профилактики этих преступлений практически сведена к нулю. Пожалуй, впервые в российской практике после аварии 10 марта 2019 года в Эфиопии самолета Boeing 737 MAX 8, содержащего обновленное программное самоуправляемое обеспечение полета, в которой погибли 157 человек, многие государства, в том числе и Россия, отказались от эксплуатации данных воздушных судов. Между тем, катастрофа с такой же моделью самолета при аналогичных обстоятельствах произошла в Индонезии в октябре 2018 года, в которой погибли 189 человек, по результатам расследования которой не было сделано соответствующих выводов, и данные системы самолетов продолжали эксплуатироваться, в частности, авиакомпанией S7.

Для России существенное значение имеют скоординированные усилия в области контроля социальной безопасности, на что неоднократно указывал Президент РФ. В Стратегии национальной безопасности РФ отмечено, что одной из главных задач обеспечения национальной безопасности является «...защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.».[10]

За последние 15 лет в РФ заметно активизировалась работа по созданию законодательной базы по обеспечению промышленной безопасности [11]. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» является аналогом Директивы «Севезо». Существенным вкладом явились: Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и

техногенного характера»; Указы Президента РФ «Об Основах государственной политики РФ в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности РФ на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; «Об Основах государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [12].

Следует отметить парадоксальное явление, при котором после принятия законодательных изменений в области промышленной безопасности по классификации опасных производственных объектов и принятии риск-ориентирующих подходов госнадзора за эксплуатируемым предприятиями оборудованием, резко снизился контроль государственных структур за соблюдением норм безопасности на производственных объектах IV класса опасности. Так же при вводе технических средств в эксплуатацию отменено получение разрешения на их применение, [13] что повлекло рост инцидентов.

В связи с рассматриваемой проблемой возникает вопрос соотношения понятий безопасности, общественной безопасности, экономической безопасности, социальной безопасности, промышленной безопасности как основных составляющих национальной безопасности российского государства. В Законе «О безопасности» [14] 2010г. отсутствует понятие безопасности, однако в Законе «О безопасности» 1992г. подобное понятие имелось, что представляется нам вполне уместным. Под безопасностью в данном документе понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности были отнесены личность, общество и государство.

Список литературы

1. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. Автореф. ...доктора юрид. наук. – Калининград, 2018. – С.4.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред.23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». – С.3; Методические рекомендации по классификации аварий и инцидентов на опасных производственных

объектах // Безопасность труда в промышленности. – 2011. № 1. – С. 53.

3. См., напр., Толковый словарь Ожегова, официальный сайт МЧС РФ и др.

4. Доклад ЭКОСОС

5. Коробеев А.И. Транспортные преступления. – СПб., 2003. – С. 287.

6. Территориальными органами Ростехнадзора на поднадзорных предприятиях ежегодно выявляются более 10000 нарушений требований норм и правил промышленной безопасности, из-за грубых нарушений правил эксплуатации более, чем на 150 объектах приостанавливается работа, что влечет значительные материальные убытки. Более 1500 работников ежегодно привлекают к административной ответственности.

7. В структуре Ростехнадзора имеются следующие управления : 5-е управление по регулированию безопасности атомных станций и исследовательских ядерных установок; 6-е управление по регулированию безопасности объектов ядерного топливного цикла, ядерных энергетических установок судов и радиационно опасных объектов; 7-е управление горного надзора; 8-е управление общепромышленного надзора; 9 управление государственного строительного надзора; 10-е управление государственного энергетического надзора; 13-е управление по надзору в угольной промышленности; 14-е управление по надзору за объектами нефтегазового комплекса; 15-е управление специальной безопасности.

8. Риск-ориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю (надзору) определяется отнесением эксплуатирующих субъектом производственных объектов к определенной категории риска.

9. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. (Утв. Президентом РФ 14.11.13г. № Пр.- 2685). Офиц. сайт Президента РФ. 20 ноября 2013г.

10. п.46. Указ Президента РФ от 02.07.2021г. №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 05.07.2021. №27 (ч.II). Ст.5351.

11. Законы РФ «Об охране окружающей природной среды» (1992 г.), «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций

природного и техногенного характера» (1994 г.), «Об экологической экспертизе» (1996 г.), «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.97 № 116-ФЗ. Согласно последнему закону каждое опасное предприятие РФ обязано разрабатывать декларацию.

12. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Указ Президента РФ от 06.05.2018 № 198 «Об Основах государственной политики РФ в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; Указ Президента РФ от 13.10.2018 № 585 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности РФ на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу».

13. Гаязов Р.Р., Знаемский Ю.А., Кадышев В.С., Маринин И.А. Анализ аварийности и травматизма на опасных производственных объектах (ОПО)//Анализ безопасности опасных производственных объектов и вопросы эффективности экспертизы промышленной безопасности. Горный информационно-аналитический бюллетень. №2. Специальный выпуск 4. – М., 2016. – С.3.

14. Федеральный Закон «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010г.

MAN-MADE ACCIDENTS – CHALLENGES OF MODERNITY

Abstract: With the development of science and technology, the improvement and spread of various production capacities, in the meantime, more and more man-made accidents occur in the world, entailing extremely negative consequences associated with loss of life, economic and environmental damage. In such circumstances, the effective investigation of careless crimes associated with sources of increased danger becomes an extremely important element in maintaining the well-being of society.

Key words: man-made accidents, emergencies, careless crimes, sources of increased danger.

Чан Куэт - Слушатель факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). tranquyetchv@gmail.com

Chan Kuet - Student of the faculty of training foreign specialists of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКИХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКА НАЦИИ ТАЙ

***Аннотация.** Язык является показателем культуры страны и играет важную роль в повседневной жизни людей. Развитие языка идет параллельно с каждым этапом истории, отражая изменения в мышлении, а также в духовной жизни народа в данное время. Не выходя за рамки этой естественной закономерности, вьетнамский язык в целом и языки вьетнамских этнических меньшинств в частности (в том числе и языка нации Тай) постоянно совершенствуются, чтобы отвечать потребностям людей в общении. Язык передается разными способами, среди которых письмо является важным приемом записи, хранения и передачи информации, которой обмениваются в процессе общения.*

Практика показывает возрастающую тенденцию совершения преступлений, связанных с подделкой почерка и подписи, и, соответственно, увеличивается необходимость назначения судебно-почерковой экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений во Вьетнаме.

В статье рассматривается эволюция письменности национального Вьетнамского языка и языка нации Тай по каждому периоду истории, что позволяет изучать происхождение данных языков и их письменности в ходе обучения предмета почерковедения и судебно-почерковой экспертизы в отношении данных письменностей.

Ключевые слова: история возникновения, Вьетнамский язык, язык Тай, Тыыхан, Тыыном, Тыыкукнгы, Тыытай.

Вьетнам – страна с богатыми историческими традициями. Прежде чем прославиться своей непоколебимой волей и выдающимися победами над крупными соперниками, такими как США и Францией, Вьетнамский народ пережил множество великих исторических событий, оказавших

значительное влияние на обычаи народа в целом и другие аспекты жизни в частности, включая изменения в вьетнамском языке и письменности. На протяжении своей 4000-летней истории, Вьетнамский язык и его письменность претерпели множество изменений в каждый период. Самыми заметными среди них являются три периода изменения: Тыы Хан (китайская иероглифика), Тыы Ном (вьетнамская иероглифика) и Тыы Куокнгы, или куокнгы (вьетнамская национальная письменность).

Появление китайских иероглифов во Вьетнаме связано с 4000-летним господством Севера, т.е. 4000-летним господством Северного правительства (Китайского) во Вьетнаме. Вьетнам в период китайского господства (111 г. до н. э. — 968 г. н. э.) имел тесное отношение к Китаю и целиком зависел от него как в политическом, так и в культурном аспектах. Представители китайской администрации способствовали миграции ханьцев (китайцев) жить с вьетнамцами, заставляли вьетнамцев следовать обычаям и привычкам жизни, как ханьцы. Цель - ассимилирование вьетнамцев в ханьцев, что облегчает захват территории Вьетнама; китайская администрация заставляла коренных жителей Вьетнама учить китайский язык и китайские иероглифы. Китайский язык и китайская цивилизация стали предметами преподавания во всех образовательных учреждениях. В то время китайский язык употребляли в качестве официального языка во всех административных процедурах, а также в поэзии, трудах буддийских монахов и конфуцианских просветителей. Стоит отметить, что китайский язык и письменность продолжали использовать вьетнамские писатели даже тогда, когда Вьетнам уже был освобожден от господства Китая.

Интересен факт, что одним из известных шедевров, который, хотя рассматривается как первой декларацией независимости Вьетнама, написан на китайском языке, или с помощью Тыыхан, это «Нам куок сон ха» (Вьетнам – моя страна).

Независимо от того, насколько сильна жизненная сила китайского языка, «чужой» язык не может удовлетворить желания и требования вьетнамского народа. Тем не менее, желание иметь и использовать во всех сферах общественной жизни свой родной язык, привело к тому, что вьетнамцы взяли на себя инициативу по созданию промежуточной письменности, производной от китайской, отодвинув на задний план все прежние формы письма местного населения. Именно поэтому Тыыном

возник, чтобы компенсировать те функции, что китайскими иероглифами еще не выполнялись.

Тыином - это тип письма, построенный на основе линий, элементов и структурных приемов китайских иероглифов для записи вьетнамских слов.

Процесс возникновения и формирования Тыином принято разделить на два этапа:

Первый этап может быть назван «Ассимиляция китайских иероглифов», т.е. использование китайских иероглифов для транслитерации вьетнамских слов, обычно людей, названий вещей, названий земель, растений, птиц, предметов и т. д. Эти слова появились в первом веке нашей эры (особенно в 6 веке).

На втором этапе, помимо продолжения использования китайских иероглифов для расшифровки вьетнамских слов, появились самостоятельно созданные иероглифы Тыином по определенным принципам. Этот тип письма позже развивался в таком направлении, в каком иероглифы записываются в соответствии с тем, как они произносятся, для более тесной и точной записи на вьетнамском языке. От династии Ли в 11 веке до династии Чан в 14 веке система письменности Тыином была действительно полной. Согласно книгам по истории до сих пор, существует ряд произведений, написанных шрифтом Ном, таких как книга Дзен Тонг Бан Хань во времена династии Чан. К 18 и 19 векам иероглифы Ном развились до высокого уровня, превзойдя статус китайских иероглифов. В таких произведениях, как сборнике стихов Хоа во времена правления Куанг Чунга (1789 г.), экзамены были написаны с помощью письма Тыином. Примером может служить «Сказка о Киеу» Нгуен Зу, также написанная шрифтом Ном.

Вьетнамский язык стал обязательным и использовался во всех сферах общественной жизни в период правления династии Тэйшон в конце XVIII века, когда страной управляет император Куанг Чунг. Впервые административные документы составляются с помощью формы письма, которая позднее станет средством записи Вьетнамского языка. Тыихан, используемая вьетнамскими просветителями, не имеет отличие от китайского языка у коренных китайцев. Различие между ними заключается только в произношении вьетнамцами во время чтения или при транскрибировании, что приводит к произношению «среднекитайского языка» XV в., испытавшего влияние вьетнамской

фонетики, откуда возник термин «китайско-вьетнамский язык». Кроме этого, в Тыыном введены некоторые изменения по сравнению с тыыхан. Например, Вьетнамское слово «Са» со значением «большой» передавалось в тыыном китайской идеограммой не того же значения, а идеограммой, имевшей смысл и произношение, близкое к вьетнамскому языку. Эта идеограмма включала модификацию для обозначения того, что ее не следовало читать с китайским значением.

После Тыыном идет рождение Тыыкуокнгы, или Куокнгы, который сейчас стал официальным письмом национального Вьетнамского языка. Тыыкуокнгы представляет собой набор символов, построенных на основе алфавитов группы романских языков с основой из латинских символов.

Создание письменности на вьетнамском национальном языке — это коллективный труд многих европейских священников-иезуитов. В этой работе активное и действенное сотрудничество и многих вьетнамцев, прежде всего вьетнамских учителей (помогающих европейским священникам). Александр Де Родс внес большой вклад в исправление и завершение Тыыкуокнгы. В частности, он использовал этот набор символов для издания первого вьетнамско-португальско-латинского словаря (включая раздел о вьетнамской грамматике) и книги «Восьмидневное обучение». С лингвистической точки зрения краткое изложение анамейских (Аннам – старое наименование Вьетнама) или иностранных языков (в словаре) можно считать первой исследовательской работой по грамматике; а книгу «Восьмидневная лекция» можно считать первым прозаическим произведением, написанным шрифтом Куокнгы с использованием повседневного разговорного языка вьетнамцев 17 века.

Хотя письмо Александра Де Родса куокнгы в 1651 году во вьетнамско-польском словаре было довольно полным, его пришлось ждать, пока вьетнамско-польский словарь не будет опубликован в 1772 году, то есть 121 год спустя, с реформами. Обратите внимание, новый скрипт Тыыкуокнгы будет выглядеть так же, как и текущая система.

Событием, ознаменовавшим положение письменности Куокнгы, стало завершение вторжения французов в Кочинчину в конце 19 века. 22 февраля 1869 года вице-адмирал Мари Гюстав Эктор Охье подписал указ, предписывающий использование письменности Куокнгы вместо Тыыном в официальных сообщениях в южном районе. Указ 82, подписанный губернатором Лафонтон 6 апреля 1878 г., также устанавливает дату, когда

через четыре года (т. е. 1882 г.) Тыркуокнгы должен быть использован во всех документах. Продвижение изучения Тыркуокнгы во Вьетнаме связано с реформаторскими движениями в период 1890–1910 годов, такими как Ассоциация Три, движение Дуи Тан, Донг Кинь Нгиа Тхук и недавно сформированная журналистская индустрия поддержали обучение куокнгы, что считается удобным средством обучения для повышения интеллектуального уровня людей.

В отличие от латинских букв к гласным добавляются диакритические знаки Вьетнамского письменности вверху и внизу буквы. Данное добавление обусловлено необходимостью правильно обозначить каждый из шести тонов. То есть значение одного и того же слова изменятся в соответствии с интонацией (тоном).

В настоящее время вьетнамский язык имеет 6 тонов: горизонтальный, глубокий, резкий, вопросительный, низкий, тяжелый, и его относительно трудно произносить людям, чей родной язык не вьетнамский. Сегодня из-за использования латинских символов (a, b, c...) письма куокнгы языковое общение в Интернете становится проще, чем с помощью иероглифов, таких как тыном, тыхан и т. д.

Тайское этническое меньшинство во Вьетнаме является одной из тайских этнических групп. Они произошли из южного Китая и мигрировали на юг (или в Юго-Восточную Азию). На основании генетических данных, по мнению Джерольда А. Эдмондсона, предки тайкадай-говорящих жителей мигрировали из Индии в Мьянму, а затем в Юньнань (Китай) около 20 000 — 30 000 лет назад. Оттуда они достигли северо-восточного Таиланда, а затем мигрировали вдоль побережья Южно-Китайского моря на север к устью реки Янцзы, недалеко от Шанхая около 8-10 тысяч лет назад. В период царств Наньчао и Дали существовали с 8 по 13 века, а также впоследствии, они с тех пор завоевали Таиланд и Лаос.

По словам Дэвида Вятта в его книге «Таиланд: краткая история», тайцы произошли из южного Китая, имея то же происхождение, что и сегодняшние группы меньшинств, такие как чжуан, тай и тайнунг. Под давлением ханьцев и вьетнамцев с севера и востока тайцы постепенно мигрировали на юг и юго-запад. Тайцы мигрировали во Вьетнам в период с 7 по 13 века. Их центром в то время был Дьенбьенфу (Мьонг Тхань). Отсюда они распространились во все части Юго-Восточной Азии одновременно с Лаосом, Таиландом, штатом Шан в Бирме и частями

северо-восточной Индии, а также южной Юньнани. Поэтому все предки тайцев жили в Юньнани, а затем мигрировали в Юго-Восточную Азию и Индию.

Во Вьетнаме, согласно переписи 2009 г., тайцы имеют население 1.550.423 человек. Это 3-я по величине этническая группа во Вьетнаме, проживающих в основном в провинциях Лай Чау, Дьен Бьен, Лаокай, Йен Бай, СонЛа, Хоабинь, Тхань Хоа, Нгеан (количество тайцев в этих 8 провинциях составляет 97,6% от общего числа тайцев во Вьетнаме) и некоторые в провинциях Лам Донг и Дак Лак. Из них 482 485 человек в Сон Ла (54,8% населения), 269 491 человек в Нгеане (9,4 процента населения), 210 908 человек в Тхань Хоа (6,1 процента населения), старом Лай Чау (сейчас) Лай Чау и Дьен Бьен) насчитывает 206 001 человек (35,1% населения).

Принято разделить Тайское этническое меньшинство на 10 подгрупп: Черный Тай, Белый Тай, Красный Тай, Тайцы Муонг Ва, Евреи, Тайцы Тхань, Тайцы Лу, Народ Северного Тай, Люди Сапа Тай - люди Па Ди, Зарубежные тайцы. Несмотря на то, что письменность каждой подгруппы носит свой характер и имеет некоторые отличия в зависимости от собственной характеристики культуры, жители Тайского этнического меньшинства используют единую систему письма, которая унифицирована и улучшена Тайской интеллектуальной группы Северо-Западного департамента образования с 1954 – 1963гг.

Являясь языком иммигрантов из других стран во Вьетнам, Тыытай, или письма Тайского этнического меньшинства, отнесен к языковой семье крадай (а не латиницы, как Тыыкуокнгы), но одновременно имеет интерференционные характеристики с письменностью Вьетнамского языка. Древняя тайская письменность имеет форму санскрита, который был заимствован из Индии и преобразован в собственную письменность.

Тайская письменность во Вьетнаме является древним типом письменности и до сих пор остается почти нетронутой от предков тайского народа. Тайцы во Вьетнаме живут рассеянно во многих населенных пунктах, поэтому внутри каждого населенного пункта также используется письменность, которая не была унифицирована и не совершенствовалась.

Как сказано было выше, с 1954 по 1963 год тайская интеллектуальная группа Северо-Западного департамента образования объединила систему тайской письменности и соответствующим образом улучшила тайскую

письменность. То есть: добавление двух знаков тона, чтобы четко различать тона тайского языка, поставить гласную на один уровень с согласную, и при этом соединить некоторые группы букв в одно целое.

В начале 1955 года эта унифицированная тайская письменность была одобрена на конференции в деревне Ко, коммуна Чиенг Ан, округ Муонг Ла, провинция Сон Ла (сейчас Бан Ко, район Чиенг Ан, город Сон Ла, провинция Сон Ла). Из древнего тайского письма (с 19 парами согласных букв и 19 гласными, некоторыми иероглифами и сокращениями) в едином тайском письме заменены и добавлены два слова региона МокЧау. Так, в едином тайском письме 22 пары согласных букв и 19 букв гласных. Иероглифы и аббревиатуры остались такими же, как и в старом черном тайском письме.

В 1995 году группа ученых Хоанг Чонг Дин, Кам Нгок Ван и группа Луонг Хай Нхи проконсультировались с лаосскими и тайскими письменными блокнотами и составили тайский шрифт в Сон Ла, поместив шрифт в компьютерную систему.

В 2003 году тайская письменность была пересмотрена на основе тайской письменности Департамента образования и обучения провинции Сон Ла, собрана в книгу и преподавалась в некоторых местах провинции для официальных лиц, государственных органов власти Таиланда, вооруженных сил и тайских человек в провинции с 2004 года. В 2005 году провинция Сон Ла поместила вышеупомянутый тайский шрифт в компьютер и встроила в него тайскую клавиатуру для набора текста. Затем исследовательская группа включила тайский шрифт в UNICODE.

В Решении № 03/2006/QD-BGDĐT от 24 января 2006 г. министр образования и профессиональной подготовки издал рамочную программу обучения языкам национальных меньшинств (с письменной речью) государственных служащих и государственных служащих области. В настоящее время более 3000 человек получили сертификаты о знании тайского языка.

Таким образом, Вьетнамский язык и его письменность по каждому периоду истории постоянно изменяется и совершенствуется, отвечая потребностям времени. Вьетнамская письменность сначала представляет собой китайскую иероглифику (под господством Китая), потом переходит в Тыном (Вьетнамско-китайская письменность) с исправлениями, проявляющими индивидуальностью народа Вьетнама, и наконец в

Тыркуокнгы с символами от латиницы (под господством Франции). Не только национальный язык и письменность, которую использует 90% населения Вьетнама, развивается, такую тенденцию также можно видеть в языке и письменности Тай, одно из 53 этнических меньшинств во Вьетнаме. Тайская письменность, которая произошла из письменности Индии, вошла во Вьетнам с некоторыми изменениями и не имеет единую систему. После многих попыток совершенствоваться Тайская письменность на сегодняшний день имеет много достижений, в том числе единство в написании и успешность введение тайских шрифтов в UNICODE.

Список литературы:

1. История и причины возникновения вьетнамской иероглифики. Вестник Санкт-петербургского университета. Язык литература. 2009 г.;
2. «Таиланд: краткая история» - Дэвид Вуатт;
3. Перепись населения и жилищного фонда Вьетнама 2009 года;
4. Список национальных текстильных культурных наследий. Отдел наследия Вьетнама;
5. Древняя вьетнамская письменность (иероглифы) тыном // Вьетнам. ил. журн. 2005. № 5;
6. Алфавит вьетнамского языка / Нгуен Тай Кан, Н. В. Станкевич. Л., 1975;
7. Учебник по исследованию документов – Ханой, 2007;
8. Учебник по криминалистике, Академика народной полиции, 2003;
9. Проект программы общего образования по тайскому языку – Министерство образования и профессиональной подготовки, Ханой, 2020г.

THE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE WRITTEN LANGUAGES OF THE VIETNAMESE LANGUAGES AND THE LANGUAGE OF THE NATION TAI

***Abstract:** Language is an indicator of the country's culture and plays an important role in the daily life of people. The development of the language goes in parallel with each stage of history, reflecting changes in thinking, as well as in the spiritual life of the people at a given time. Without going beyond this natural pattern, the Vietnamese language in general and the languages of the Vietnamese ethnic minorities in particular (including the language of the Thai*

nation) are constantly being improved to meet the needs of people in communication. Language is transmitted in many ways, among which writing is an important technique for recording, storing and transmitting information that is exchanged in the process of communication.

Practice shows an increasing trend in the commission of crimes related to the forgery of handwriting and signature, and, accordingly, the need to appoint a forensic handwriting examination in the detection and investigation of crimes in Vietnam increases.

The article discusses the evolution of the writing of the national Vietnamese language and the language of the Tai nation for each period of history, which makes it possible to study the origin of these languages and their writing in the course of teaching the subject of handwriting and forensic handwriting examination in relation to these writings.

Key words: *origin history, Vietnamese language, Tai language, Tyyhan, Tyynom, Tyukukngy, Tyytai.*

Научное издание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Международная научно-практическая конференция

9 – 10 июня 2022 года

Авторское редактирование

Изд. лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97. Подписано в печать 19.08.2022.

Формат бумаги 70х100¹⁸/ . Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 75,3.

Тираж 200 экз. Заказ 098

Тульский государственный университет
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Отпечатано в Издательстве ТулГУ
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95